

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (76)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2022
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2022
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

2 (76)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2022

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 5–30
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 5–30
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-5–30

БРОНЗОВЫЕ РИМСКИЕ ОЙНОХОИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

М.Ю. Трейстер

Бонн, Германия

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

ORCID: 0000-0001-7451-3325

Аннотация. В Северном Причерноморье встречаются бронзовые ойнохои первых веков н.э. четырех типов: Tassinari D1110, Рондсен (Eggers 124 / Nuber D или Хагенау / Tassinari D2111a–c–2112), Tassinari D2120 и Стангеруп (Eggers 125 / Nuber E или Миллинген / Tassinari D2300), которые отличаются формой, пропорцией и размерами тулова, формой и декором ручек, – всего 14 сосудов. Отдельные атрибуты ойнохой, опубликованные до сих пор, были аргументированно пересмотрены в рамках этой работы. Помимо распределения ойнохой по типам рассматриваются особенности оформления ручек и атташей и приводятся параллели им среди находок на территории Римской империи и европейского Барбарикума.

Ойнохои происходят из погребений, датирующихся от первой половины I до середины III в. н.э. В комплексах Приднепровья и Азиатской Сарматии находки ойнохой чрезвычайно редки. Чаще они встречаются на Боспоре, в могильниках местного населения Юго-Западного Крыма и особенно в меотских могильниках Прикубанья.

Для территории Римской империи, центрально-европейского Барбарикума и Фракии отчетливо фиксируется сочетание в одних комплексах патер и ойнохой, явно образующих наборы (типа Хагенау, Миллинген и др.). В Северном Причерноморье сочетание патер и ойнохой в комплексах отмечается лишь в пяти случаях – для могильников Юго-Западного Крыма (два комплекса Усть-Альминского могильника), Боспора (некрополь Пантикапея, могильник Цемдолина под Новороссийском) и одного из меотских погребений Прикубанья. В Сарматии же сочетание ойнохой и патер в комплексах не прослеживается. Количеством преобладают ойнохои типа Миллинген (Eggers 125 / Tassinari D2300), представляющие половину находок (7 экз.), реже (4 экз. и отдельная ручка) встречаются ойнохои

Данные об авторе: Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, Бонн, Германия.

типа Хагенау (Eggers 124 / Nuber D или Хагенау / Tassinari D2111a–c–2112). Очень редки ойнохой типов Tassinari D1110 (2 экз.) и D2120 (1 экз.).

Ключевые слова: римская бронзовая посуда, ойнохой, римские импорты, Римская империя, Северное Причерноморье, Юго-Западный Крым, Боспорское царство, меотские погребения Прикубанья, Сарматия.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Редкие ойнохой типа Любсов (Eggers 123 / Tassinari D1121–1122) появились, вероятно, еще в позднеереспубликанское или раннеавгустовское время¹, хотя ранее датировались преимущественно I в. н.э.² Находки ойнохой такой формы известны и в Помпеях³.

В Помпеях также были найдены ойнохой, не вошедшие в классификацию Х.-Ю. Эггера, – этот редкий тип ойнохой, форма тулова которых с плавными очертаниями напоминает ойнохой IV в. до н.э.⁴ (верхняя часть ручки завершается либо неорнаментированным коническим выступом или скульптурной женской головкой, а нижний атташ оформлен маской Силена), был выделен С. Тассинари в тип D1110⁵. Интересно, что близкое оформление ручек встречается и на ойнохомах следующего типа⁶.

Ойнохой типа Рондсен (Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–c–2112), которые чаще после работы Х.-У. Нубера обозначают как тип Хагенау, изготавливались начиная с августовского времени, по крайней мере, до середины – третьей четверти I в. н.э.⁷

Ойнохой типа Стангеруп (Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300), которые чаще после работы Х.-У. Нубера обозначают как тип Миллинген, хотя и появились еще во второй четверти I в. н.э., были распространены в провинциях Римской империи и в европейском Барбарикуме и во второй половине I, и во II, и встречались даже в комплексах III в. н.э.⁸

¹ Schuster 2010, 48–49, Taf. 6; 49 (Любсов, Зандберг 1).

² Radnóti 1938, 155, Taf. XXII, 76; Wielowiejski 1985, 223–224.

³ Tassinari 1993, vol. 2, 64, D1120–1122.

⁴ Ойнохой середины IV в. до н.э. из Эрикличе в районе Киркларели в турецкой Фракии: Onurkan 1988, 63–65, no. 60, fig. 25, pl. 37, a–b, d; Pfrommer 1993, 347–348, Abb. 39, 1–3; Touloumtzidou 2011, 493, 500–501, πιν. 56, θ–ι.

⁵ Tassinari 1993, vol. 2, 63, D1110; 2015, 236.

⁶ Tassinari 1993, vol. 2, 65, D2111c, no. 10285; 2015, 235, fig. 1, no. 10285.

⁷ Nuber 1972, 43–44, Abb. 3; 191, Liste D.II.a–g; Taf. III, 2; Tassinari 1975, 63, no. 161, pl. XXXI; Baratte et al. 1984, 81–82, no. 116, pls. XXXIX; LXVIII; Kunow 1983, 24, 61; Wielowiejski 1985, 224–225; Tassinari 1993, vol. 2, 65, D2111a–c–2112; 2015, 236–237; Karasová 1998, 27–29, Karte XI; Taf. V, 124.

⁸ Radnóti 1938, 145–148, Taf. XIII, 72; Eggers 1951, 171, Beilage 53, Taf. 11, 125; Nuber 1972, 48–54, Abb. 7; 196–199, Liste E.Xi.a–h; Taf. IV, 1; VII; Raev 1977a, 611–613, Form 11; Kunow 1983, 24, 61; Tomasevic-Buch 1984, 147, 183–184, Abb. 7, 2; Taf. 31, 4; Baratte et al. 1984, 81, no. 115, pl. XXXIX; Wielowiejski 1985, 226–227; Petrzovsky 1993, 112–113, тип XIII, 1; Taf. 4; Tassinari 1993, vol. 2, 66–69, D2200, D2300; 2015, 237–238; Wielowiejski 1994, 445–446, Abb. 2; Koster 1997, 80–81, no. 107; Karasová 1998, 27–29, Karte XI; Taf. V, 125; Sedlmayer 1999, 35–36; Bienert 2007, 21–23 (Form 4–5), 38–39, Nr. 15–16; Jilek 2009, 71–74; Jovanovic 2010, 198, 199, fig. 4, no. 29; 216, pl. 2; 217, no. 29; Schuster 2010, 49–50, Taf. 21, 1 (Любсов, Туннехульт 1); Elschek 2013, 105; Пеева, Чолаков 2016,

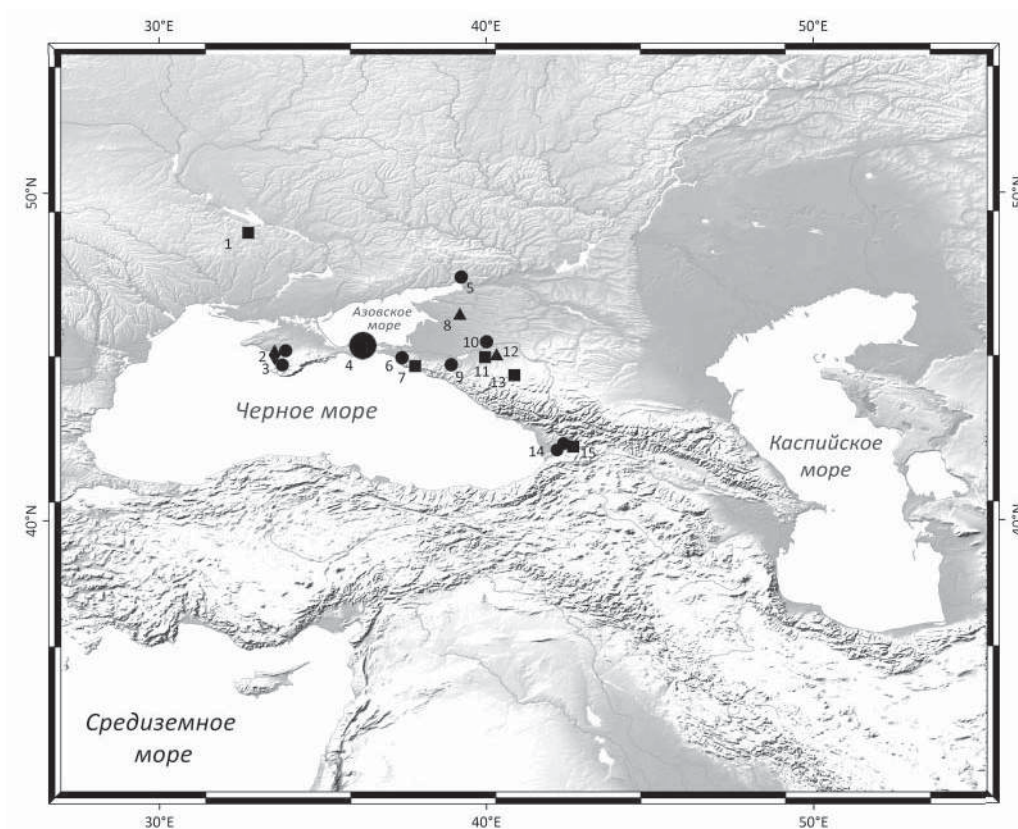

Рис. 1. Распространение бронзовых ойнохой первых веков н.э. в Северном и Восточном Причерноморье и Сарматии. 1 – Цветна; 2 – Усть-Альма; 3 – Херсонес; 4 – Пантикапей; 5 – Валовый-І; 6 – Горгиппия; 7 – Цемдолина; 8 – Ленинградская; 9 – Шенджий; 10 – Тифлисская; 11 – Чернышев-І; 12 – Хатажукаевский; 13 – Владимирское городище № 2; 14 – Кледеи; 15 – Бори. Карта – М.Ю. Трейстер, 2019; подоснова – Г.П. Гарбузов. Треугольник – тип Tassinari D1110; квадрат – тип Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–c–2112; ромб – тип Tassinari D2120; круг – тип Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300.

Fig. 1. Distribution of bronze oinochoes of the first centuries AD in North and East Pontic area and Sarmatia. 1 – Tsvetna; 2 – Ust'-Al'ma; 3 – Chersonesos; 4 – Pantikapaion; 5 – Valovyy-I; 6 – Gorgippia; 7 – Tsemdolina; 8 – Leningradskaya; 9 – Shendzhiy; 10 – Tiflisskaya; 11 – Chernyshev-I; 12 – Khatazhukaevskiy; 13 – Vladimiroe fortified settlement no. 2; 14 – Kleedti; 15 – Bori. Map; Mikhail Treister, 2019. Map basement – Gennady Garbusov. Triangle – type Tassinari D1110; quadrat – type Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–c–2112; rhombus – type Tassinari D2120; circle – тип Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300.

Не вошел в классификацию Х.Ю. Эггера тип ойнохой, сочетающий тулово, близкое по форме ойнохам типа Eggers 124 / Tassinari D2111–12, несколько более приземистое, с ручкой, характерной для ойнохой типа Милинген / Tassinari D2300.

100–101, № 364–365, табл. 43; Kasprzak 2016, 324, Abb. 4; 325–329, Abb. 5 (карта находок в центральноевропейском Барбарикуме); Mustățã 2017, 103–105, no. 30, pl. XXIII.

С. Тассинари относит такие сосуды к типу D2120 – верхний конец ручки не имеет фигурного украшения и припаян непосредственно к внешней стороне устья⁹.

Для территории Римской империи, центрально-европейского Барбарикума и Фракии отчетливо фиксируется сочетание в одних комплексах патер и ойнохой, явно образующих наборы (типа Хагенау, Миллинген и др.)¹⁰. Различные сочетания патер и ойнохой характерны для Фракии¹¹. Так, в погребении в кургане у д. Караново в районе Новой Загоры, которое надежно датируется серединой I в. н.э., в том числе монетами Тиберия, среди богатого инвентаря, были найдены бронзовые патера¹² и ойнохоя¹³ типа Миллинген. Аналогичный набор – в кургане № 6 у с. Чаталка¹⁴. В других случаях ойнохой типа Миллинген (Eggers 125) сочетались с патерами типа Кентербери, как это имело место в погребении кургана у с. Слокоштица в районе Кюстендила¹⁵, в погребении № 2 кургана В в Умурче (Люлебургаз)¹⁶ (вместе с семью серебряными денариями чеканки от Веспасиана до Адриана, самый поздний – 123–128 гг. н.э.)¹⁷. В Балчике среди богатого инвентаря¹⁸ найдены две патеры типа Кентербери¹⁹ и ойнохой типов Миллинген²⁰ и Кентербери²¹.

2. НАХОДКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И САРМАТИИ²²

2.1. Обзор находок

В Северном Причерноморье (рис. 1) встречаются бронзовые ойнохой двух из четырех типов, выделенных Х.-Ю. Эггерсом (123–126)²³, а именно типов Ронд-

⁹ Tassinari 1993, vol. 2, 65, D2120, nos. 11466, 7264, 3327.

¹⁰ Nuber 1972, 38–73; Шелов 1983, 65; Koster 1997, 74, 79–81, nos. 106–107; Kasprzak 2016, 324, Abb. 4; 325–329, Abb. 5.

¹¹ См. в целом: Пеева, Чолаков 2016, 100–101.

¹² Ignatov, Gospodinov 2013, 34, Abb. 17, 2.

¹³ Ignatov, Gospodinov 2013, 34, Abb. 17, 3.

¹⁴ Ойнохоя: Буюклиев 1986, 85, № 291, табл. 23.– Патера: Буюклиев 1986, 85, № 290, табл. 23.

¹⁵ Ойнохоя: Meshekov, Stajkova 1998, 56, fig. 8; 57, 60, fig. 18; 65, no. 9. – Патера: Meshekov, Stajkova 1998, 56, fig. 9; 57, 59, fig. 17; 64, no. 8.

¹⁶ Ойнохоя: Mansel 1941, Sp. 143, Nr. 10; Nuber 1972, 193, Liste E. XI.b. 37; Onurkan 1988, 58–59, no. 56, fig. 22, pl. 35, a–c. – Патера: Mansel 1941, Sp. 143, Nr. 9; Nuber 1972, 201, Liste G. I.b. 4; Onurkan 1988, 50–52, no. 47, fig. 14, pl. 30, a–d.

¹⁷ Mansel 1941, 135–136, Nr. 6a–g; Nuber 1972, 65.

¹⁸ Škorpil 1912, 102–134; Nuber 1972, 219, Grabliste 171; Raev 1977, 635, Nr. 4.

¹⁹ Škorpil 1912, 118–120, Nr. 20–21, Figs. 96–99; Nuber 1972, 200–201, G.I.a.9, G.II.b.4.

²⁰ Škorpil 1912, 114–115, Nr. 12, Fig. 87a–b; Nuber 1972, 197–198, E.XI.a.34, b.34.

²¹ Škorpil 1912, 112–114, Nr. 11, Fig. 86; Nuber 1972, 204, G.VI.a.11.

²² Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ, «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорт в сарматских памятниках II в. до н.э. – III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах Азовского музея М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (г. Азов, АИАПМЗ). Моя благодарность автору раскопок Т.А. Габуеву за фотографии ойнохой из погребения № 92 кургана № 5/1985 могильника Чернышев-I и информацию о комплексе, заведующей отделом археологических фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына А.Н. Абрамовой – за фотографии ойнохой из Тульской и дирекции Музея – за решение их публикации.

²³ Eggers 1951, 170–171, Beilage 52–53, Taf. 11, 123–126.

сен (124) и Стангеруп (125), а также двух типов по классификации С. Тассинари: D1110 и D2120, которые отличаются формой, пропорцией и размерами тулова и формами и декором ручек.

Здесь сочетание патер и ойнохой в комплексах отмечается лишь для могильников Юго-Западного Крыма, Боспора и одного из меотских погребений Прикубанья.

Две ойнохои были найдены в погребениях могильника Усть-Альминского городища в Юго-Западном Крыму (в обоих случаях – в наборе с патерами: типа Миллинген – с патерой типа Хагенау – в склепе середины – третьей четверти I в. н.э. № 620/1996 (рис. 4, 1; 5, 3–4)²⁴ и типа D2120 – с патерой типа Кентербери – в склепе № 844/2007 с погребением не ранее середины II в. н.э. (рис. 4, 2)²⁵). В датирующемся не позднее первой половины I в. н.э. погребении № 9/1991 некрополя Цемдолины под Новороссийском были найдены бронзовая патера типа Хагенау / Eggers 154²⁶ и ойнохой Eggers 124 (рис. 2, 3)²⁷. Аналогичное сочетание типов сосудов отмечается и для ограбленного погребения в грунтовом некрополе поселения Владимирское № 2, в котором, помимо ойнохой Eggers 124 (рис. 3, 2; 5, 1–2)²⁸ и фрагментированной патеры с утраченной ручкой²⁹, были найдены фрагментированные бронзовая³⁰ и серебряная чаши³¹ и стеклянные сосуды, в том числе три литых скифоса³².

Примечательна находка ойнохой типа Миллинген³³ вместе с патерой³⁴, Vlechkanne³⁵ и котелком³⁶ в датируемом около середины – второй половины III в. н.э. погребении с золотой индикацией монеты Рескупорида IV в некрополе Пантикапея, склепе № 339/1903 на Глинище³⁷.

²⁴ Loboda et al. 2002, 337, Abb. 21, 9; Кат. Киев 2005, 17 (илл.), 17, № 37; Пуздровский 2007, 168, 426, рис. 152, 1; Труфанов 2009, 130, рис. 3, 5; 133; Puzdrovskij 2013, 310, Nr. VIII.49.

²⁵ Пуздровский 2007, 169, 429, рис. 155, 1; 2009, 334–335, № 11, рис. 6, 1; Труфанов 2009, 132, рис. 4, 1; 133; Пуздровский, Труфанов 2017, 17, 161, рис. 29, 4; Трейстер 2018, 219–222, 227, рис. 9, 1. А.В. Симоненко ошибочно относит ее к типу Eggers 124 (Симоненко 2011, 63).

²⁶ Malyšev, Treister 1994, 43, Abb. 3; 44, Nr. 1; Taf. 1; Malyshev, Treister 1994, 34, fig. 6; Лимберис, Марченко 2006, 53, 59, № 11.2; 71, рис. 8; Довгалюк, Малышев 2008, 26–27, № 22, рис. 14; Трейстер 2008, 181–182; Marčenko, Limberis 2008, 288, 345, Nr. 32.1, Taf. 61, 2.

²⁷ Довгалюк, Малышев 2008, 25–26, № 21, рис. 16; Трейстер 2008, 182–183, рис. 4; Marčenko, Limberis 2008, 282–283, 345, Nr. 32.2, Taf. 60, 5.

²⁸ Кропоткин 1970, 88, № 749; Анфимов 1979, 234–235; Шелов 1983, 64; Кат. Mannheim 1989, 163, Nr. 226, Taf. 28–29; Кат. Москва 2002, 132, № 622; Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.1, Taf. 115; Хачатурова 2010, 29–30, рис. 43 (с ошибочным определением Eggers 123 со ссылкой на Б.А. Раева).

²⁹ Лимберис, Марченко 2006, 54, 60–61, № 14; 74, рис. 11; Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.2, Taf. 116. Относят к типу Миллинген, для чего нет никаких оснований. Скорее всего, патера относится к типу Хагенау.

³⁰ Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.3.

³¹ Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.4, Taf. 117.

³² Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.5–8, Taf. 119–120.

³³ ГЭ, инв. № П.1903.190. Не учтена в списке Х.-У. Нубера. Верхняя часть ручки украшена маской льва, нижняя – маской силена.

³⁴ ГЭ, инв. № П.1903.189.

³⁵ ГЭ, инв. № П.1903.191.

³⁶ ГЭ, инв. № П.1903.192.

³⁷ Шкорпил 1905, 68–69; ОАК за 1903 г., 51; Кропоткин 1970, 96, № 829; Шелов 1983, 64–65.

Отдельные ойнохои известны в раскопках и случайных находках в городах Боспора (Пантикапея и Горгииппии)³⁸ и в северо-восточном Причерноморье, где ойнохои типов 124 и 125 представлены находками из Бори³⁹ и Клдеети⁴⁰. Атташ ручки с изображением Эрота с тирсом и канфаром, наиболее вероятно относящийся к ручке ойнохои типа Eggers 125, происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе⁴¹.

В Сарматии же сочетание ойнохой и патер в комплексах не прослеживается. В комплексах Приднепровья и Азиатской Сарматии находки ойнохой чрезвычайно редки. В Приднепровье известна лишь одна бронзовая ойнохоя, которую относят к типу Eggers 124 – она найдена в погребении в Цветне (рис. 3, 1)⁴². Серебряная ойнохоя происходит из Соколовой могилы⁴³. Маленькая ойнохоя с утраченной ручкой из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 4, 3; 6, 2–5)⁴⁴ – единственная находка этого типа сосудов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии (в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья они не известны) – относится к типу Eggers 125 (Миллинген), отличающаяся по своим пропорциям тулова от ойнохой типов 124 и 126, поэтому непонятно, на каком основании авторы публикации относят ее к типу 124, называя при этом «кувшинчиком»⁴⁵. Бронзовых патер типов Хагенау и Миллинген в погребениях кочевников Азиатской Сарматии существенно больше, и они известны не только на Нижнем Дону, но и в Нижнем Поволжье и даже в Южном Приуралье.

Значительно чаще ойнохои встречаются в Прикубанье⁴⁶, где ойнохоя типа Tassinari D1110 была найдена в разрушенном погребении в кургане у ст. Ленинградской («Искра») (рис. 2, 1)⁴⁷, сосуд типа Eggers 124 был найден в грунтовом могильнике поселения Владимирское № 2 (рис. 3, 2; 5, 1–2)⁴⁸, а еще две ойнохои (из непогребованного мужского погребения кургана № 15/1902 у ст. Тифлисской (рис. 4, 4)⁴⁹ и из Шенджия⁵⁰) относятся к типу Eggers 125. В разрушенном погребении кургана у аула Шенджий была найдена и ручка, предположительно относя-

³⁸ Шелов 1983, 64. Пантикапей, покупка 1913 г.: ОАК за 1913–1915 гг., 91, № 10, рис. 148; Pharnakowsky 1914, 213–214, Abb. 14–15; Кропоткин 1970, 96, № 830, рис. 67, 5; Onurkan 1988, 64. – Горгииппия: Кругликова, Цветаева 1963, 68, рис. 25, 4; 71; Кропоткин 1970, 88, № 747.

³⁹ Лордкипанидзе 1964, 209–210, рис. 7; Nuber 1972, 197, E.XI.a.35.

⁴⁰ Лордкипанидзе 1964, 211–212, рис. 8; Nuber 1972, 196, E.X.g.1.

⁴¹ Дорошко 2016, 143, 144, рис. 1, 1.

⁴² Кропоткин, 1970, 95, № 823а, рис. 62, 1–2; Кат. Ленинград, 1973, 99, № 254; Шелов 1983, 64; Simonenko 2008, 20, 69, Nr. 87.1, Taf. 77; 89, 3; Симоненко 2011, 56, 61, рис. 40; 62; 203–204, № 90.1, цв. вкл., рис. 7, 2.

⁴³ Ковпаненко 1986, 52–56, рис. 51–55; Simonenko 2008, 15–16, Nr. 99.1; Taf. 104, 1; 167; Симоненко 2011, 40–43, рис. 19; 220–221, № 110.1.

⁴⁴ Беспалый и др. 2007, 33, № 46; табл. 34, 2; Безуглов и др. 2009, 30, рис. 13, 3; 45; Treister 2019, 178, fig. 19.2, 5.

⁴⁵ Безуглов и др. 2009, 83.

⁴⁶ Marčenko, Limberis 2008, 281–283.

⁴⁷ Кропоткин 1970, 88–89, № 756; Анфимов 1979, 234; Шелов 1983, 64–65; Marčenko, Limberis 2008, 281–282, 354, Nr. 70.1, Abb. 3, Taf. 102.

⁴⁸ Marčenko, Limberis 2008, 359, Nr. 93.1, Taf. 115.

⁴⁹ von Kieseritzky 1903, 82, 84, Abb. 4; Кропоткин 1970, 89, № 764; Nuber 1972, 196, E.X.b.13; Анфимов 1979, 234; Шелов 1983, 64; Onurkan 1988, 64; Гущина, Засецкая 1994, 58, № 272, табл. 28; Marčenko, Limberis 2008, 283, 349, Nr. 48.3, Taf. 77, 1.

⁵⁰ Кропоткин 1970, 90, № 772а (ошибочно как тип 124); Шелов 1983, 64; Marčenko, Limberis 2008, 283, 355, Nr. 73.1, Taf. 106.

щаяся к ойнохое типа Eggers 124⁵¹. Еще одна ойнохоя, вероятно, типа Eggers 124 (обращают на себя внимание вытянутые пропорции тулова, но оформление устья свидетельствует в пользу ее датировки I в. н.э.) с утраченной ручкой происходит из погребения № 92 кургана № 5/1985 могильника Чернышев-I (рис. 6, 1)⁵².

И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис затруднялись с определением ойнохой, найденной во впускном женском погребении кургана у аула Хатажукаевский (рис. 2, 2), отмечая признаки, характерные как для типа 124, так и для типа 125⁵³. Очевидно, что этот сосуд не вписывается в рамки классификации Х.-Ю. Эггера, но при этом находит точные соответствия в Помпеях – С. Тассинари выделяет ойнохой этого типа в группу D1110 (см. выше). Помимо характерного для этой формы тулова, плавно переходящего в низкое горло, для них характерно оформление нижнего атташа ручки маской Силена⁵⁴. Очевидно, что тип этих сосудов восходит еще к изделиям IV в. до н.э., в частности, к упомянутой выше ойнохое, найденной в погребении IV в. турецкой части Фракии. К этому же типу (D1110), а не к типу Eggers 123 следует, вопреки мнению И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, относить ойнохую из кургана у ст. Ленинградской с плавными очертаниями тулова, пусть и несколько более вытянутыми, с женской головкой в верхней части ручки и атташем, украшенным головкой Силена (рис. 2, 1)⁵⁵.

Необычна ойнохоя, найденная в разрушенном погребении в кургане у ст. Тульской, которую издатели единодушно относили к типу Eggers 124⁵⁶. Совершенно очевидно, что данная атрибуция ошибочна – ойнохоя относится к так называемой форме 2 (вариант В) и датируется, скорее всего, в рамках первой половины V в. до н.э.⁵⁷

2.2. Декор ручек и атташей

Рассматриваемые ойнохои демонстрируют различные формы ручек и атташей. Некоторые из ойнохой, найденных в Северном Причерноморье, находят близкие параллели.

Ближайшей параллелью ойнохой из ст. Ленинградской (рис. 2, 1) с подобной формы туловом, с женской головкой в верхней части ручки и атташем, украшенным головкой Силена, является ойнохоя из Помпей⁵⁸. Ойнохоя из Хатажукаевского (рис. 2, 2), более приземистых пропорций, по оформлению ручки, закан-

⁵¹ Marčenko, Limberis 2008, 355, Nr. 73.2.

⁵² Kat. Speyer 1991, 57, Nr. 216. Моя искренняя признательность автору раскопок Т.А. Габуеву за фотографии ойнохой и информацию о комплексе.

⁵³ Кропоткин 1970, 88–89, № 750, рис. 52, 3; Анфимов 1979, 234; Шелов 1983, 64; Гущина, Засецкая 1989, 104, № 68, табл. VII; Marčenko, Limberis 2008, 283, 337, Nr. 7.1, Taf. 11, 4; Фирсов 2010, 344, рис. 31.

⁵⁴ Tassinari 1993, vol. 2, 63, D1110, nos. 12666, 15201; 2015, 235, fig. 1, no. 15201; 236, fig. 2; 2018, 47–48, no. 27, fig. 48.

⁵⁵ Ср. Tassinari 1993, vol. 2, 63, D1110, no. 2943.

⁵⁶ Кропоткин 1970, 90, № 771; Анфимов 1979, 234; Marčenko, Limberis 2008, 282–283, 355, Nr. 71, Taf. 104; Хачатурова 2010, 22 (атрибуция со ссылкой на определение Б.А. Раева [01.03.1984] в научном паспорте Музея), рис. 22; Симоненко 2011, 63.

⁵⁷ Трейстер 2022.

⁵⁸ Tassinari 1993, vol. 2, 63, D1110, no. 2943.

чивающейся сверху закругленным конусовидным выступом, а внизу – атташем с головкой силена, сопоставима с ойнохоями этого же типа (D1110) из Помпей⁵⁹.

Заслуживает внимания и оформление ручки ойнохой из Цветны (рис. 3, 1). Верхняя часть ее украшена скульптурным женским бюстом с драпировкой – нижний атташ украшен двумя масками, расположенными одна над другой. Это редкий тип оформления ручки – ближайшая параллель происходит из погребения № 1 в Станфордбери в Англии⁶⁰. Оформление верхней части ручки ойнохой из Цветны сопоставимо с бронзовыми ойнохоями, найденными вместе с патерами типа Хагенау, из погребений августовского времени № 4/1948 в Праге-Бубенец⁶¹, Флерля-Ривьер⁶², Берри-Буи (Фонтийе)⁶³ и из датированного эпохой Флавиев погребения № 2/1964 в Винчестере (нижний атташ также в форме маски, но одной)⁶⁴ и ручками ойнохой из Ксантена (нижний атташ также в форме маски, но одной)⁶⁵ и коллекции Археологического института Хайдельбергского университета (нижний атташ в форме маски силена). Предполагается, что ручка, хранящаяся в Хайдельберге, является работой североиталийской мастерской первой половины I в. н.э.⁶⁶

Нижний атташ ойнохой из грунтового могильника поселения Владимирское № 2 украшает изображение сфинкса (верхняя часть ручки украшена скульптурной женской головкой) (рис. 3, 2; 5, 1–2). Редкий вариант оформления подобной ручки, украшенной женской головкой сверху и нижним атташем с изображением сфинкса, на ойнохое был ранее известен только по находке из Дома Менандра в Помпеях, отличающейся оформлением устья полосой ионийского киматия и деталями исполнения самого атташа с изображением сирены⁶⁷. Ближе по иконографии оформление нижнего атташа ручки ойнохой типа D2120 из Геркуланума, но сама ручка иная – пластинчатая с валиками, оформленными жемчужником по краям и в центре⁶⁸. Подобная отдельная ручка с аналогичным атташем хранится в Лувре⁶⁹. Близок и нижний атташ ручки ойнохой типа Миллинген из Боскотреказе⁷⁰. Фрагмент нижнего атташа ручки ойнохой (?) с остатками кожаного шнура для подвешивания с подобным изображением сфинкса был найден среди амулетов в детском погребении № 597 Усть-Альминского могильника⁷¹.

Близкими параллелями ручки ойнохой из Цемдолины (рис. 2, 3) являются ручки ойнохой из Помпей типов D1110⁷² и D2112⁷³. Чрезвычайно близкой парал-

⁵⁹ Tassinari 1993, vol. 1, tav. CVII, 6; vol. 2, 63, D1110, nos. 12666, 15201; 2015, 236, fig. 2.

⁶⁰ Eggers 1966, 71, 104–105, Nr. 29A, 116, Abb. 7b; Nuber 1972, 191, D.II.c.1; Lundock 2015, 52, 54, 155, BE0005.

⁶¹ Novotný 1955, 239–241, Abb. 6–7; Nuber 1972, 43, 191, D.II.b.5, Taf. 3, 2.

⁶² Ferdière, Villard 1993, 48–50, no. 53, fig. 1-41–44.

⁶³ Ferdière, Villard 1993, 129–130, no. 20, fig. 2-33–36; Pernet 2010, 157–158, 233, C5, pl. 149, 5.

⁶⁴ Biddle 1967, 240–242, no. 18, fig. 8, pl. XLIV; Nuber 1972, 42, Abb. 3; 191, D.II.b.1; Lundock 2015, 168, HAM0003.

⁶⁵ Menzel 1986, 200, Nr. 549, Taf. 175.

⁶⁶ Borell 1989, 114–115, Nr. 124 с библиографией, Taf. 48.

⁶⁷ Maiuri 1933, 448–449, figs. 98, 177 (справа); Tassinari 1993, vol. 1, 142, tav. 118, 1. 3, 156, 7, vol. 2, 65, D2112, 399, no. 5016; Stefani ed. 2003, 151, no. C11; Allison 2006, 136, no. 812, pl. 59, 6.

⁶⁸ Tassinari 2015, 237, fig. 4.

⁶⁹ Tassinari 2018, 49, no. 28, fig. 49.

⁷⁰ Oettel 1991, 45, Nr. 12, Taf. 12a; 13a.

⁷¹ Пуздровский 2007, 163, рис. 149, 5.

⁷² Tassinari 1993, vol. 1, tav. CVI, 1–2; vol. 2, 63, D1110, no. 2943.

⁷³ Tassinari 1993, vol. 1, tav. CV, 3–4; CVII, 3–4; vol. 2, 65, D2112, nos. 18763, 6320.

Рис. 2. Бронзовые ойнохои типов Tassinari D1110 и Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112. 1 – Ленинградская, совхоз «Искра». Разрушенное погребение в кургане. Краснодар, КГИАМЗ, инв. № Δ 796; 2 – Курган у аула Хатажукаевский. Раскопки 1899 г. Москва, ГИМ, инв. № 42428. 252/40; 3 – Цемдолина, погребение № 9/1991. Новороссийск, НИМЗ, инв. № НМ8358/№ 33. Рисунки (по: Marčenko, Limberis 2008).

Fig. 2. Bronze oinochoes of the types Tassinari D1110 and Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112. 1 – Cossack village of Leningradskaya, “Iskra” Soviet farm. Destroyed burial in a burial mound. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. Δ 796; 2 – Burial mound near aul Khatazhukaevskiy. 1899 excavations. Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 42428. 252/40; 3 – Tsemdolina, burial no. 9/1991. Novorossiysk, Novorossiysk Historical Museum-Reserve, inv.-no. НМ8358/№ 33. Drawings (after: Marčenko, Limberis 2008).

Рис. 3. Бронзовые ойнохои типа Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112 1 – Цветна. Раскопки кургана крестьянами, исследование А.А. Бобринским, 1896 г. Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж, инв. № 2022/1; 2 – поселение Владимирское № 2. Грунтовый некрополь. Земляной склеп, раскопанный в 1949 г. Краснодар, КГИАМЗ, инв. № 1877/8. Рисунки (по: Marčenko, Limberis 2008).

Fig. 3. Bronze oinochoes of the Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112 type. 1 – Tsvetna. Excavations of the burial mound by the peasants, supplementary excavations by A.A. Bobrinskiy, 1896. Saint Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2022/1; 2 – settlement Vladimirskoe no. 2. Burial ground. Earthen vault, 1949 excavations. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. № 1877/8. Drawings (after: Marčenko, Limberis 2008).

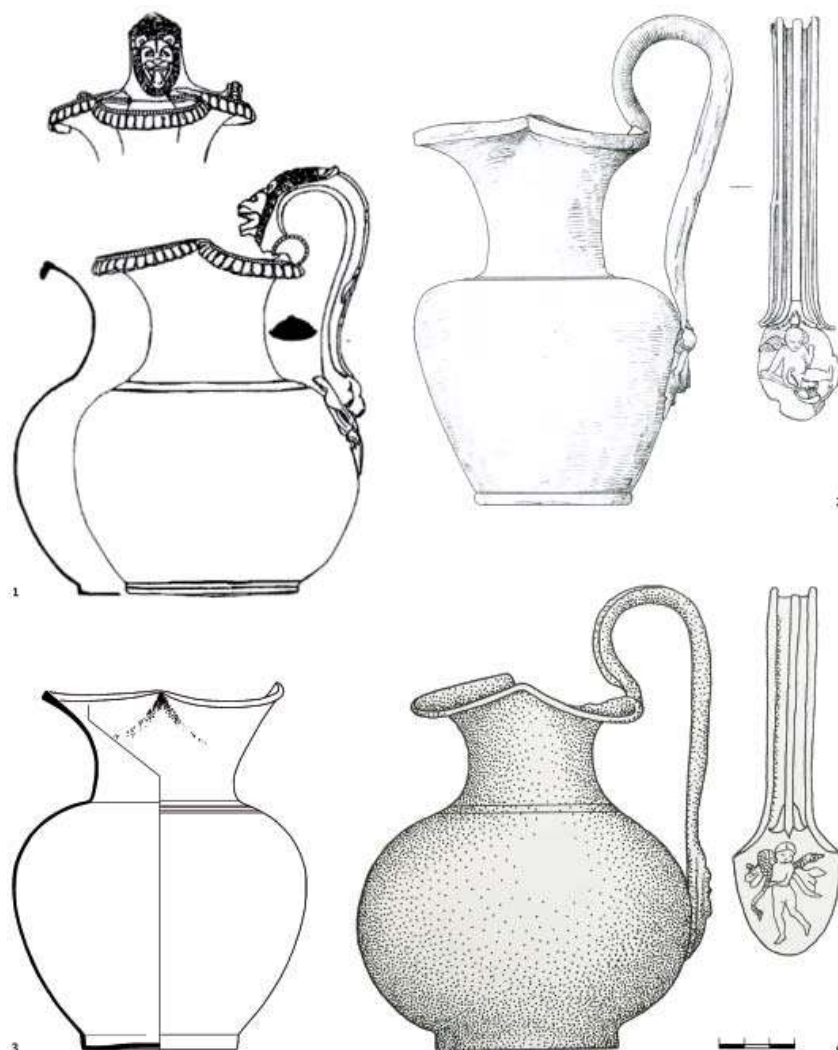

Рис. 4. Бронзовые ойнохои типов Tassinari D2120 и Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300. 1–2 – Усть-Альминский могильник. Бахчисарай, БИКАМЗ: 1 – склеп № 620/1996. КП-9106/315; 2 – склеп № 844/2007. КП-10304/123; 3 – Валовый-I. Курган № 9/1987. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/240; 4 – Тифлисская. Курган № 15/1902. Москва, ГИМ, инв. № 48478. 207/61. Рисунки (по: 1 – Пуздровский 2007, 2 – Пуздровский 2009, 3 – Беспалый и др. 2007, 4 – Marčenko, Limberis 2008).

Fig. 4. Bronze oinochoes of the types Tassinari D2120 and Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300. 1–2 – Ust'-Al'ma necropolis. Bakhchisaray, Historical-Cultural and Archaeological Museum-Reserve: 1 – vault no. 620/1996, inv. no. KP-9106/315; 2 – vault no. 844/2007, inv. no. KP-10304/123; 3 – Valovyy-I. Burial mound no. 9/1987. Burial no. 1. Azov, Historical-archaeological and paleontological museum-reserve, inv.-no. 25309/240; 4 – Tiflisskaya. Burial mound no. 15/1902. Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 48478. 207/61. Drawings (after: 1 – Пуздровский 2007, 2 – Пуздровский 2009, 3 – Беспалый и др. 2007, 4 – Marčenko, Limberis 2008).

лелью нижнему атташу ручки с точки зрения стилистического решения являются атташ ручки ойнохой из собрания Археологического института Хайдельбергского университета⁷⁴ и атташи ручки кратера с головками Силена из бывшей коллекции Е.П. Уоррена в Музее Бостона, которая, вероятно, происходит из Помпей⁷⁵. Подобные украшения характерны и для мраморных кратеров I в. до н.э.⁷⁶

Найденная отдельно в одном из курганов, разрушенных у аула Шенджий, фрагментированная ручка ойнохой, сохранившаяся на длину 13,5 см, в настоящее время, по информации И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, утраченная, описывается в литературе как «верхняя часть бронзовой фигурной ручки от ойнохой (Eggers 124), сверху изображение стоящей обнаженной фигурки Эрота с крыльями, на левом плече держит горящий факел»⁷⁷. Мне не известны подобные ручки, относящиеся именно к ойнохой, притом, что ручки с объемными фигурками встречаются у кувшинов различных типов⁷⁸.

Богато украшенная, в том числе инкрустацией серебра, ойнохой из склепа № 620/1996 Усть-Альминского могильника с верхней частью ручки с полукатушками по краям, украшенной рельефной маской в виде львиной морды с тщательно проработанной гривой и открытой пастью, и округлым нижним атташем, оформленным в виде львиной лапы на фоне стилизованного виноградного листа (рис. 4, 2; 5, 3–4), представляет самый распространенный вариант ойнохой типа Миллинген. Помимо 37 сосудов⁷⁹, а также фрагментов и целых ручек этого варианта⁸⁰, учтенных Х.-У. Нубером (этот список неполный, т.к. по информации С. Тассинари, только в Помпеях найдено 57 сосудов этого типа⁸¹), она находит близкие параллели среди ойнохой из Боскорреале⁸², Велеи (ручка)⁸³, Аванша⁸⁴, Аугста⁸⁵, Кремоны⁸⁶, Вирунума⁸⁷, Трира (фрагмент ручки)⁸⁸, кургана 1 у Кортил-Нуармон⁸⁹, Ампелума⁹⁰, Клужа-Напоки⁹¹, Зевгмы в Коммагене⁹², а также сосудов, хранящихся в музеях и частных коллекциях⁹³. Особенностью альминской ойнохой является оформление края устья рельефными овами и жемчужником. Ойнохой

⁷⁴ Borell 1989, 117–118, Nr. 127 с библиографией, Taf. 49.

⁷⁵ Comstock, Vermeule 1971, 327, no. 460.

⁷⁶ Froning 1981, 141–148, Taf. 56–57.

⁷⁷ Кропоткин 1970, 90, № 7726; Анфимов 1979, 234; Marčenko, Limberis 2008, 355–356, Nr. 73.2.

⁷⁸ Tassinari 1993, vol. 1, tav. LVI, 1; CI, 1–3; CVIII, 2; vol. 2, 58, C2110, no. 12946.

⁷⁹ Nuber 1972, 196–197, E.XI.a.1–37. См. также ойнохой из Помпей: Tassinari 1993, vol. 1, tav. LXXXV–LXXXVII; vol. 2, 67, D2300, nos. 10662, 5017, 10061; 68, no. 12712; 69, no. 3119; 2015, 237, fig. 5, ойнохой из Райнау-Бух: Kat. Freiburg 1988, 115, Abb. 98.

⁸⁰ Например, фрагмент ручки из Трира: Nuber 1972, 198, E.Xi.e.1; Bienert 2007, 39, Nr. 16.

⁸¹ Tassinari 2018, 50–53, nos. 29–30, figs. 50–52.

⁸² Gorecki 1993, 232, Nr. A10; 238, Abb. 1, 10; Taf. 4.

⁸³ D'Adria 1970, 87, no. 120, tav. XXVIII.

⁸⁴ Leibundgut 1976, 105, Nr. 126, Taf. 64; Kapeller 2003, 138, no. 104, pl. 17.

⁸⁵ Kaufmann-Heinimann 1994, 164–165, Nr. 276, Taf. 109–112.

⁸⁶ Castoldi 2012, 361, figs. 9–10; 362.

⁸⁷ Sedlmayer 1999, 34–35, Taf. 13, 8–9.

⁸⁸ Bienert 2007, 39, Nr. 16.

⁸⁹ Faider-Feytmans 1979, 181, no. 373, pls. 150–151.

⁹⁰ Cat. Bucharest 2003, 145, no. 213.

⁹¹ Mustață 2017, 103–105, no. 30, pls. XXIII, LXVIII–LXX.

⁹² Khamis 2013, 96–99, no. Br1, figs. 1–2.

⁹³ De Puma 1991, 107–108, note 19; Marazov et al. 2005, 185, no. 233; Pfisterer-Haas 2019, 148, Abb. 9.91; 319, Nr. 249.

типа Миллинген рассматриваемого варианта представлены находками как из Италии, в том числе Помпей, Геркуланума и Боскорале, так и рейнских и дунайских провинций, Галлии, Англии, Фракии, Ближнего Востока. Отметим находки таких ойнохой также в пещере Писем в Иудейской пустыне⁹⁴, в Зевгме в Коммагене⁹⁵ и в Колхапуре в Индии⁹⁶.

Ойнохой с ручками в верхней части, украшенными львиными масками, могли иметь и иначе оформленные нижние атташи ручек, например, в форме человеческих головок, бюстов или театральных масок⁹⁷. К этой группе относится и ручка ойнохой из склепа № 339/1903 на Глинище в Керчи – верхняя часть ручки украшена маской льва, нижняя – маской сатира⁹⁸. Аналогии такому оформлению ручки представляют ойнохой из кургана Умурчи В.1⁹⁹ и из коллекции Университета Хайдельберга¹⁰⁰.

Другой вариант оформления ручек и нижних атташей демонстрируют ойнохой типа Миллинген из кургана № 15/1902 у ст. Тифлисской (рис. 4, 4)¹⁰¹, из покупки в Керчи 1913 г.¹⁰² и типа Tassinari D2120 из Усть-Альминского склепа № 844/2007 (рис. 4, 2)¹⁰³. Ручки этих ойнохой, с наружной стороны профилированные валиками, в верхней части не имеют декора, а их нижние атташи оформлены рельефными изображениями амуров, в первом случае – бегущего амура со змеей, во втором – амура (крылья и глаза инкрустированы серебром), ловящего рыбу, в третьем – летящего амура с лирой (?) в правой руке и факелом – в левой. Х.-У. Нубер учел 14 таких ойнохой (включая находку в Тифлисской), преимущественно из Помпей, а также Бельгии, Нидерландов и Дании; одна находка из Фракии, одна – из Индии¹⁰⁴. Не были учтены Нубером ойнохой, купленная в 1913 г. в Керчи¹⁰⁵, а также находка из Эрикличе в районе Киркларели в турецкой Фракии¹⁰⁶. И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис сопоставляют изображение на атташе ойнохой из Тифлисской (рис. 4, 2) с атташем кувшина из клада III в. н.э. в Цель ам Зее в Норике¹⁰⁷. Атташ ручки с изображением амура с тирсом и канфаром,

⁹⁴ Yadin 1963, 83, no. 21, figs. 18–20, 28, pl. 21 (вверху).

⁹⁵ Khamis 2013, 96–99, no. Br1, figs. 1–2.

⁹⁶ Nuber 1972, 197, E.XI.a.37; De Puma 1991, 86–89, fig. 5.5–8.

⁹⁷ Nuber 1972, 197–198, E.XI.b.1–37; c.1–2; f.1–2; Faider-Feytmans 1979, 183–185, nos. 376, 379; no. 383, pls. 156–159, 162–163; Menzel 1986, 194–195, Nr. 534, Taf. 166; Onurkan 1988, 59–60, nos. 56–57, 59, figs. 22–23, pls. 34–36; Tassinari 1993, vol. 1, tav. XCIX, 3–4; vol. 2, 67–68, D2300, nos. 10061, 14072, 1836, 13374, 11655; Bienert 2007, 22, 38–39, Form 4, Nr. 15; Schütz 2013, 27–28, fig. 24.

⁹⁸ См. выше прим. 32.

⁹⁹ Onurkan 1988, 58, no. 55; 61, fig. 21, pl. 34, a–b.

¹⁰⁰ Nuber 1972, 50, Taf. 7, 4; Borell 1989, 116–117, Taf. 49.

¹⁰¹ См. выше прим. 47.

¹⁰² См. выше прим. 37.

¹⁰³ См. выше прим. 24.

¹⁰⁴ Nuber 1972, 195–196, E.X.b.1–14. Ойнохой из Бельгии, см. также: Faider-Feytmans 1979, 176–177, no. 361, pl. 140 (ручка); 180, no. 369, pls. 148; 187, no. 387, pls. 167–168. См. также об атташах, украшенных изображениями амура, на ойнохоих типа D2120 из Помпей и Геркуланума: Tassinari 2015, 237, fig. 3. Аналогичные атташи и целая ойнохой с ручкой, украшенной таким атташем, хранятся в Античном собрании Мюнхена: Pfisterer-Haas 2019, 148, Abb. 9.90; 318, Nr. 246–248.

¹⁰⁵ См. выше прим. 37.

¹⁰⁶ Onurkan 1988, 63–65, no. 60, fig. 25, pl. 37, a–b, d.

¹⁰⁷ Marčenko, Limberis 2008, 283. См. Hell 1974, 185–186, Abb. 1. 4; также Sedlmayer 1999, 152, Abb. 19; 156.

наиболее вероятно относящийся к ручке ойнохой типа Eggers 125, происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе¹⁰⁸.

2.3. Утраты и следы ремонта

Ойнохой с утраченными ручками была найдены в погребении № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I (рис. 4, 3; 6, 2–5) и погребении № 92 кургана № 5/1985 могильника Чернышев-I (рис. 6, 1). Также утрачена ручка и часть тулова ойнохой – случайной находки у аула Шенджий¹⁰⁹ и ойнохой, найденной при раскопках Горгииппии¹¹⁰. В погребениях кочевников это далеко не единственные примеры использования импортных бронзовых сосудов с утраченными ручками¹¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Северном Причерноморье встречаются бронзовые ойнохой первых веков н.э. четырех различных типов: Tassinari D1110, Рондсен (Eggers 124 / Nuber D или Хагенау / Tassinari D2111a–c–2112), Tassinari D2120 и Стангеруп (Eggers 125 / Nuber E или Миллинген / Tassinari D2300), которые отличаются формой, пропорцией и размерами тулова, а также формами и декором ручек, – всего 14 сосудов.

Ойнохой происходят из погребений, датирующихся от первой половины I до середины III в. н.э. В комплексах Приднепровья и Азиатской Сарматии находки ойнохой чрезвычайно редки. Чаще они встречаются на Боспоре, в меотских могильниках Прикубанья и могильниках местного населения Юго-Западного Крыма. Количественно преобладают ойнохой типа Миллинген (Eggers 125 / Tassinari D2300), представляющие половину находок (7 экз.), реже (4 экземпляра и отдельная ручка) встречаются ойнохой типа Хагенау (Eggers 124 / Nuber D или Хагенау / Tassinari D2111a–c–2112). Очень редки ойнохой типов Tassinari D1110 (2 экз.) и D2120 (1 экз.).

Для территории Римской империи, центрально-европейского Барбарикума и Фракии отчетливо фиксируется сочетание в одних комплексах патер и ойнохой, явно образующих наборы (типа Хагенау, Миллинген и др.). В Северном Причерноморье сочетание патер и ойнохой в комплексах отмечается лишь в пяти случаях – для могильников Юго-Западного Крыма (два комплекса Усть-Альминского могильника), Боспора (некрополь Пантикапея, могильник Цемдолина под Новороссийском) и одного из меотских погребений Прикубанья. В Сарматии же сочетание ойнохой и патер в комплексах не прослеживается.

¹⁰⁸ Дорошко 2016, 143, 144, рис. 1, 1.

¹⁰⁹ См. выше прим. 48.

¹¹⁰ См. выше прим. 37.

¹¹¹ Treister 2019, 177–178, fig. 19.2.

Рис. 5. Бронзовые ойнохои типа Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–c–2112 1 и Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300. 1–2 – Херсонес. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, ГИАМЗХТ, инв. № 5106; 3–4 – поселение Владимирское № 2. Грунтовый некрополь. Земляной склеп, раскопанный в 1949 г. Краснодар, КГИАМЗ, инв. № 1877/8; 5–6 – Усть-Альминский могильник. склеп № 620/1996. Бахчисарай, БИКАМЗ. КП-9106/315. Фото (по: 1–2 – Дорошко 2016, 3–4 – Кат. Mannheim 1989; 5–6 – Кат. Киев 2005).

Fig. 5. Bronze oinochoes of the Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–c–2112 and Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300 types. 1–2 – Chersonese. Excavations by K.K. Kostyushko-Valyuzhinich. Sevastopol, State Historical and Archaeological Museum-Reserve “Tauric Chersonese”, inv. no. 5106; 3–4 – settlement Vladimirskoe no. 2. Burial ground. Earthen vault, 1949 excavations. Krasnodar, State Historical-Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 1877/8; 5–6 – Ust'-Al'ma necropolis. Vault no. 620/1996. Bakhchisaray, Historical-Cultural and Archaeological Museum-Reserve, inv. no. KP-9106/315. Photos (after: 1–2 – Doroshko 2016; 3–4 – Kat. Mannheim 1989; 5–6 – Kat. Киев 2005).

Рис. 6. Бронзовые ойнохои типа Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112 1 и Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300. 1– Чернышев-І. Курган № 5. Погребение № 92. Москва, ГМВ, инв. № КП-37105, Чернышев-1985, 960/М-4; 2–5 – Валовый-І. Курган № 9/1987. Погребение № 1. Азов, АИАПМЗ, инв. № 25309/240. Фото: 1 – ГМВ, 2–5 – М.Ю. Трейстер, 2015.

Fig. 6. Bronze oinochoes of the Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a–с–2112 and Eggers 125 / Nuber E / Tassinari D2300 types. 1– Chernyshev-I. Burial mound no. 5. Burial no. 92. Moscow, State Orient Museum, inv.- no. KP-37105, Chernyshev-1985, 960/M-4; 2–5 –Valovyy I. Burial mound no. 9/1987. Burial no. 1. Azov, Historical-archaeological and paleontological museum-reserve, inv.-no. 25309/240. Photos: 1 – State Orient Museum – 1; 2–5 – M. Treister, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов, Н.В. 1979: Импорт бронзовой итальянской посуды в Прикубанье (II в. до н.э. – III в. н.э.). В сб.: Б.Б. Пиотровский (ред.), *Проблемы античной истории и культуры. 2. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене»*. Ереван, 232–238.
- Безуглов, С.И., Глебов, В.П., Парусимов, И.Н. 2009: *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону.
- Беспалый, Е.И., Беспалая, Н.Е., Раев, Б.А. 2007: *Древнее население Нижнего Дона. Курганый могильник «Валовый I»* (Материалы и исследования по археологии Юга России, 2). Ростов-на-Дону.
- Буюклиев, Х. 1986: *Тракийский могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг* (Разкопки и проучвания XVI). София.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1994: *«Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье*. Санкт-Петербург.
- Довгалюк, Н.П., Малышев, А.А. 2008: Описание погребальных комплексов. Каталог. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургинане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника* (Некрополи Черноморья, 2). М., 8–128.
- Дорошко, В.В. 2016: Бронзовые рельефные атташи римского времени из раскопок Херсонеса. *Записки ИИМК* 14, 143–148.
- Кат. Киев 2005: Ю.П. Зайцев (ред.), *Древние сокровища Юго-Западного Крыма*. Симферополь.
- Кат. Ленинград 1973: *Античная художественная бронза: Каталог выставки в Эрмитаже*. Л.
- Кат. Москва 2002: Д.В. Журавлев (ред.), *На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. М.
- Ковпаненко, Г.Т. 1986: *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге*. Киев.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1–27). М.
- Кругликова, И.Т., Цветаева, Г.А. 1963: Раскопки в Анапе. *КСИА* 95, 66–71.
- Лимберис, Н.Ю. Марченко, И.И. 2006: Бронзовые ковши и патеры из сарматских и метотских памятников Прикубанья. В кн.: А.В. Симоненко (ред.), *Liber Archaeologiae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева*. Краснодар, Ростов-на-Дону, 51–77.
- Лордкипанидзе, О.Д. 1964: Итальянские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии. *СА* 1, 199–220.
- ОАК за 1903 г., 1906: *Отчет археологической комиссии за 1903 г.* Санкт-Петербург.
- ОАК за 1913–1915 гг., 1918: *Отчет археологической комиссии за 1913–1915 гг.* Петроград.
- Пеева, Н., Чолаков, И.Д. 2016: Дребни находки от римски могилен некропол край гр. Стралджа, Ямболско. В кн.: И.Д. Чолаков, С. Александрова, И. Русева, Н. Пеева (ред.), *Могилен некропол от римската епоха край град Стралджа, Ямболско* (Българско е-Списание за Археология, Supplementum 5). София, 89–107.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский, А.Е. 2009: Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму. *Stratum plus* 4, 329–338.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг.* (Усть-Альминское городище и некрополь в Юго-Западном Крыму 2). Симферополь–М.

- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург.
- Трейстер, М.Ю. 2008: Импортная металлическая посуда из Цемдолинского могильника. В сб.: А.А. Малышев (ред.), *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника* (Некрополи Черноморья, 2). М., 181–187.
- Трейстер, М.Ю. 2018: Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216–238.
- Трейстер, М.Ю. 2022: Семиколенный курган у станицы Тульская с находками греческих бронзовых сосудов VI–V вв. до н.э. К вопросу о происхождении «майкопского сокровища». МАИСП 14 (в печати).
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Фирсов, К.Б. 2010: Государственный исторический музей. Памятники скифо-сарматского времени и раннего средневековья из Прикубанья. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. III. М., 328–352.
- Хачатурова, Е.А. 2010: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. III. М., 12–63.
- Шелов, Д.Б. 1983: Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе. *СА* 4, 57–69.
- Шкорпил, В.В. 1905: Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. *ИАК* 17, 1–76.
- Allison, P.M. 2006: *The Insula of Menander at Pompeii*. III. *The Finds*. Oxford.
- Baratte, F., Bonamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône* (Revue archéologique de l'Est – Suppléments 5e). Dijon.
- Biddle, M. 1967. Two Flavian Burials from Grange Road, Winchester. *Antiquaries Journal* 47, 224–250.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Borell, B. 1989: *Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall* (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg 3.1). Mainz.
- Castoldi, M. 2012: Recipienti di bronzo dalla *domus* di piazza Marconi, a Cremona (Regio X). In M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), *Bronzes grecs et romains, recherches récentes – Hommage à Claude Rolley* (Actes de colloques). Paris, 353–369.
- Cat. Bucharest 2003: L. Petculescu (ed.), *Antique Bronzes in Romania*. Bucharest.
- Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston.
- D'Andria, F. 1970: I bronzi romani di Veleia, Parma e del territorio parmense. *Contributi dell'Istituto di archeologia. Pubblicazioni dell'Università cattolica del Sacro Cuore, Milano* 3, 3–142.
- De Puma, R.D. 1991: The Roman Bronzes from Kolhapur. In V. Begley, R.D. De Puma (eds.), *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison, 84–112.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 13, 67–164.
- Elschek, K. 2013: Zohor – Ein neues Fürstengrab der „Lübsow- Gruppe“ und Brandgräber mit Edelmetallbeigaben aus Zohor (Westslowakei). In M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska (Hrsg.), *Macht des Goldes – Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum* (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2). Weinstadt, 91–123.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.

- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Froning, H. 1981: *Marmorschmuckreliefs mit griechischen Mythen im 1. Jh. v. Chr. Untersuchungen zu Chronologie und Funktion* (Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Schriften zur antiken Mythologie V). Mainz.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 229–246.
- Hell, M. 1974: Ein Depotfund mit römischen Bronzegegeschirr aus Zell am See in Salzburg. In G. Kossack (Hrsg.), *Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag*. Bd. 1 (Münchener Beiträge zur Vor- u. Frühgeschichte, Erg. Bd. 1). München, 185–189.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Jílek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.
- Jovanović, J. 2010: Rimsko broncano posude iz Arheološkog muzeja u Splitu / Roman bronze vessels from the Archaeological Museum in Split. hrcak.srce.hr/file/93252
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses. 22). Praga.
- Kasprzak, A. 2016: Eine Bronzekanne E 125 vom Gräberfeld Czarnówsko, Kreis Leborg, in Pommern. In H.-U. Voß, N. Müller-Schneeßel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 321–332.
- Kat. Freiburg 1988: Nuber, H.-U. *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen, 40). Aalen.
- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kat. Speyer 1991: A. Leskov, L. Noskova (Hrsg.), *Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und im nördlichen Ossetien*. Roma.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Khamis, E. 2013: Copper Alloy Objects. In W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Vol. III. New Haven, 93–166.
- von Kieseritzky, G. 1903. Funde in Südrussland. *AA*, 81–85.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996* (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 21). Neumünster.
- Leibundgut, A. 1976: *Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. II. Avenches*. Mainz.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.

- Lundock, J.R. 2015: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology. 9). Oxford.
- Maiuri A. 1933: *La casa del Menandro e il suo tesoro di argenteria*. Vols. 1–2. Roma.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *BayVgBl* 59, 39–71.
- Malyshev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *AA*, 119–187.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Menzel, H. 1986: *Die römischen Bronzen aus Deutschland III*, Bonn. Mainz.
- Meshekov, J., Staikova, L. 1998: A Rich Thracian Mound Burial from the Roman period at the Village of Slokoshtitsa, Kiustendil District (South-Western Bulgaria). *Archaeologia Bulgarica* II.3, 51–67.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Novotný, B. 1955: Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči. *Památky archeologické* 46, 227–264.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pernet, L. 2010: *Armement et auxiliaires gaulois (Ile et Ier siècles avant notre ère)*. Montagnac.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Pfisterer-Haas, S. 2019: *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen* (Staatliche Antikensammlungen München 2). München.
- Pfrommer, M. 1993: Ein Grab – Drei Kulturen. Betrachtungen zu einem thrakischen Grabfund aus Kirklareli. *Istanbul Mitteilungen* 43, 339–349.
- Pharmakowsky, B. 1914: Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *AA*, 205–292.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 290–323.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Schütz, J.-L. 2013: *La tombe 2 de Bois-et-Borsu*. Liège.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. 12). Bonn.
- Škorpil, K. 1912: Grabfund in Balčik. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 15, 101–134.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Stefani, G. (ed.). 2003: *Menander: La Casa del Menandro di Pompei*. Milano.

- Tassinari, S. 1975: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S. 2015: De la spécificité typologique du décor des anses: L'exemple de la catégorie des cruches trilobées D. In E. Deschler-Erb, P. Della Casa (eds.), *New Research on Ancient Bronzes: Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes* (Zurich Studies in Archaeology 10). Zürich, 235–239.
- Tassinari, S. 2018: Au musée du Louvre, des vases en bronze romains en quête d'origine. *Bulletin archéologique* 38, 11–97.
- Tomasevic-Buck, T. 1984: Ein Bronzedepotfund aus Augusta Raurica. *BayVgBl* 49, 143–196.
- Touloumtzidou, A. 2011: *Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική διατριβή*. Thessalonike.
- Treister, M. 2019: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.

REFERENCES

- Allison, P.M. 2006: *The Insula of Menander at Pompeii. III. The Finds*. Oxford.
- Anfimov, N.V. 1979: Import bronzovoy italiyskoy posudy v Prikuban'e (II v. do n.e. – III v.n.e.) [Import of Bronze Italic Vessels in the Kuban area (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. In B.B. Piotrovskiy (ed.), *Problemy antichnoy istorii i kul'tury. 2. Doklady XI Mezhdunarodnoy konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran "Eirene"* [The Problems of Ancient History and Culture. Vol. 2. Reports of the XIV International Conference of the Historians of Ancient World of the Socialist Countries "Eirene"]. Erevan, 232–238.
- Baratte, F., Bonamour, L., Guillaumet, J.-P., Tassinari, S. 1984: *Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône* (Revue archéologique de l'Est – Supplément 5e). Dijon.
- Bespalyy, E.I., Bepalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik "Valovyy I"* [The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Necropolis "Valovyy I"] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii [Materials and Investigations in the Archaeology of South Russia] 2). Rostov-on-Don.
- Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N. 2009: *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (kurgannyy mogil'nik Valovyy I)* [Late Sarmatian Burials in the Estuary of Don (Tumuli Necropolis Valovyy I)]. Rostov-on-Don.
- Biddle, M. 1967. Two Flavian Burials from Grange Road, Winchester. *Antiquaries Journal* 47, 224–250.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Borell, B. 1989: *Statuetten, Gefäße und andere Gegenstände aus Metall* (Katalog der Sammlung antiker Kleinkunst des Archäologischen Instituts der Universität Heidelberg 3.1). Mainz.
- Bujukliev, H. 1986: *La necropole tumulaire Thrace près de Catalka, region de Stara Zagora* (Razkopki i prouchvaniya, XVI). Sofia.
- Castoldi, M. 2012: Recipienti di bronzo dalla *domus* di piazza Marconi, a Cremona (Regio X). In M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), *Bronzes grecs et romains, recherches récentes – Hommage à Claude Rolley* (Actes de colloques). Paris, 353–369.
- Cat. Bucharest 2003: L. Petculescu (ed.), *Antique Bronzes in Romania*. Bucharest.
- Cat. Kiev 2005: Yu.P. Zaytsev (ed.), *Drevnie sokrovishcha Yugo-Zapadnogo Kryma* [Ancient Treasures of South-Western Crimea]. Simferopol'.

- Cat. Leningrad 1973: *Antichnaya khudozhestavennaya bronza. Katalog vystavki v Ermitazhe* [Ancient Artistic Bronze. Catalogue of the Exhibition in the Hermitage]. Leningrad.
- Cat. Moscow 2002: D.V. Zhuravlev (ed.), *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo* [At the Edge of Oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontos Euxinos]. Moscow.
- Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston.
- CR St. Petersburg 1903, 1906: *Otchet arkheologicheskoy komissii za 1903 g.* [Report of the Archaeological Commission for 1903]. Saint Petersburg.
- CR St. Petersburg 1913–1915, 1918: *Otchet arkheologicheskoy komissii za 1913–1915 gg.* [Report of the Archaeological Commission for 1913–1915]. Petrograd.
- D'Andria, F. 1970: I bronzi romani di Veleia, Parma e del territorio parmense. *Contributi dell'Istituto di archeologia. Pubblicazioni dell'Università cattolica del Sacro Cuore, Milano* 3, 3–142.
- De Puma, R.D. 1991: The Roman Bronzes from Kolhapur. In V. Begley, R.D. De Puma (eds.), *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison, 84–112.
- Doroshko, V.V. 2016: Bronzovye rel'efnye attachi rimskogo vremeni iz raskopok Khersonesa [Bronze Relief Attachments of the Roman Period from the Excavations of Chersonesus]. *Zapiski IIMK* [Transactions of the Institute of History of Material Culture] 14, 143–148.
- Dovgalyuk, N.P., Malyshev, A.A. 2008: Opisanie pogrebal'nykh kompleksov. Katalog [The Description of the Burial Complexes. A Catalogue]. In A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsem dolinskogo mogil'nika* [The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosphorus: after the Materials of the Tsem dolina Necropolis] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region], 2). Moscow, 8–128.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Eggers, H.J. 1966: Römische Bronzegefäße in Britannien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 13, 67–164.
- Elschek, K. 2013: Zohor – Ein neues Fürstengrab der „Lübsow- Gruppe“ und Brandgräber mit Edelmetallbeigaben aus Zohor (Westslowakei). In M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska (Hrsg.), *Macht des Goldes – Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donaauraum* (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2). Weinstadt, 91–123.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Firsov, K.B. 2010: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Pamyatniki skifo-sarmatskogo vremeni i rannego srednevekov'ya iz Prikuban'ya [State Historical Museum. Monuments of the Scytho-Sarmatian Period and Early Middle Ages from the Kuban Basin]. In G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. III. Moscow, 328–352.
- Froning, H. 1981: *Marmorschmuckreliefs mit griechischen Mythen im 1. Jh. v. Chr. Untersuchungen zu Chronologie und Funktion* (Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Schriften zur antiken Mythologie V). Mainz.
- Gorecki, J. 1993: Metallgefäße und -objekte aus der Villa des N. Popidius Florus (Boscovale) im J. Paul Getty Museum, Malibu, Kalifornien. In J. Arce, F. Burkhalter (eds.), *Bronces y religion romana (Actas del XI Congreso Internacional de Bronces antiguos, Madrid, mayo-junio 1990)*. Madrid, 229–246.
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994: “Zolotoe kladbishche” rimskoy epokhi v Prikuban'e [The “Golden Cemetery” of the Roman Period in the Kuban Area]. Saint Petersburg.

- Hell, M. 1974: Ein Depotfund mit römischen Bronzegegeschirr aus Zell am See in Salzburg. In G. Kossack (Hrsg.), *Festschrift für Joachim Werner zum 65. Geburtstag*. Bd. 1 (Münchner Beiträge zur Vor- u. Frühgeschichte, Erg. Bd. 1). München, 185–189.
- Ignatov, V., Gospodinov, K. 2013: Eine reiche Bestattung eines thrakischen Aristokraten aus dem 1. Jh. n. Chr. bei Karanovo, Kreis Nova Zagora, Südbulgarien. *Archaeologia bulgarica* XVII.1, 27–48.
- Jílek, J. 2009: *Bronzové nádoby z doby římské na Moravě a naddunajské části Dolního Rakouska*. Pardubice.
- Jovanović, J. 2010: Rimsko broncano posude iz Arheološkog muzeja u Splitu / Roman bronze vessels from the Archaeological Museum in Split. hrcaak.srce.hr/file/93252
- Kapeller, A. 2003: La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum. *ProAventico* 45, 83–147.
- Karasová, Z. 1998: *Die römischen Bronzegefäße in Böhmen* (Fontes Archaeologici Pragenses. 22). Praga.
- Kasprzak, A. 2016: Eine Bronzekanne E 125 vom Gräberfeld Czarnówsko, Kreis Lebork, in Pommern. In H.-U. Voß, N. Müller-Schneeßel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 321–332.
- Kat. Freiburg 1988: Nuber, H.-U. *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen, 40). Aalen.
- Kat. Mannheim 1989: *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Sonderausstellung Mannheim. Stuttgart.
- Kat. Speyer 1991: A. Leskov, L. Noskova (Hrsg.), *Grabschätze vom Kaukasus. Neue Ausgrabungen sowjetischer Archäologen in der Adygee und im nördlichen Ossetien*. Roma.
- Kaufmann-Heinimann, A. 1994: *Die römischen Bronzen der Schweiz. V. Neufunde und Nachträge*. Mainz.
- Khamis, E. 2013: Copper Alloy Objects. In W. Aylward (ed.), *Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology*. Vol. III. New Haven, 93–166.
- Khachaturova, E.A. 2010: Krasnodarskiy gosudarstvennyy istoriko-arkheologicheskii muzey-zapovednik im. E.D. Felitsyna [Krasnodar State Historical-Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. In G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. III. Moscow, 12–63.
- Koster, A. 1997: *The Bronze Vessels, 2. 2. Acquisitions, 1954–1996* (including vessels of pewter and iron) (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G.M. Kam at Nijmegen 13). Nijmegen.
- Kovpanenko, G.T. 1986: *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD on the South Bug]*. Kiev.
- Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Roman Imports in the Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)]* (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.
- Kruglikova, I.T., Tsvetaeva, G.A. 1963: Raskopki v Anape [Excavations in Anapa]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]* 95, 66–71.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte. 21). Neumünster.
- Leibundgut, A. 1976: *Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. II. Avenches*. Mainz.
- Limberis, N.Yu. Marchenko, I.I. 2006: Bronzovye kovshi i patery iz sarmatskikh i meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Bronze Casseroles and Pateras from the Sarmatian and Maiotian sites of the Kuban Region]. In A.V. Simonenko (ed.), *Liber Archaeologiae. Sbornik statey,*

- posvyashchennykh 60-letiyu Borisa Aronovicha Raeva [Liber Archaeologiae. Collection of Articles dedicated to the 60th Anniversary of Boris Aronovich Raev]*. Krasnodar–Rostov-on-Don, 51–77.
- Loboda, I.I., Puzdrovskij, A.E., Zajcev, Ju.P. 2002: Prunkbestattungen des 1.Jh. n.Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996. *Eurasia Antiqua* 8, 295–346.
- Lordkipanidze, O.D. 1964: Italijskie bronzovye izdeliya, naydennye na territorii drevney Gruzii [Italic Bronze Objects found in the Territory of Ancient Georgia]. *Sovetskaya arkhologiya [Soviet Archaeology]* 1, 199–220.
- Lundock, J.R. 2015: *A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain* (Archaeopress Roman Archaeology. 9). Oxford.
- Maiuri A. 1933: *La casa del Menandro e il suo tesoro di argenteria*. Vols. 1–2. Roma.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk. *BayVgBl* 59, 39–71.
- Malyšev, A.A., Treister, M. 1994: A Warrior's Burial from the Asiatic Bosphorus in the Augustan Age. *Expedition* 36.2–3, 29–37.
- Mansel, A.M. 1941: Grabhügelforschung im östlichen Thrakien. *AA*, 119–187.
- Marazov, I., Kabakchieva, G., Lazov, G., Shalganova, T. 2005: *Vassil Bojkov Collection*. Sofia.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 267–400.
- Menzel, H. 1986: *Die römischen Bronzen aus Deutschland III, Bonn*. Mainz.
- Meshekov, J., Staikova, L. 1998: A Rich Thracian Mound Burial from the Roman period at the Village of Slokoshtitsa, Kiustendil District (South-Western Bulgaria). *Archaeologia Bulgarica* II. 3, 51–67.
- Mustață, S. 2017: *The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis* (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum, 12). Cluj-Napoca.
- Novotný, B. 1955: Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči. *Památky archeologické* 46, 227–264.
- Nuber, H.-U. 1972: Kanne und Griffschale. *BerRGK* 53, 1–232.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. Berlin.
- Onurkan, S. 1988: *Doğu Trakya tümülüsleri maden eserleri. İstanbul arkeoloji müzelerindeki Trakya toplu bulluntuları*. Ankara.
- Pernet, L. 2010: *Armement et auxiliaires gaulois (IIe et Ier siècles avant notre ère)*. Montagnac.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Pfisterer-Haas, S. 2019: *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München, Katalog der Bronzen* (Staatliche Antikensammlungen München 2). München.
- Pfrommer, M. 1993: Ein Grab – Drei Kulturen. Betrachtungen zu einem thrakischen Grabfund aus Kirklareli. *Istanbul Mitteilungen* 43, 339–349.
- Pharmakowsky, B. 1914: Archäologische Funde im Jahre 1913. Südrußland. *AA*, 205–292.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki [Crimean Scythia. 2nd Century BC. – 3rd Century AD. Funeral monuments]*. Simferopol.
- Puzdrovskiy, A.E. 2009: Kompleks s bronzovoy i serebryanoy posudoy I v. n. e. iz Ust'-Al'minskogo nekropolya v Krymu [A Complex with Bronze- and Silverware of the 1st Century AD from the Ust'-Al'ma Necropolis in the Crimea]. *Stratum plus* 4, 329–338.
- Puzdrovskij, A. 2013: Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In LVR – Landesmuseum Bonn (Hrsg.), *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, 290–323.

- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017: Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg. [*Field Investigations of the Ust'-Al'ma Necropolis in 2004–2007*] (Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol' v Yugo-Zapadnom Krymu [Ust'-Al'ma Fortified Site and Necropolis in the South-Western Crimea], 2). Simferopol–Moscow.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Shelov, D.B. 1983: Rimskie bronzovye kuvshiny i amfory v Vostochnoy Evrope [Roman Bronze Jugs and Amphorae in the Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 4, 57–69.
- Schütz, J.-L. 2013: *La tombe 2 de Bois-et-Borsu*. Liège.
- Schuster, J. 2010: *Lübsow – Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa* (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. 12). Bonn.
- Shkorpil, V.V. 1905: Otchet o raskopkakh v Kerchi i okrestnostyakh v 1903 g. [A Report on the Excavations in Kerch and Vicinities in 1903]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [*Reports of the Archaeological Commission*] 17, 1–76.
- Škorpil, K. 1912: Grabfund in Balčik. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 15, 101–134.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum, 10). Montagnac.
- Simonenko, A.V. 2008: Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. In A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 1–264.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [*Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area*]. Saint Petersburg.
- Stefani, G. (2003) (ed.). Menander: La Casa del Menandro di Pompei (Milan).
- Tassinari, S. 1975: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tassinari, S. 2015: De la spécificité typologique du décor des anses: L'exemple de la catégorie des cruches trilobées D. In E. Deschler-Erb, P. Della Casa (eds.), *New Research on Ancient Bronzes: Acta of the XVIIIth International Congress on Ancient Bronzes* (Zurich Studies in Archaeology 10). Zürich, 235–239.
- Tassinari, S. 2018: Au musée du Louvre, des vases en bronze romains en quête d'origine. *Bulletin archéologique* 38, 11–97.
- Tomasevic-Buck, T. 1984: Ein Bronzedepotfund aus Augusta Raurica. *BayVgBl* 49, 143–196.
- Touloumtzidou, A. 2011: *Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο*. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike.
- Treister, M.Yu. 2008: Importnaya metallicheskaya posuda iz Tsemdolinskogo mogil'nika [Imported Metalware from the Tsemdolina Necropolis]. In A.A. Malyshev (ed.), *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika* [*The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosphorus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis*] (Nekropoli Chernomor'ya [Necropoleis of the Black Sea Region], 2). Moscow, 181–187.
- Treister, M.Yu. 2018: Blechkanne. Mednye kovanye kuvshiny pervykh vekov n.e. v Severnom Prichernomor'e i Sarmatii [Copper Hammered Jugs of the First Centuries AD in the North Pontic Area and in Sarmatia]. *Drevnosti Bospora* [*The Antiquities of the Bosphorus*] 22, 216–238.
- Treister, M. 2019: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.

- Treister, M. 2022: Semikolenny kurgan u stanitsy Tul'skaya s nakhodkami grecheskikh bronzovykh sosudov VI—V vv. do n.e. K voprosu o proiskhozhdenii "maykopskogo sokrovishcha" [Semikolenny kurgan near the cossack village Tul'skaya with the finds of Greek Bronze Vessels of the 6th – 5th centuries BC. To the Question of the Origin of the "Maikop Treasure"]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region] 14 (in press).
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n.e. [The Chronology of the Cemeteries of the Foothills of the Crimea of the 1st Century BC – 3rd Century AD]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.
- Yadin, Y. 1963: *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils* (Judean Desert Studies 1). Jerusalem.

ROMAN BRONZE OINOCHOES IN THE NORTH PONTIC AREA

Mikhail Yu. Treister

Bonn, Germany

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. In the North Pontic region there were found bronze oinochoes of the first centuries AD of the four types: Tassinari D1110, Ronsden (Eggers 124 / Nuber D or Hagenow / Tassinari D2111a-c-2112), Tassinari D2120 and Stangerup (Eggers 125 / Nuber E or Millingen / Tassinari D2300), which vary in the shape, proportions and size of the body, the shape and decoration of the handles, 14 vessels in total. Separate attributions of oinochoes, published so far, have been reasoned revised in this work. In addition to the distribution of oinochoes by type, the peculiar features of the design of handles and attachments are considered and parallels are given to them among the finds from the territory of the Roman Empire and the European Barbaricum.

Oinochoes originate from burials dating from the first half of the 1st to the middle of the 3rd century AD. In Dnieper region and in Asian Sarmatia finds of oinochoes are extremely rare. More often they were found in the Bosporan Kingdom, burial grounds of the local population of the South-Western Crimea, and especially in the Maiotian burial-grounds of the Kuban region.

For the territory of the Roman Empire, the Central European Barbaricum and Thrace, a combination of patera and oinochoe in the same complexes is evident, clearly forming sets (such as Hagenau, Millingen, etc.). In the North Pontic region, the combination of patera and oinochoe in complexes is noted only in five cases – in the burial grounds of the South-Western Crimea (two complexes of the Ust-Alma burial ground), the Bosporus (the necropolis of Pantikapaion, Tsem dolina near Novorossiysk) and one of the Maiotian burials of the Kuban region. In Sarmatia, the combination of oinochoe and patera in complexes is not traced. Oinochoes of the Millingen type (Eggers 125 / Tassinari D2300) predominate quantitatively, representing half of the finds (7 specimens), rarer (4 specimens) are found the oinochoes of the Hagenow type (Eggers 124 / Nuber D / Tassinari D2111a-c-2112). Oinochoes of types Tassinari D1110 (2 specimens) and D2120 (1 specimen) are even more rare.

Keywords: Roman bronze vessels, oinochoes, Roman imports, Roman Empire, North Pontic area, South-Western Crimea, Bosporan Kingdom, Maiotian burials of the Kuban region, Sarmatia.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-76-31–52

ВТОРАЯ ЭПИТАФИЯ С ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров¹, В.П. Яйленко²

¹ *Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

² *Независимый исследователь*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru*

² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0001-7787-6527*

² *ORCID: 0000-0002-9844-6259*

Аннотация. В 2021 г. на раскопе III городища Артезиан обнаружена известняковая плита с эпитафией, которая находилась под нивелировочным слоем поздней цитадели. Она найдена западнее фасада башни 2 и перемещена с некрополя сразу после гибели ранней цитадели в боспорско-римской войне 44/45–49 гг. Плита обломана с торцов, закопана в глинистый грунт лицевой стороной вниз, лежит строго горизонтально. Может быть, это средняя часть надгробной стелы, был ли рельеф, неизвестно. На лицевой стороне сохранились три строки текста эпитафии. Аккуратно вырезанные буквы надписи читаются хорошо, но текст претерпел значительные утраты. Данная эпитафия пополняет новыми греческими и варварскими именами антропонимикон военных поселенцев ранней цитадели.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, эпитафия, первая половина I в. н.э.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Раскопки античного городища Артезиан в Крымском Приазовье, которые ведутся последовательно и планомерно на протяжении почти четырёх десятилетий, уже трижды дали находки лапидарных эпитафий – к найденной в 2000 г. стеле с рельефом и эпитафией Состибия (назовём её первой артезианской эпитафией) в 2021 г. добавились еще две. Одной из них посвящена настоящая заметка (будем называть её второй артезианской эпитафией), другой (назовем её третьей артезианской эпитафией) авторы посвятят отдельную публикацию. На городище и не-

Данные об авторах: Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ; ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь, Москва.

Археологический раздел статьи написан Н.И. Винокуровым, эпиграфический – В.П. Яйленко, работавшим с фотографиями надписи.

крополе найден также ряд анэпиграфных надгробных стел.¹ Как правило, они привязаны к определённым стратиграфическим слоям и объектам, которые хорошо датируются благодаря большому количеству точных хронологических индикаторов, прежде всего нумизматических материалов из реперных напластований пожара времени начала боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Тас. Ann. XII. 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища².

Итак, в 2021 г. в западной части раскопа III, во время раскрытия мостового перехода через оборонительный ров ранней цитадели, в материковом грунте на неповреждённом многочисленными позднеантичными ямами участке обнаружена *in situ* надгробная плита с эпитафией (к. о. 128/2021), которая получила номер 1/2021 (рис. 1–9). Материал – бело-серый известняк, 36х60х19,2 см, плита грубо оббита с обеих торцовых сторон (рис. 2, 9). На одной стороне сохранились хорошо заметные следы глубокого двухстороннего пропила, который должен был облегчить поперечный разлом плиты (рис. 2, 2). Другая, лучше сохранившаяся стела 2/2021 (к. о. 127/2021), вместе с третьей эпитафией найдены через некоторое время неподалёку от предыдущей. Она была вмурована во внешний фас фундамента западной башни 3 поздней цитадели³ (рис. 4). Стела 2/2021 находилась на 2,87 м северо-восточнее, располагаясь заметно выше – на 1,22 м – от первой находки (рис. 5.2)⁴.

Всего на Артезиане обнаружено около двух десятков целых стел и их фрагментов, в основном они анэпиграфные. Важно отметить, что находки разбитых или фрагментированных стел с надписями тяготеют на городище к нивелировочному слою, связанному с постройкой поздней цитадели царя Котиса⁵. Стелы на городище обнаружены в центральной, самой возвышенной части городища в процессе исследования пространства, оконтуренного оборонительным рвом, под фундаментами башен и стен поздней цитадели или в их конструкции.

Возможно, вторичное использование надгробных стел было вызвано не только строительными нуждами, но и какими-то религиозно-магическими потребностями, связанными с недавно завершённой боспорско-римской войной, строительными и поминальными жертвоприношениями, тем более что это самое возвышенное место в центре городища. Тут последовательно возводились

¹ Н.И. Винокуров планирует уделить им отдельную статью

² См. Винокуров 2004, 79–88; 2005, 50–60; 2007а, 17–56; 2007б, 190–199; 2008, 67–77; 2009, 9–16; 2010а, 38–44; 2010б, 46–65; 2012; 2013, 3 0–40; 2014а, 98–105; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2012, 93–146; Абрамзон, Винокуров, Трейстер 2014, 5–16; Abramzon, Treister, Vinokurov 2012, 207–278; Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 134–162; Винокуров, Крыкин 2017, 170–194.

³ Стела 2/2021 г. (к. о. 127/2021), заметно больших размеров (78/80х75х18 см) находилась в фундаменте под западным внешним фасом цокольного ряда квадров башни 2. Её основанием послужила массивная прекрасно обработанная плита, весом около тонны, не имевшая изображений. Стела 2/2021 была фрагментирована, лежала строго горизонтально, также, как и первая стела, лицом вниз. На их перевернутом положении остановимся несколько позже, в финальной части работы.

⁴ Упомянем также находку фрагмента еще одной стелы, представляющий собой небольшой угловой скол декоративного рельефа надгробия (к. о. 65/2021) из плотного бело-серого известняка. На лицевой поверхности плиты эффектно выделялась часть декоративного украшения в виде пальметты, розетки или крыла, изящно высеченного в низком рельефе. Размер фрагмента: 10х6х4 см. Последний артефакт найден на 60 м юго-восточнее, на другом участке раскопа III, где раскапывался котлован выборки юго-западной башни 5 поздней цитадели.

⁵ Винокуров 2019, 92–113.

Рис. 2. 1–2 – фрагмент надгробной стелы 1/2021 с трёхстрочной надписью (к.о. 128/2021), найденный западнее башни 2 поздней цитадели под нивелировочным слоем и контрфорсом. Лицевая часть (1) и торец (2). Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Рис. 3. Место находки стелы 1/2021 (к.о. 128/2021) в полотне мостового перехода через оборонительный ров ранней цитадели. Вид с С–В, со стороны западной башни 2 поздней цитадели. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 3. Tombstone 1/2021 (inv. 128/2021) found in the bridge over the defensive moat of the Early Citadel. View from NE, the side of the Western Tower 2 of the Late Citadel. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Рис. 4. Место находки стелы 1/2021 (к.о. 128/2021) в полотне мостового перехода через оборонительный ров и стелы 2/2021 (к.о. 127/2021). Вид с С–В, со стороны цоколя западной башни 2 поздней цитадели. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 4. Tombstone 1/2021 (inv. 128/2021) found in the bridge over the defensive moat and tombstone 2/2021 (inv. 127/2021). View from NE, from the side of the plinth of the Western Tower 2 of the Late Citadel. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Рис. 5. 1–2 – место находки стелы 1/2021 (к.о. 128/2021) в полотне мостового перехода через оборонительный ров ранней цитадели. Вид с Ю–В (1) и Ю–З (2), до и после извлечения стелы 1/2021 и выборки ям. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 5. 1–2 – Tombstone 1/2021 (inv. 128/2021) found in the bridge over the defensive moat of the early citadel. View from SE (1) and SW (2), before and after the extraction of tombstone 1/2021 and the excavation pits. Artezian settlement. Trench III, 2021.

разновременные фортификационные сооружения, и на протяжении всех периодов место могло быть привлекательным для подобной религиозно-магической практики, материальным остатком которой являются раскопанные здесь жертвенные комплексы античного, а потом и средневекового времени, в том числе связанные с человеческими жертвоприношениями и ритуальным каннибализмом⁶. Участок городища на месте раскопов I и III сильно повреждён при постройке фортификационных объектов акрополя городища в период после 63 г. до н.э. (рис. 1, 2–5). Его понимание сильно затруднено, тем более что природная возвышенность, заселённая ещё с эпохи неолита и бронзового века, неоднократно с эпохи эллинизма террасировалась, перепланировалась и перестраивалась в ходе возведения крепостных стен и башен, что также сильно осложнило выявление убедительного археологического контекста. Но, к счастью, археологический контекст открытых лапидарных находок 2021 г., пусть и фрагментарно уцелевших между позднеантичными ямами и строениями, вполне однозначен, он не искажён и не нарушен расположенными рядом позднейшими перекопами⁷.

Цель нижеследующей заметки – введение в научный оборот открытой раскопками ААЭ в августе 2021 г. второй артезианской эпитафии (номер 1/2021; рис. 2, 9).

1.1. МЕСТО ОБНАРУЖЕНИЯ ПЛИТЫ 1/2021

Плита использована в качестве закладного камня перед началом строительства поздней цитадели (рис. 1, 2–8); была полностью вкопана в материковый грунт перед фасом оборонительной башни 2, за пределами котлована её фундамента. Плита ориентирована по сторонам света, длинными сторонами – строго по линии юг-север, залегала горизонтально лицевой стороной книзу. Впущена в материковый плотный жёлто-коричневый суглинок на глубину до 0,30 м. Уложена очень плотно на пластичную жёлтую глину, без находок. Контуры углубления под плиту в материковом грунте не просматривались. Тут расположен участок мостового перехода через ров, он спланирован при сооружении контрфорса поздней цитадели на рубеже I–II вв.; весь участок прорезан глубокими позднеантичными ямами, но, к счастью, они не затронули участок со стелой.

Когда плиту с эпитафией перевернули, то выяснилось, что под ней находилась небольшая ямка 741 неправильной в плане овально-округлой формы, линзовидная в разрезе (рис. 6–8). Плита надгробия её полностью перекрывала. Вместительность ямки 741, размером 16x52 см, глубиной 9 см⁸, плотно забито рыхлой массой полуистлевших семян конского щавеля, окрасивших поверхности плиты по центру в буровато-коричневый цвет. Возможно, это нора грызуна с запасами семян на зиму⁹. Входных кротовин к яме 741 не обнаружено. Можно было подумать, что эта ямка жертвенная, синхронная стеле, но семена конского щавеля сохранили свою структуру, цветность и выглядели достаточно свежими. Под стелой на жёлтой глине, за пределами ямы, где не было семян, остался чёткий зер-

⁶ Винокуров 2004, 55–87.

⁷ Винокуров 2018, 89 и сл.

⁸ Дно ямы расчищено на отметке –4,68.

⁹ Семена из ямы 741 взяты на карпологический анализ.

кальный отпечаток букв надписи (рис. 6, 2). По цвету и структуре эта глина ничем не отличается от окружавшего плиту материкового суглинка, который чист – не содержит находок. Глина под плитой была влажной, потому и появился отпечаток букв надписи; это не рукотворное явление, а естественное.

Как сказано, плита вкопана в полотно мостового перехода через ров. Этот проход шириной около пяти метров являлся единственной дорогой к ранней цитадели. Возводимая башня 2 поздней цитадели фактически полностью его перекрывала. С этого момента проезд через ров использоваться не мог и послужил основанием для контрфорса башни 2. Плиту с надписью положили перпендикулярно, поперёк дороги. Она была, скорее всего, вкопана в материковый грунт с уровня нивелировочного слоя поздней цитадели, который перекрывал остатки строительных конструкций ранней цитадели Митридата III с мощным слоем пожара 46/47 г.

1.2. ДАТИРОВКА ПЛИТЫ 1/2021 ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Как и остальные надгробные памятники вторичного использования, она связана со строительным ярусом поздней цитадели. Раскопками достоверно установлено, что поздняя цитадель возведена при царе Котисе I (45–68 гг.) на руинах ранней цитадели, погибшей в 46/47 г., в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг. По данным стратиграфии, плита 1/2021 находилась на границе с нивелировочным слоем, как и другие лапидарные памятники, открытые при раскопках поздней цитадели. Можно с полной уверенностью говорить, что надгробные стелы попали в нивелировочный строительный слой и фундаменты крепости непосредственно в ходе сооружения поздней цитадели, вряд ли позже 54 г. н.э. При этом стены и башни поздней цитадели ещё не были полностью возведены. Данное заключение сделано на основании монет чеканки Котиса I из слоя строительного отёса, который образовался во время строительных работ. Следовательно, надгробные стелы были выломаны из погребальных комплексов некрополя городища по завершении тяжёлой и разорительной гражданской войны, осложнённой иноземной агрессией (через небольшой промежуток после гибели ранней цитадели, скорее, с момента пленения Митридата III, когда война была на исходе, а обстановка на Боспоре и вокруг него стабилизировалась). Таким образом, время закапывания плиты с эпитафией и засыпка её нивелировочным грунтом под позднюю цитадель приходится на достаточно узкий хронологический диапазон между 49–54 гг. Это *terminus ante quem* для времени создания эпитафии.

2. ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Форма плиты. Прямоугольная известняковая плита, верхняя и боковые стороны обколоты, нижняя сторона гладкая. Такое состояние граней может быть объяснено двояко – либо плита отбита от первоначальной стелы, либо это изначальный формат надгробия. Обычно у стел с рельефом и эпитафией внизу есть шип для вставки в основание; к примеру, прямоугольна и плита КБН-альбом 550 с эпитафией, но шип снизу указывает, что она отломана от изначальной стелы. У артезианской плиты нет шипа, так что по этому признаку она могла быть без

шипа¹⁰. Есть немало боспорских надгробий (обычно они известняковые, из песчаника, но бывают и мраморные) в виде прямоугольной плиты с эпитафией – КБН 335, 519, 568, 603, 628 и пр. (ограничиваемся надписями I – начала II в. н.э.). Они служили закладным камнем склепа, обозначая его принадлежность конкретным людям; таковы, к примеру, надписи КБН 335, 711, найденные при склепах, что подтверждается текстуально: сей памятник (сиречь склеп – τὸ μνημα) соорудил имярек. Но чаще это простая надгробная плита на насыпи могилы. У таких плит редко все грани гладкие (как КБН 335, мрамор), но обычно от условий залегания обколоты (КБН 519, 628, мрамор; 568, известняк), либо даже отпилены снизу (КБН 603, известняк). Как видно, по этим показаниям артезианская плита скорее всего была простым намогильным надгробием.

Текстология. На плите написана трёхстрочная эпитафия, сделанная по линейкам (рис. 2, 8). Разлиновка геометрически правильная, врезы линеек глубокие, что при утрате большей части букв порождает дополнительные проблемы их прочтения. Резчик разлиновал 4 полные строки, и наметил пятую и шестую¹¹, но уложил в три, так что нижняя оказалась лишней, тем не менее, она входит в эпиграфическое поле. Верхняя и нижняя линейки аккуратно ограничивают верх и низ этого поля: его высота 214 мм¹². Левую и правую границы поля составляют боковые грани плиты, так что ширина соответствует ширине плиты, – в пределах 620 мм. Прямые буквы одинаковой высоты (44 мм¹³), концы их гасят касаются верхней и нижней линеек, лишь у букв с горизонталями (Γ, Ε, Π, Σ) последние не достигают линеек; соответственно, по высоте они чуть меньше, равной с ними высоты и округлые буквы (из их числа сохранилось только Ο). Буквы резаны уверенно, прямые гаси и окружности явно сперва прорисованы и затем обозначены гравировкой¹⁴. При четкости резьбы букв, характер письма всего текста неровный: в стк. 1 они теснятся друг к другу, в стк. 2 промежутки меж ними посвободнее, в стк. 3 им уж вовсе просторно. Чтобы быть точным, отметим стк. 2: видя ненужную тесноту первой строки, тут резчик первые 6 букв сделал со свободными промежутками, но далее без видимой причины снова стал теснить их. В стк. 3, закончив последнее имя, слово ΧΑΙΡΕΤΕ он пустил в разлёт. Сей резчик исполнитель и аккуратен, но разноразмерности букв показывает, что опыта аранжировки текста у него недостаточно.

Сохранность текста более-менее удовлетворительна: хотя в стк. 1 из 16–17 букв утрачены 9, в стк. 2 из 18 букв утрачены всего 3, столько же и в последней строке, где было 12 букв. Соответственно, стк. 2–3 читаются хорошо, с чтением стк. 1 большие проблемы. Отчасти решить их помогает формуляр эпитафии, он прост: в стк. 1 имя-отчество старшего покойника, отца и / или матери, далее имена сыновей и / или дочерей (реже встречаются иные термины родства), т. е. ὁ / ἡ δεῖνα τοῦ δεῖνος καὶ υἱὸς / υἱοῦ νομην / νομῖνα, χαῖρε / χαῖρετε. Такой формуляр распространен на Боспоре с I в. до н.э., укажем примеры лишь с ἡ δεῖνα, т. е. с именем

¹⁰ Конечно, не все пантикапейские надгробные стелы с шипом, но в таком случае приходится ориентироваться не на норму.

¹¹ От разметки пятой и шестой строчек остались неглубокие врезы с левой стороны плиты.

¹² Без учета намеченных строк, шириной 48 мм.

¹³ Третья строка высотой 42 мм.

¹⁴ Например, густо разведенной золой (у древних это то же, что у нас чернила), затем тонко процарапано острием с помощью деревянной линейки или по лекалам.

матери, как в артезианской эпитафии, – КБН 270, 284, 289, 308, 323, 343, 427, 436 и мн. др. Для примера приведём эпитафию I в. н.э. КБН 436: Καλλιμέδουσα, | γυνή Σακλέους, | καὶ υεῖοῖ Σακκλῆς | καὶ Παρθενοκλῆς, | χαίρετε. Имена в боспорских эпитафиях римского времени употребляются в именительном или звательном падежах. В стк. 1 изучаемой эпитафии сохранены следующие буквы (точками показаны утраченные): ΑΓΑ.ΙΝΓ.ΝΗΡΑΙ...⁴⁻⁵.., из которых явствует, что сначала следует имя матери, состоящее из 6 букв, поскольку далее определенно читаются слово γ[υ]νή «жена» и начало имени её супруга ΡΑΙ[...⁴⁻⁵..]¹⁵.

Текст: Ἀγά[ρ?]iv, γ[υ]νή Ρα[μ]v[α]γου? | κ]αὶ υοῖ Σανουδ καὶ Πάμ[φι]λε, vac. χαίρετε «Ага[р?]ин, жена Ра[мнага?] и сыновья Санус да Памфил, прощайте».

Поскольку сохранность стк. 2–3 удовлетворительна, чтение их определено. Имя Πάμφιλος распространенное, в том числе на Боспоре, где оно пантикапейское (LGPN IV, p. 268; КБН 36, 388, 483–485, 609). В артезианской эпитафии его звательный падеж Πάμ[φι]λε предполагает такой же падеж имени и первого сына. В том за сохранными буквами ΣΑΝΟ видны остатки Υ (ножка да верхушка левого усика), и этот вокатив Σανουδ указывает, что номинативная форма имени – Σανουδς. По происхождению оно может быть малоазийским, ибо там немало имен на Σαν-¹⁶, но оно короткое, вследствие чего этническая принадлежность его скорее местная боспорская, ибо на Боспоре и немало имен на Σαν- (Σανεια, Σανοκας, Σανχος, Σανων – КБН 115, 634, 974, 1180, 1220)¹⁷, и хорошо представлены имена на -ουδς : Ἀγαθοῦς, Καλοῦς etc. (см. КБН, с. 815–816), причем в трех артезианских эпитафиях их два – в первой Παδαφοῦς, в третьей Ἀπφοῦς. Все это склоняет к мысли, что также имя Σανουδς туземное боспорское.

Напротив, с чтением стк. 1 всё непросто. Начнем от противоположного – предположим, слова γ[υ]νή нет (гамма невыразительна) и в стк. 1 имя-патронимик отца, тогда текст таков: Ἀγα.iv..v Ἦρα[κλίου]. Он неплох отчеством Ἦρα[κλίου] (= Ἦρα[κλείου]), которое известно на Боспоре (КБН 898), но трудность заключена в окончании -v имени покойного: оно есть у мужских личных имен (типа Ἐρμῶν и пр.)¹⁸, на Боспоре есть Ζόβην (КБН 320), но у всех таковых нет начала Ἀγα-. Бесчисленны имена на -ων, и есть с началом Ἀγα- (Ἀγαθίων, Ἀγάθων, Ἀγαμέμνων, Ἀγαπητίων)¹⁹, но ни одно не соответствует остаткам стк. 1. Так методом исключения выясняется оптимальность чтения слова γ[υ]νή. Соответственно, имя женщины насчитывало 6 букв – ΑΓΑ.ΙΝ, утрачена всего одна, однако доступные мне справочники не дают подходящего. В обратном словаре имен из греческих источников Б. Хансена есть большая группа женских имен на -iv, почти все негре-

¹⁵ От Г слова γ[υ]νή сохранились 2/3 вертикали и часть горизонтали под верхней линейкой. Буквы ΝΗ читаются безусловно: Н почти целая, а у Ν надписи есть приметная черта – ее диагональ начинается у самого верха левого столба и примыкает к самому низу правого.

¹⁶ Zgusta 1964, 454f.

¹⁷ Имя Σανων в эпитафии IV в. до н.э., поэтому с основанием считается греческим (ввиду столь раннего времени Л. Згуста справедливо счел рискованным сопоставление его с этнонимом сванов Σάννοι, – Zgusta 1955, § 1145). Женское имя Σανεια представлено в эпитафии I–II в. н.э., поэтому зачисление его М. Фасмером в сарматские вероятно (Vasmer 1923, 50). Имена Σανοκας, Σαν(ο)χας, Σανχος неясны по происхождению (Zgusta 1955, § 700–701); при этом Σανχος известно с III в. до н.э. как отчество жреца храма Аполлона Иетра в Фанагории, ввиду раннего времени и узуса в боспорской верхушке считаем его местным, боспорского происхождения.

¹⁸ Hansen 1958, 92–107.

¹⁹ Hansen 1958, 107–120. Pape, Benseler 1884, 5–8.

ческие, но с анлаутом АГА нет²⁰. И в боспорской надписи мы соответствующим образом можем ожидать негреческое имя. Вообще-то между второй альфой и N место для одной широкой буквы – M или Π, но при последней N согласной быть не может, только гласная, из которых возможна лишь иота – I. В таком случае в оставшемся пространстве лакуны может поместиться лишь вторая, так сказать, половинная буква – P (других нет). Добавив ее, получаем женскую форму Ἄγα[ρ?] tv к мужскому имени Ἄγαρος, – так звали скифского царя, к которому бежал внук Перисада I во время междоусобной войны его сыновей (Diod. XX. 24. 2)²¹.

Проблематично и чтение имени мужа. После целиком сохранных букв PA следует вертикаль, затем нижние части двух вертикалей и диагонали. Правая из упомянутых вертикалей и диагональ с большой мерой вероятия составляют букву N, она четвертая по счету. Третьей буквой, от которых сохранились части двух вертикалей, может быть Π или M. Всего в имени мужа насчитывалось 7–8 букв, так что сохранность лишь 2–3 начальных делает предположительной любую попытку его прочтения. Exempli gratia привлекаем известное в Ольвии имя Ραμαναυος (Надписи Ольвии, № 88), с обычной в туземной антропонимии Северного Причерноморья синкопой инлаутного гласного²², в данном случае альфы – Ρα[μ]ν[αυου?]. Имя иранское, к младоавест. Framanah – «свежий, бодрый, лихой», framaīna – «господство, превосходство»²³.

Характер письма, датировка. Общей стилистике письма эпитафии свойственны, во-первых, монументальность, во-вторых, минимальность декоративного украшения букв, что характерно для надписей Боспора позднего I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.²⁴ Из датированных надписей такое письмо представлено в посвящении Динамии за Ливию, в почетной надписи агриппейцев (фанаторитов) в честь Динамии, обе поставлены во второй период её правления (8 г. до н.э. – 8 г. н.э.)²⁵, в посвящении 23 г. н.э. за Аспурга (КБН 39, 978, 979; см. КБН-альбом, № 39, 978, 979). Письмо строгое, геометрически выверенное, с равномерными промежутками от строки к строке; прямые и округлые буквы одинаковой величины, не наезжают друг на друга, декорация их минимальна. Из характерных форм шрифта отметим эпсилон с отступившим от вертикали язычком, каппа классического типа с мелкими усиками, примыкающими к середине столба; N с диагональю, отходящей от самого верха левой вертикали и упирающейся в основание правой; альфа с ломаной перекладиной, P с небольшим кружком головки. Как сказано, декорация минимальна – часть вертикалей и концы горизонталей букв слегка апицированы, лишь язычок E отделен от столба и снабжен хорошо выраженными апексами (см. набор перечисленных форм в цитированной статье А.И. Болтуновой и Т.Н. Книпович табл. III, рубрики «конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.» и «время Аспурга: 10–38 гг. н.э.»)²⁶.

²⁰ Hansen 1958, 93.

²¹ Конечно, это всего лишь предположение; может быть, работа с камнем подвигнет какого-либо следующего исследователя на иной вариант.

²² Так в парах имен иранского происхождения: Ιζαδ[αυος] – Ιεζδαυος, Φλιμανακος – Φλεμιναυος и др.

²³ Bartholomae 1904, 986–987.

²⁴ Ср. Болтунова, Книпович 1962, 19–21.

²⁵ Яйленко 2010, 234–235, 271, 285.

²⁶ Болтунова, Книпович 1962, 11.

Рис. 6. 1–2. Заполнение ямы 741 (нора грызуна?) массой полуистлевших семян конского щавеля и зеркальные отпечатки букв в глине под стелой 1/2021 (к.о. 128/2021). Вид с С–З (1) с и В (2), сразу после переворачивания стелы 1/2021. До выборки заполнения ямы. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 6. 1–2 – Pit 741 fill (rodent hole?) of a mass of half-decomposed horse sorrel seeds and mirror imprints of letters in clay under tombstone 1/2021 (inv. 128/2021). View from the NW (1) and E (2), immediately after the turning of tombstone 1/2021. Before excavation of the pit fill. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Рис. 7. Яма 741 (нора грызуна?) после выборки массы полуистлевших семян конского щавеля. На переднем плане стела 1/2021 (к.о. 128/2021). Вид с З в ходе первичной расчистки. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 7. Pit 741 (rodent hole?) after extraction of a mass of half-decayed horse sorrel seeds. Tombstone 1/2021 (inv. 128/2021) is in the foreground. View from W during the initial clearing. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Рис. 8. Яма 741 (нора грызуна?) в ходе расчистки после переворачивания стелы 1/2021 (к.о. 128/2021) (на переднем плане). Вид с З. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.
 Fig. 8. Pit 741 (rodent hole?) during the clearing after turning over tombstone 1/2021 (inv. 128/2021) (in the foreground). View from W. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Рис. 9. Эпиграфическое поле и шрифт стелы 1/2021 (к.о. 128/2021). Крупный план. Городище Артезиан. Раскоп III 2021 г.

Fig. 9. Epigraphic field and font of tombstone 1/2021 (inv. 128/2021). Close-up. Artezian settlement. Trench III, 2021.

Таким образом, по характеру письма данная эпитафия относится к первой половине I в. н.э.

Вопрос о дате первой артезианской эпитафии. Полученная дата важна и для решения вопроса о датировке эпитафии Состибия, найденной на Артезиане ранее. По мнению издателя С.Ю. Сапрыкина, «палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н.э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга. Характерными признаками такой датировки являются курсивная форма омеги, лунарные эpsilon и сигма (последняя в ряде случаев выписана с удлинённым верхним окончанием), дельта с непропорциональными боковыми гастами по причине небольшой скошенности вверх нижней соединительной гасты, ломаная поперечная гаста альфы, каппа с укороченными, соединяющимися и слегка искривлёнными гастами»²⁷. Такая датировка и цитированный способ её обоснования вызвала возражение В.П. Яйленко, который среди прочего отметил, что невозможно давать надписям курсивного письма такие точные даты, как «конец второй четверти – середина I в. н.э.» С.Ю. Сапрыкина, что «эпитафия отличается редкой для Северного Причерноморья формой минускулярной сигмы – с очень удлинённой верхней горизонталью; она впервые фиксируется в папирусе 88 г. н.э.²⁸, так что дата эпитафии конец I–II вв. н.э.»²⁹. В ответе на критику С.Ю. Сапрыкин согласился, что «... дать точную дату надписи по лунарному шрифту действительно невозможно, можно только обосновать её археологическим контекстом находки. Плита использовалась вторично как перекрытие могилы с керамикой I–II вв. н.э. Поскольку поселение Артезиан погибло в пожаре в 40-х гг. н.э., а могила, перекрытая плитой, относится к следующему этапу в жизни укрепления, то это позволяет продатировать надгробие временем около второй четверти – середины I в. н.э.»³⁰. Как видно, оппонент сделал упор на археологические показания, но понимает их своеобразно: признает, что поселение существовало и после пожара середины I в. н.э., но без каких-либо палеографических аргументов по-прежнему настаивает на времени Аспурга. Поэтому В.П. Яйленко вновь обратил его внимание на чёткое свидетельство палеографии надгробия Состибия: «ориентации на период истории городища до пожара в середине I в. н.э. противоречит указанная форма ζ, так что, повторю, стела поставлена не ранее конца I в. н.э., где-то в пределах II в. За столетие некрополь вполне мог пройти две фазы существования, потому стела и была использована дважды. Итак, дата эпитафии конец I–II в. н.э.»³¹. Теперь добавим к сказанному, что и курсивный эpsilon (ε) эпитафии Состибия с язычком, не касающимся дуги, употребляется в боспорской лапидарной палеографии с конца I – начала II в. н.э. (КБН 591, 604, 647, 648 и др.)³². Что же до его археологического аргумента, то необходимо пояснить, что история некрополя Артезиана насчитывает 3 хронологических этапа существования: первая группа погребений создавалась не позднее первой трети – середины I в. н.э., второй был длителен и опорная датировка лежит близ границы

²⁷ Сапрыкин, Винокуров, Белоусов 2014, 148–149.

²⁸ Gardthausen 1913, Taf. I, Sp. 13.

²⁹ Яйленко 2017, 538.

³⁰ Белоусов, Сапрыкин 2018, 265.

³¹ Яйленко 2019, 145. В этой статье по недосмотру поставлена буква ε, должно быть ζ (без нижней закорючки).

³² См. и Болтунова, Книпович 1962, табл. III.

I–II вв., третий приходится на время не позднее середины – второй половины II в. н.э.³³ Поэтому утверждение С.Ю. Сапрыкина, что «могила, перекрытая плитой <с эпитафией Состибия, – В.Я. >, относится к следующему этапу в жизни укрепления» неточно по существу, ибо было два «следующих этапа» функционирования некрополя. Заполнение могилы, перекрытой эпитафией Состибия, материалом I–II вв. н.э. позволяет отнести её не только к I в., как он хочет, но и ко II в., что даже предпочтительней в силу обычной для закрытого комплекса датировки по наиболее позднему материалу. Иначе говоря, перекрытая стелой Состибия могила относится ко второму или скорее третьему этапу существования некрополя. Добывает датировку С.Ю. Сапрыкиным эпитафии Состибия первой половиной I в. н.э. рассмотренная вторая эпитафия, которая своими монументальными формами показывает, каково на деле лапидарное письмо этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146.
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии*. (БЧ XV). Керчь, 5–16.
- Белоусов, А.В., Сапрыкин, С.Ю. 2018. Еще раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре. *Аристей* 18, 246–269.
- Болгунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. *ДБ* 5, 70–86.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И. 2005: Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф*. (БЧ VI) Керчь, 50–60.
- Винокуров, Н.И. 2007а: Во всем ли виноваты варвары? *PARA BELLUM* 28, 17–56.
- Винокуров, Н.И. 2007б: Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. до н.э. в боспорской крепости Артезиан. В сб.: *Боспорский Феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб, 19 0–199.
- Винокуров, Н.И. 2008: Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье. В сб.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria*. (БЧ IX). Керчь, 67–77.
- Винокуров, Н.И. 2009: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье. *PARA BELLUM* 31, 9–16.
- Винокуров, Н.И. 2010а: Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.). В сб.: *СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки I*. Москва–Киев, 38–44.

³³ Винокуров 2012, 317–318; 2014б.

- Винокуров, Н.И. 2010б: Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году. *ДБ* 14, 46–65.
- Винокуров, Н.И. 2012: *Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011)*. Тюбинген.
- Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. *Российский научный журнал* 1 (32), 30–40.
- Винокуров, Н.И. 2014а: Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан. *Таврические студии. Исторические науки* 6, 98–105.
- Винокуров, Н.И. 2014б: Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). (БИ 12). Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И. 2019: Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. *ДБ* 24, 92–113.
- Винокуров, Н.И., Крыкин, С.М. 2017: Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. *ПИФК* 4, 170–194.
- Крыкин, С.М. 2010: Реликты духовной культуры автохтонов Восточных Балкан. *Вестник МГПУ* 2 (6), 61–71.
- Крыкин, С.М. 2015: Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре. *Вестник МГПУ* 2 (18), 57–66.
- Крыкин, С. М. 1993: *Фракийцы в античных городах Северного Причерноморья*. М.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культуры). *ВДИ* 3, 134–162.
- Сапрыкин, С.Ю. 1997: Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора. *ВДИ* 3, 85–92.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму. *МАИАСК* 9, 523–548.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ. *БИ* 39, 117–209.
- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18. 2, 207–278.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Vasmer, M. 1923: *Die Iranier im Südrussland*. Leipzig.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.
- Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Y. 2014: Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voiny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and interpretation of the layer of the Roman-Bosporan War at the Artezian Settlement]. In V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy khronologii [Bosporus Cimmerian and the barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Relevant problems of chronology]*. (XV Bosporskie chteniya [XV Bosporan Readings]). Kerch, 5–16.

- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS* 18. 2, 207–278.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporskoy voyny 45–49 godov s gorodishcha Artezian [Two hoards of coins and jewelry of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Settlement of Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 93–146.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Belousov, A.V., Saprykin, S.Yu. 2018: Eshche raz o publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian na Bospore [Once again on publication of the inscriptions from the Bosporan settlement Artezian]. *Aristey [Aristaeus]* 18, 246–269.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [A sketch of the Greek lapidary writing on the Bosporus]. *Numizmatika i Epigrafika [Numismatics and epigraphy]* 3, 3–31.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Krykin, S. M. 1993: *Frakiitsy v antichnykh gorodakh Severnogo Prichernomor'ya [Thracians in the ancient cities of the Northern Black Sea region]*. Moscow.
- Krykin, S.M. 2010: Relikty duhovnoi kultury avtohtonov Vostochnykh Balkan [Relics of the spiritual culture of the Autochthons of the Eastern Balkans]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University]* 2 (6), 61–71.
- Krykin, S.M. 2015: Terrakotovye “frakiiskie vsadniki” na Bospore [Terracotta “Thracian horsemen” on the Bosporus]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University]* 2 (18), 57–66.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Saprykin, S.I. 1997: Prirodnye katastrofy i iavleniya v ideologii Mitridata Evpatora [Natural disasters and phenomena in the ideology of Mithradates Eupator]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 85–92.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu [The settlement Artezian in East Crimea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 134–162.
- Vasmer, M. 1923: *Die Iranier im Südrussland*. Leipzig.
- Vinokurov, N.I. 2002: Novye izobrazheniya ssadnikov na Bospore [New representations of horseman on Bosporus]. *Drevnosti Bospora [The Bosporan antiquities]* 5, 70–85.
- Vinokurov, N.I. 2004: Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naidennaya pri raspokkakh “Tsitadeli” gorodishcha Artezian [A slab with monograms and tamga-like signs found during the excavations of the “Citadel” of the Artezian settlement]. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]* 7, 79–88.
- Vinokurov, N.I. 2005: Gibel’ ranney “Tsitadeli” gorodishcha Artezian [The death of the early “Citadel” of the Artezian settlement]. In V.N. Zinko, E.A. Zinko (eds.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov’ya. Periody destabilizatsii i katastrof [Cimmerian Bosporus and the barbaric world in Antiquity and the Middle Ages. Times of instability and disasters]*. (VI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 50–60.
- Vinokurov, N.I. 2007a: Vo vsem li vinovatyy varvary? [Are the barbarians to blame?]. *Para Belum* 28, 17–56.
- Vinokurov, N.I. 2007b: Nakhodki kul’tovykh predmetov v sloe pozkhara pervoy poloviny I v. do n.e. v bosporskoy kreposti Artezian [Finds of cult objects in the fire layer of the first half of the 1st c. BC at the Bosporan fortress Artezian]. In *Bosporskiy fenomen: sakral’nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan Phenomenon: Sacred Meaning of the Region, Monuments, Finds. Materials of the international research conference]*. Pt. 1. Saint Peterburg, 190–199.

- Vinokurov, N.I. 2008: Voyna, pozhar ili prirodnyaya katastrofa: arkhеologicheskie kriterii otsenok posledstviya katastrof na pamyatnikakh antichnoy arkhеologii v Krymskom Priazov'e [War, fire or natural disaster: archaeological criteria for assessing the consequences of disasters on the sites of ancient archaeology in the Azov region of Crimea]. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Militaria* [Bosporus Cimmerian and the barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Militaria]. (IX Bosporskie chteniya [IX Bosporan Readings]). Kerch, 67–77.
- Vinokurov, N.I. 2009: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i pervaya nakhodka gladiusa v Krymskom Priazov'e [Roman-Bosporan War 44/45–49 and the first find of a gladius in the Azov region of Crimea]. *Para Bellum* 31, 9–16.
- Vinokurov, N.I. 2010a: Bosporo-rimskaya voyna 44/45–49 gg. i gibel ranney tsitadeli gorodisha Artezian (po materialam raskopok 2004–2008 gg.) [The Bosporan-Roman War of AD 44/45–49 and the death of the early citadel of the Artesian settlement (based on the materials of excavations in 2004–2008)]. In *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveishe otkrytiya i nakhodki, I* [ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea region. The recent discoveries and finds, I]. Moscow–Kiev, 38–44.
- Vinokurov, N.I. 2010b: Novye nakhodki vremeni nachala bosporo-rimskoy voiny na gorodishche Artezian v Krymskom Priazove v 2009 godu [New finds from the beginning of the Bosporan-Roman War at the Artesian settlement in the Crimean Azov region in 2009]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 14, 46–65.
- Vinokurov, N.I. 2012: *Arkheologicheskie pamiatniki v Krymskom Priazove (po materialam AAE 1988–2011)* [Archaeological sites in the Crimean Azov region (based on 1988–2011 materials of the Artesian Archaeological Mission)]. Tubingen.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy polovine I v. n. e. [Artesian settlement in the second half of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal] 1 (32), 30–40.
- Vinokurov, N.I. 2014a: Raskopki pomeshcheniya 10 (2009, 2011, 2013 gg.) ranney tsitadeli gorodishcha Artezian [Excavations of room 10 (2009, 2011, 2013) of the early citadel of the Artesian settlement]. *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* [Tauric Studies. Historical Sciences] 6, 98–105.
- Vinokurov, N.I. 2014b: *Nekropol antichnogo gorodisha Artezian v Krymskom Priazove (materialy raskopok 1999–2007 gg.)* [Necropolis of the ancient Artesian settlement in the Crimean Azov region (materials of excavations 1999–2007)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies] 12. Simferopol–Kerch.
- Vinokurov, N.I. 2019: Issledovanie stroitel'nykh ostatkov pozdney tsitadeli na gorodishche Artezian v 2015–2017 gg. [Investigation of the construction remains of the late citadel at the Artesian settlement in 2015–2017]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 24, 92–113.
- Vinokurov, N.I., Krykin, S.M. 2017: Rimskaya politika v Severnom i Severo-Zapadnom Prichernomor'ye v seredine I v. n.e. [Roman politics in the Northern and Northwestern Black Sea region in the middle of the first century AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 170–194.
- Yailenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy Bosporskiy reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do nash-ey ery – V veka nashey ery* [The Millennial Bosporan Reich. A history and epigraphy of the Bosporus from the 6th century BC to 5th century AD]. Moscow.
- Yailenko, V.P. 2017: O publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian v Vostochnom Krymu [On publication of inscriptions from the settlement Artezian in the East Crimea]. *Materialy po arkhеologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [The Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 471–483.
- Yailenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [Epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies] 39, 117–209.

Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

Zgusta, L. 1964: *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

THE SECOND EPITAPH FROM THE ARTESIAN SETTLEMENT
(THE CRIMEAN AZOV REGION)

Nikolay I. Vinokurov¹, Valeriy P. Yailenko²

¹ *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

² *Independent researcher, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru* ² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

Abstract. In 2021, a limestone slab with an epitaph, which was located under the leveling layer of the late citadel, was discovered at the Artesian Settlement, Trench III. It was found to the west of the facade of Tower 2 and was moved from the necropolis immediately after the destruction of the Early Citadel during the Bosporan-Roman War in AD 44/45–49. The slab is broken off at the ends, buried in clay soil face down, lies strictly horizontally. Most likely, this is the middle part of the tomb stele, whether there was a relief is unknown. Three lines of the text of the epitaph have been preserved on the front side. The neatly carved letters of the inscription are legible, but the text has suffered significant losses. This epitaph adds new Greek and barbarian names to the anthroponymy of the military settlers of the early citadel.

Keywords: Kingdom of the Bosphorus, settlement Artesian, epitaph, 1st century AD.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-76-53–86

ЗАГАДКИ ЧОКРАКА

В.К. Герасимов¹, В.А. Дикарев², А.А. Масленников³

¹ *Институт физической химии и электрохимии им. А.Н. Фрумкина РАН, Москва, Россия*

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

³ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

¹ *E-mail: vladger@mail.ru*

² *E-mail: dikarev@rambler.ru*

³ *E-mail: iscander48@mail.ru*

ORCID: 000-001-8247-010X ORCID: 000-0001-9936-9761 ORCID: 000-001-8292-1572

Аннотация. В 2020–2021 гг. в обрыве западного берега мыса, расположенного в южной части Чокракского озера, в непосредственной близости от раскопа большой античной усадьбы IV–I вв. до н.э. были выявлены остатки крупной стены. Она имела в ширину до 2,4 м и прослежена в длину, в сторону озера не менее чем 17 м, а, скорее всего, и больше. По сопутствовавшим немногочисленным находкам время её строительства можно отнести к самому началу III в. до н.э. По всей видимости, аналогичная стена существовала и на восточном склоне мыса. Очевидно, они являлись продолжением укреплений усадьбы на нижних террасах мыса, в настоящее время почти совершенно затопленных озером. Менее вероятно, что обе стены как-то были связаны с добычей соли и лечебных грязей ещё в древности. Вместе с тем, в стратиграфии западного раскопа была зафиксирована «аномалия», объяснимая лишь временным значительным (до 2 м) подъёмом уровня озера, вероятно уже в позднеантичное или раннесредневековое время. В любом случае – это весомый повод для дальнейших палеогеографических и археологических изысканий в области динамики уровней воды и берегов Азовского моря в античности и средневековье. В этой связи с статье рассматриваются некоторые свидетельства античных авторов, в том числе терминология, а также их соотношение с новыми археологическими и палеогеографическими палеоэкологическими) реалиями.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, археология, палеоэкология, письменные свидетельства, Чокракское озеро, строительные остатки, хронология.

Данные об авторах: Владимир Константинович Герасимов – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ИФХЭ им. А.Н. Фрумкина РАН; Василий Александрович Дикарев – научный сотрудник НИЛ новейших отложений и палеогеографии плейстоцена географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Александр Александрович Масленников – профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом полевых исследований ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках проекта «Причерноморская и Центрально-Азиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» № НИОКТР 122011200269-4.

Рис.1. Поселения в Крымском Приазовье: 1 – Казантип-западный; 2 – Золотое-берег; 3 – бухта Широкая (Омега), Генеральское-западное (юго-западный склон); 4 – Салачик; 5 – Сиреневая бухта; 6 – Полянка (бухта Радости); 7 – Чокракский мыс; 8 – мыс Зюк (Зенонов Херсонес).

Fig. 1. Settlements in the Crimean Azov region: 1 – Kazantip-zapadnoe; 2 – Zolotoe-bereg; 3 – Shirokaya Balka (Omega), Generalskoe-zapadnoe (southwestern slope); 4 – Salachik; 5 – Sirenevaya Bukhta; 6 – Polyanka (Bukhta radosti); 7 – Cape Chokrak; 8 – Cape Zyuk (Zenonov Chersonese).

В каждой области научного поиска, как известно, есть «вечные» темы, к которым обращаются бесчисленное число раз. В археологии Северного Причерноморья это вопросы хронологии и интерпретации памятников и отдельных категорий находок. В геологии – динамики колебаний уровней суши и водных поверхностей в каком-то из регионов и «вообще». Относительно «относительно» недавнего прошлого (поздний голоцен) обе эти науки просто обречены взаимодействовать и, естественно, взаимодействуют. При этом могут «вмешаться» и иные «действующие лица», то есть научные дисциплины. Пример тому – всё нижеизложенное. Итак, речь пойдёт о районе Чокракского озера и сопредельного Крымского Приазовья, вернее, новых и, отчасти, прежних археологических находках и сопутствовавших геологических объяснениях или, если угодно читателю, – наоборот. Ведь ни для кого не секрет, что современная археология, в частности античная, оперирует значительно более разработанной, дробной и точной хронологией, нежели «безмолвные» геологические слои.

Начнём с того, что южное побережье Азовского моря чрезвычайно богато различными античными памятниками, исследование которых в последние полвека ведётся весьма интенсивно и плодотворно. Это же касается и ряда палеоэкологических аспектов. Так совершенно очевидно, что здесь имели место как природные, так и антропогенные факторы влияния. Среди первых – назовём сейсмизм, некоторые геологические особенности строения суши, характер водных источников, динамику уровней и степени солёности прилегающих водоёмов, прежде всего, самого Азовского, да и Чёрного морей, а также прибрежных озёр, климат, роза ветров и др.¹

¹ Масленников 2007, 184–187.

Рис. 2. Чокракское озеро. Космосъёмка.
Fig. 2. Chokrak Lake. Space photography.

Но обратимся непосредственно к теме наших изысканий, ограничившись в первой части повествования более или менее краткой информацией, поскольку подробно о соответствующих археологических «артефактах» один из авторов уже опубликовался²

Чокракское солёное озеро – одно из примечательных во многих отношениях природных объектов находится на севере Керченского п-ова в т.н. Крымском Приазовье (Караларские степной и прибрежный районы) (рис. 1–2). Оно образовалось благодаря отделению части лимана (морского залива) песчаной пересыпью. Однако, когда именно это произошло, и было ли единоразовым или периодическим – точно не известно. В любом случае это имело место после появления самого Азовского моря, то есть по геологическим «меркам» совсем недавно (согласно одному из «вариантов» расхожей гипотезы о Черноморском потопе – около 5600 г. до н.э.): – уже на памяти некоего местного населения. Впрочем, попутно отметим, что смутные воспоминания о времени, этому предшествовавшему или какие-то реальные «обстоятельства» (Боспор Киммерийский/Керченский пролив есть устье реки Танаиса/Дона, а Азовское море/Меотида – приустьевый лиман реки Танаис), а также случаи смешения понятий «залив» и «озеро» прослеживаются в соответствующей античной письменной традиции³ Название Чокрак в переводе с крымско–татарского означает «родник». И, действительно, вблизи озера ещё

² Масленников 2022.

³ Подосинов 2019, 309–329.

Рис. 3. Мыс «Южный» Аэрофотосъёмка.

Fig. 3. Cape "Yuzhny" Aerial photography.

некоторое время назад насчитывали до 5 родников. Озеро в настоящее время занимает овальную котловину шириной около 3–4 км, возникшую на месте обширного грязевулканического поля, и окружено возвышенностями высотой до 100 м (рис. 2). Максимальная глубина его в обычных условиях всего 1,5 м. Северная часть отделена от бухты «Морской пехоты» Азовского моря песчано-ракушечной пересыпью, досыпанной и укрепленной гравием относительно недавно. Наибольшая ширина её 150 м, минимальная 30–50 м. Берега озера местами высокие – до 14 м, в основном обрывистые, сложенные известняками, мергелями и глинами и прорезанные подступающими к котловине балками. В северной, южной и юго-западной его части у подножия коренного берега протянулись песчано-ракушечными «пляжи». Озеро пополняется морскими (фильтрация морских вод через упомянутую пересыпь), подземными (родниковыми) водами, а также после дождей и в период снеготаяния стекающими с соседних холмистых гряд водными потоками. В него впадают также небольшие ручьи из близлежащих серных источников хлоридно-сульфатного типа. Соленость рапы Чокракского озера колеблется от 250

до 320 промилей. На дне находится толстый (2–3 м) слой вязкого, насыщенного солями ила. В сухой период года на берегах и отмелях озера наблюдается выпадение самосадочной соли. К озеру подходят маловодные балки: Бабчикская и Чумная (с юга), Кезинская (или Чокракская) (с востока) и Мысирская с запада. До 1917 г. около дер. Мама Татарская (на северо-восточном берегу озера, близ имения местного помещика А.А. Дирина) существовала небольшая грязелечебница. Ни то, ни другое строения не сохранились. Зато с начала XIX в., а, может быть, и ранее, вплоть до Великой Отечественной войны здесь действовал солевой промысел. Чокракское озеро подвержено периодам большего или меньшего обводнения и обмеления. На ряде топографических карт XIX в. видны не только постоянная пересыпь, но и четыре мыса – на северо-западном, северо-восточном и южном берегах. В настоящее время их три: два на северном берегу и один, самый длинный – на юго-востоке водоема (на картах Ростреэстра 2020 г. – мыс «Южный») (рис. 3). В засушливые летние периоды в значительной степени обнажаются прилегающие к нему (мысу) и берегу у его основания участки дна озера, вплоть до их полного пересыхания. Немного восточнее этого мыса в озеро впадает небольшая речка, сейчас – фактически ручеек. Её устье еще в XIX в. было расположено непосредственно у основания мыса. На картах 1938–1941 и 1955 гг. отмечена дамба, перегораживавшая эту речку у места ее впадения в озеро и досыпанная в 1950–х гг.; в результате чего образовался пресноводный водоем (6-й Багеровский ставок). При этом устье речки сместилось восточнее и в летние месяцы плохо прослеживается. Непосредственные окрестности озера свободны от постоянной застройки, плотно задернованы полевым разнотравьем, не подвергаются распашке, но используется под выпас скота. Мыс «Южный», о котором, собственно, и пойдет в основном речь, довольно узкий (сужается к северу) и протяженный, с относительно ровной, с общим уклоном (перепад высот до 1,5–2,5 м) к северу поверхностью. Она местами нарушена раскопами разных лет и неглубокими естественными овражками-вымоинами (три – с западной части мыса, две с восточной) (рис. 3–6). Мыс имеет достаточно крутые вверху и более пологие внизу береговые обрывы, высотой до семи-восьми метров. В целом, восточный склон более пологий, протяженный и плотно задернованный. В его южной части имеет место как бы вторая береговая терраса. С западной и отчасти восточной (от середины до северной оконечности) сторон мыса его склоны песчанно – осыпные, без растительности. В двух-трех местах в осыпях восточного склона зафиксированы значительные скопления (трудно сказать, природного или искусственного происхождения) различных раковин морских моллюсков, в том числе устриц, мидий, «гребешка». Особо отметим, что некоторые из них теперь в близлежащих водоёмах и на пляжах не встречаются. Скорее всего, однако, это те же «карангатские» отложения морской фауны, которые были описаны ещё П.В. Фёдоровым на восточном и западном мысах Чокракского озера в его монографии, посвящённой четвертичной геологии Черноморского побережья⁴ Упомянутые склоны мыса переходят в его береговую линию шириной 3–7 м (прибрежная терраса) и далее – в полностью пересыхающее в жаркий летний период плотное илистое дно озера, на нескольких десятках метров от берега покрытое слоем выступившей соли.

⁴ Фёдоров 1978.

Республика Крым,
Ленинский район,
Багеровское с/п
Объект археологии
«Поселение «Чокракский мыс»».
Топоплан.

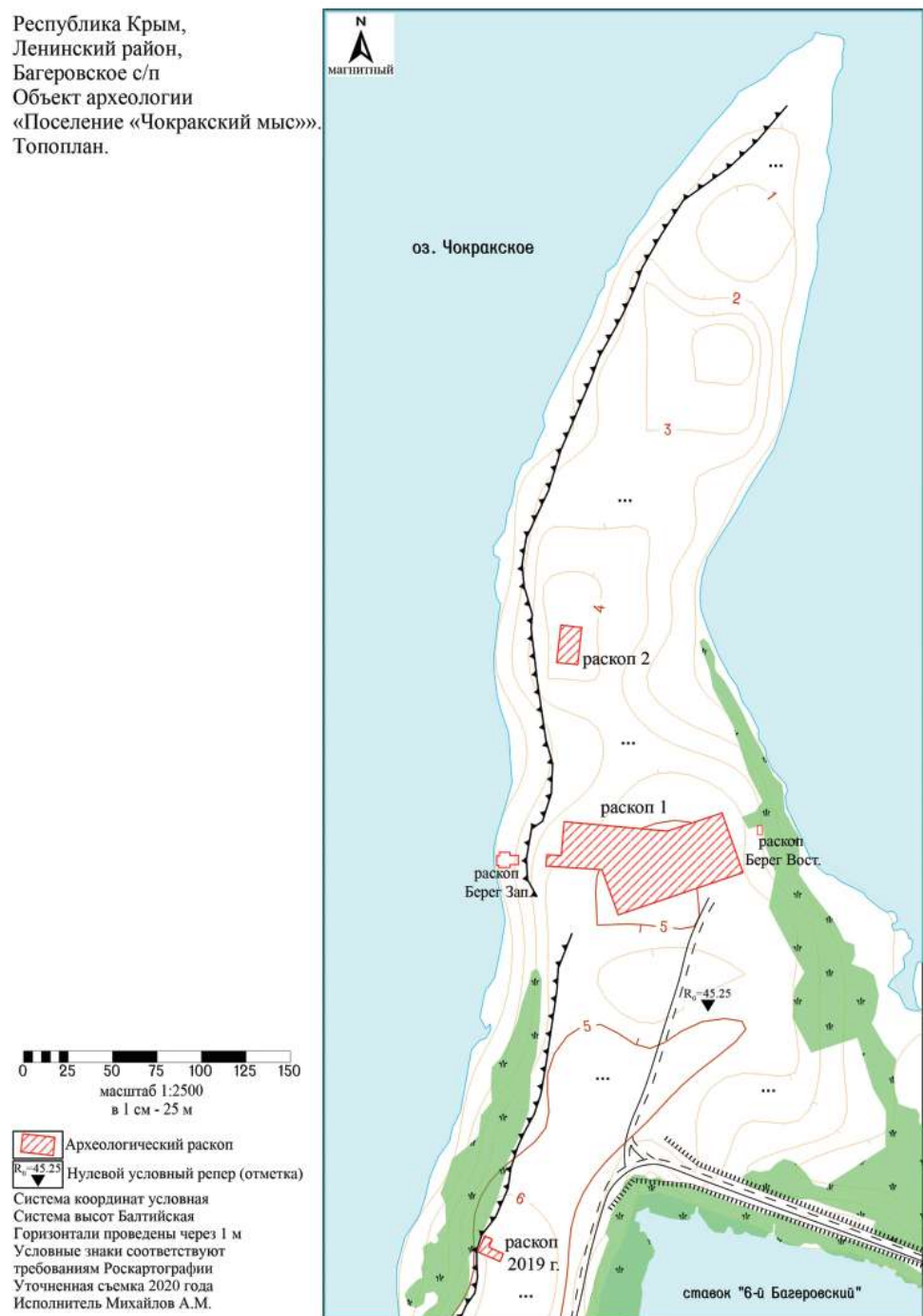

Рис. 4. Мыс «Южный» Топо-схема.

Fig. 4. Cape "Yuzhny" Topo-scheme.

Рис. 5. Мыс «Южный». С раскопами разных лет. Вид с юга.
Fig. 5. Cape "Yuzhny". Excavations of different years. View from the south.

Подъемный материал в виде фрагментов античной керамики встречается на мысу и под ним, особенно в его южной части почти повсеместно. В последнем случае она вся «изъедена» солью. С обеих сторон мыса в ряде мест у берега за линией уреза воды видны скопления крупных и средних камней неясного происхождения. Собственно античное поселение (усадебя) располагалось примерно в 150 м к северу от западного края упомянутой плотины, на продолговатом (с востока на запад), задернованном возвышении (высотой до 1,5 м), размером примерно 80х30 м (рис. 4–6). Практически всё это пространство было «охвачено» раскопками 1986–1998 и 2020–2021 гг. (см. соответствующие отчеты ВКАЭ ИА РАН.) Но, как выяснилось (см. ниже), культурные напластования и даже некие строения того же времени присутствовали к северу и югу от основного раскопа, и даже местами у подножья склона мыса. Непосредственно к югу от холма-возвышения, как бы параллельно ему, хорошо заметно искусственное углубление (ров), переходящее на западе в неглубокую, но достаточно широкую вымоину – овраг. А примерно в 35 и 90 м к северу от основного раскопа в 1997 г. были разбиты два (5х5 и 10х20 м) существенно меньших. В том же направлении, вплоть до оконечности мыса, на поверхности (в направлении с востока на запад) заметны многочисленные параллельные (с промежутком от 5 до 10 м) прямые земляные валообразные возвышенности высотой 0,2–0,3 м и шириной до 1 м, явно искусственного происхождения.

Рис. 6. Мыс «Южный». Вид сверху. Слева – раскоп «Стена, западный склон».
 Fig. 6. Cape “Yuzhny”. View from above. On the left is the excavation site “Wall, western Slope”.

Рис. 147

Рис. 7. Схема строительных остатков на раскопе в центральной части мыса «Южный».
 Fig. 7. Scheme of construction remains at the excavation site in the central part of Cape Yuzhny.

Аналогичные «валики» видны и в юго-западной части мыса, на расстоянии примерно до 150 м от раскопанной «усадьбы». По-видимому, это «следы» древних землеустроительных работ: стенки-оградки на виноградниках, «траншеи» и «межи» садов и огородов. В юго-восточной части мыса верхний слой грунта (и культурный слой) был, как уже писалось, снят при строительстве насыпи плотины.

На основном раскопе (около 2000 м²) были открыты хорошо сохранившиеся строительные остатки солидного усадебного комплекса, культурные напластования и иные объекты, относившиеся к трём (с перерывами) строительно-хронологическим периодам, начиная с последней четверти VI и по конец последней четверти I в. до н.э. (рис. 6–7)⁵. Кроме того, примерно в 180 м к югу на площади 100 м² были раскопаны строения IV–III вв. до н.э. предположительно хозяйственно-производственного назначения. На мысу и вблизи него помимо античного встречался подъемный материал от каменного века до нового времени, а на обнажениях вдоль береговой линии всего озера было зафиксировано ещё 14 местонахождений каменных артефактов. В ближайших, особенно юго-восточных окрестностях озера выявлено и частично исследовано, по крайней мере, четыре памятника античного времени и развалины деревень и хуторов XVIII–XX вв.

Но обратимся, наконец, к нашей теме. В сезоны 2020–2021 гг. непосредственно под основным раскопом к западу, у берега озера были открыты остатки солидной стены (рис. 8–10) и небольшие участки непо потревоженного осыпью и размытыми культурного слоя. Мощность археологических и чисто геологических напластований, которые отражали не только специфику склона, но и целый ряд локальных геолого-морфологических особенностей и даже феноменов, достойных отдельного рассмотрения (см. ниже), составляла здесь от 0,3–0,35 м (на западе) до 1,7/1,8–2,2 м (в центре и на востоке). Стена строилась тут явно с учетом и того, и другого. Она была возведена в технике иррегулярной, двухрядной, трёхслойной кладки из относительно крупных (0,72x0,38x0,46 м; 0,84x0,5x0,28 м и т.п.), необработанных, но в некоторых случаях специально обколотых камней местного известняка, уложенных наиболее ровными (плоскими) сторонами наружу в кладке фасов стены, в закладе калитки, а также в оформлении её входа с севера (торцовые части стены). В основном же это средние (0,34x0,42x0,56 м; 0,44x0,31x0,38 м и т.п.) и мелкие камни, использованные с применением раствора земли и светло-коричневой глины. Выявленная «доподлинно», т.е. на суше длина стены (в направлении почти точно с запада на восток) составляет около 7 м. Ширина 2,3–2 м. Сохранившаяся высота 0,52–0,72 м (на востоке), 0,96–1,2 м (в центре), около 0,22–0,46 м (на западе) и 0,55, 0,68 и 0,72 м (по восточному её торцу). Толщина заложенного прохода (калитки) 1,52–1,56 м, а высота около 0,7–0,96 м. Фасы (без учета района калитки) относительно ровные и вертикальные. Большой разницы в их внешнем виде и характере материала на севере, юге и даже востоке (торец стены) нет. Основание стены располагалось относительно ровно, но с заметным, особенно на восточном участке, общим уклоном к западу. В целом же, соответствующий перепад «высот» достигал 0,8 м. В восточной части стены (почти до калитки) её основание лежит на достаточно толстом (до 0,4–0,45 м) слое

⁵ Масленников 1998, 111–114; 2010, 14–20.

Рис. 8. Раскоп «Стена, западный склон». Вид с запада.
Fig. 8. Excavation site “Wall, western slope”. View from the west.

Рис. 9. Раскоп «Стена, западный склон». Ближний план.
Fig. 9. Excavation site “Wall, western slope”. Close plan.

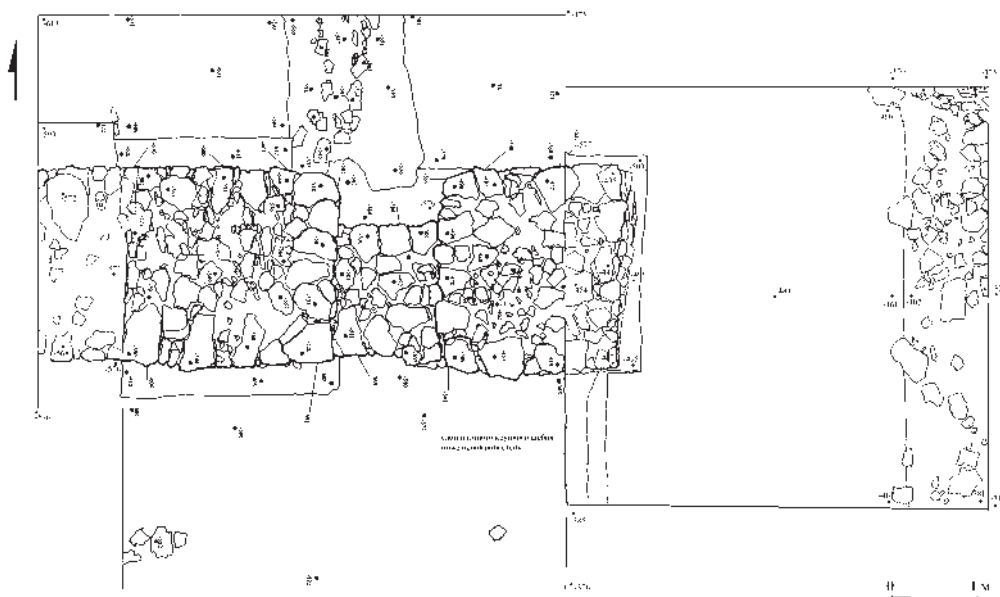

Рис. 10. Раскоп «Стена, западный склон», план.
 Fig. 10. Excavation site “Wall, western slope”, plan.

тёмно-серого, рыхлого и влажного грунта с включением фрагментов керамики, отдельных костей животных и раковин моллюсков. Западнее, насколько это удалось проследить, – на тонком (до 0,08 м) «горизонте» такого же грунта, переходящем в плотную супесь и (фактически уже под водой, грязью и илом) вязкую, серую и сырую глину. Торцовая часть стены примыкала к специально немного (на 0,22 м) заглублённому и почти вертикально «подрезанному» материковому грунту: сначала плотному глинистому, затем ещё более твёрдой (коренной) материковой породе (галька со щебнем). В 2–2,1 м от восточного угла стены в ней выделялся аккуратно и плотно заложенный проход шириной 1,2 м. Торцовые камни у входа в него с севера заметно стёсаны, как бы «закруглены». Уровень основания этого заклада (характер камней тот же в принципе, что и у стены, но внизу использован один прямоугольный обработанный блок, порог?) немного (до 0,15 м) выше, чем у сопредельных участков стены. При этом калитка была заложена почти «под лицо» с внешней (южной) стороны, а с внутренней – с «проёмом» глубиной 0,52–0,56 м. С севера именно сюда подходил относительно ровный слой (до 0,15 м толщиной) плотной супеси и мелкого щебня с включением мелких же фрагментов керамики и раковин (вымостка-трамбовка или дорога?) шириной не менее 2 м. К востоку, вверх по очень крутому склону мыса, стена не продолжалась и, следовательно, с оборонительной стеной наверху мысу непосредственно не соединялась (хотя они находились на одной линии), что, впрочем, было естественным с учётом упомянутой крутизны склона. Магнитометрическая разведка (С.Л. Смекалов) и предва-

рительные промеры щупом показали, что к западу (в озеро) стена продолжалась не менее чем на 10–16 м, а, может быть, и до 30–32 м на глубине от 0,01 до 1,2 м.

Логично было бы предположить, что нечто подобное (стена) имело место и на восточном, как уже отмечалось, более пологом и протяжённом склоне мыса, продолжая тем самым соответствующую часть вышеописанных укреплений усадьбы. Неоднократные осмотры и геофизическая разведка явных признаков таковой не выявили, но зачистка плотного скопления больших камней у самого края склона, в густых зарослях камыша показала наличие очевидных остатков (торец) некоей кладки шириной 2,8 м, причем именно в том направлении, что и ожидалось. Напомним, что здесь, в отличие от противоположного склона, у основания мыса ещё несколько десятилетий назад располагалось русло небольшой речушки, впадавшей в озеро и ныне перегороженной упомянутой плотиной. Не исключено, что эта «особенность» существовала и в древности, и как-то учитывалась строителями усадьбы. Более полную характеристику восточной стены мы пока дать не можем. Тем не менее, некоторые рассуждения «общего плана» уже представляются не лишёнными оснований.

Итак, мы имеем дело с неким весьма значительным и в то же время загадочным новым объектом на ранее исследованном памятнике. И первое, из только что сказанного, обуславливается несколькими обстоятельствами, вернее вопросами: каковы полные размеры выявленных стен, их датировка и назначение. Окончательная длина западной стены, в отличие от её ширины, остаётся неясной (см. выше). Она нигде в отличие от части строений собственно усадьбы не перекрыта напластованиями позднее раннеэллинистического времени. Нет даже отдельных соответствующих находок. Культурный слой под стеной и рядом с ней содержал керамику (в подавляющем большинстве – амфорный бой) IV – первой четверти/трети III в. до н.э. При этом его вовсе нельзя охарактеризовать, как зольно-мусорный, сброшенный с обрыва. Иными словами, он сформировался «на месте», внизу. Когда же строилась эта стена? В конце первой трети III в. до н.э. или несколько ранее (не ясно насколько). Но теоретически возможен и вариант с датировкой: начало второй половины I в. до н.э. (время возрождения и кардинальной перепланировки усадьбы).⁶ В этой же связи достойно внимания, что восточный участок собственно оборонительной стены усадьбы, появившийся на заключительном этапе её бытования, по своим характеристикам (ширина около 2,8 м, использование во внешних рядах кладки, главным образом, относительно небольших и далеко не всегда плоских камней, неплотная забутовка, отсутствие цоколя) гораздо более походит на открытую стену (стены?) нежели западный (более ранний) участок основных укреплений «наверху». В любом случае, очевидно, что упомянутый проход-калитка был заложен в самый последний период её функционирования, не исключено, ввиду некоей опасности.

Не столь очевиден и ответ на последний вопрос. Казалось бы, всё ясно: это нижний (на нижней террасе) участок (участки) оборонительной линии усадьбы. Вернее – укрепления, прикрывавшие подход к ней снизу, с запада и востока. Однако было высказано мнение, что, по крайней мере, западная стена являлась моллом её пристани. (В полутора-двух десятках метров к югу от неё действительно

⁶ Масленников 2010, 17–20.

имелся естественный (?), более или менее пологий подъём в виде оврага-вымоины, переходившей, как отмечалось выше, в оборонительный ров и удобный для подхода к воротам усадьбы.) Примеры такого рода сооружений даже в Приазовье нам хорошо известны. Например: мол около усадебного комплекса Казантип – западный (рис. 1, № 1)⁷. Он был прослежен в длину на 13,5 м (от берега мыса до скалы – островка) при ширине 3,3 м и сохранившейся высоте до 1,4 м. Нечто подобное до сих пор заметно в море в западной части мыса Зюк и к югу от поселения Золотое-берег (см. подробнее ниже). Наверняка, искусственные причалы существовали близ других античных городищ рассматриваемого региона: ведь морские промысел и торговля, да и просто контакты по морю были неотъемлемой частью жизни и быта их обитателей. Правда, в «нашей» стене, как-то некстати, имелся проход-калитка, через которую носить груз и просто ходить было совсем неудобно. Да и относительно судоходства на Чокракском озере в древности есть сильнейшие сомнения. Хотя...

Ещё более фантастическое предположение вытекает, как раз из только что сказанного. По озеру и тогда не плавали, а вот целебную грязь и соль добывали. И эта стена служила своего рода «дорогой», с помощью которой было удобно делать и то, и другое, используя потом эти продукты «на месте» или отправляя «куда следует». Ещё Плиний Старший писал: «На Таврическом полуострове в городе (правильнее на наш взгляд переводить: «общине», «посёлке») Парасин есть земля, с помощью которой излечиваются любые раны» (Pl. NH. II. 210, пер. Б.А. Старостина). Все комментаторы склоняются к тому, что и Плиний, и Клавдий Птолемей (III. 6. 5 – «город» Пароста) имели в виду район современного Сакского озера с его давно и широко известными грязевыми источниками и лечебницами. Но среди таковых вполне могло быть и Чокракское озеро. Выше уже упоминалось о местной грязелечебнице. По своим медицинским качествам, по мнению всех специалистов, грязи отсюда ничем не уступают Сакским. А, значит, должны были формироваться схожим образом, при тех же условиях и за такое же примерно время. То есть, довольно давно, в условиях мелководья, при подпитке водой, как из моря (Чёрного или Азовского), так и окрестных минерализованных источников и т.п. Следовательно, Чокракское озеро/залив уже в эпоху античности, а, скорее всего, и ранее было мелководным, и вряд ли судоходным. Что до соли, то об её добычи в Крыму (близ Херсонеса), основываясь на информации до начала I в. н.э., упоминал Страбон (Strab. VII. 4. 7). К соляному промыслу в окрестностях Керчи (в том числе на Чокракском озере?), напомним, был причастен в начале XIX в. Поль Дюбрюкс – «отец» российской антично-скифской полевой археологии⁸. Таковая (добыча соли) велась тут вплоть до ВОВ. Попутно отметим, что первым о добычи соли в северопричерноморском регионе (устье реки Буга – Борисфена) писал ещё почти на 500 лет раньше Страбона Геродот (Herod. IV. 53).

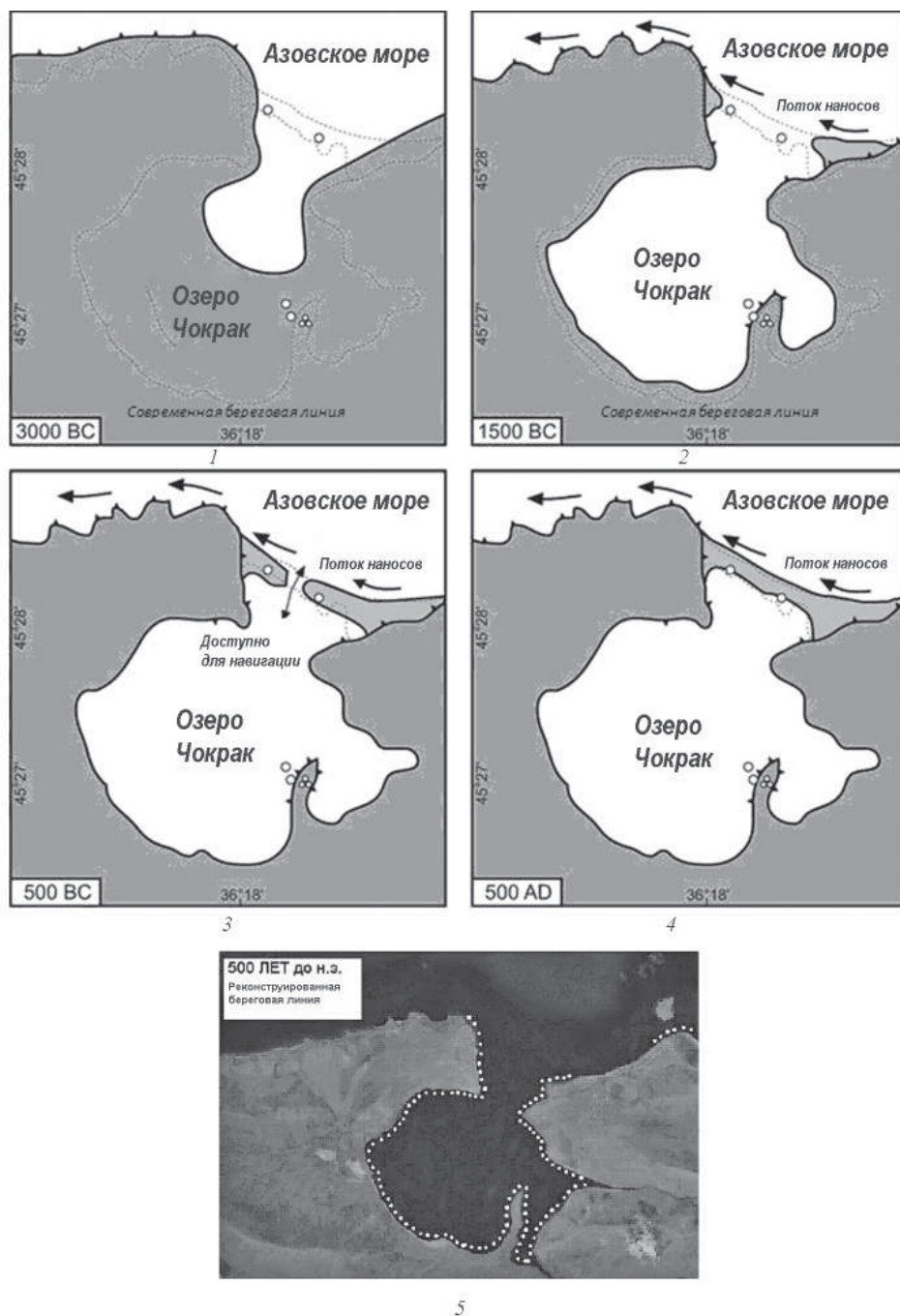
Итак, начальный вариант интерпретации данной постройки (стен) представляется всё же предпочтительнее, хотя и тут есть сомнения, и вопросы. Первый – её упомянутые размеры и связь с раскопанными укреплениями на мысу. Строго говоря, они различаются по некоторым параметрам, хотя, как уже отмечалось, их трассы в обоих направлениях совпадают. Западная оборонительная стена

⁷ Масленников 2010, 213–215, рис. 193–195.

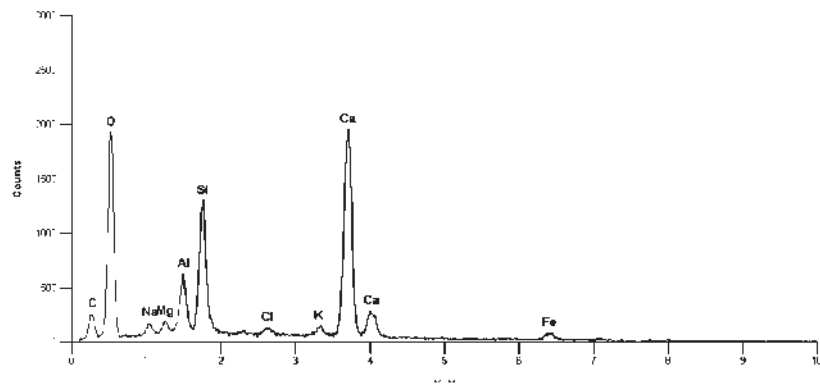
⁸ Тункина 2002, 146–147.

собственно усадьбы, правда, несколько шире (2,80–3,2 м) и, по крайней мере, у основания сложена в основном из больших и очень больших, в том числе относительно плоских известняковых глыб, куда более солидных, чем камни вновь выявленных стен. Завершение её у края мыса не сохранилось, но нет, как уже писалось, оснований утверждать, что обе стены соединились «напрямую»: крутой склон мог быть просто специально сделан ещё более отвесным. А вот весьма значительная длина раскопанной к западу от мыса стены удивляет. Какой бы в итоге она не оказалась, совершенно очевидно, что большая её часть в настоящее время скрыта под грязью, илом и соляным раствором озера. Но ведь это настоящая кладка, а не некие деревянные «клетки-решётки», заполненные камнями, как это имеет место с изначально подводными участками подлинно морских и речных причалов. А значит, согласно самым элементарным правилам строительства, тем более фортификационного (а древние греки и римляне их очень хорошо знали и учитывали) камни основания стен старались укладывать на возможно более твёрдые и прочные «коренные» породы или слои, для чего рыли специальные траншеи и т.п. Всё это сделать не только под водой, но и на топком месте было просто невозможно даже при самых благоприятных условиях, включая наличие рабочей силы, временный отвод воды и т.п. Выходит, в момент строительства стены здесь со всей очевидностью была суша, да ещё какая «сухая» и протяжённая! В настоящее время ширина местного твёрдого «пляжа» не превышает тут 5 м. Разумеется, лето 2021 г. – вообще редкое исключение: волны озера плескались у самого основания склона мыса! Допустив упомянутую выше максимальную длину этой (западной) стены (о восточной – пока судить сложно), получим некое предназначенное для защиты пространство «нижней западной террасы» чуть ли не в 8 раз шире современного! И как оно использовалось и использовалось ли вообще? Подчеркнём, почти наверняка, аналогичным образом обстояло дело и на восточном склоне мыса, с той лишь разницей, что, здесь, как уже ни раз говорилось, ещё относительно недавно располагалось русло речушки, и вряд ли укрепления простирались далее её берега. Конечно, фланкировать центр усадьбы теоретически было вполне разумно, отсекая её по суше с юга «от моря до моря». Но зачем? Выше уже писалось, что собственно её застройка занимала относительно небольшую площадь в самой возвышенной части мыса, примерно: 90x15–20 м. Всё остальное – специально возделанные угодья: виноградники, сады, огороды. Они, конечно, и сами по себе имели большую ценность для её обитателей. Но могли также служить местом укрытия и убежища для скота и окрестного населения, если таковое было. И всё же, сомнения в целесообразности защиты этой территории остаются. Тем более, что одна из предполагаемых датировок рассматриваемых стен и, судя по раскопкам, время функционирования только что упомянутых угодий (IV–III вв. до н.э.) могут и не совпадать.

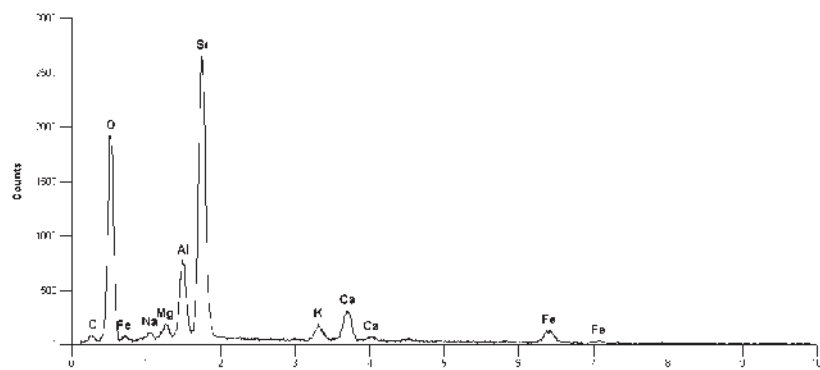
Так или иначе, но одно ясно: окружающий ландшафт был 2500–2000 лет назад иным. Очевидно, в античный период, вернее, тогда, когда строились оборонительные стены усадьбой (либо начало III, либо середина I в. до н.э.) на нижних террасах мыса уровень Чокракского озера, а, может быть, морского залива (следовательно, и Азовского моря – Меотиды) был заметно ниже современного. А как же иначе: ведь это сообщающиеся водоёмы. Но отсюда и дополнительные вопросы. Например: как же тогда по нему – озеру/лиману плавали и плавали ли вообще?

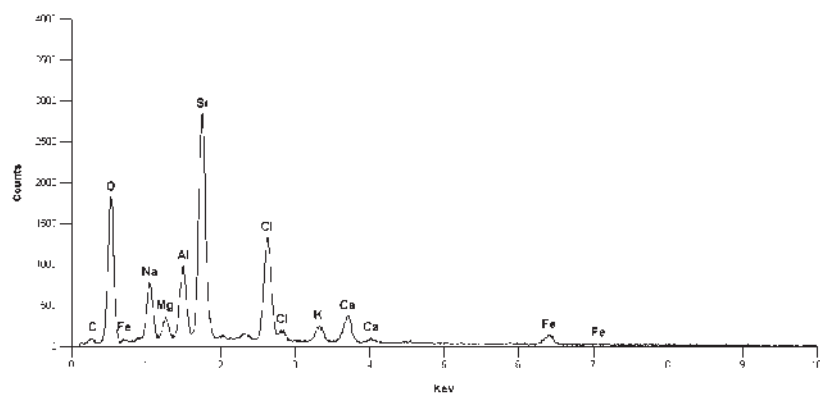
Илл. 1. 1–4 – Палеогеографическая реконструкция района озера Чокрак 3000 л. до н.э., 1500 л. до н.э., 500 л. до н.э. и 500 л. н.э. (для последней реконструкции, необходимо учитывать высыхание озера летом); 5 – Палеогеографическая реконструкция района озера Чокрак 500 л. до н.э.

А. Образец № 1

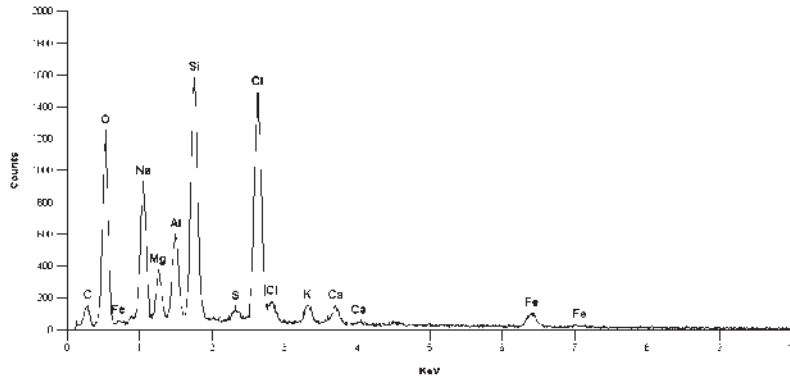

Б. Образец № 2

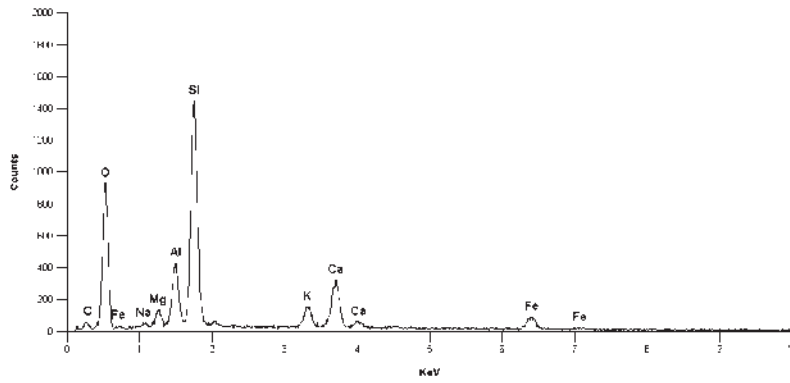

В. Образец № 3

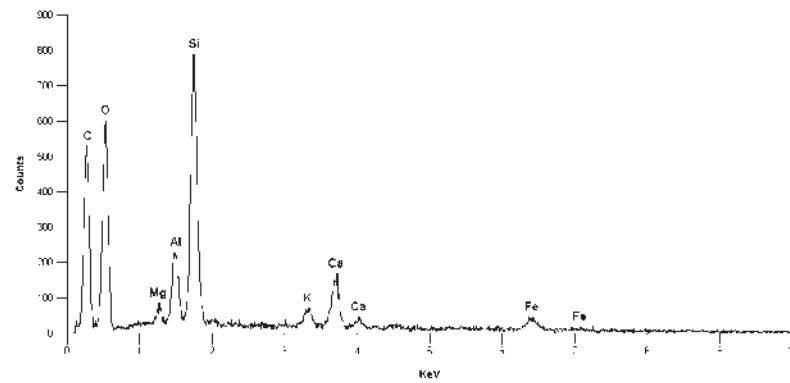
Илл. 2. Спектры характеристического рентгеновского излучения образцов № 1–3

А. Образец № 4

Б. Образец № 5

В. Образец № 6

Илл. 3. Спектры характеристического рентгеновского излучения образца № 4-6.

А ведь без этого обитателям данной усадьбы – боспорским грекам было никак нельзя! Иным была, надо думать, и характеристика этого водоёма в плане его солёности и т.п. Во всяком случае, упомянутые находки раковин моллюсков, в частности устриц, которые не могут обитать здесь в нынешних условиях, свидетельствуют в пользу этого. Вопрос только в хронологии и динамике всех этих процессов и явлений. Есть и другие, выявленные нашими недавними раскопками и иными наблюдениями факты и обстоятельства, которые ещё более запутывают здешнюю общую палеоэкологическую «картину». Что мы имеем в виду? А вот что. В 2012 г. вышла обстоятельная статья о палеогеографии Чокракского озера, написанная в соавторстве немецкими и российскими исследователями по результатам бурения на мысу «Южный» и на пересыпи озера.⁹ Бурение показало чередование морских и лагунных отложений в керне шурфов, и по данным радиоуглеродного и диатомового анализов были сделаны выводы о границах акватории Чокракского озера в различные временные эпохи, а также о морском или же озерном характере слагающих его фаций новейших отложений. В итоге было предложено четыре палеогеографических реконструкций для различных временных «срезов» (илл. 1, 1–4). Согласно им, уже к началу греческой колонизации Северного Причерноморья в VII–VI вв. до н.э. озеро достигло своих современных границ. В период первого расцвета поселений на Керченском полуострове (IV–III вв. до н.э.) оно, скорее всего, являлось полузакрытым водоёмом с небольшой протокой, соединявшей его с Азовским морем (Меотидой) и позволявшим навигацию на нём легких судов. Упадок рассматриваемого поселения на Чокракском мысу в выводах статьи связывался с «закрытием» пересыпи и превращением озера в солёный лиман. Но когда именно это имело место – авторы не уточняли (диапазон в 1500 и даже 500 лет для современных исторических реконструкций совершенно не оправдан), да и не могли этого сделать.

Однако данное представление о палеогеографии Чокракского озера не единственное. В частности, есть сомнения в скорости накопления наносов Чокракской пересыпи. Возможно её «закрытие» произошло значительно позже. В античное же время, точнее – в период существования поселения на Чокракском мысу (авторы вновь не уточняют дату), и, добавим, описываемых вновь открытых сооружений, пролив (протока) был намного шире (см. илл. 1, 5). В этом случае можно предположить, что в связи с замедлением подъема уровня моря, происходило заиливание озера, и оно становилось все более и более мелководным и недоступным для плавания даже легких судов. Этот фактор, вместе с осолонением источников пресной воды был, по-видимому, причиной «деградации» поселения на Чокракском мысу, хотя нельзя исключать чисто исторические и экономические факторы¹⁰ В любом случае, стены, уходящие ниже современного уровня озера и примыкающие к глиняному откосу мыса, дают нам новые данные, которые требуют пересмотра предложенной в указанной статье концепции эволюции озера в позднем голоцене. Но и это не всё.

«Бес», как известно, – в деталях. Именно на них, анализируя стратиграфию профилей раскопа 2020 г. в районе западной стене мы и обратили внимание. Позднее (в 2021 г.), что естественно с учетом рельефа местности и сезонно-погодных

⁹ Kelterbaum et al. 2012, 206–219.

¹⁰ Дикарев 2021, 88–89.

Рис. 11. Раскоп «Стена, западный склон» 2020 г. Профиль восточного борта. Вид с запада.
Fig. 11. Excavation site “Wall, western slope” 2020. Profile of the eastern side. View from the west.

Рис. 12. Раскоп «Стена, западный склон» 2020 г. Ближний план.
Fig. 12. Excavation site “Wall, western slope” 2020. Close plan.

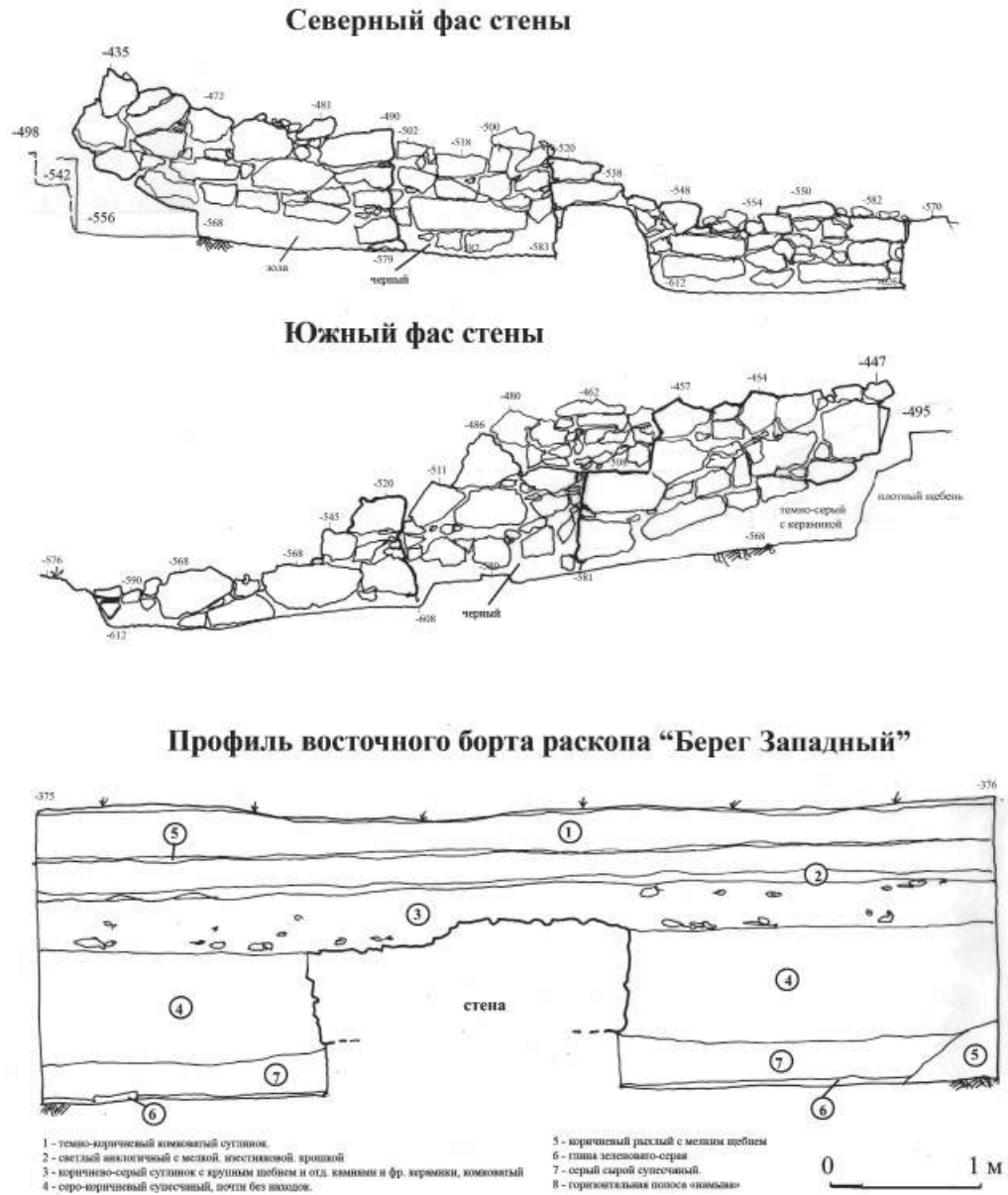

Рис. 13. Фасы стены на раскопе «Стена, западный склон» и профиль восточного борта раскопа 2020 г. План.

Fig. 13. Faces of the wall at the excavation site “Wall, western slope” and the profile of the eastern side of the excavation in 2020 Plan.

обстоятельств, они (эти детали) уже почти не прослеживались. Особенно показателен был в этом отношении профиль восточного борта раскопа (рис. 11–13). Вот его краткое описание.

Мощность напластований составляла 2–2,1 м. Дневная поверхность относительно ровная с небольшим, но заметным понижением в центре. Слои дёрна не более 0,04–0,05 м. Затем почти горизонтально, как и все остальные напластования, следует слой тёмно-коричневого, сухого суглинка толщиной 0,4–0,52 м. В нём практически посередине отчетливо прослеживалась полоса (до 0,05 м толщиной) светло-серого, почти белого цвета, как бы заизвесткованного (?) грунта – всё того же суглинка. Вторая такая же по цвету, но более широкая (до 0,09–0,11 м) полоса грунта, содержащая очень мелкую известняковую (?) крошку, подстилала этот слой повсеместно и также горизонтально.

Ещё ниже следовал слой плотного, комковатого, серого, умеренно сухого суглинка с включением крупного щебня, отдельных мелких камней и фрагментов керамики, которой – больше в нижнем его «горизонте». Толщина этого слоя 0,34–0,4 м. Именно он перекрывает верхние камни открытой постройки.

Затем залегал мощный (до 0,7–0,8 м) слой серо-коричневой, умеренно рыхлой и слегка влажной супеси практически без находок.

Её не вполне горизонтально сменял слой тёмно-серого, умеренно рыхлого и влажного грунта с находками. Толщина его 0,25–0,3 м. Именно он примыкает к большей части кладки стены и подстилает её, по крайней мере, в восточной части относительно тонким «горизонтом».

В крайне южной части профиля борта, в углу, данный слой меняется на «затёк» светло-коричневого и коричневого, рыхлого и сырого грунта с мелким щебнем без находок. Мощности его практически та же, а протяжённость (к северу) до 0,6 м.

Наконец ниже, опять почти горизонтально – слой материковой, очень плотной и вязкой, сырой, зеленовато-серой глины.

Именно две упомянутые, подчеркнём, горизонтальные прослойки светлого грунта и обратили на себя внимание. Было предположено, что это – отражении некоего «намыва» и, как следствие, – «засолонцованности» (?) грунта, вероятно, по причине значительного и относительно долговременного поднятия уровня солёного озера (примерно на 2 м выше современного), имевшего место дважды явно уже после прекращения жизни на античном поселении IV–III вв. до н.э. или I в. до н.э., может быть, даже много позже (в средневековье?). Поэтому были взяты соответствующие пробы грунта как отсюда, так и из соседних сверху и снизу слоёв и иных «фоновых» мест поблизости на рентгеноспектральный микроанализ в одной из лабораторий ИФХЭ РАН. Результаты оказались неожиданными, но весьма интересными и располагающими к последующим размышлениям. Вот их изложение.

Рентгеноспектральный анализ позволяет определить массовое и атомное содержание химических элементов в исследуемых образцах. Работы проводились на сканирующем электронном микроскопе JSM-U3 (JEOL, Япония), снабженном рентгеноспектральной приставкой Kevex-4000, Ускоряющее напряжение 15 КэВ. Препарирование образцов не отличалось от стандартного. Рентгеноспектральное исследование велось без напыленного токопроводящего слоя, а морфологические исследования – с напыленным токопроводящим слоем во избежание накопления поверхностного заряда, искажающего морфологические картины.

Для исследования были представлены 6 образцов грунта, отобранных из различных слоев восточного борта берегового раскопа 2020 г. на поселении Чокракский мыс и с дневной поверхности около раскопа. В табл. 6 представлены надписи на ярлыках, сопровождающих пробы грунта. На илл. 2 и 3 представлены результаты рентгеноспектрального исследования представленных образцов.

Таблица 1

Описание образцов с поселения Чокракский мыс.

№	Надпись на ярлыке
1	Чокрак мыс, обр. № 1. Из светло-серого слоя
2	Чокрак мыс, обр. № 2. Над светло-серым слоем
3	Чокрак мыс, обр. № 3. Низ борта
4	Чокрак мыс, обр. № 4. С пересохшего участка озера за линией уреза воды
5	Чокрак мыс, обр. № 5. «Дно» раскопа 1 (основного)
6	Чокрак мыс, обр. № 6. Степь, поверхность земли

Таблица 2.

Массовое содержание (%) элементов по результатам рентгеноспектральных исследований.

Элемент	Образец					
	1	2	3	4	5	6
Na	2.2	1.3	9.6	14.4	0.7	
Mg	1.7	2.3	3.3	5.1	3.0	3.1
Al	7.6	13.0	9.8	8.3	11.0	12.3
Si	19.3	53.9	33.5	24.4	44.2	50.3
S				1.3		
Cl	1.2	4.6	23.0	31.3		
K	1.8	11.4	4.3	3.7	7.2	5.7
Ca	59.7	13.6	7.8	3.3	17.8	18.8
Fe	6.4	1.3	8.8	8.2	16.2	9.9

Сравнивать между собой интенсивности характеристического рентгеновского излучения разных объектов некорректно в силу различных технических и технологических причин (различный рельеф поверхности относительно детектора, отсутствие ZAF-коррекции и пр.). Значительно более корректно сравнение массового содержания элементов.

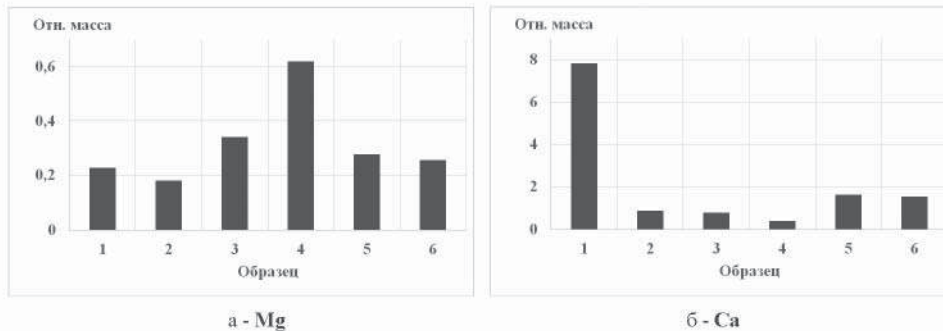
Все элементы (исключая Al) соответствуют солевому составу воды Азовского моря. Алюминий характерен для глин. Поэтому уместно привести массовое содержание различных элементов к содержанию алюминия. В табл. 3 показаны результаты приведения такого анализа, т.е. сколько единиц массы элемента приходится на одну единицу массы алюминия.

Таблица 3.

Приведенное к содержанию Al массовое содержание (отн. ед.) элементов

Элемент	Образец					
	1	2	3	4	5	6
Na	0.29	0.10	0.98	1.74	0.06	
Mg	0.23	0.18	0.34	0.62	0.28	0.25
Al	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Si	2.53	4.15	3.43	2.94	4.01	4.10
S				0.15		
Cl	0.16	0.35	2.35	3.78	0.65	0.46
K	0.24	0.88	0.44	0.44	1.62	1.53
Ca	7.81	1.04	0.80	0.40	1.47	0.81
Fe	0.83	0.10	0.90	1.00	0.06	0.25

Видно, что относительное содержание большинства катионов и анионов изменяются в небольших пределах. В качестве примера приведена гистограмма содержания Mg в образцах (илл. 4, б). Отклонение на одну-две единицы, полагаем, следует считать нормальным отклонением от среднего. Значительные отклонения наблюдаются для образца № 4 – глины из озера. Образец обогащен Na, S и Cl. Вероятно, это специфика глины из Чокрака. Значительные отклонения от среднего по содержанию Ca наблюдаются в образце № 1 (илл. 4, а). Остальные элементы изменяются в пределах нормы.

Илл. 4. Гистограммы содержания Mg и Ca в образцах.

Кальций характерен для раковин моллюсков и осадочных пород, образованных из них или с их «активным» присутствием. Кроме того, промыв образцов № 1, 2 и 3 выявил одиночные остатки раковин моллюсков в образцах № 2 и 3, в то время как в образце № 1 их значительно больше.

Таким образом, слой № 1 содержит в себе достаточное количество глины (Al) и, по сравнению с другими слоями, остатков раковин моллюсков (рассев и по-

вышенное количество Са в спектрах). Это позволяет предполагать, что образец № 1 отобран из слоя, который был сформирован подобно тому, как формируется морское (озёрное?) дно (!).

Выходит, что был некий период, когда уровень Чокракского озера/залива и, соответственно, Азовского моря вдруг оказался намного (не менее, а скорее более 2 м) выше современного и простоял таковым достаточно долго, чтобы «зафиксироваться». Может быть, даже это имело место дважды или же, что представляется более вероятным, «верхняя» полоса светлого грунта фиксировала поверхность такого подъёма. Этот «потоп», наверняка, сделал озеро, если оно таковым тогда было, на какое-то время морским заливом. Потом вода спала, но «следы» остались. В других местах побережья Чокрака, да и Азова таковые или не сохранились, или их просто не искали. Чем было вызвано это «наводнение» – не ясно. Письменных свидетельств о нём среди античных источников, как будто бы нет (хотя... – см. ниже), да и средневековых и нового времени – вроде бы как тоже. Когда это случилось? Явно – после времени строительства рассматриваемой стены/стен или даже окончательного прекращения жизни поселения (усадыбы) в конце I в. до н.э., но, когда именно: вопрос открытый.

Во всей этой связи небезынтересна «обратная» нарротивная и археологическая информации относительно колебаний уровня собственно Азовского моря – Меотиды. О Чокракском озере, что естественно, надежд на первую – у нас нет. Так, путешественник Вильгельм де Рубрук в середине XIII в. характеризовал Азовское море, как «...нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus)...»¹¹ То есть, это – скорее около 4,8 м при шаге равном 0,8 м, нежели 9 м при оценке полного шага в 1,5 м. Напомним, в настоящее время средняя глубина моря составляет 7,5 м, а максимальная 13,5 м. Но данные Рубрука, конечно, очень приближительны, хотя, быть может, и отражают некие реалии. Иными словами, Азовское море в «зрелом» средневековье было существенно мельче (и меньше?) современного. Чокракское же озеро тогда, вероятнее всего, было замкнутым водоёмом с меньшими размерами. Но тогда: как быть с «нашим» «потопом»? Впрочем, он мог иметь место тут раньше или позже Плано Карпини, и не ясно, каким долговременным был.

Ну, а как обстояло здесь дело в античности? Общеизвестно, что с этим морем древние греки познакомились уже на заре колонизации, да и вообще, почти все мало-мальски конкретные сведения о нём были собраны ими довольно рано. Уже Геродот упоминает его неоднократно и как бы «со знанием дела». «Далее и везде» грекоязычные авторы, как «прямые», так и разного рода компиляторы, схолиасты и т.п. постоянно употребляют относительно этого водоёма термин (озеро, река – стоячая вода, болото, водоём, пруд) или же просто – самоназвание: «Меотида». Лишь Аристотель и Полибий приводят более конкретную информацию в плане интересующей нас темы. Первый (как, впрочем, и второй) – писал о том, что побережье озера вследствие речных наносов увеличивается (? – А.М.) и плавать по нему в его время (т.е., примерно, в начале второй половины IV в. до н.э.) могли только суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет назад и, как все озёра, объявленные своим происхождением рекам, в конце – концов Меотида высохнет (Arist.

¹¹ Джованни дель Плано Карпини 1957, 88.

Meteor. I. 29 = соотв. места в SC). Почему тут взят именно такой временной промежуток, и какие по тоннажу корабли плавали по Меотиде раньше – неизвестно, но процесс её заметного обмеления зафиксирован. Полибий, спустя почти полтора века (события, изложенные в четвёртой книге его Всеобщей истории, относятся к концу III – началу II вв. до н.э.) ещё точнее обрисовал эту ситуацию: «Меотида уже заносится илом, ибо большая часть её имеет глубины пять-семь оргий (соответственно: около 9 и 12,6 м – что очень близко современным данным – А.М.), вследствие чего по нему не могут ходить большие корабли без лоцмана. Далее (ранее? – А.М.) Меотида, как единогласно свидетельствуют о том древние, была первоначально морем, сливающимся с Понтом в одно, а теперь это озеро сладкой воды, ибо морская вода вытеснена из него наносами, а вливающаяся в него из рек вода получила перевес» (Polyb. IV. 40. 8–9. Пер. Ф. Мищенко). Оставим в стороне ошибочные взгляды тогдашних естествоведов относительно неизбежного заиливания всех водоёмов с речным стоком. Для нас важно в данном случае два обстоятельства: хронология и схожая с Аристотелем характеристика навигации, при намёке на существенно большую глубину и размеры (?) Меотиды некогда «в древности». И, отметим, – по отношению к современности и тем более XIII в. тоже. Информатор Полибия в данном случае не известен. Не исключено, что это всё тот же труд Аристотеля. Но, может быть, эти сведения были почерпнуты из более близкого ему по времени источника. Тогда можно утверждать, что за указанный промежуток существенных перемен в интересующих нас характеристиках озера не произошло. Правда, никто из древнегреческих авторов, как уже отмечалось, термин «море» никогда применительно к этому водоёму не использовал. Здесь не лишнем будет привести сведения античной письменной традиции о размерах Меотиды (см. RE – *Maëotis*). Тот же Полибий писал о 8000 стадий в окружности (Polyb. IV. 39. 2), Страбон – 9000 стадий «и даже больше» (Strab. II. 5. 23), Арриан, почти сто лет спустя, также приводит цифру 9000 стадий (Arr. Per. 30). А вот латиноязычные авторы пользовались термином *lacus* скорее в значении «озеро», нежели – «болото», «водоём». Впрочем, довольно часто употреблялся и термин *palus* – болото, как в единственном, так и во множественном числе или же, вообще, – и тот и другой. Наглядный пример этому: Помпоний Мела, труд которого был завершён, как известно, к началу 40-х гг. до н.э. (Pomp. Mela. I. 7, no I. 112–113). Причем у более поздних авторов, кажется, преобладающим становится – *palus*. Здесь особенно показателен такой источник, как «Естественная история» (Plin. NH. II. 168). Случайность ли всё это или действительно, основательные во многих отношениях римляне, знакомясь с этим регионом, больше доверяли своим непосредственным информаторам, нежели греческой традиции. И, соответственно, фиксировали некие природные реалии, имевшие место на рубеже эр и непродолжительное время спустя, то – есть факт обмеления и заболачивания Меотиды? Однако не всё тут так просто, вернее – однозначно. Убедимся в этом, вернувшись к характеристике размеров Меотиды и не только.

Плиний Старший, опираясь на информацию карты Агриппы и сведения Артемидора, приводит соответственно две цифры: 1406 и 1125 миль (Plin. NH. IV. 78; VI. 207). Кстати, у неизвестного автора «Схолий к Землеописанию Дионисия» сказано относительно Меотиды, что 9000 стадий равно 1200 милям, т.е. 7,5 стадий = 1 миле (SC I. 216; Schol. Ad. Dion. 718). Можно ли из этого делать вывод,

что информация, собранная для Агриппы, точнее или, действительно, к концу I в. до н.э. Меотида несколько увеличилась в размерах, сказать сложно. К тому же это как бы противоречит только что сказанному относительно соответствующей латинской терминологии. А если последнее «обстоятельство» дополнить тем, что только у части позднеримских (IV–V вв. н.э.) авторов впервые Меотида называется морем (*mare*) (см. соотв. «места» в своде В.В. Латышева)– «картина» ещё более запутывается. Впрочем, а почему бы не предположить, что всё вышенаписанное относительно «потопа» на Чокраке имело место как раз в позднеантичное время? Хотя, конечно, весьма проблематично, чтобы все вышеприведённые, к тому же довольно противоречивые, как мы видим, «старинные» сведения о Меотиде в силу известных обстоятельств (естественная для того времени неточность измерений, специфика различных письменных источников и их датировка, и т.п.) напрямую сопоставимы с современными данными. Но их анализ и привлечение, полагаем, небезынтересным в плане рассматриваемой тематики. Обратимся, однако, к современности.

Выводы о нестабильном положении уровня озера Чокрак подтверждаются и палеогеографическими исследованиями в ряде мест Караларского побережья Керченского полуострова. Так в бухте «Широкая» была изучена и датирована занимающая её морская терраса. Выяснилось, что она заполнялась в два этапа, разделенных, по всей видимости, незначительным замедлением подъема или даже понижением уровня моря. Первый этап, судя по радиоуглеродным датировкам раковин моллюсков, слагающих данную террасу, имел место около 3900–3500 лет назад, т.е. задолго до греческой колонизации. В тот момент была сформирована нижняя часть террасы бухты. После этого произошло кратковременное замедление подъема уровня моря, а, возможно, некоторое его снижение, о чём свидетельствует прослойка гумуса в отложениях террасы. Второй этап её формирования относится к периоду 2400–2100 лет назад и теоретически (точнее датировать этот процесс пока не удалось) может соответствовать значительному подъёму уровня поверхности воды, зафиксированному в отложениях Чокракского озера описанных выше. Но, ещё раз подчеркнём: только теоретически, а не хронологически, отметить явные преимущества классической науки о древностях, включая археологию перед всеми современными... В ходе него была сформирована основная часть бухты до современного берегового вала. Последний – простирается вдоль всей бухты. Ширина вала составляет 3–4 м; общее превышение над уровнем террасы не более 0,5 м. Радиоуглеродные датировки раковинного материала из вала показали возраст в 870 ± 40 ВР в его верхней части и 1100 ± 50 ВР на уровне современного Азовского моря, на дне шурфа. По всей видимости, этот вал отражает максимальный подъем уровня моря в настоящее время, после чего он уже только отступал.¹²

При дальнейшем обследовании бухты в рельефе её восточной части был выделен невысокий вал шириной до 1 м и высотой до 0,3 м, протянувшийся с юго-востока на северо-запад почти перпендикулярно урезу воды, что указывало на его неприродное происхождение. Здесь было заложено два шурфа 5х5 м, ориентированных параллельно линии вала. Расстояние до уреза воды от края самого

¹² Дикарёв 2014, 314–316.

северного шурфа – 50 м. Стратиграфия (по северному борту) в обоих шурфах одинаковая:

- светло-коричневый, гумусированный дерновый слой толщиной до 0,2 м с включениями корней растений и известняковой крошки;
- серо-коричневая гумусированная супесь мощностью около 0,25 м;
- плотный, светло-серый ракушечный детрит, с редкими, тонкими прослойками песка. Мощность слоя 0,3 м;
- очень плотный, мелкий, желтовато-серо-коричневый ракушечный детрит с песком.

В шурфах были обнаружены остатки каменных кладок (стен), ориентированных по линии север–юг с небольшим отклонением к западу, послуживших основой для упомянутого вала. Верхние камни зафиксированы на глубине до 0,4 м от дневной поверхности в северном шурфе и 0,2–0,3 м в южном. Кладка двухрядная, трёхслойная из необработанных обломков известняка разного размера. Камни внешних рядов более крупные, стоят на ребре, плохо пригнаны друг к другу; широкие зазоры изредка заложены мелкими камнями. Средняя высота стен приблизительно 0,4 м. Толщина колебалась от 0,75 до 1 м. Фасы в северной части стен довольно ровные и вертикальные, в южной – камни заметно наклонены (свалились) к востоку. Основания стен стоят на плотном, серо–жёлто–коричневом ракушечном слое.

В слое серо-коричневой, гумусированной супеси встречены немногочисленные фрагменты амфор. Среди них венчик и две ручки Гераклеи Понтийской, ручка амфоры Фасоса и две ручки амфор неизвестных центров. Кроме того, были обнаружены четыре обломка боспорских керамид. Большинство фрагментов керамики было сильно окатано. Вся она датируется второй половиной IV – первой третью III в. до н.э., то есть временем, синхронным близлежащим крупным античным поселениям: Генеральское-западное и Генеральское-западное (юго-западный склон). Однако напрямую связать её с ними вряд ли уместно. Судя по только что отмеченному состоянию обломков, скорее это обычный долговременный «намыв» после штормов. Да и сам характер кладки стенок заметно отличается (в худшую сторону) от местных античных построек. Скорее, мы имеем тут дело с ранним средневековьем, но каким точно – не ясно. Радиоуглеродный возраст раковинного материала из подстилающего стены слоя показал значение 2480 ± 60 BP, что соответствует описанному выше второму этапу заполнения бухты «Широкая». Следов строительной траншеи под стену в слое светло-серого детрита не выявлено. Вряд ли в силу своей примитивности и непрочности эти кладки могли быть причальным молотом, рассчитанным на незначительное волнение Азовского моря и защиту маломерных судов. Но в любом случае следует признать, что уровень моря в данном месте тогда (?) составлял как минимум +1 м к современному.¹³

В соседней с пересыпью Чокракского озера с запада бухте (бухта «Шалман» или «Радости») также было обнаружено террасовидное накопление морских наносов на высоте от 3 до 8 м над современным уровнем моря (рис. 14). «Тело» этой псевдотеррасы сложено разнородным песком с прослоями детрита, раковин моллюсков и включением их отдельных целых створок. Радиоуглеродные дати-

¹³ Dikarev et al., 2009.

Рис. 14. Западная часть побережья бухты «Радости». Псевдотеррасы накопления морских наносов. Вид с севера.

Fig. 14. Western part of the coast of Bukhta Radosti. Pseudoterraces of marine sediment accumulation. View from the north.

ровки раковин дали калиброванный возраст от 3090 до 2300 календарных лет. Из этого можно сделать вывод, что накопление морских отложений продолжалось достаточно длительное время, почти синхронное со вторым этапом формирования вышеописанной террасы в бухте «Широкая». Морфология данной псевдотеррасы даёт основания полагать, что береговая линия в этом месте имела какой-то специфический «изъян»: возможно, существовало, что-то вроде грота, где накапливался и не размывался материал морских отложений. Столь высокое современное положение над уровнем моря следует объяснить, по-видимому, новейшей тектоникой, которая могла за три тысячи лет «поднять» этот массив на величину от 3 до 5 м.¹⁴

Ну, а что же археология? Первая попытка собрать соответствующие сведения о Приазовском и сопредельных регионах была, насколько нам известно, сделана почти четверть века назад А.А. Никоновым¹⁵. (Поскольку он выразил тогда благодарность одному из авторов настоящей статьи за соответствующую устную информацию, мы вправе повторить её без цитирования указанной статьи и других ссылок, ибо всё это – материалы работ ВКАЭ ИА РАН.) Следуя с запада на восток,

¹⁴ Дикарёв 2020.

¹⁵ Никонов 1998, 57–66.

начнём с мыса Казантип (рис. 1, № 1), оговорившись предварительно, что подводные находки керамики ввиду неоднозначности трактовки «в расчёт» браться не будут, а специальных подводных обследований и тем более работ в силу специфики Азовского моря и иных обстоятельств пока никто не вёл. Итак, в западной части только что упомянутого мыса, в непосредственной близости от поселения (усадебного комплекса) «Казантип-западный» (конец V – начало I в. до н.э.) был расчищен хорошо сохранившийся мол, характеристику которого мы привели выше. Отметим, что он не был в отличие от прочих местных, вероятно, аналогичных по назначению строений, полностью затопленным водами бухты. Напротив, – как бы даже «оказался на мели». Сопутствовавший невыразительный и малочисленный археологический материал в основном синхронен упомянутому поселению.

Следующий пункт – некая довольно загадочная стена, прослеженная целиком под водой (на глубине от 0,5 до 1,7 м) в нескольких сотнях метров (далековато для гавани относительно небольшого поселения) к югу от городища «Золотое-берег» (III в. до н.э. – IV–VI вв. н.э.), что на северной окраине одноименного села, в восточной части Казантипского залива (рис. 1, № 2). Она тянется не менее чем на 50 м примерно под углом 60 градусов к нынешнему берегу. Ширина её около 2 м. Античная принадлежность этой постройки не очевидна (рядом ещё несколько десятилетий назад располагался рыбный цех местного колхоза), но, как и её предназначение в качестве мола, всё-таки вероятны. Раскопки или хотя бы поиски в прибрежной части этой стены не велись. Аналогичным образом обстоит дело и с подводной (на глубине от 0,3 до 1 м) стеной в бухте на западе мыса Зюк, также вблизи бывшего рыб-цеха (рис. 1, № 8). Ширина её тоже 2 м, прослеженная длина (почти перпендикулярно берегу) 10–12 м, сохранившаяся высота около 1 м. Вблизи никаких следов культурного слоя античного времени нет. Но северо-восточную часть мыса (примерно в 250 м от мола) занимает хорошо изученное городище Зенонов Херсонес (конец VI в. до н.э. – первая треть VI в. н.э.). В обоих случаях для нормального функционирования мола уровень моря должен был опуститься по отношению к современному на 1,5–2 м. Уверенно можно судить об античной принадлежности, по крайней мере, ещё нескольких объектов Караларского побережья, чьё местоположение нелогично с точки зрения современной береговой линии, сохранности и иных «житейских» обстоятельств. Это небольшое, но многослойное и долговременное (IV в. до н.э. – VI в. н.э.) поселение «Салачик» (рис. 1, № 4) и некие, вероятно, подсобно-хозяйственные, производственные и иные строения (рыбозасолочные ванны, рыбокоптильни или рыбохранилища ?) в прибрежной части (городище «Золотое-берег») или непосредственно под городищами («Сиреневая бухта», Зенонов Херсонес) (рис. 1, № 5, 8). В первом случае некоторые (подпорные) стены у основания небольшого холма с постройками размываются или уже размывы морем, а высеченный в своей нижней части в скале колодец, располагавшийся внутри поселения «Салачик» и открытый раскопками, в настоящее время содержит обычную морскую воду. Наверняка, в древности он находился дальше от береговой линии, и вода в нём была пригодна для питья. Раскопанный рыбозасолочный комплекс II–III вв. н.э. («Золотое-берег») спустя три десятилетия уже более чем наполовину разрушен морем. Двум остальным объектам позднеантичного времени близость моря угрожает самым очевидным образом. Следовательно, для тех, кто их строил, соответствующая опасность вовсе не

принималась в расчёт. Вблизи поселения «Полянка» (в западной части упоминавшейся бухты «Радости» – рис. 1, № 6) при строительных работах непосредственно в зоне пляжа на некоторой глубине, частично уже в воде, был выявлен развал некой стены с сопутствовавшим археологическим материалом II–III вв. н. э., а о двух стенках, раскопанных на пляже бухты «Широкая» – (рис. 1, № 3), выше уже писалось. Здесь же можно было бы привести и «хрестоматийный» пример из труда Плиния Старшего относительно городов (?) Пирра и Антисса, около Меотиды, которых поглотил (точнее, отнял, унёс – А.М.) ... Понт, т.е. Чёрное море (?) (“*Pugram et Antissam circa Maeotim Pontus abstulit...*” – Plin. NH. II. 206). Ну, уж очень оно, как, безусловно, заметил читатель, противоречиво. Вместе с тем, напомним, что до нас дошёл если не первоисточник этой информации, то хотя бы ссылка на него (схолии к речи Цицерона «За Флакка»). А раз так, то эти события, где бы они не произошли, имели место, скорее всего, не позднее середины I в. до н.э. Есть мнение, что эти более никем не упоминавшиеся города (если это города?) располагались где-то на северо-западе Боспора Киммерийского (восточная часть Крымского Приазовья?) и были разрушены вследствие катастрофических оползней, вызванных в свою очередь известным землетрясением 63 г. до н.э.¹⁶ Зная, что называется, воочию всё соответствующее побережье как к востоку, так и к западу от нынешнего Керченского пролива и, в частности, район предполагаемых и реально существующих и поныне оползней, осмелюсь возразить, что такое предположение всё же маловероятно. Никаких следов античных поселений тут нет. А самое главное: все соответствующие примеры и археологический опыт показывают, что на протяжении всей античной эпохи поселенцы предварительно знакомились и старались учитывать все особенности местной прибрежной топографии и «геологии». Строились на относительно высоких прибрежных холмах и мысах, сложенных в основном из коренных известняковых или иных относительно слабо размываемых или просто устойчивых пород и грунтов. Другое дело – природные катастрофы или некие перманентные, также природные процессы, пагубное действие которых сказывалось не одновременно. Наверняка, как-то обустроивались и места, прилегающие к таким населённым пунктам на побережье. В данном случае, как нам кажется, можно предположить, что некие поселения были «отняты» Азовским морем – Меотидой вследствие существенного (и довольно быстрого?) подъёма его уровня где-то около указанного выше времени. А что? Вот городок Акра (если это Акра), что в южной части западного побережья Керченского пролива: почти все его постройки, по крайней мере, эллинистического периода оказались под водой. Исследователи Акры полагают, что город в значительной степени был затоплен к рубежу эр. В I в. до н.э. эта опасность ощущалась его жителями весьма серьёзно, а сам процесс стал ощутимым уже примерно со второй половины III в. до н.э.¹⁷ Поселение первых веков н.э. занимало уже совсем небольшую площадь на суше и не случайно именовалось античными авторами «деревенькой» (маленькое селение) (Strab. XI. 2. 8). Одновременно отметим, что максимальная оценка такой регрессии в районе данного поселения (городка) составляла в IV в. до н.э. около 3?6–4 м¹⁸. Если всё это так, то, действительно, неведомый нам источ-

¹⁶ Никонов 2001, 241–246.

¹⁷ Соловьёв, Вахонеев, Шепко 2021, 74–78, 153.

¹⁸ Соловьёв, Вахонеев, Шепко 2021, 59–71.

нике Цицерона мог зафиксировать полное подтопление прибрежных территорий и неких населённых пунктов в рассматриваемом регионе к указанному только что времени. Другими схожими примерами в Приазовье мы пока не располагаем, а касаться всех прочих – по обе стороны Керченского пролива, не станем. По мнению А.А. Никонова, для нормального функционирования таких «пригородов», прежде всего, гаваней уровень Азовского моря и северной части Керченского пролива должен был быть ниже современного не менее, чем на 1,5 – 2 м.¹⁹ В таком случае, берег в какой-то период в античности располагался примерно в 50 м или даже больше мористие современного. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на любую карту Азовского моря с изобатами. Примерно на том же расстоянии, видимо, надо искать и следы древнего клифа, а, может быть, и остатки портовых сооружений прочих прибрежных городищ. Но, скорее всего, он (уровень моря) заметно колебался даже на протяжении немногих поколений. При этом некий пик «спада», как нам кажется, приходился на рубеж IV–III вв. до н.э., II–III вв. н.э. Их сменяли существенные и длительные подъёмы III–I вв. до н.э. и, возможно, позд-неантичного времени. Но вернёмся к палеогеографии.

Должно сказать, что в современных изысканиях тема колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене (т.е. на «памяти» человечества) разрабатывается весьма активно. Не вдаваясь, что естественно, во все детали и сложности данной проблематики и дискуссий, отметим лишь, что, как это часто бывает, к настоящему времени тут сложилось два противоположных взгляда: условно «статичный» и «переменный»²⁰. Выводы сторонников периодических и заметных изменений уровней упомянутых морей представляются и нам в свете всего вышеизложенного и более аргументированными, и более соответствующими некоторым археологическим реалиям. Разумеется, последние – (см. выше) имеют исключительную ценность ввиду гораздо более точной и разработанной хронологии. Особенно, если мы располагаем письменными источниками. В качестве примера приведём один из регрессивных «пиков» (т.н. фанагорийская регрессия) диаграммы из только что упомянутой статьи²¹ Согласно ей максимальное (до 5 м) понижение уровня Азово-Черноморского бассейна (иной конкретики тут нет) имело место примерно в V в. до н.э. Точнее, видимо, геоморфологам определить сложно. Но тогда... Совершенно справедливо заметить изволили, внимательный читатель! Тогда как же быть с вышеупомянутым свидетельством Аристотеля, да и Полибия тоже? Наверняка временную «шкалу» здесь надо сдвигать, как минимум, на век–полтора вверх. Вот тогда всё в плане местной археологии, как будто бы «садится на место». Ко времени Митридата и Страбона, судя по всё той же диаграмме, интересующий нас показатель поднялся почти до современного уровня. Следовательно, постройки в прибрежной зона на Меотиде и в её заливах (Чокрак) оказались под водой или почти под водой. Следующий значительный (до 3 м) спад приходится, согласно всё тому же автору, примерно на VII в. н.э. А вот сколь-либо существенной трансгрессии, заметно превышавшей бы современный уровень, вроде бы как и не происходило. Или – наш «потоп» – «первая ласточка» в данном направлении научного поиска.

¹⁹ Никонов 1998, 64.

²⁰ Измаилов 2020, 159–163.

²¹ Измаилов, 161, рис. 1.

Итак, какие же выводы можно из всего изложенного если не сделать, то допустить? Да один: только союз наук открывает новые «горизонты». Впрочем, нет. Копать всё-таки надо.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоулдстейн, Дж., Джой, Д., Лифшин, Э., Ньюбери, Д., Фиори, Ч., Эчлин, П. 1984: *Растровая электронная микроскопия и рентгеновский микроанализ*. Т. 1–2, М.
- Дикарев, В.А. 2014: Реконструкция палеорельефа бухты Широкая (Керченский п-ов) и античного поселения Генеральское Западное. В сб.: А.П. Дервянко, Н.А. Макаров, А.Г. Ситдииков (ред.), *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. 4. Казань, 314–317.
- Дикарев, В.А. 2020: Берега Чёрного и Азовского морей в условиях изменения уровня моря. В сб.: *VIII Шукинские чтения: рельеф и природопользование. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, 28 сентября – 1 октября 2020 г.* М., 626–630.
- Дикарев, В.А. 2021: Эволюция озера Чокрак (Керченский полуостров) в позднем голоцене. В сб.: *Материалы 6-й Международной научно-практической конференции «Инновации в геологии, геофизике и географии–2021»*. М., 88–89.
- Измаилов, Я.А. 2020: Колебания уровня Азово-Черноморского бассейна в среднем и позднем голоцене и некоторые проблемы адаптации человека. В сб.: *Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена*. М., 159–163.
- Карпини, Дж. дель Плано 1957: История монголов. В кн.: *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. М.
- Масленников, А.А. 1998: *Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху*. М.
- Масленников, А.А. 2007: Крымское Приазовье в античную эпоху. В кн.: *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. М.–Киев–Запорожье, 181–218.
- Масленников, А.А. 2010: *Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье)*. Т. 1. *Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников*. М.
- Никонов, А.А. 1998: Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря). *РА* 3, 57–66.
- Никонов, А.А. 2001: О местонахождении и исчезновении античных городов Пирра и Антисса на Боспоре. В сб.: *Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государств*. Ч. 2, СПб, 241–246.
- Подосинов, А.В. 2018: Ещё раз о Меотиде, как озере. *Scripta Antiqua* 8, 209–229.
- Соловьёв, С.Л., Вахонеев, В.В., Шепко, Л.Г. 2021: *Акра – античный город на Европейском Боспоре*. СПб.
- Тункина, И.В. 2002: *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середины XIX вв.)*. СПб.
- Федоров, П.В. 1978: *Плейстоцен Понто-Каспия*. М.
- Dikarev, V.A. et al. 2009: Complex archaeological and geomorphological studies on the northern coast of Kerchenskiy peninsula (Crimea, Ukraine). In *ICGP 521-INQUA 0501 Fifth Plenary Meeting and Field Trip*. Istanbul–Izmir–Canakkale, 55–58.
- Kelterbaum, D., Brückner, H., Dikarev, V., Gerhard, S. et al. 2012: Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene. *Geoarchaeology*. Vol. 27. No. 3, 206–219.

REFERENCES

- del Carpini, G. da Pian, 1957: *Istoria Mongolov* [History of the Mongols]. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow.
- Dikarev, V.A. 2014: Rekonstruktsiya paleorel'efa bukhty Shirokaya (Kerchenskiy p-ov) i antichnogo poseleniya General'skoe Zapadnoe [Reconstruction of the paleorelief of the Shirokaya Bay (Kerch Peninsula) and the ancient settlement of Generalskoye Zapadnoe]. In A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, A.G. Sitdikov (eds.), *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan.]. Vol. 4. Kazan, 314–317.
- Dikarev, V.A. 2021: Evolyutsiya ozera Chokrak (Kerchenskiy poluostrov) v pozdnem golocene [Evolution of Lake Chokrak (Kerch Peninsula) in the Late Holocene]. In *Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Innovatsii v geologii, geofizike i geografii–2021"* [Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Innovations in Geology, Geophysics and Geography-2021"]. Moscow, 88–89.
- Dikaryev, V.A. 2020: Berega Chernogo i Azovskogo morey v usloviyakh izmeneniya urovnya morya [The shores of the Black and Azov Seas in conditions of sea level change]. In *VIII Schukinskie chteniya: rel'ef i prirodopol'zovanie. Materialy Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, 28 sentyabrya – 1 oktyabrya 2020 g.* [VIII Shchukin Readings: relief and nature management. Materials of the All-Russian conference with international participation. Lomonosov Moscow State University, Moscow, September 28 – October 1, 2020)]. Moscow, 626–630.
- Fedorov, P.V. 1978: *Pleistotsen Ponto-Kaspiya* [Pleistocene of Ponto-Caspian]. Moscow.
- Gouldsteyn, Dzh., Dzhoy, D., Lifshin, E., Nyuberi, D., Fiori, Ch., Echlin, P. 1984: *Rastrovaya elektronnaya mikroskopiya i rentgenovskiy mikroanaliz* [Scanning electron microscopy and X-ray microanalysis]. Vols. 1–2. Moscow.
- Izmailov, Ya.A. 2020: Kolebaniya urovnya Azovo-Chernomorskogo basseyna v srednem i pozdnem golotsene i nekotorye problemy adaptatsii cheloveka [Fluctuations in the level of the Azov-Black Sea basin in the middle and late Holocene and some problems of human adaptation]. In *Aktual'nye problemy paleogeografii pleystotsena i golotsena* [Actual Problems of Pleistocene and Holocene Paleogeography]. Moscow, 159–163.
- Maslennikov, A.A. 1998: *Ellinskaya khora na krayu Oykumeny. Sel'skaya territoriya Evropeyskogo Bospora v antichnuyu epokhu* [Hellenic chore on the edge of the ecumene. Rural territory of the European Bosphorus in ancient times]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 2007: Krymskoe Priazov'e v antichnuyu epokhu [Crimean Sea of Azov in ancient times]. In *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy* [In Ancient World and the Barbarians in the South of Russia and Ukraine]. Moscow–Kiev–Zaporozhe, 181–218.
- Maslennikov, A.A. 2010: *Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e)*. T. 1. *Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov* [Royal chore of the Bosphorus (based on excavations in the Crimean Azov region). Vol. 1. Architectural, construction and archaeological characteristics of sites]. Moscow.
- Nikonov, A.A. 1998: Zatoplennye ostatki antichnykh sooruzheniy po beregam Bospora Kimmeriyskogo (v svyazi s problemoy izmeneniya urovnya morya) [Submerged remains of ancient structures along the shores of the Cimmerian Bosphorus (in connection with the problem of sea level changes)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 57–66.
- Nikonov, A.A. 2001: O mestonahozhdenii i ischeznoventie antichnykh gorodov Pirra i Antissa na Bospore [On the location and disappearance of the ancient cities of Pyrrhus and Antiss in the Bosphorus]. In *Bosposkiy Fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovaniye polisov*.

- Obrazovanie gosudarstv [Bosporus Phenomenon: Colonization of the Region. Formation of policies. State formation]. Pt. 2, Saint Petersburg, 241–246.*
- Podosinov, A.V. 2018: Eshche raz o Meotide, kak ozere [Once again about Meotida as a lake]. *Scripta Antiqua* 8, 209–229.
- Solovyov, S.L., Vakhoneev, V.V., Shepko, L.G. 2021: *Akra – antichnyy gorod na Evropeyskom Bospore [Akra, an ancient city on the European Bosphorus]. Saint Petersburg.*
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII–seredina XIX vv.) [Russian Science of the Classical Antiquities of the South of Russia (the 18th – mid-19th century)]. Saint Petersburg.*

SECRETS OF CHOKRAK LAKE

Vladimir K. Gerasimov¹, Vasyliy A. Dikarev², Alexander A. Maslennikov³

¹ *A.N. Frumkin Institute of Physical Chemistry and Electrochemistry, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

³ *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: vladger@mail.ru* ² *E-mail: dikarev@rambler.ru* ³ *E-mail: iscander48@mail.ru*

Abstract. In 2020–2021, the remains of a huge wall were uncovered in vicinity of large ancient settlement of the 4th–1st centuries BC, located in the southern part of Chokrak Lake in the cliff at the western slope of the cape Yuzny. The wall had width up to 2,4 m and was traced towards the lake for at least 32 m, and most likely more. Due to few accompanying artefacts, time of its construction can be related to the beginning of the third century BC. Apparently, a similar wall existed on the eastern slope of this cape. Obviously, there were a continuation of this fortifications at the settlement on the lower terraces of the cape, which now are almost completely flooded by the lake. Less likely that both walls were somehow related with the salt and therapeutic mud extraction in antiquity. At the same time, an “anomaly” was recorded in the stratigraphy of the western excavation. It can be explained only by a temporary significant (up to 2 m) lake level rise, probably at early medieval period. In any case, this is a significant reason for further paleogeographic and archaeological research of water level dynamics and the Sea of Azov coastal history in the antiquity and the Middle Ages.

Keywords: Crimean Azov region, archaeology, paleoecology, narrative sources, Chokrak Lake, construction remains, chronology.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-1-76-87–92

НОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ РЕВЕРСА ОДНОГО ТИПА ПАНТИКАПЕЙСКИХ ГЕМИОБОЛОВ СЕРЕДИНЫ V В. ДО Н.Э.

А.Е. Терещенко

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3293-613X

Аннотация. В заметке рассматривается процесс появления новой разновидности реверса пантикапейских гемиоболов середины V в. до н.э. типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека; в двух отсеках по диагонали четырехлучевые звезды, в двух других – буквы П и А». Благодаря создателям сайта Каталог-архив «Монеты Боспора» появилась информация о существовании нескольких разновидностей подобных гемиоболов, позволяющая проследить эволюцию реверсного сюжета исходного варианта.

Ключевые слова: античная нумизматика Боспор Киммерийский, Пантикапей, монетная чеканка, монетный тип, гемиоболы.

Прежде всего, мне хотелось бы выразить искреннюю признательность создателям вебсайта Каталог-архив «Монеты Боспора»¹, тщательный труд которых по сбору информации о монетных находках существенно расширяет возможности специалистов для изучения монетного дела Северного Причерноморья, в частности некоторых спорных вопросов нумизматики Боспора.

Серебряные монеты, о которых идет речь в настоящей заметке, типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека; в двух отсеках, расположенных по диагонали, четырехлучевые звезды, в двух других – буквы П и А, расположенные под прямым углом друг к другу» (см. табл. I, II²) известны с конца XIX в.³ На данный момент их зарегистрировано 48 экземпляров, диаметром от 6–10 мм и весом 0,14–0,48 г⁴. Номинал их определяется как гемиобол. Предварительно назовем их группой С.

Данные об авторе: Андрей Евгеньевич Терещенко – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея.

¹ <https://bosporan-kingdom.com/>.

² Фотографии боспорских монет взяты из интернет-ресурса Каталог-архив «Монеты Боспора». См. <https://bosporan-kingdom.com/>.

³ Гиль 1886, 22, № 37. Табл. III, 37.

⁴ Эти сведения содержатся в постоянно обновляемом корпусе боспорских монет VI–V вв. до н.э., составляемом мною для подобных целей с 2003 г.

Удивительно, что в работах признанных авторитетов боспорской нумизматики А.Н. Зограф и Д.Б. Шелов данный тип гемиоболов вообще не упомянут, наверное, поэтому данные монеты долгие годы оставались вне поля зрения последующих исследователей. Только в середине 1980-х гг. этот тип был вновь введен в научный оборот В.А. Анохиным. Нумизмат отнес это мелкое серебро к пантикапейской городской эмиссии и датировал его 450–438 г.⁵, а в более поздней работе – 437 г. до н.э.⁶ Н.А. Фролова также относил эти монетки к чеканке Пантикапея, но время их выпуска передвинула на вторую четверть V в. до н.э.⁷

О.Н. Мельников полагает, что этот тип чеканился «Аполлонийским монетным союзом торгово-экономической конфедерации городов Боспора» в период с 470/468 по 465 гг. до н.э.⁸ В.Л. Строкин, активно поддерживающий гипотезу, что изначально Фанагории называлась Аполлонией (Боспорской?)⁹, утверждает, что на монетном дворе последней и чеканились данные гемиоболы¹⁰. Точной датировки исследователь, к сожалению, нигде не предложил, но исходя из общего контекста его работ о боспорских монетах V в. до н.э., речь должна идти о первой половине второй четверти данного столетия¹¹.

С моей стороны было выдвинуто предположение, что монеты этого типа входили в пантикапейскую полисную серию, но не как основной, а дополнительный выпуск. Вероятно, потребность рынка в большем количестве мелких номиналов вынудила Пантикапей отчеканить дополнительную партию гемиоболов, а для удобства и ускорения работы штемпель оборотной стороны был вырезан без таблеток¹². В данном случае подразумевается серия, обозначенная мной как Па-8. Ее составляют монеты типа:

Л.с.: Изображение головы льва в фас или муравья.

О.с.: Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, образующими флажковую свастику, закрученную по часовой стрелке; на двух таблетках – восьмилучевые (драхмы, тетробол, диоболы) или четырехлучевые (гемиоболы и тетартемории) звезды, двух других по диагонали – буквы Π и Α (табл. I, 1–4).

По мнению В.Л. Строкина, рассматриваемые гемиоболы представляют собой «несколько более ранний и притом самостоятельный выпуск»¹³ именно по отношению к указанной серии. Она датируется исследователями 475–450 гг. до н.э.¹⁴, второй четвертью V в. до н.э.¹⁵, 450–438 гг. до н.э.¹⁶, серединой V в. до н.э.¹⁷, концом второй четверти V в. до н.э. (455–450 гг. до н.э.)¹⁸, 460–452 гг. до н.э.¹⁹

⁵ Анохин 1986, № 31. Табл. 1, 31.

⁶ Анохин 2011, № 976.

⁷ Frolova 2004, 26.

⁸ Мельников 2019, 32. Табл. 1, № 39. Рис. 1, 39.

⁹ Строкин 2014, 55.

¹⁰ Строкин 2014, 17, рис. 4, 7.

¹¹ Строкин 2010, 457–458.

¹² Терещенко 2004, 43.

¹³ Строкин 2010, 458.

¹⁴ Зограф 1951, 244, № 19, 20.

¹⁵ Шелов 1956, № 7.

¹⁶ Анохин 1986, № 29, 30/1.

¹⁷ Фролова 1996, 59–60.

¹⁸ Терещенко 2004, 47.

¹⁹ Мельников 2019, 32, табл. 1, № 33–36. Рис. 1, 33–36.

Таблица I. Боспорские серебряные монеты середины V в. до н.э.

Пантикапей: 1 – драхма, ок. 455–450 гг. до н.э.; 2 – диобол, ок. 455–450 гг. до н.э.; 3 – гемиобол, ок. 455–450 гг. до н.э.; 4 – тетартеморий, ок. 455–450 гг. до н.э.; 5–8 – диобол, ок. 454/3 гг.; 9 – гемиобол, группа А. Ок. 454/3 гг. до н.э.; 10 – гемиобол, группа В. Ок. 453 гг. до н.э.; 11 – гемиобол, группа С. Ок. 453–450 гг. до н.э.; 13 – гемиобол, ок. 450–446 гг. до н.э.; 14 – гемиобол, ок. 446–444 гг. до н.э.; 15 – гемиобол, ок. 444–442 гг. до н.э.

Аполлонийский(?) чекан: 12 – диобол, ок. 455–450 гг. до н.э.

Panticapaeum: 1 – drachma, ca. 455–450 AD BC.; 2 – diobole, approx. 455–450 AD BC.; 3 – hemiobolus, approx. 455–450 AD BC.; 4 – tetratemorium, approx. 455–450 AD BC.; 5–8 – diobole, approx. 454/3; 9 – hemiobolus, group A. Approx. 454/3 BC.; 10 – hemiobolus, group B. Approx. 453 BC.; 11 – hemiobolus, group C. Approx. 453–450 BC.; 13 – hemiobolus, approx. 450–446 BC.; 14 – hemiobolus, approx. 446–444 BC.; 15 – hemiobolus, approx. 444–442 BC.

В настоящее время, благодаря создателям сайта Каталог-архив «Монеты Боспора», появились новые материалы, на основе которых можно, как мне представляется, решить проблему принадлежности рассматриваемых гемиоболов и их относительной хронологии.

Отправной точкой исследования выступает серия Па-8. Среди входящих в нее гемиоболов (зафиксировано 30 экз. диаметром 6–8,5 мм и весом 0,17–0,40 г) присутствует особая разновидность, представленная тремя экземплярами²⁰, на реверсе которых еще достаточно хорошо различимые таблетки связываются в центре

²⁰ См. <https://bosporan-kingdom.com/000-2128/>.

не прямым, а косым крестом, а П представлена ретроградно – Г (табл. I, 1, 9). Обозначим эту разновидность как группу А.

О.Н. Мельников первым обратил внимание на эти особенности типа, сочтя такие монеты отдельным выпуском и датировав их 462–461 гг. до н.э.²¹ Кроме того, он, руководствуясь, вероятно, только одним признаком – ретроградной П, включил в этот выпуск и специфический подтип диоболов «голова льва/противочасовая флажковая свастика, на двух таблечках четырехлучевые звезды, на двух других – А и Г (табл. I, 1, 12). Тем не менее какими бы причинами ни руководствовался О.Н. Мельников, он, на мой взгляд, совершает ошибку, трактуя нумизматический материал подобным образом.

Дело в том, что среди известных мне 64-х диоболов серии Па-8 (диаметр 11–15 мм, вес 1,01–1,61 г) имеются экземпляры, гораздо лучше подходящие под метрологию гемиоболов группы А. Как можно видеть на представленных здесь старших номиналах, в центре реверса также присутствует косой крест, связующий таблечки бывшей флажковой свастики, и ретроградное Г (табл. I, 1, 6–9). Именно они вместе с гемиоболом образуют особую группу среди остальных монет, однако выделять их в отдельную серию и тем более удревять их выпуск представляется совершенно бесперспективным.

Почву для такого вывода дает появление информации об уникальной монете типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в двух – четырехлучевые звезды, двух других по диагонали – А и Г, (табл. I, 10). Отметим, что в отсеках видны слабые контуры таблечек. К сожалению, гемиобол (диаметр – 8 мм, вес – 0,37 г) этого вида известен пока лишь в единственном экземпляре; тем не менее нет никаких сомнений, что именно эта разновидность является связующим звеном²² между гемиоболом групп А и С. Отсюда эту монету твердо можно отнести к «срединной» группе В в составе серии Па-8. Таким образом, по-видимому, впервые предстает достаточно связная картина возникновения нового боспорского монетного типа V в. до н. э.

Отсутствие среди старших номиналов серии Па-8 экземпляров, соответствующих типу реверса гемиоболов групп В и С, позволяет более уверенно считать последние своего рода «подчеканкой», вызванной, скорее всего, нехваткой мелких номиналов. На это указывает и внешний вид оборотной стороны гемиоболов группы С: по сравнению с изначальным вариантом налицо явное упрощение сюжета (табл. I, 3 и 11). Вероятно, это было сделано для облегчения и ускорения процесса изготовления штемпеля.

Чрезвычайно показательно, что новый дизайн не получил дальнейшего развития в пантикапейском монетном деле. Гемиоболы следующих серий снова демонстрируют флажковую свастику и буквы на таблечках (табл. I, 13, 14). Только во второй половине 440-х гг. до н.э. реверсный рисунок стал выполняться на гладком монетном поле (табл. I, 15). Все это служит косвенным подтверждением особого, по-видимому, «чрезвычайного» характера выпуска гемиоболов группы С.

Однако все вышесказанное относится только к пантикапейской городской чеканке. Аполлонийские выпуски (т.е. монеты с легендами А–П, А–П–О–Λ) че-

²¹ Мельников 2019, 32, табл. 1, № 31. Рис. 1, 31.

²² Именно в таком ключе его рассматривают издатели этой монеты. См. <https://bosporan-kingdom.com/031-2204/1.html>.

канились с соблюдением несколько иных правил развития монетной типологии. Впрочем, это сюжет отдельного исследования. Итак, подведем итоги.

Во-первых, гемиоболы типа «голова льва в фас/вдавленный квадрат, разделенный на четыре отсека, в двух – четырехлучевые звезды, двух других – П и А (альфа развернута на 90°)» (табл. I, II) входят в состав серии Па-8, являющейся продукцией пантикапейского монетного двора, и представляют собой полисную чеканку.

Во-вторых, время выпуска этого типа приходится, по-видимому, приблизительно на 453–450 гг. до н.э. Поскольку чеканка серии Па-8 осуществлялась примерно в 455–450 гг. до н.э., при этом гемиоболов изначального типа, как говорилось выше, известно 27 экз. (за вычетом трех экземпляров группы В), а гемиоболов группы С – 48 экз., то вполне логично разместить их выпуск на вторую половину указанного периода. Группы А и В, учитывая их количественный состав, можно датировать 454/3 и 453 гг. до н. э. соответственно.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Анохин, В.А. 2011: *Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог*. Киев.
 Зограф, А.Н. 1951: *Античные монеты* (МИА 16). М.–Л.
 Мельников, О.Н. 2019: Монетное дело Боспора в свете хроники Диодора Сицилийского. *Stratum plus* 6, 17–62.
 Строкин, В.Л. 2010: Монеты с поселения Голубицкая 2. *Древности Боспора* 14, 451–467.
 Строкин, В.Л. 2014: *Античные загадки Черного моря*. Saarbrücken.
 Терещенко, А.Е. 2004: *Автономная чеканка полисов Боспора Киммерийского VI–V в. до н.э.* Дисс... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.
 Терещенко, А.Е. 2013: «Аполлонийская» чеканка на Боспоре Киммерийском. В поисках эмитента. *Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке*. СПб, 44–52.
 Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э.* М.
 Giel, C. 1886: *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*. Moskau.
 Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.)*. Berlin.

REFERENCES

- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora [The Bosporan Coinage]*. Kiev.
 Anokhin, V.A. 2011: *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya. Katalog [Ancient coins of the Northern Black Sea Region. Catalogue]*. Kiev.
 Frolova, N.A. 2004: *Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.)*. Berlin.
 Giel, C. 1886: *Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*. Moskau.
 Melnikov, O.N. 2019: Монетное дело Боспора в свете хроники Диодора Сицилийского [Bosporan coinage in a view of the Chronicle of Diodorus Siculus]. *Stratum plus* 6, 17–62.
 Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e. [The Bosporan Coinage in 6th – 2nd centuries BC]*. Moscow.
 Strokin, V.L. 2014: *Antichnye zagadki Chornogo morya [The Ancient secrets of the Black Sea]*. Saarbrücken.

- Strokin, V.L. 2010: Monety s poseleniya Golubickanya 2 [The Coins from the Golubitskaya 2 Settlement]. *Drevnosti Bospora* [*The Antiquities of Bosporus*] 14, 451–467.
- Tereshchenko, A.E. 2004: *Avtonomnaya chekanka polisov Bospora Kimmeriyskogo VI–V vv. do n.e.* [*Autonomic coinage of the Cimmerian Bosporus in the 6th – 5th century BC*]. PhD Thesis. Saint Petersburg.
- Tereshhenko, A.E. 2013: “Apolloniyskaya” chekanka na Bospore Kimmeriyskom. V poiskakh emitenta [The possible issuer of so-called “Apollonian” coins in the Cimmerian Bosporus]. *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na evraziyskom perekrestke* [*The Bosporan Phenomenon: The Greeks and the barbarians at the crossroads between Asia and Europe. Proceedings of the International Conference*]. Sankt Petersburg, 44–52.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient Coinage*] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies on Archaeology of USSR 16]). Moscow–Leningrad.

A NEW VARIATION OF REVERSE OF ONE TYPE OF PANTICAPAEAN
HEMIOBOLS OF THE MID-5th CENTURY BC

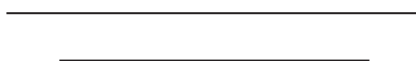
Andrey Ye. Tereshchenko

The State Russian Museum, Saint Petersburg, Russia

E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

Abstract. The author analyses a new type of reverse of the Panticapaeon hemiobols dated back to the mid-5th century BC. Due to the diligent work of the curators of the web-site Catalogue-Archive “The Coins of Bosporus” (<http://bosporan-kingdom.com>) it got possible to find out that some variations of the coin type existed and to investigate the gradual evolution of the earliest version.

Keywords: ancient numismatics, Cimmerian Bosporus, Panticapaeum, coinage, coin type, hemiobols.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 93–107
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 93–107
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-93–107

КУЛЬТ ЦАРЯ В ПРЕДЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХИ (ПО МОНЕТАМ АЛЕКСАНДРА III И ДИАДОХОВ)

А.С. Черкасова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5605-9712

Аннотация. Статья посвящена репрезентации культа царя на монетах ряда правителей эпохи предэллинизма и эллинизма. Монета становится одним из главных средств пропаганды царского культа после того, как Александр Македонский на основе традиционных мотивов в чеканках Аминты III, Пердикки III и Филиппа II создал новый монетный тип, получивший широкое распространение в монетной типологии последующее время. Если во времена Александра существовал религиозный запрет на прижизненное изображение правителя на монетах, то диадохи окончательно преодолели его, расширив практику персидских сатрапов и ликийских династов. Образ Александра Великого стал ассоциироваться с портретом правящего в это время царя. Александр был увековечен эллинистическими правителями, и его изображения получили еще большее распространение чем при жизни. Диадохи превратили монету в яркое средство пропаганды культа правителя как харизматической личности и прославления его политических и военных достижений. Синкретизм образа царствующего правителя с Зевсом, Гераклом и другими героями и божествами, сопровождавшееся изображениями атрибутов божеств, получил широкое распространение в чеканках диадохов, которые изначально использовали почитаемый всеми образ Александра для легитимизации преемственности своей власти и подчеркивания ее божественного характера. Постепенно эллинистические правители заменили образ Александра на монетах своим собственным при сохранении общей иконографии. Однако впоследствии идеализированный стиль портрета правителя на монетах сменяет реалистичный стиль, что сделало еще более эффективной пропаганду культа царя и его успехов.

Ключевые слова: предэллинизм, эллинизм, монетная чеканка культ царя, Александр Македонский, диадохи.

Царский культ является важнейшей составляющей общественно-политической и идеологической жизни эллинистических государств. Начиная еще с XIX в.¹ интерес к проблеме истоков зарождения и эволюции культа обожествленного

Данные об авторе: Анастасия Сергеевна Черкасова – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Reinach 1895.

и героизированного властителя не угасает до сих пор². Многогранность темы предопределила появление большого количества работ, освещающих различные стороны этого интересного и, безусловно, важного явления³. Исследователи в основном акцентируют внимание на истоках возникновения культа конкретных эллинистических правителей⁴. Особое внимание уделяется эпохе Александра Македонского, при котором оформляется царский культ, получивший дальнейшее развитие в эллинистических монархиях⁵.

Культ обожествленного и героизированного властителя рассматривается исследователями в контексте эллинистической эпохи применительно к тем или иным правящим династиям и регионам, с привлечением обширного эпиграфического и нумизматического материала. Задачей настоящей статьи является обобщение имеющихся данных и анализ на их основе нумизматического материала, отражающего царский культ⁶. Работы по искусству эпохи эллинизма также содержат важные выводы и наблюдения, без которых проблемы царского культа того времени не могут быть целиком исследованы⁷.

Понятие «царский культ» многопланово. Д. Битэм полагает, что легитимность того или иного политического режима основывается на следующих принципах: 1) соответствие власти принятым или установленным в обществе правилам; 2) убеждения или верования, оправдывающие данные правила, которые разделяют как подданные, так и власти; 3) согласие подданных на существующие порядки и отношение к власти. В эллинистическом обществе первые две из вышеперечисленных основ всегда аморфны, так как они не были кодифицированы в законах и религиозных канонах⁸. В силу этого важное значение имело согласие подданных, проявлявшееся в виде публичных действий, которые декларативно или символически были направлены на поддержку существующей власти. В период эллинизма такими действиями считалось отправление культа правителя. В этом проявилась характерная для этого времени своеобразная «театрализация» действительности – форма властных отношений разыгрывалась в ритуалах царского культа. Ни для кого не имело значения, кто выступал в качестве инициатора почестей. Монархи, полисы и частные лица стремились изобразить царскую власть в удобном для себя и общества свете⁹.

Культ обожествленного и героизированного правителя, безусловно, занимал важное место в политической жизни и идеологии эллинистических государств. Он представлял собой неотъемлемую составляющую так называемой «царской пропаганды», направленной на идеологическое обеспечение господства династии на захваченных или приобретенных путем наследования землях. «Главной зада-

² Сапрыкин 2016, 5, 380.

³ Сапрыкин 1996, 2009, 2016, 2019; Фролов 2016; Климов 2010, 2016; Ладынин 2001, 2016; Обухов 2016; Смирнов 2016; Немировский 2016; Кузьмин 2016; Журавлева 2009; Нефедов 2014; Хазина, Басов 2017; Ergiyas 2006; Chaniotis 2011; Panagiotis 2011; Lorber 2011; Hoover 2011; Nuffelen 2011.

⁴ Абрамзон 1995, 119–121; Сапрыкин, 1996, 2009, 2016; Климов 2010, 2016; Фролов 2016; Суриков 2016; Евдокимов 2016; Кузьмин 2016; Ладынин 2001, 2016; Рунг 2016; Ergiyas 2006; Garrison 2011; Gitler 2011.

⁵ Абрамзон 1995, 201–302; Ладынин 2001, 2016; Холод 2016.

⁶ Imhoof-Blumer 1885; Seltman 1933; Price 1991; Mørholm 1991; Thonemann 2016.

⁷ Pollitt 1986; Smith 1991; Steward 2014.

⁸ Beetham 1991, 18.

⁹ Нефедов 2014, 254–255.

чей, – пишет С.Ю. Сапрыкин, было внушить подданным и союзникам <...> что во главе его стоит правитель, равный богу, власть которого неоспоримо наследственная и освящена божественными покровителями». Путем создания «образа сильного и волевого повелителя, способного повести за собой подданных», «спасителя подданных и победителя врагов, озаренного светом божественного солнца <...> избавителя от мрака и зла» царский культ способствовал их сплочению вокруг правящего монарха и тем самым обеспечивал и поддерживал целостность государства¹⁰. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что «обожествление царей и использование для этой цели царских культов <...> было исключительно политическим делом и диктовалось военно-политическими задачами»¹¹.

В общественно-политической и идеологической жизни государств Восточного Средиземноморья культ правителей представляет особенно своеобразное явление. Предпосылки его формирования сложились «как на Востоке, так и в греческом мире в результате длительных изменений в обществе, в политической и духовной жизни»¹². При этом представления о божественности царей, их богоподобности на эллинистическом Востоке были в большей степени окрашены в греко-македонские тона, чем имели корни в местной переднеазиатской почве¹³. О.Ю. Климов отмечает тесную связь культа царей с широко распространившимся в эллинистическую эпоху представлением «о царской власти и царской личности как воплощении высшей справедливости, защиты, божественной силы и благодати». Религиозное почитание царей как форма массовой идеологии эллинистического времени отражала представление рядового человека об идеальном правителе, обладающем высочайшим нравственным статусом. Власть же возлагала надежды на справедливый и благой характер деятельности царей¹⁴.

Царский культ в эллинистическую эпоху не был связан с прямым обожествлением власти или ее носителя, а являлся культом личности монарха, чтобы обеспечить ему персональную легитимность. «Богоравное почитание, используя символику ритуала, создавало видимость соответствия правителя греческому идеалу истинного царя, что позволяло компенсировать слабость нормативных основ эллинистического единовластия»¹⁵. Получение богоравных почестей, подтверждающих неоспоримое превосходство правителя над остальными людьми, приравнивало его к идеальным царям-героям прошлого. Он становился равным современным ему властителям, представ перед ними в образе благодетеля и защитника подданных. Он «всегда обретал как бы моральное право на трон вне зависимости от того, обладал ли он на этот момент законной царской властью»¹⁶. Это был один из способов, с помощью которого цари связывали себя с божественной силой. Важно отметить, что эллинистические правители – объект царского культа – в действительности не считались богами¹⁷. Получение богоравных почестей и даже наименование царя богом – это не более чем ритуально-символи-

¹⁰ Сапрыкин 2009, 266.

¹¹ Сапрыкин 2016, 440.

¹² Климов 2010, 304–305.

¹³ Ладынин 2016, 191–229; Немировский 2016, 329–352.

¹⁴ Климов 2010, 306–307.

¹⁵ Нефедов 2014, 239–255.

¹⁶ Нефедов 2014, 247–248.

¹⁷ Schubart 1937, 18–20; Nilsson 1961, 140–141; Нефедов 2014, 243–246.

ческий акт, означавший, что царь существует «как бог», но он не «есть бог». Сила и могущество могли уподобить его богам, но это не меняло смертную природу правителя¹⁸. В то же время культ царя или правителя выступает в качестве важного средства укрепления его престижа и авторитета личности. Он давал возможность подданным приравнивать каждого из царей к великим предшественникам, древним героям, представлять их в образе царей-благодетелей. Создание этого идеализированного образа во многом способствовало поддержанию целостности государства и облегчало осуществлять управление.

Монеты выступают одним из самых ярких свидетельств, проявлений и средств пропаганды царского культа. Нередко они дают представление о тех фактах и культурных особенностях, которые не получают отражение в письменных и эпиграфических источниках¹⁹. Первые портретные изображения правителей на монетах появились в Персии²⁰. В Греции монеты с портретными изображениями появились только в IV в. до н.э. (например, в электроной чеканке Кизика). С появлением эллинистических монархий чеканка монет превратилась в яркое средство пропаганды культа царствующего правителя, его политического курса и прославления его достижений²¹. Также использование монет постепенно стало одним из репрезентативных средств обожествления власти правителя. Портреты царей и изображения богов-покровителей царей и их подданных получили определенную политическую и религиозную окраску.

Эту тенденцию особенно ярко демонстрируют македонские монеты с изображением головы Геракла на аверсе и сидящим Зевсом на реверсе (рис. 1, 1), введенные Александром III. Изображение на них головы Геракла в шкуре немейского льва и сидящего Зевса Этафора с орлом и скипетром в руках в сопровождении легенды с именем Александра было тщательно продуманным решением. Этот образ позволял сочетать идею преемственности греко-македонской власти с персидским правлением и традиционным эллинским благочестием²². Как греко-македонский завоеватель и как преемник Ахеменидов, Александр блестяще использовал культовые изображения Геракла и Зевса²³. Эти сюжеты должны были в равной степени апеллировать как к грекам, так и к варварам, чтобы каждый покоренный народ увидел в правителе бога²⁴.

Эти мотивы изображений не были новыми в македонской монетной типологии. Прежние цари Македонии, например, Аминта III, Пердикка III и Филипп II уже помещали на аверс своих монет голову Геракла (рис. 1, 2), поскольку члены македонского царского дома претендовали на свое происхождение от этого героя (Herod. XIII. 137–138; Thuc. II. 99). Геракл считался первым смертным, получившим богоравный почет (Hom. Od. XI. 302–304, 601–603; Paus. VIII. 2. 4–5), и рассматривался в греко-македонском мире как идеальная модель царя, прообраз истинного правителя, а впоследствии стал прародителем и основателем многих

¹⁸ Chaniotis 2011, 180–183.

¹⁹ Сапрыкин 2011; 2016.

²⁰ Imhoof-Blumer 1885, 4.

²¹ Pollitt 1986, 25–26.

²² Thonemann 2015, 13; Smith 1991, 204–205.

²³ Briant 2002, 817–871.

²⁴ Seltman 1933, 205; Pollitt 1986, 25–26; Thonemann 2015, 12–13.

Рис. 1. 1 – тетрадрахма Александра III. Тарс, ок. 333–332 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 13, 1.11); 2 – дидрахма Филиппа II. Пелла, ок. 342–336 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 10, 1.6); 3 – тетрадрахма Филиппа II, ок. 340–315 гг. до н.э. (Британский музей. Официальный сайт); 4 – тетрадрахма Александра III, ок. 334–327 гг. до н.э. (по: Монетник.ру.); 5 – тетрадрахма Александра III. Александрия, 325 г. до н.э. (по: Pollitt 1986, 25, 13 a); 6 – тетрадрахма Лисимаха (306/5–281 гг. до н.э.) (Британский музей. Официальный сайт); 7 – тетрадрахма Птолея I, ок. 319–311 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 20, 1.19); 8 – тетрадрахма Птолея I, ок. 311–294 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 20, 1.20); 9 – тетрадрахма Птолея I, ок. 311–294 гг. до н.э. (по: Pollitt 1986, 27, 15).

Fig. 1. 1 – tetradrachm of Alexander III. Tarsus, ca. 333–332 BC (After: Thonemann 2016, 13, 1.11); 2 – didrachm of Philip II. Pella, ca. 342–336 BC (After: Thonemann 2016, 10, 1.6); 3 – tetradrachm of Philip II. Ca. 340–315 BC (British Museum. Official site); 4 – tetradrachm of Alexander III, ca. 334–327 BC (Monetnik.ru); 5 – tetradrachm of Alexander III. Alexandria, 325 BC (After: Pollitt 1986, 25, 13a); 6 – tetradrachm of Lysimachus (ca. 306/5–281 BC) (British Museum. Official site); 7 – tetradrachm of Ptolemy I, ca. 319–311 BC (After: Thonemann 2016, 20, 1.19); 8 – tetradrachm Ptolemy I, ca. 311–294 BC (After: Thonemann 2016, 20, 1.20); 9 – tetradrachm of Ptolemy I, ca. 311–294 BC (After: Pollitt 1986, 27, 15).

эллинистических царских династий. По этой причине приравнивание к нему всегда означало легитимацию претензий на царскую власть²⁵.

Филипп II помещал на аверс своих монет изображение головы Зевса (рис. 1, 3), подчеркивая этим родственную близость покровительствовавшего ему верховного бога древнегреческого пантеона. Нельзя не отметить некоторое сходство изображений на монетах с сохранившимися портретами македонского царя, что, безусловно, имело под собой политические основания²⁶. Изображение на обратной стороне монет всадника в сопровождении имени царя прямо намекало на самого Филиппа II и его военные успехи²⁷.

Вступивший на престол Александр III продолжил политику Филиппа II для укрепления своих позиций и стабилизации ситуации на подвластных территориях. Чеканка монеты велась без перерывов и каких-либо существенных изменений²⁸. Некоторые исследователи полагают, что в первые годы правления Александр III чеканил монеты от имени своего отца²⁹. Феномен «посмертной» чеканки впоследствии стал очень распространенным в эллинистическом мире. Такие «посмертные» выпуски служили разным целям. Для нового правителя они были способом обозначить династическую преемственность с популярным предшественником.

Около 334 г. до н.э. Александр ввел новую золотую и серебряную чеканку от своего имени наряду с «посмертными» золотыми статерами Филиппа, которые чеканились в Македонии вплоть до 315 г. до н.э.³⁰. Интересно проследить, как по мере развития карьеры Александра первоначальные довольно условные мотивы царской пропаганды развивались в дальнейшем и приобретали все более широкие и конкретные формы. В этом развитии наблюдаются два этапа³¹. На первом этапе, при господстве традиционной символики, Геракл рассматривался как прообраз Александра – героя-победителя, как его предок, деяния и доблесть которого покорили варварские силы и принесли славу греческой культуре, Македонии, воплощением чего был сам герой. Именно благодаря этому герою македонская царская династия имела основания утверждать, что она может претендовать на истинно греческое происхождение. А это было особенно важно в начале правления Александра, когда его положение было несколько неустойчивым³². Выбор героя-воина подходил и для чеканки военного характера. Это представляет разновидность символизма: Александр, подобно молодому Гераклу, принимал на себя роль лидера и объединял греков и македонян в единую силу для героического действия – разгромить Персидскую империю³³.

В идеологии Македонского царства Зевс выступает как легендарный предок Гераклидов. Он считался не только главным мифологическим основателем македонской династии, но арбитром и судьей при совершении ее представителями героических деяний. Зевс олицетворял собой верховную власть и вполне подходил

²⁵ Нефедов 2014, 246–247.

²⁶ Thonemann 2015, 9–10.

²⁷ Seltman 1933, 199–200.

²⁸ Price 1991, 28.

²⁹ Thonemann 2015, 10–11.

³⁰ Le Rider 1993, 491–500.

³¹ Pollitt 1986, 25–26.

³² Ellis 1971, 15–24.

³³ Pollitt 1986, 25–26; Price 1991, 29–31; Stewart 1993, 158–161.

для обожествления династии. Использование сидящей фигуры Зевса с орлом в правой руке и скипетром в левой (рис. 1, 4), а не просто его головы, как на монетах Филиппа, напомнило грекам его всемогущие функции, включая его великий культовый образ, созданный Фидием в Олимпии. Отсюда монетная типология Александра, несомненно, была тесно связана с политическими идеями того времени³⁴. В отличие от отца, который выпускал монеты только со своим именем, Александр чеканит монеты с царским титулом и именем ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, что было необычным для греков. Этим Александр, подобно Зевсу, подчеркивает свою неограниченную власть. Сам титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ, появление которого на большинстве монет Александра относится к 325–323 гг. до н.э.³⁵, подчеркивал суть его завоевательной политики. Как отмечает М. Прайс, с течением времени использование этой титулатуры или названия в монетной чеканке стало довольно распространенной, хотя не обязательной практикой³⁶. С 306 г. до н.э. базилевсами стали называть всех эллинистических правителей.

Посмертные выпуски Александра типа «Геракл/Зевс» были связаны с идеологической концепцией, разработанной после завоевания им Персидской империи и посещения оракула в оазисе Сива. М.М. Холод полагает, что установление культа Александра необходимо отнести ко времени его правления³⁷. Именно тогда была сформулирована идея рассматривать царя как бога. Она выражалась не просто в том, что Александр являлся потомком Геракла, но он сам выступает как Геракл, живой сын Зевса, чьи героические труды, подобно труду Геракла, привели к его превращению в бога³⁸. Идея о том, что великий македонский завоеватель был сыном Зевса, получила отражение на монетах, выпущенных монетным двором Александрии около 325 г. до н.э. (рис. 1, 5)³⁹. Изображение Геракла в данном случае приобрело больше портретных черт самого Александра – выпуклый лоб, узкий рот с пухлыми губами, устремленный взгляд: традиции несколько идеализированного образа Александра, созданные тремя выдающимися мастерами – Лисиппом, Пирготелем и Апеллесом, нашли отражение в иконографии на монетах. Это была попытка царя занять место греческого героя-полубога⁴⁰. Не вызывает сомнения, что подобные изображения царя в скульптуре, живописи, глиптике, монетном искусстве были задуманы как официальные портреты Александра. Они стоят в начале длинной и великолепной серии эллинистических портретов на царских монетах.

Царские образы в эллинистическом мире были не только призваны привлекать внимание подданных, но и стать интернациональными по духу. Наилучшим образом этот тренд представлен в эллинистических чеканках. Образ Александра был увековечен эллинистическими царями и правителями, получив еще большее распространение чем при жизни царя. Основной причиной стало то, что Александр воплощал своего рода архетип божественного правителя-героя, в облике

³⁴ Pollitt 1986, 25–26; Price 1991, 29–31; Stewart 1993, 158–161; Thonemann 2015, 3–42.

³⁵ Price 1991, 32.

³⁶ Price 1991, 33.

³⁷ Холод 2016, 245.

³⁸ Pollitt 1986, 26.

³⁹ Pollitt 1986, 26.

⁴⁰ Pollitt 1986, 25–27.

которого цари эпохи эллинизма стремились представить и себя, и, будучи непобедимым завоевателем, позволял легитимизировать династии, следующие за ним.

При этом определить, где изображен Геракл, а где сам идеализированный Александр в образе героя и с его атрибутикой, достаточно сложно. Отсюда некоторые исследователи выдвигают гипотезу, что образ Геракла предназначался для маскировки портрета царя⁴¹. Однако нет оснований полагать, что Александр намеревался это сделать еще в самом начале чеканки. Во времена Александра еще не существовало традиции использования прижизненных портретов на монетах царского чекана для религиозной и идеологической пропаганды. И хотя в Египте Александр следовал практике персидских сатрапов, это не является доказательством того, что он мог замаскировать таким образом свой портрет на монетах как в Македонии, так и в восточной части его империи⁴².

Нельзя точно сказать, когда голова Геракла стала ассоциироваться с образом Александра⁴³. Однако не вызывает сомнений, что последующие поколения воспринимали ее как портрет великого македонского завоевателя. Идея помещения портрета правителя на царских выпусках была осуществлена диадохами, которые расширили практику персидских сатрапов и ликийских династов. Когда же это вошло в моду, изображение головы Александра стало интерпретироваться как образ правящего в данный момент царя.

Появляются монетные типы, сочетающие в себе элементы старых и новых традиций монетной типологии: так, на лицевой стороне по-прежнему изображалась голова Геракла, а на оборотной – Александр III в колеснице, запряженной четырьмя слонами⁴⁴. В посмертной чеканке Александра этот сюжет представлен на реверсе золотых монет Птолемея I⁴⁵. На ряде монет кроме образа самого Геракла изображены его атрибуты, например, палица.

Монеты с портретом Александра вытеснили большую часть прочих монет и явились началом традиции изображения повелителя в образе идеального властителя. Новые цари – диадохи – помещали имя Александра на монетах для усиления своих позиций, особенно после того, когда они становились басилевсами. Сам Александр унаследовал царский титул от персидских царей, отсюда помещение его на монетах вошло в практику. Сначала казалось, что на монетах сохранился и образ Александра, так как новые правители требовали от резчиков, чтобы профили их на монетах имитировали иконографию образа обожествленного предшественника, а Птолемей I Сотер на монетах с собственным портретом разместил даже имя «Александр». Впоследствии от портретного сходства с Александром диадохи постепенно отказались. Но единая весовая монетная система теперь функционировала на огромном пространстве от Греции до Индии⁴⁶.

Изначально диадохи максимально копировали иконографию монет Александра. Одним из первых и лучших из всех посмертных изображений последнего

⁴¹ Bieber 1949, 373–426; Palagia 1986, 137–151; Gebauer 1939, 2–18; Cahn 1975, 118–119; Hölscher 1971, 46–47; Schwarzenberg 1976, 275–276; Pollitt 1986, 25.

⁴² Stewart 1993, 158–159; Price 1991, 33; Bellinger 1963, 13–21; Göbl 1978, 648–650, 655, 657–659; Thompson 1982, 119; Smith 1988, 12, 59; Mørkholm 1991, 52.

⁴³ Pollitt 1986, 26; Price 1991, 33.

⁴⁴ Pollitt 1986, 25–27.

⁴⁵ Price 1991, 34.

⁴⁶ Pollitt 1986, 26–28; Thonemann 2016, 3–42.

является портрет Александра с непокрытой головой, украшенной диадемой и рогами Зевса-Аммона (рис. 1, 6), на статерах и тетрадрахмах Лисимаха, принявшего титул царя в 306/305 г. до н.э.⁴⁷ С этого момента данный монетный тип монет стал доминировать в его чеканке. Акцент в иконографии был явно сделан на связь с божественным Александром, сыном Зевса-Аммона. Образ царя-героя идеализирован, но в то же время он имеет портретные черты Лисимаха. Последний же, как и другие диадохи, стремился выступать инкарнацией Александра как «Великого Царя», следовательно, представлял образ последнего на монетах в качестве политического предка и божества-покровителя, чтобы подчеркнуть преемственность власти и право владеть Фракией. Это было реминисценцией на тему знаменитого визита Александра к оракулу Аммона в оазисе Сива в 331 г. до н.э., устами которого бог приветствовал великого македонского завоевателя словами: «Мой сын...». Существует версия, что изображение Александра было заимствовано из глиптики – с шедевра Пирготеля. В значительной степени импозантность этой чеканки обеспечена большим разнообразием художественных вариаций: каждый резчик создавал свой характерный портрет величайшего в мире завоевателя⁴⁸. На реверсе представлена Афина на троне, с копьем и щитом, украшенным головой льва (символ Лисимаха), прислоненным к трону; крылатая Ника, богиня-покровительница царя, в ее правой руке возлагает венок на начальную букву имени Лисимаха. Изображение сопровождала легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. В качестве дополнительных элементов монетного типа фигурируют факел и культовые атрибуты. Следует отметить, что этот иконографический тип оказал большое влияние на последующие выпуски монет и чеканку эллинистических правителей⁴⁹.

Эллинистические царские монеты являются важным источником, позволяющим проследить изменение идеологии царской власти в эллинистический период. Несмотря на бесчисленное разнообразие деталей (рога Аммона, диадемы, головные уборы, мужские и женские божества, стоящие и сидящие), каждый новый сюжет является вариацией оригинального типа царской монеты Александра⁵⁰.

Около 319 г. до н.э. Птолемей I, продолжая выпускать монеты с портретом Александра как инкарнации Геракла с целью легитимизировать свою власть и представления себя преемником великого македонского завоевателя, ввел новую серебряную тетрадрахму аттического стандарта⁵¹ (рис. 1, 7). Эти тетрадрахмы традиционного александровского типа несли на реверсе изображение Зевса/Баала на троне и легенду ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Новые монеты Птолемея несли на аверсе образ самого Александра, а не Геракла, с рогами Зевса-Аммона, что указывало на происхождение македонского царя, а также изящным шлемом в виде скальпа слона и эгидой на шее. Этот шлем также имел сложные политические ассоциации, вызывая в памяти поход Александра в Индию и его победу над царем Пором. Позднее этот образ использовали и другие эллинистические правители. Тем не менее этот вариант не может претендовать на реальное портретное сходство и воплощает образ героя со знаками царского достоинства и божественного про-

⁴⁷ Pollitt 1986, 25–27; Seltman 1933, 220–221; Price 1991, 197–198.

⁴⁸ Pollitt 1986, 26.

⁴⁹ Pollitt 1986, 25–27; Thonemann 2016, 20–21.

⁵⁰ Thonemann 2016, 22–23.

⁵¹ Thonemann 2016, 19–28; Lorber 2005, 45–64; 2012, 211–214; von Reden 2007, 33–43.

исхождения⁵². Скальп слона также имел связи с Африкой и правящей династией. Часть богатства Птолемеев произошла от эксплуатации африканской слоновой кости, а сами цари подобно Александру использовали африканских слонов для войны. Современные исследователи видят также в этом символическое значение слона в сочетании с вечностью и обожествлением⁵³.

Около 311 г. до н.э. Птолемей заменил тип сидящего Зевса/Баала на реверсе тетрадрахм изображением Афины Алкидемос («защитницы народа»), идущей вправо, державшей щит и размахивавшей копьем, с именем Александра перед ней (ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ) и знаком самого Птолемея – орлом⁵⁴ (рис. 1, 8). Данный тип воплощал идею того, что Александрия стала преемницей не только власти Александра, но и всего культурного наследия классических Афин. Однако в это время образ Александра становится более мягким и почти деперсонифицированным: теперь обожествленный монарх окончательно покидает земную реальность, и на монетах его божественные качества умножаются соответственно⁵⁵. Примечательно также, что на некоторых монетах имя ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ сменяет ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΩΝ – (чекан) Александрии.

Впоследствии Птолемей чеканит новую серию тетрадрахм (рис. 1, 9), представляющего Александра в качестве покровителя Египта и пропагандирующую естественную преемственность Птолемея. Связь Александра с Египтом, благодаря его посещению храма Зевса-Аммона и основанию Александрии, была уже сильной в течение его жизни, и тот факт, что он был похоронен в Египте, был призван придать этой ассоциации особенный духовный характер. Птолемеи имели право претендовать на утверждение, что наследие Александра естественно попало в их руки.

Когда в 305 г. до н.э. Птолемей принял титул царя и начал выпускать серию монет с собственным портретом, с развивающимися как у Александра волосами, связанными царской диадемой, образ самого великого македонского завоевателя продолжал пользоваться традиционным почитанием. Например, на специальной серии золотых статеров (с головой Птолемея на лицевой стороне) на реверсе представлен Александр в квадриге со слонами. Этот сюжет был призван указать на великие фестивали, проводившиеся в Александрии⁵⁶.

Итак, прижизненные портреты правителей появились на монетах только в IV в. до н.э., после того как был преодолен религиозный запрет на изображение смертных при жизни. Важную роль сыграла идеология Александра Македонского, который ввел новый монетный тип, использовавший в течение последующих веков. Слияние образа царствующего правителя с Гераклом и другими героями и божествами, нередко сопровождавшегося божественными атрибутами, получило широкое распространение в монетной типологии диадохов, которые первоначально использовали культовый образ Александра для легитимации преемственности своей власти и ее божественного характера. Эллинистические правители заменили портрет Александра собственным образом при сохранении общей иконографии.

⁵² Imhoof-Blumer 1885, 5.

⁵³ Price 1991, 34.

⁵⁴ Pollitt 1986, 25–27; Thonemann 2016, 19–21.

⁵⁵ Трофимова 2012, 320.

⁵⁶ Price 1991, 34; Pollitt 1986, 26–28.

Их портреты были идеализированы и сопровождались атрибутами божеств, однако впоследствии на смену идеализированным образам пришли больший реализм и индивидуализм, что сделало более эффективным пропаганду культа правителя, популяризации его политических и военных успехов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 1995: *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. М.
- Байбаков, Е.И. 1914: *Происхождение эллинистического культа царей*. Харьков.
- Журавлева, Н.В. 2009: *Царский культ в государстве Селевкидов (от Селевка до Антиоха III)*. Дисс.... канд. ист. наук. М.
- Климов, О.Ю. 2010: *Пергамское царство: Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.
- Ладынин, И.А. 2001: Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов. В сб.: *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 200–225.
- Нефедов, К.Ю. 2014: Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма. В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 239–257.
- Нефедов, К.Ю. 2009: Культ правителя и коронация диадохов. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Из истории античного общества*. 12. Нижний Новгород, 92–123.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Сапрыкин, С.Ю. 2016: Культ царя и царские культы в Понте и на Боспоре. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.–СПб., 380–450.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019: Митридат Пергамский – известный и неизвестный правитель. *ВДИ* 2, 280–306.
- Сапрыкин, С.Ю. 2016: Монеты типа «Артемиды/олень» боспорского чекана митридатского времени. *ПИФК* 4, 249–265.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Эллинизм в Причерноморье. *БИ* 35, 126–167.
- Тарн, В. 1949: *Эллинистическая цивилизация*. М.
- Трофимова, А.А. 2012: *Imitatio Alexandri: Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма*. СПб.
- Ханиотис, А. 2005: Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
- Холод, М.М. 2016: Обожествление Александра Великого в греческих городах Малой Азии. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.- СПб., 230–264.
- Шифман, И.Ш. 1988: *Александр Македонский*. Л.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. К.
- Badian, E. 1996: Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme. In *Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 17)*, 11–26.
- Bellinger, A.R. 1963: *Essays on the Coinage of Alexander the Great*. New York.
- Beetham, D. 1991: *The Legitimation of Power*. London.

- Bieber, M. The Portraits of Alexander the Great. In *Proceedings of the American Philosophical Society* 93, 5, 373–421, 423–427.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana.
- Burcu Erciyas, D. 2006: *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithridatids in the Central Black Sea Region of Turkey* 12. Leiden–Boston.
- Cahn, H. 1949: *Frühhellenistische Münzkunst*. Basel.
- Davis, N., Kraay, C.M. 1973: *The Hellenistic kingdoms: portrait coins and history*. London.
- Göbl, R. 1978: *Antike Numismatik*. Munich.
- Hölscher, T. 1971: *Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen*. Heidelberg.
- Imhoof-Blumer, F. 1885: *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker*. Leipzig.
- Kroll, J.H. The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins: The Importance of Being Divine. In P. Schultz, R. von den Hoff (eds.), *Early Hellenistic Portraiture: Image, Style, Context*. Cambridge, 113–122.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Le Rider, G. 1993: Les deux monnaies macédoniennes des années 323–294/290. In *Bulletin de correspondance hellénique* 117, 491–500.
- Lorber, C.C. 2012: The coinage of the Ptolemies. In W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford, 211–234.
- Lorber, C.C. 2005: A revised chronology for the coinage of Ptolemy I. *Numismatic Chronicle* 165, 45–64.
- Mørkholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage. From the accession of Alexander to the peace of Apamea (336-188 B.C.)*. Cambridge.
- Nilsson, M.P. 1961: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 2. *Die hellenistische und römische Zeit*. München.
- Palagia, O. 1986: Imitation of Herakles in Ruler Portraiture: A Survey, From Alexander to Maximinus Daza. In R. Stupperich (ed.), *Münstersche Beiträge zur Archäologie* 9. Münster, 137–51.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*.
- von Reden, S. 2007: *Money in Ptolemaic Egypt, from the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reinach, T. 1895: *Mithradates Eupator, König von Pontos*. Leipzig.
- Robertson, M. 1981: *A Shorter History of Greek Art*. Cambridge–New York.
- Schubart, W. 1937: *Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus*. München.
- Schwarzenberg, E. 1976: The Portraiture of Alexander. In E. Badian (ed.), *Alexandre le Grand: Image et réalité*. Geneva, 223–278.
- Seltman, C. 1933: *Greek coins*. London.
- Smith, R.R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.
- Smith, R.R.R. 1988: *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford.
- Stewart, A.F. 1993: *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley–Los Angeles.
- Steward, A. 2014: *Art in the Hellenistic World: An Introduction*. Cambridge.
- Thompson, M. The Coinage of Philip II and Alexander III. In: *Studies in History of Art* 10, 113–122.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic world: using coins as courses*. Cambridge.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 1995: *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii* [Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. Moscow.

- Badian, E. 1996: Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme. In *Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 17)*, 11–26.
- Baybakov, E.I. 1914: *Proiskhozhdenie ellinisticheskogo kul'ta tsarey* [The origin of the Hellenistic cult of the kings]. Kharkov.
- Beetham, D. 1991: *The Legitimation of Power*. London.
- Bellinger, A.R. 1963: *Essays on the Coinage of Alexander the Great*. New York.
- Bieber, M. The Portraits of Alexander the Great. In *Proceedings of the American Philosophical Society* 93, 5, 373–421, 423–427.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana.
- Burcu Erciyas, D. 2006: *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithridatids in the Central Black Sea Region of Turkey* 12. Leiden–Boston.
- Cahn, H. 1949: *Frühhellenistische Münzkunst*. Basel.
- Davis, N., Kraay, C.M. 1973: *The Hellenistic kingdoms: portrait coins and history*. London.
- Göbl, R. 1978: *Antike Numismatik*. Munich.
- Hölscher, T. 1971: *Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen*. Heidelberg.
- Imhoof-Blumer, F. 1885: *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker*. Leipzig.
- Khaniotis, A. 2005: Teatral'nost' vne teatra. "Postanovka" obshchestvennoy zhizni v ellinisticheskoy mire [Theatricality beyond the theater. Staging public life in the Hellenistic world]. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
- Kholod, M.M. 2016: Obozhestvlenie Aleksandra Velikogo v grecheskikh gorodakh Maloy Azii. In S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *"Bogi sredi lyudey": Kul't pravitelej v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* ["Gods among men": the cult of rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman worlds]. Moscow-Saint-Petersburg, 230–264.
- Klimov, O.Yu. 2010: *Pergamskoye tsarstvo: Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva* [Pergamon Kingdom: problems of political history and state structure]. Saint Petersburg.
- Kroll, J.H. The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins: The Importance of Being Divine. In P. Schultz, R. von den Hoff (eds.), *Early Hellenistic Portraiture: Image, Style, Context*. Cambridge, 113–122.
- Ladynin, I.A. 2001: Prizhiznennyy tsarskiy kul't Aleksandra Velikogo: k probleme sootnosheniya egipetskikh i grecheskikh komponentov [The lifetime of the royal cult of Alexander the Great: on the problem of the ratio of Egyptian and Greek components]. In *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient East: Commonality and Uniqueness of Cultural Traditions]. Moscow, 200–225.
- Le Rider, G. 1993: Les deux monnaies macédoniennes des années 323–294/290. In *Bulletin de correspondance hellénique* 117, 491–500.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Lorber, C.C. 2005: A revised chronology for the coinage of Ptolemy I. *Numismatic Chronicle* 165, 45–64.
- Lorber, C.C. 2012: The coinage of the Ptolemies. In W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford, 211–234.
- Mørholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage. From the accession of Alexander to the peace of Apamea (336–188 B.C.)*. Cambridge.
- Nefedov, K.Yu. 2009: Kul't praviteleya i koronatsiya diadokhov [Ruler cult and the coronation of diadochi]. In A.V. Makhlayuk (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva* [The history of ancient society] 12, 92–123.

- Nefedov, K.Yu. 2014: Kul't pravatelya i tsarskaya vlast' v epokhu ellinizma [Ruler cult and kingship in the Hellenistic age]. In A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Bosphorus Kingdom]. Moscow, 239–257.
- Nilsson, M.P. 1961: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 2. *Die hellenistische und römische Zeit*. München.
- Palagia, O. 1986: Imitation of Herakles in Ruler Portraiture: A Survey, From Alexander to Maximinus Daza. In R. Stupperich (ed.), *Münstersche Beiträge zur Archäologie* 9. Münster, 137–51.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*.
- Reden, S., von, 2007: *Money in Ptolemaic Egypt, from the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reinach, T. 1895: *Mithradates Eupator, König von Pontos*. Leipzig.
- Robertson, M. 1981: *A Shorter History of Greek Art*. Cambridge–New York.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [Religion and cults of Pontus Hellenistic and Roman times]. Moscow–Tula.
- Saprykin, S.Yu. 2016: Kul't carya i tsarskie kul'ty v Ponte i na Bospore [Cult of the king and royal cults in Pontus and the Bosphorus]. In S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* [“Gods among people”: the cult of rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman worlds]. Moscow–Saint Petersburg, 380–450.
- Saprykin, S.Yu. 2016: Monety tipa “Artemida/olen” bosporskogo chekana mitridatovskogo vremeni [Bosporan coins with Artemis/stag type of the Mithridatic period]. *Problemy istorii, fiologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 249–265.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Ellinizm v Prichernomor'e [Hellenism in the Black Sea littoral]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies] 35, 126–167.
- Saprykin, S.Yu. 2019: Mitridat Pergamskiy – izvestnyy i neizvestnyy pravitel' [Mithradates of Pergamum – a known and unknown ruler]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 280–306.
- Schubart, W. 1937: *Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus*. München.
- Schwarzenberg, E. 1976: The Portraiture of Alexander. In E. Badian (ed.), *Alexandre le Grand: Image et réalité*. Geneva, 223–278.
- Seltman, C. 1933: *Greek coins*. London.
- Shifman, I.Sh. 1988: *Aleksandr Makedonskiy* [Alexander the Great]. Leningrad.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [Eastern policy of Alexander the Great]. Kazan.
- Smith, R.R.R. 1988: *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford.
- Smith, R.R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.
- Steward, A. 2014: *Art in the Hellenistic World: An Introduction*. Cambridge.
- Stewart, A.F. 1993: *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley–Los Angeles.
- Tarn, V. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya* [Hellenistic civilization]. Moscow.
- Thompson, M. The Coinage of Philip II and Alexander III. In: *Studies in History of Art* 10, 113–122.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic world: using coins as courses*. Cambridge.

- Trofimova, A.A. 2012: *Imitatio Alexandri: Portrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve epokhi ellinizma* [*Imitatio Alexandri in Hellenistic Art Portraits of Alexander the Great and Mythological Images*]. Saint Petersburg.
- Zhuravlyova, N.V. 2009: *Tsarskiy kul't v gosudarstve Selevkidov (ot Selevka do Antioha III)* [*The royal cult in the Seleucid state (from Seleucus to Antiochus III)*]: PhD. Moscow.

ROYAL CULT IN THE PREHELLENISM AND HELLENISM
(COINS OF ALEXANDER THE GREAT AND THE DIADOCHI)

Anastasia S. Cherkasova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

The article observes the representation of the cult of the king by the coins of a number of rulers of the pre-Hellenism and Hellenism. The coin becomes one of the main means of propaganda of the royal cult after Alexander the Great, who created a new coin type, which was widely used in the subsequent time in coin typology, based on traditional motifs in the coinage of Amyntas III, Perdikkas III, and Philip II. While at the time of Alexander there was a religious ban on the lifetime image of the ruler on coins, then the Diadochi finally overcame it, expanding the practice of the Persian satraps and Lycian dynasts. The image of Alexander the Great became associated with the portrait of the king ruling at that time. Alexander was immortalized by the Hellenistic rulers, and his images became even more widespread than during his lifetime. The Diadochi turned the coin into a vivid means of promoting the cult of the ruler as a charismatic personality and glorifying his political and military achievements. The fusion of the image of the reigning ruler with Zeus, Hercules and other heroes and deities, accompanied by depictions of the attributes of deities, became widespread in the coinage of the Diadochi, who initially used the revered image of Alexander to legitimize the continuity of their power and emphasize its divine character. Gradually, the Hellenistic rulers replaced the image of Alexander on the coins with their own, while maintaining a common iconography. However, subsequently the idealized style of the portrait of the ruler on the coins replaced the realistic style, which made the propaganda of the cult of the king and his successes even more effective.

Keywords: Pre-Hellenism, Hellenism, coinage, royal cult, coins, Alexander the Great, Diadochi.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 108–126
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 108–126
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-108–126

ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: САТРАПИИ И ЗАВИСИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ЧАСТЬ I)

М.М. Холод

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

E-mail: m.holod@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-6834-2010

Аннотация: Настоящий очерк задуман нами как первая часть серии публикаций, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями в Азии. Обращение к данной теме представляется нам весьма полезным из-за недостатка внимания к ней со стороны современных ученых. В этом очерке речь пойдет о малоазийских сатрапиях, тогда как в последующих нами будет дан обзор истории всех прочих провинций империи Александра и зависимых от него регионов в Азии, а в конце – обобщающая статья по данному вопросу в целом.

Ключевые слова: Александр Великий, империя, держава Ахеменидов, сатрапия, сатрап, администрация, Малая Азия.

Результатом длившихся почти десять лет восточных походов Александра Великого (весна 334 – зима 325/4 гг. до н.э.)¹ было появление новой мировой империи, более обширной, чем ее предшественница – держава Ахеменидов. Земли этой новой империи раскинулись на огромном пространстве – от Македонии на западе до западной Индии на востоке. Наряду с ними имелся еще и ряд территорий, которые технически не входили в состав державы Александра, но полностью признавали над собой его верховную власть (города-государства Финикии, царства Кипра, индийские княжества Пора и Абисара). Таким образом, в этом отношении их положение было сходным с положением собственно имперских земель; хотя за первыми и сохранялась известная автономия, они, как и последние, были

Данные об авторе: Максим Михайлович Холод – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ; старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Все даты дальше – до н.э.

подчинены Александру как монарху. Греция, объединенная в Коринфскую лигу, и греческие города Малой Азии, освобожденные македонским царем от персидского господства, также не входили в состав его державы. Отношения Александра, гегемона Коринфской лиги, с ее членами и малоазийскими греческими городами (даже если те и не были в нее включены) считались официально союзническими. Несмотря, однако, на то, что греческие республики находились в фактической зависимости от Александра, еще более возросшей в последние годы его правления, до их полного подчинения его монархической власти дело так и не дошло².

Македония занимала особое положение в империи Александра. Хотя она являлась родиной и его, и его воинов, очень скоро центр тяжести был перемещен Александром с нее на его новые азиатские владения, а она превратилась, по сути дела, в периферийную часть его державы. Для управления Македонией, а также ведения дел с греческими городами Коринфской лиги и племенами северных Балкан Александр, уходя на восток, оставил Антипатра, который и пребывал на данном посту вплоть до смерти своего царя (Diod. XVII. 17. 5; 118. 1; XVIII. 12. 1; Arr. Anab. I. 11. 3; Curt. IV. 1. 39; Just. XI. 7. 1)³. Принципы управления, которые применялись Александром в азиатских землях его державы, не были перенесены на Македонию, а потому нет никаких оснований полагать, что существовавшая здесь прежде административная система подверглась в течение его правления каким-то изменениям⁴.

Основу империи Александра составляли завоеванные им территории в Азии. В управление этой частью своей державы на региональном уровне он не внес кардинальных изменений, в целом сохранив старую персидскую организацию. Базовой территориально-административной единицей здесь по-прежнему оставалась сатрапия, во главе которой, как и при персах, стоял сатрап (оба этих слова были также сохранены македонянами)⁵. Отказ Александра от введения какой-то особой, не сходной с персидской, организации управления территориями вполне объясним. В условиях, когда определяющую роль играла война, менять уже давно существующую в этих областях модель, которая не только в общем доказала свою эффективность, но и к которой привыкло местное население, было, конечно, нецелесообразно. Да и предложить что-то новое в данной связи Александр попросту не мог: практика управления землями собственно Македонского царства для его восточных владений явно не подходила.

Настоящий очерк задуман нами как первая часть серии публикаций, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями в Азии. Обращение к данной теме представляется нам весьма полезным. Действительно, в то время как специ-

² Об отношениях Александра и греческих государств см., кроме прочих работ: Bosworth 1988, 187–228, 250–258; Маринович 1993; Jehne 1994, 198–261; Blackwell 1999; Faraguna 2003, 99–129; Poddighe 2009, 99–120; Холод 2008; Kholod 2013a, 479–482.

³ Berve II 1926, 46–51 (№ 94); Heckel 2006, 35–36 (№ 1).

⁴ О Македонии в отсутствие Александра см., в частности: Berve I 1926, 224–227; Gilley, Worthington 2010, 199–204; Lane Fox 2011, 385–391.

⁵ О сатрапиях и сатрапах империи Ахеменидов см., к примеру: Дандамаев, Луконин 1989, 96–111; Jacobs 1994, 89–116; 2006; Klinkott 2005.

альных работ по ней сравнительно немного⁶, некоторые из них сильно устарели, а ряд идей, высказанных в этих работах в целом, кажутся неубедительными и, таким образом, явно нуждаются в пересмотре. Ниже, в этом очерке, речь пойдет о малоазийских сатрапиях, тогда как в последующих нами будет дан обзор истории всех прочих провинций империи Александра, а равно и зависимых от него регионов в Азии; кроме того, в заключение, в отдельной статье, мы намерены представить свои общие соображения об организации македонским царем управления в сатрапиях его державы и положения по отношению к его власти зависимых территорий.

1. ГЕЛЛЕСПОНТСКАЯ ФРИГИЯ

Геллеспонтская Фригия – первая сатрапия, вошедшая в состав создававшейся державы Александра. Сразу после битвы при Гранике (май 334 г.) ее сатрапом был назначен Калас, сын Гарпала (Arr. Anab. I. 17. 1), несомненно, из-за того, что он хорошо знал данный регион вследствие своего участия в качестве одного из полководцев в военных операциях, ведшихся македонским экспедиционным корпусом на западе Малой Азии в 336–335 гг. (причем, судя по свидетельствам историков, его деятельность разворачивалась тогда в землях именно Геллеспонтской Фригии)⁷. О войсках, оставленных Александром вместе с Каласом в его сатрапии, никакой конкретной информации нет. Впрочем, принимая во внимание активное участие Каласа в последующих боевых действиях на северо-западе Малой Азии (см. ниже), можно вполне полагать, что в его распоряжении находился довольно сильный воинский контингент. При этом не исключено, что в него вошла – если не составила первоначально его основу – часть того крупного формирования греческих воинов-союзников, которое под командованием Каласа и Александра Линкестийского было направлено Александром из Сард для захвата «хоры Мемнона» (выполнение данной миссии, надо полагать, совпало с возвращением Каласа во вверенную ему провинцию) (Arr. Anab. I. 17. 8)⁸. Кроме того, очень может быть, что еще после захвата Парменионом после битвы при Гранике Даскилия, столицы Геллеспонтской Фригии, там был оставлен – вместо покинувшего город персидского гарнизона – македонский гарнизон (Arr. Anab. I. 17. 2).

Летом 333 г. Александр присоединил к сатрапии Каласа также Пафлагонию (Arr. Anab. II. 4. 2; Curt. III. 1. 24). Ее население, когда он проходил со своей армией поблизости (либо даже, как сообщает Курций, вступил в эту область), направляясь перед битвой при Иссе навстречу Дарию III, признало его власть (при этом, согласно все тому же Курцию, по просьбе пафлагонцев они, как и при персах, были освобождены от взимания с них форося, но были вынуждены выдать Александру

⁶ Julien 1914; Lehmann-Haupt 1921, 138–159; Berve I 1926, 253–290; Badian 1965, 170–182; Higgins 1980, 129–155; Bosworth 1988, 229–241; Jacobs 1994, 52–88; Anson 2013, 121–152; к тому же см.: Klinkott 2000; Wheatley, Heckel 2011, 86–105, 108–119.

⁷ Общую информацию о Каласе см.: Berve II 1926, 188 (№ 398); Heckel 2006, 74–75. О македонском экспедиционном корпусе в Малой Азии в 336–335 гг., в том числе и о деятельности тогда Каласа, см. особенно: Kholod 2018a, 407–446.

⁸ Об экспедиции Каласа и Александра Линкестийского с целью захвата «хоры Мемнона», а также по поводу локализации последней теперь см.: Kholod 2018b, 177–197. Насчет состава воинского формирования под их командованием см.: Billows 1997, 39.

заложников) (Arr. Anab. II. 4. 1; Curt. III. 1. 22–23; ср.: Plut. Alex. 18. 5)⁹. Таким образом, Пафлагония была отделена от сатрапии Великая Каппадокия, к которой она прежде относилась¹⁰. Однако после того, как в Каппадокию и Пафлагонию отступила часть персидских войск, разгромленных при Иссе (ноябрь 333 г.), и укрепились там (Curt. IV. 1. 34; ср.: Diod. XVII. 48. 5–6), Пафлагония вышла из-под македонского контроля. Предпринятые Каласом действия по его восстановлению (Curt. IV. 5. 13) не увенчались успехом: во всяком случае, до смерти Александра Каппадокия и Пафлагония так и оставались независимыми от македонян (см. ниже). Свою независимость удалось в ту пору сохранить и еще не покоренной Вифинии. В какой-то момент до 328/7 г. Калас был побежден ее правителем Басом¹¹, с которым он вступил в вооруженный конфликт (Memn. FGrHist 434 F 12. 4) то ли при выполнении приказа Александра о завоевании этой области, то ли при попытке вернуть утраченное господство над соседней с ней Пафлагонией. Что случилось с Каласом после этого, неизвестно: по крайней мере, ни допущение, что он был убит в столкновении с Басом¹², ни предположение, что он пал жертвой Александра в 324 г. из-за своего родства с беглецом Гарпалом, главным царским казначеем¹³, не могут быть доказаны¹⁴. Как бы то ни было, но к моменту распределения сатрапий державы Александра в Вавилоне в 323 г. во главе Геллеспонтской Фригии уже стоял некий Демарх, возможно, македонянин (Arr. Succ. 1. 6)¹⁵.

2. ЛИДИЯ

После сдачи Александру Сард, столицы сатрапии Лидия (лето 334 г.), ее главой он назначил Асандра, сына Филоты¹⁶, оставив ему, по выражению Арриана, «столько конницы и легковооруженных, сколько счел достаточным при настоящем положении дел». В то же самое время Александр сделал Павсания, одного из гетайров¹⁷, комендантом цитадели Сард, предоставив в его распоряжение гарнизон, состоявший из союзников-аргивян, а некому Никию поручил заниматься вопросами, связанными с обложением и сбором в сатрапии фороса (Arr. Anab. I. 17. 7). Таким образом, в Лидии Александр разделил функции управления между несколькими должностными лицами.

⁹ Интересное предположение по согласованию этих свидетельств Арриана и Курция см.: Bosworth 1980, 188. В связи с подчинением тогда Пафлагонии также см.: Debord 1999, 455; ср.: Ефремов 2008, 116–121.

¹⁰ Причина ее отделения в принципе ясна: в отличие от Геллеспонтской Фригии, Великая Каппадокия просто на тот момент еще не была покорена Александром (Jacobs 1994, 57).

¹¹ 328/7 г. – приход к власти в Вифинии Зипойта I, преемника Баса. О Басе кратко: Berve II 1926, 104 (№ 208); Heckel 2006, 71. Относительно его правления более подробно: Габелко 2005, 124–131.

¹² К примеру, см.: Baumbach 1911, 56; Julien 1914, 10; Berve II 1926, 188; Briant 1973, 80; Anson 1988, 472; 2013, 147; Jacobs 1994, 52; Billows 1997, 45; Ефремов 2008, 126.

¹³ Badian 1961, 18.

¹⁴ Heckel 2006, 75, 298, n. 171. Ср.: Seibert 1985, 206; Габелко 2005, 128; Wheatley, Heckel 2011, 103.

¹⁵ Berve II 1926, 133–134 (No. 255); Tataki 1998, 292; Heckel 2006, 108.

¹⁶ Berve II 1926, 87 (№ 165); Heckel 2006, 57–57 (№ 1).

¹⁷ Berve II 1926, 308 (№ 613); Heckel 2006, 193 (№ 1).

Из этого, однако, отнюдь не следует, как считают некоторые ученые¹⁸, что подобная мера должна была значительно ограничивать здесь власть сатрапа, особенно в финансовой сфере. И в самом деле, назначение Никия было обусловлено, надо полагать, прежде всего желанием македонского монарха насколько можно эффективнее организовать сбор форося в столь богатой и сложной по своему составу сатрапии, как Лидия. При этом выполнение такой задачи было, разумеется, лучше всего поручить специальному чиновнику, а не Асандру, который, активно занимаясь различными делами, включая военные, явно не мог уделять пристального внимания работе фискальных механизмов во вверенной ему провинции. Более того, не исключено, что Никию было поручено и еще одно дело – сбор синтаксиса с греческих городов¹⁹, по всей видимости, тех, которые располагались поблизости от Лидии²⁰. Был ли Никий подчинен Асандру, неизвестно. Но это представляется весьма вероятным: из сообщения Арриана о его назначении следует, что Никий не имел в своем распоряжении какого-то воинского формирования, а значит, если бы Асандр посчитал нужным вмешаться в его деятельность, тот был бы попросту не в состоянии ему в этом помешать; к тому же понятно, что не Никий, а Асандр был ответственным за транспортировку денег, собранных для македонского царя, так как лишь он был способен предоставить воинов для их сопровождения²¹. В отличие от Никия, положение коменданта цитадели Павсания было, насколько можно судить, более независимым. Однако и в данном случае эту независимость, думается, не стоит слишком преувеличивать. Даже если Павсаний

¹⁸ Griffith 1964, 23–30; Schachermeyr 1973, 182; Green 1991, 185; Jacobs 1994, 53; Anson 2013, 141–143; ср.: 1988, 472.

¹⁹ О синтаксисе как экстраординарном союзном взносе, который греческие города Малой Азии (за редким исключением) должны были после их освобождения от власти Ахеменидов регулярно выплачивать Александру на нужды панэллинской войны против Персии, см. особенно: Kholod 2013b, 83–92.

²⁰ Решение здесь зависит от того, следует ли принимать предложенное Г. Виртом исправление содержащейся в традиционном тексте «Анабасиса» Арриана фразы τῶν δὲ φόρων τῆς συντάξεως τε καὶ ἀφοροῦς Νικίαν (I. 17. 7) на τῶν δὲ φόρων <τε καὶ> συντάξεως <τῆς> ἀφοροῦς Νικίαν. См.: Wirth 1972, 98. Если Г. Вирт прав, то тогда получается, что Никий был оставлен Александром в Лидии для сбора двух разных видов платежей – форося и синтаксиса. С подобным исправлением данной фразы, однако, не согласился Б. Босуорт, который, найдя для нее аналогию в другом месте сочинения Арриана (Anab. III. 17. 6), пришел к выводу, что деятельность Никия в Лидии была связана исключительно с форося (Bosworth 1980, 130; ср.: 1988, 242). Очень может быть, что Б. Босуорт прав. И все же для того, чтобы полностью отвергнуть исправление Г. Вирта, на наш взгляд, нет достаточных оснований (Kholod 2013b, 87; 2017, 137). О том, что если Никий действительно собирал синтаксис с малоазийских греческих городов, то, скорее всего, с тех, которые находились вблизи от Лидии, см.: Kholod 2017, 145–146.

²¹ Еще один аргумент в пользу подчиненного положения Никия предложил Б. Босуорт. Он отмечает, что Никий – «темная личность, скорее грек, чем македонянин», причем Арриан упоминает его без патронимика и титула. По мнению исследователя, вряд ли такая фигура могла служить серьезным противовесом македонским должностным лицам (Bosworth 1980, 130; ср.: 1988, 242). Подобный аргумент Б. Босурта, впрочем, не представляется нам убедительным (хотя, как это явствует из вышесказанного, мы также склоняемся к той мысли, что Никий был подчинен Асандру). И правда, не исключено, что Никий был греком, но это, а равно и тот факт, что Арриан сообщает о нем без указания патронимика и титула, ничего не говорят о его положении: к примеру, грек Клеомен и Филоксен, чье происхождение неясно (о Клеомене см. далее раздел, посвященный Египту, а о Филоксене – Карию), упоминаются Аррианом также без их патронимиков и титулов, несмотря на то что, насколько можно судить, оба являлись весьма влиятельными фигурами. О положении и функциях Никия см.: Kholod 2017, 140 (с указанием релевантной литературы).

и был формально ответственен непосредственно перед Александром, в реальности он должен был зависеть от сатрапа Лидии в ряде вопросов, во всяком случае, в таком важном, как снабжение воинов своего гарнизона продовольствием и деньгами. Кроме того, кажется очевидным, что в случае появления – из-за осложнения военной обстановки – угрозы Сардам, Павсанию пришлось бы неизбежно искать опору, а может быть, и встать в известной степени в подчиненное положение по отношению к Асандру, который, располагая более крупными воинскими силами, превращался бы в такой ситуации, естественно, в основную фигуру²².

Информации о дальнейшей деятельности Асандра сохранилось совсем немного (при том, что и Павсаний, и Никий в наших источниках больше вообще не упоминаются). Асандр, как и другие малоазийские сатрапы Александра, был вовлечен в 333–332 гг. в боевые действия против персов, ведших тогда контрнаступательные операции в Восточной Эгеиде, а также в Малой Азии, включая и ее западное побережье²³: сообщается, что в начале осени 333 г. он активно поддерживал со своим войском македонского полководца Птолема, оставленного Александром в Карии (Агг. Анаб. II. 5. 7; Curt. III. 7. 4; также см. ниже)²⁴. Весной вместо Асандра сатрапом Лидии был назначен Менандр, один из гетайров (Агг. Анаб. III. 6. 7)²⁵, который и оставался в этой должности в течение всех последующих лет правления македонского царя. Причина замещения Асандра на посту сатрапа неясна. Зимой 329/8 г. он присоединился к Александру в Бактрах, сопроводив к нему – вместе с Непархом, сатрапом Ликии и Памфилии (см. ниже), – греческих наемников в качестве пополнения для армии (Агг. Анаб. IV. 7. 2; Curt. VII. 10. 12)²⁶. Единственное, что известно о деятельности сатрапа Менандра при Александре, это снабжение им македонского царя воинскими контингентами из своей провинции: одно крупное пополнение им было прислано Александру, когда тот

²² Ср.: Heckel 2006, 193 (№ 1); однако: Bosworth 1988, 229.

²³ О контрнаступлении персов в Восточной Эгеиде см. прежде всего: Ruzicka 1988, 131–151; 1992, 147–152 (в последней работе с упором на соответствующие события в Карии).

²⁴ Не потому, что сатрапия Кария входила в зону ответственности Асандра, как неверно считает Б. Якобс (Jacobs 1994, 53–54), а для решения вполне конкретной военной задачи – противостояния наступлению персов под командованием Оронтобата (см. ниже), которое потребовало совместных усилий Асандра и Птолема. В данной связи ср.: Vaumbach 1911, 63–64; Julien 1914, 15–16. То же, что зимой 329/8 г. Асандр привел к Александру в Бактры пополнения из Ликии (Curt. VII. 10. 12), говорит, как представляется, только об одном: она стала для него, а равно и для отправившегося вместе с ним Непарха, сатрапа Ликии и Памфилии (Агг. Анаб. IV. 7. 2), исходным пунктом в их движении на восток к македонскому царю.

²⁵ Berve II 1926, 255 (№ 502); Heckel 2006, 163 (№ 1); Atkinson 2009, 224; Wheatley, Heckel 2011, 102. То, что Менандр занимал при Александре пост сатрапа Лидии, засвидетельствовано и эпиграфически – в надписи (по всей вероятности, из Гамбрия), в которой речь идет о передаче поместья от македонянина Кратевы Аристомену, 326/5 или 325/4 гг. (Syll.3 № 302, сткк. 4–6). Об этой надписи, кроме того: Thonemann 2009, 370–384.

²⁶ Не исключено, что Асандр после своей отставки весной 331 г. был занят набором греческих наемников для Александра, скорее всего, на Балканском полуострове, которых – по-видимому, очередную партию – он и доставил сам в Ликию в 329 г. Ср.: Vaumbach 1911, 61–62; Julien 1914, 12–13.

находился в Арии (330 г.) (Curt. VI. 6. 35)²⁷, другое же он привел к македонскому царю в Вавилон лично (323 г.) (Arr. Anab. VII. 23. 1; 24. 1)²⁸.

3. КАРИЯ

По прибытии в Карию (осень 334 г.) Александр нашел поддержку со стороны Ады, дочери Гекатомна, последней представительницы дома карийских династов Гекатомнидов. Она единолично правила Карией после смерти ее брата и мужа Гидриея в 344/3 г., но в 341/0 г. была отстранена от власти младшим братом Пиксодаром²⁹. Когда в 335 г. Пиксодар умер, он сделал наследником своего зятя перса Оронтобата, который, став таким образом династом и сатрапом этой области, вернул над ней прямой контроль Ахеменидов³⁰. Ада, сдавшая Александру Алинды – собственную прекрасно укрепленную резиденцию, которую, как и другие места внутренней Карию, ей удавалось до сих пор удерживать³¹, – была признана им в качестве единственной правительницы страны (Diod. XVII. 24. 2–3; Strab. XIV. 2. 17. 657; Plut. Alex. 22. 4; Arr. Anab. I. 23. 8). В свою очередь, она усыновила македонского царя (Plut. Alex. 22. 4; Arr. Anab. I. 23. 8), что сделало его теперь легитимным наследником Гекатомнидов³². Территорию карийских владений Александр, однако, вскоре сократил: Ликия, ранее подвластная Карию³³, была им присоединена к Памфилии, с которой она образовала отдельную сатрапию (см. ниже).

Покидая Карию после взятия ее столицы Галикарнасса, Александр назначил Аду на пост сатрапа (Arr. Anab. I. 23. 7). Почему на этот раз он не стал утверждать главой провинции македонянина, кажется вполне объяснимым. Чтобы иметь необходимую для него поддержку местного населения во время все еще продолжающейся борьбы за Карию, македонскому монарху было важно сделать ее сатрапом такое лицо, которое обладало бы здесь большими правами на власть, чем сатрап Оронтобат (заметим, что последний, опираясь на флот и персидские войска, присутствовавшие в регионе³⁴, не оставлял попыток восстановить свое положение; см. ниже). При этом у Александра едва ли были причины сомневаться в лояльности Ады: не располагавшая существенными реальными силами, она была слишком заинтересована в македонской поддержке, особенно в сложившей-

²⁷ Хотя Курций в данной связи не называет Менандра, его причастность к отправке этого пополнения – в силу достаточно большого промежутка времени между его назначением сатрапом Лидии и прибытием оттуда этих воинов к Александру – не должна вызывать сомнений. Ср.: Heckel 2006, 163 (№ 1).

²⁸ Относительно Карию при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г.: Arr. Suc. 1. 6; Dexipp. FGrHist. 100 F 8. 2; Curt. X. 10. 2; Just. XIII. 4. 15.

²⁹ Об Аде кратко: Berge II 1926, 11–12 (№ 20); Heckel 2006, 3 (№ 1). Относительно ее совместного с Гидриеем, а затем и единоличного правления в Карию более подробно: Hornblower 1982, 41–46; Ruzicka 1992, 111–126; Debord 1999, 401–404; кроме того, см. теперь: Howe 2021, 262–265.

³⁰ Об Оронтобате в общем: Berge II 1926, 295–296 (№ 594); Heckel 2006, 186. Кроме того, см.: Hornblower 1982, 49–50; Ruzicka 1992, 132–135; Kholod 2018a, 436–437; Howe 2021, 269–270.

³¹ Howe 2021, 265.

³² К этому также см.: Howe 2021, 277–280.

³³ Для Ликии под властью Пиксодара см.: RO. № 78 (греческий текст трехязычной надписи из Ксанфа, 337 г., с комментарием); к этому также см.: Hornblower 1982, 46–49; Ruzicka 1992, 125; Howe 2021, 268–269.

³⁴ Относительно величины персидских сил в Восточной Эгеиде в 333–332 гг. см.: Ruzicka 1988, 133, 137.

ся ситуации³⁵. Стоит полагать, что полномочия Ады в ее сатрапии не выходили за рамки гражданских и хозяйственных дел, тогда как военная власть в ней находилась в руках македонянина Птолемея³⁶, который хотя и считался формально подчиненным Ады³⁷, действовал во вверенной ему сфере, судя по всему, вполне самостоятельно³⁸. Этот Птолемей был оставлен Александром во главе довольно крупного воинского контингента для борьбы против персидских отрядов под командованием Оронтобата, продолжавших удерживать обе цитадели Галикарнасса (Diod. XVII. 27. 5; Strab. XIV. 2. 17. 657; Arr. Anab. I. 23. 3; II. 5. 7)³⁹, и для защиты сатрапии от возможных попыток противника вернуть над нею свою власть (Arr. Anab. I. 23. 6). Поэтому вполне естественно, что Птолемей вскоре стал одним из участников боевых действий, которые вели персы в Восточной Эгеиде, а также на западном побережье Малой Азии, в том числе в Карию, в 333–332 гг. В конце концов при поддержке сатрапа Лидии Асандра (см. выше) ему удалось добиться значительных успехов в борьбе с персидскими войсками в своей зоне ответственности (в начале осени 333 г. Оронтобат был побежден в битве, понеся большие потери), в результате чего ранее удерживаемые или захваченные ими в Карию пункты оказались под македонским контролем (Arr. Anab. II. 5. 7; Curt. III. 7. 4), включая и несколько позднее, где-то к середине 332 г., освобожденный полностью Галикарнасс⁴⁰. Оставался ли Птолемей в Карию и далее, неизвестно. Но это представляется вполне возможным (хотя не исключено, что контингент воинов, находившийся под его командованием, был со временем несколько сокращен). Что же касается Ады, то она продолжала править Карией (может быть, из Алинд или Миласы, поскольку Галикарнасс сильно пострадал из-за военных действий⁴¹), по

³⁵ В связи с назначением Ады сатрапом ср.: Ruzicka 1992, 143–144; Sears 2014, 212–213, 219.

³⁶ Berve II 1926, 337 (№ 674); Heckel 2006, 236 (№ 5).

³⁷ Во всяком случае, примечательно, что продолжать осаду цитаделей Галикарнасса (см. ниже) Александр перед своим уходом из Карию поручил именно Аде, а не Птолемею (Strab. XIV. 2. 17. 657).

³⁸ По поводу полномочий Ады ср.: Bosworth 1980, 154; 1988, 230; Ruzicka 1992, 144; Carney 2005, 70, n. 45; Sears 2014, 219.

³⁹ Одна цитадель – Салмакида располагалась на западной оконечности гавани Галикарнасса, другая – на острове Зефирия (дворец) на ее противоположной оконечности (Bosworth 1980, 150–151).

⁴⁰ Как считает С. Рузика, Ада и Птолемей поставили под свой контроль цитадели Галикарнасса еще в конце 334 г., но затем, к концу 333 г., снова уступили город персам и захватили его уже окончательно примерно к середине 332 г. (Ruzicka 1992, 144–152). Однако слова Страбона о том, что обе цитадели Галикарнасса были взяты македонскими войсками вскоре после ухода Александра из Карию (XIV. 2. 17. 657), на чем основывается суждение С. Рузики о потере персами этих цитаделей в конце 334 г., на наш взгляд, едва ли стоит понимать слишком буквально. Действительно, то, что, если следовать выводу С. Рузики, обе стороны (персы в конце 334 г. и македоняне к концу 333 г.) оставили противнику без боя отлично укрепленные цитадели Галикарнасса, для защиты которых потребовалось бы явно не слишком много воинов, выглядит более чем странным. Поэтому думается, лучше полагать, что эти цитадели, а с ними и весь Галикарнасс оказались в македонских руках лишь где-то к середине 332 г. (наряду с другими пунктами, освобожденными тогда македонянами в Восточной Эгеиде, а также на западном побережье Малой Азии; см.: Arr. Anab. III. 2. 3–6; Curt. IV. 5. 13–22).

⁴¹ Насчет тогдашней резиденции Ады ср.: Seibert 1985, 207; Ruzicka 1992, 154. При этом интересно отметить, что позднее Алинды были известны как Александрия (на Латме) (Steph. Byz. s.v. Ἀλεξάνδρεια). И если данный город был переименован таким образом самой Адой (Bosworth 1980, 154; Ruzicka 1992, 207, n. 15; ср.: Hornblower 1982, 314), то, возможно, это дает нам некоторое дополнительное основание – помимо простого соображения о ее привычке там жить – для того, чтобы

всей вероятности, вплоть до своей смерти, которая случилась не позднее 324 г.⁴² В 323 г. в качестве сатрапа Карии в нашей традиции фигурирует уже другой человек – Филоксен, приведший тогда к Александру в Вавилон воинские пополнения из данной провинции (Arr. Anab. VII. 23. 1; 24. 1; к этому также см.: [Arist.] Oec. II. 31. 1351b–1352a)⁴³.

4. ЛИКИЯ И ПАМФИЛИЯ

После захвата этих областей (зима 334/3 г.) Александр объединил их в одну сатрапию, отделив Ликию от сатрапии Кария, к которой она прежде относилась (см. выше). Это отделение было обусловлено, скорее всего, соответствующими просьбами со стороны ликийцев, которые явно тяготились прежней карийской властью. Кроме того, не исключено, что на подобное решение Александра повлияло и наличие угрозы со стороны присутствовавшего тогда в Восточной Эгеиде сильного персидского флота и войска: для более оперативного реагирования на возможные враждебные действия персов на юго-западном и южном побережье Малой Азии было, как кажется, вполне логично создать здесь вместо одной довольно крупной сатрапии и сравнительно небольшого района Памфилии две меньших (при том что объединение Ликии и Памфилии в единую провинцию делало ее в результате

считать его резиденцией правительницы и в дальнейшем. С другой стороны, как показывает одно эпиграфическое свидетельство, Асандр, сын Агафона, сатрап Карии после смерти Александра (см. ниже), кажется, имел своей резиденцией Миласу (Amyzon. 99–100, сткк. 3–5; = I.Stratonikeia. № 1503, 318 г.), которая была столицей рода Гекатомна до ее переноса Мавсолом в Галикарнас. Относительно больших разрушений в Галикарнассе после его взятия македонянами в 334 г. см.: Diod. XVII. 27. 6; Arr. Anab. I. 23. 2–6. Однако город явно не был тогда скрыт по приказу Александра до основания, как следует из данных сообщений (Холод 2008, 76–78, с указанием литературы по вопросу). Кроме того, очевидно, что в то время должно было произойти и сокращение численности населения Галикарнасса. Впрочем, предположение, что Александр тогда намеренно принял меры по расселению жителей города по старым лелегским общинам Галикарнасского полуострова (т.е. сделал обратное синоикизму, в свое время осуществленному Мавсолом) (в частности, см.: Bosworth 1980, 151; Ruzicka 1992, 145–146), весьма спорно, ибо не имеет под собой прочного основания. Действительно, причина обращения Каллисфена в своем труде к вопросу о синоикизме Галикарнасса при Мавсоло (FGrHist 124 F 25; ср.: Plin. NH. V. 107) неясна, а потому подобное обращение вполне могло быть обусловлено и фактом естественной убыли населения в городе вследствие долгой и при этом ожесточенной борьбы за него между персами и македонянами. О синоикизме Галикарнасса в правление Мавсола, см.: Hornblower 1982, 78–105. В свою очередь, точку зрения, согласно которой имели место два синоикизма города – при Мавсоло и при Александре, см.: Debord 1999, 386, 449.

⁴² Heckel 2006, 3 (№ 1) (ср.: Hornblower 1982, 51; Jacobs 1994, 55; Carney 2005, 70). Но возможно, и немногим раньше, так как у Филоксена – прежде чем он отправился с воинскими пополнениями для Александра в Вавилон (см. ниже) – должно было быть некоторое время, чтобы осуществить в Карии свою финансовую хитрость ([Arist.] Oec. II. 31. 1351b–1352a) (заметьте, что при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. сатрапом Карии уже стал Асандр, сын Агафона). Для датировки смерти Ады ок. 326 г. см.: Julien 1914, 16; Berve II 1926, 12 (№ 20); Van Groningen 1933, 181–182; Ruzicka 1992, 155; Wheatley, Heckel 2011, 101. Насчет получения Асандром поста сатрапа Карии в 323 г. см.: Heckel 2006, 57 (№ 2); Atkinson 2009, 223–224; Wheatley, Heckel 2011, 101.

⁴³ Идентификация этого Филоксена с другими носителями того же имени, встречающимися в наших источниках в связи с событиями времени правления Александра и вскоре после его смерти, – вопрос весьма дискуссионный. См.: Leuze 1935, 270–272; Berve II 1926, 389–391 (№ 793–796); Badian 1966, 54–61; Ruzicka 1992, 153–155, 209–210, n. 53; Tataki 1998, 452–453 (№ 58–61); Heckel 2006, 220 (№ 1–2); Kholod 2017, 141–146.

достаточно значимым образованием)⁴⁴. Главой Ликии и Памфилии Александр сделал Нейрха, сына Андروتима (Arr. Anab. III. 6. 6; ср.: I. 27. 4; IV. 7. 2)⁴⁵, резиденцией которого, возможно, стал Ксанф⁴⁶. Оставил ли македонский царь Нейрху какие-то войска, неизвестно. Имея, однако, в виду сохранение сложной военной обстановки в регионе, это представляется несомненным. К тому же в распоряжении Нейрха должен был находиться определенный местный военный потенциал, по крайней мере, боевые корабли, что подтверждается прибытием к Александру под Тир весной 332 г. небольшой ликийской эскадры (Arr. Anab. II. 20. 2)⁴⁷. Наконец, следует считать, что в ряде мест Ликии и Памфилии были установлены и македонские гарнизоны⁴⁸.

Нейрх находился на посту сатрапа сравнительно недолго: зимой 329/8 г. он прибыл к Александру в Бактры, приведя к нему – вместе с Асандром, бывшим сатрапом Лидии (см. выше), – пополнение из греческих наемников (Arr. Anab. IV. 7. 2), и с тех пор находился при македонском царе. Поскольку преемник Нейрха в наших источниках не упоминается и поскольку при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. Ликия и Памфилия вместе с Великой Фригией были признаны за Антигоном Одноглазым (Diod. XVIII. 3. 1; 39. 6; Arr. Succ. 1. 6; 1. 37; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. X. 10. 2; ср.: Just. XIII. 4. 15), стоит полагать, что управление этими областями было вверено ему сразу после отбытия оттуда Нейрха в 329 г.⁴⁹ и осуществлялось вплоть до смерти Александра⁵⁰. Почему сатрапия Ликия и Памфилия если не формально то, во всяком случае, фактически была Александром упразднена, трудно сказать со всей определенностью. Возможно,

⁴⁴ По поводу причин создания Александром сатрапии Ликия и Памфилия ср.: Bosworth 1988, 230–231.

⁴⁵ Общую информацию о нем см.: Berve II 1926, 269–272 (№ 544); Heckel 2006, 171–173.

⁴⁶ Seibert 1985, 208.

⁴⁷ Нет нужды думать (такое мнение: Ruzicka 1988, 144; 1992, 152), что эта ликийская эскадра, подобно перечисленным в том же пассаже Арриана (Anab. II. 20. 1–3) финикийским и кипрским кораблям (а возможно, и родосским), ранее входила в состав персидского флота, действовавшего в Восточной Эгее с 334 г.: на это ясно указывает тот факт, что три корабля из Сол и Малла, упомянутые Аррианом непосредственно перед ликийской эскадрой, и тем более македонский корабль, упомянутый сразу после, никакого отношения к персидскому флоту не имели. По поводу этих кораблей Сол и Малла см. ниже.

⁴⁸ Хотя установление гарнизона Александра известно лишь в Памфилии для Сиды (Arr. Anab. I. 26. 5) и весьма вероятно для Аспенда (на счет этого см.: Kholod 2010, 250), кажется, едва ли мы ошибемся, допустив введение македонских гарнизонов и в еще какие-то пункты Ликии и Памфилии (впрочем, очевидно, что их число не было большим: рассеивать по отдельным отрядам свою и без того немногочисленную армию являлось для Александра нецелесообразным). Вместе с тем стоит полагать, что из Сиды и, возможно, из Аспенда гарнизоны Александра были выведены уже к 331 г., подобно тем, которые были размещены им ранее в ряде других греческих городов Малой Азии и островов Восточной Эгеиды. Об этом: Kholod 2010, 253–254.

⁴⁹ Идея о том, что Нейрх покинул пост сатрапа уже в 331 г., будучи тогда направлен вместе с Асандром (см. выше) на Балканский полуостров для вербовки греческих наемников (Vaumbach 1911, 62, 65; Julien 1914, 12–13, 17), не имеет под собой сколько-нибудь надежного основания. Более того, привлечение Александром к решению этой задачи сразу двух сатрапов, освобожденных им одновременно со своих должностей, выглядит странным. Логичнее считать, что Нейрх просто присоединился к Асандру, когда путь последнего во главе набранных им греческих наемников лежал через Ликию, и, таким образом, вместе с ним привел их к Александру в Бактры.

⁵⁰ На этот счет, см., к примеру: Vaumbach 1911, 57, 65; Julien 1914, 17; Berve II 1926, 43 (№ 86); Bosworth 1980, 156; 1988, 231; Atkinson 1980, 288; 2009, 222–223; Jacobs 1994, 55–56; Billows 1997, 46; Heckel 2006, 33 (№ 1); Wheatley, Heckel 2011, 100–101.

что после завершения контрнаступательных операций персов на море, когда их флот уже не представлял опасности для малоазийского побережья (весна 323 г.), необходимость в ней как в самостоятельной административной единице отпала, и Александр спустя некоторое время нашел более целесообразным поставить Ликию и Памфилию под власть сатрапа Великой Фригии, подконтрольная которому Писидия (см. ниже) имела с этой провинцией общую границу⁵¹.

5. ВЕЛИКАЯ ФРИГИЯ

Сатрапом Великой Фригии при ее завоевании Александром (весна 333 г.) был назначен Антигон Одноглазый, сын Филиппа (Arr. Anab. I. 29. 3; ср.: Curt. IV. 1. 35⁵²), и он оставался на данном посту вплоть до смерти македонского царя⁵³. В 332 г. Антигон вместе с Каласом, сатрапом Геллеспонтской Фригии (см. выше), и Балакром, сатрапом Киликии (см. ниже), принимал участие в борьбе с теми персидскими войсками, которые отступили после битвы при Иссе в Каппадокию и Пафлагонию, а затем повели оттуда контрнаступление (Curt. IV. 1. 34–35; ср.: Diod. XVII. 48. 5–6)⁵⁴. В этой борьбе Антигону удалось добиться значительных успехов, в том числе отторгнуть от Каппадокии, – которая, однако, осталась независимой (см. ниже), – Ликаонию и тем самым обеспечить для македонян контроль над проходившей здесь важной линией коммуникаций (Curt. IV. 1. 35; 5. 13)⁵⁵. Помимо Великой Фригии и Ликаонии, власть Антигона распространялась также на Писидию, жители которой – отчасти добровольно, отчасти насильственно – подчинились Александру еще зимой 334/3 г.⁵⁶ При этом очень может быть, что немногим спустя именно Антигон основал в Писидии город Кретополь, который позволял ему теперь лучше следить за этой беспокойной, но стратегически весьма значимой областью⁵⁷. Наконец, есть все основания полагать, что с 329 г. Антигону была передана в управление еще и прежняя сатрапия Неварха – Ликия и Памфилия (см. выше).

Что же касается войск, которые находились тогда под командованием Антигона, то о них, кроме одного общего свидетельства о размещенных в его сатрапии

⁵¹ Ср.: Bosworth 1988, 231; Atkinson 2009, 223.

⁵² Надо полагать, что у Курция вместо Фригии ошибочно названа Лидия. По этому поводу см.: Billows 1997, 43–44 (с указанием разных мнений на данный счет). Кроме того, см.: Atkinson 1980, 287–288; 2009, 221–222; Heckel 2006, 32 (№ 1). В любом случае, совершенно невозможно согласиться с той идеей, что здесь имелась в виду Ликия (Jacobs 1994, 56, Anm. 86). И в самом деле, описывать в данном месте положение Антигона, используя указание на Ликию, которая (вместе с Памфилией), насколько можно судить (см. выше), была передана ему в управление в добавок к его основному «домену» – Великой Фригии, да и то лишь в 329 г., было бы более чем странно.

⁵³ Diod. XVIII. 3. 1; Arr. Suc. 1. 6; Dexipp. FGHist. 100 F 8. 2; Just. XIII. 4. 14; ср.: Curt. X. 10. 2. Общую информацию об Антигоне Одноглазом см.: Berve II 1926, 42–44 (№ 87); Heckel 2006, 32–34 (№ 1); Atkinson 2009, 222–223. Кроме того, относительно его деятельности в правление Александра: Briant 1973, 28–95; Anson 1988, 471–475; Billows 1997, 36–48.

⁵⁴ Об этом персидском контрнаступлении см.: Burn 1952, 81–84; Briant 1973, 53–74; Anson 1988, 472–475; Billows 1997, 43–45; Debord 1999, 462–465.

⁵⁵ Относительно значения захвата Ликаонии см., в частности: Billows 1997, 45.

⁵⁶ О Писидии под властью Александра теперь прежде всего см.: Kosmetatou 1997, 8–11.

⁵⁷ По поводу причастности Антигона к основанию Кретополя, судя по названию, бывшего, по видимому, изначально поселением критских наемников на его службе, см.: Briant 1973, 78; Billows 1997, 47; Kosmetatou 1997, 10–11.

македонских гарнизонах (Curt. IV. 1. 35)⁵⁸, наши источники прямо ничего не сообщают (можно лишь предположить, что к нему после сдачи перешел на службу персидский гарнизон цитадели Келен, столицы Великой Фригии, состоявший из карийцев и греческих наемников, а также при нем осталась часть того воинского контингента, которому было приказано Александром блокировать эту цитадель (Arr. Anab. I. 29. 1–3; Curt. III. 1. 6–8)⁵⁹). Имея, однако, в виду победы Антигона над персами (Курций говорит даже о трех выигранных им сражениях; см.: IV. 1. 35), допустимо заключить, что находившиеся в его распоряжении войска должны были быть сравнительно многочисленными, во всяком случае, до завершения боевых операций в Малой Азии⁶⁰. Но и потом у Антигона имелось, следует думать, достаточное количество воинов, в том числе в гарнизонах (включая македонский гарнизон, который теперь явно занимал сдавшую цитадель Келен)⁶¹, чтобы он мог эффективно контролировать проходившие через подвластные ему территории линии коммуникаций, которые продолжали сохранять свое огромное значение и в последующие годы правления Александра.

6. ВЕЛИКАЯ КАППАДОКИЯ

Во времени Александра Каппадокия делилась на две сатрапии – Понтийскую Каппадокию на севере и Великую Каппадокию, или Каппадокию у Тавра, на юге (Strab. XII. 1. 4. 534). Александр, торопясь навстречу Дарию III, прошел скорым маршем через Великую Каппадокию (по всей вероятности, только через ее южные земли), население которой признало его власть (лето 333 г.) (Arr. Anab. II. 4. 2; Curt. III. 4. 1; ср.: Plut. Alex. 18. 5; Arr. Mithr. 8)⁶². При этом Понтийская Каппадокия, где правил династ и сатрап Ариарат, так и осталась в ту пору незатронутой македонским завоеванием⁶³. Во главе Великой Каппадокии, столицей

⁵⁸ Они, как следует из данного свидетельства, оказались, однако, ослаблены из-за отправки Антигоном части их состава Александру перед битвой при Иссе. К этому см.: Atkinson 1980, 288.

⁵⁹ Допущение о переходе на службу к Антигону персидского гарнизона Келен см.: Briant 1973, 68; Anson 1988, 475; Billows 1997, 42, 44; ср.: Heckel 2006, 33 (№ 1). Вместе с тем из заявления Курция, согласно которому Антигон еще до вступления в борьбу с персами в 332 г. отправил к Александру «многих воинов из гарнизонов» (IV. 1. 35), отнюдь не следует, как иногда считается (Billows 1997, 42), что оставленный с ним в Келенах македонский отряд был им после сдачи цитадели города отослан к Александру полностью. Ср.: Briant 1973, 68; Anson 1988, 474.

⁶⁰ Не исключено, что Антигон прибег в этот сложный период также к набору в свои войска местных элементов (Anson 1988, 475), хотя навряд ли в большом количестве (Billows 1997, 44; ср.: Briant 1973, 68). Что же касается предположения об использовании им в военных действиях против персов крупного контингента греческих наемников под командованием Клеандра, сына Полемократа, до того, как тот прибыл к Александру во время осады Тира в 332 г. (Arr. Anab. II. 20. 5; Curt. IV. 3. 11; см.: Burn 1952, 83; Briant 1973, 69), то его, кажется, стоит признать ошибочным (Anson 1988, 475; ср.: Billows 1997, 44–45).

⁶¹ О тех местах в сатрапии Антигона, где могли находиться данные гарнизоны, см.: Atkinson 1980, 288. Относительно Кретополя также см. выше.

⁶² Vaumbach 1911, 59–60; Julien 1914, 18–19; Bosworth 1980, 189; 1988, 231; Atkinson 1980, 135; Seibert 1985, 216; Jacobs 1994, 56–57; Debord 1999, 456.

⁶³ Об Ариарате, в том числе и о сохранении Понтийской Каппадокией независимости во время кампании Александра в Малой Азии см.: Berve II 1926, 59–60 (№ 113); Anson 1988, 473–474; Heckel 2006, 44; Wheatley, Heckel 2011, 136–137; ср.: Briant 1973, 56. К этому также см. работы, указанные в предыд. прим.

которой, судя по всему, была Мазака⁶⁴, Александр назначил некоего Сабикта – или перса, или представителя местной каппадокийской знати (Курций в этом случае называет другое имя – Абистамен) (Arr. Anab. II. 4. 2; Curt. III. 4. 1)⁶⁵. Немногим ранее от Великой Каппадокии Александром была отделена Пафлагония, которую он присоединил к сатрапии Геллеспонтская Фригия (см. выше).

Никаких македонских воинских контингентов в Каппадокии оставлено не было: очевидно, что Александр не желал ослаблять свои силы перед предстоящей битвой с Дарием. Поэтому неудивительно, что тем персидским войскам, которые отступили после сражения при Иссе в Каппадокию и Пафлагонию, удалось там быстро закрепиться и повести оттуда в 332 г., действуя заодно с местными воинскими контингентами, контрнаступление (Curt. IV. 1. 34–35; ср.: Diod. XVII. 48. 5–6)⁶⁶. Несмотря на достигнутые македонскими сатрапами Малой Азии успехи в этой борьбе (см. выше)⁶⁷, Великая Каппадокия (вместе с Пафлагонией) смогла тогда сохранить свою независимость от Александра, потеряв, однако, Ликаонию, аннексированную Антигоном Одноглазым (см. выше)⁶⁸. О судьбе Сабикта (Абистамена) во время этих событий ничего не известно. Великая Каппадокия в то время оказалась во власти Ариарата, который правил ею вместе с Понтийской Каппадокией и если не со всей, то, по крайней мере, с частью Пафлагонии⁶⁹,

⁶⁴ Seibert 1985, 216.

⁶⁵ Согласно предположению Г. Берве, Абистамен был преемником Сабикта, чем и объясняется несовпадение имен в данном случае (Berve II 1926, 348 (№ 690)). Однако кажется более верным считать, что перед нами просто две версии имени одного и того же человека, правда, какая из них ближе к оригиналу, сказать трудно (Bosworth 1980, 189; Anson 1988, 472, n. 7; ср.: Atkinson 1980, 135–136; Heckel 2006, 243, 338, n. 661).

⁶⁶ О присутствии тогда персидских войск в Каппадокии и Пафлагонии, как кажется, свидетельствует и нумизматический материал. В самом деле, есть основания полагать, что возглавлявшие эти войска персидские полководцы выпускали в Синопе монеты (синопского типа), в легенде которых значились на арамейском их имена. Об этих монетах особенно см.: Harrison 1982a, 265–284; 1982b, 181–194. В свою очередь, то, что после их поражения в борьбе с македонянами (см. выше) Синопа оказалась либо под властью, либо в зависимости от Ариарата, думается, подтверждается чеканкой – по-видимому, именно в ней – монет (того же синопского типа), содержащих в легенде по-арамейски его имя (Harrison 1982a, 286–290; 1982b, 181, 188–189; Сапрыкин 1996, 30). При этом то мнение, что данные монеты Ариарата – просто подражания монетам Синопы, а следовательно, не могут считаться указанием на потерю тогда ею самостоятельности (к примеру, см.: Максимова 1956, 108; Ефремов 2008, 128, прим. 80), спорна. Другой дело, что установление власти Ариарата либо зависимости он него Синопы могло произойти не сразу, а некоторое – впрочем, явно незначительное – время спустя. По поводу положения Синопы в этот период ср., однако: Ефремов 2008, 121–128.

⁶⁷ Относительно подобного рода деятельности Балакра, сатрапа Киликии, см. ниже.

⁶⁸ О сохранении в ту пору Каппадокией и Пафлагонией своего суверенитета от македонской монархии говорит тот факт, что их, присужденных Эвмену из Кардии при распределении сатрапий в Вавилоне в 323 г. (Diod. XVIII. 3. 1; 39. 6; Plut. Eum. 3. 2; Arr. Succ. 1. 5; Dexipp. FGHist 100 F 8. 2; Curt. X. 10. 3; Just. XIII. 4. 16; ср.: Nep. Eum. 2; App. Mithr. 8), нужно было еще завоевывать, чем в конце концов и пришлось заниматься Пердикке в 323 г. (см. ниже).

⁶⁹ Точка зрения Э. Энсона, согласно которой распространение власти Ариарата на Великую Каппадокию было следствием его более ранней договоренности с Антигоном, в обмен на что этот правитель занимал нейтральную позицию во время персидского контрнаступления в регионе (Anson 1988, 473–474), выглядит достаточно логичной. С другой стороны, предполагать заключение каких-либо договоренностей между Ариаратом и Антигоном отнюдь не обязательно. Вполне возможно, что после неудач персов Ариарат просто воспользовался сложившейся ситуацией и, перейдя наконец к активным действиям, поставил под свой контроль Великую Каппадокию. При этом не исключено, что он не стал ввязываться в борьбу с Антигоном за Ликаонию потому, что уже и так был доволен достигнутым.

имея резиденцию в Газиуре⁷⁰, пока ни потерпел поражение и ни погиб при наступлении Пердикки в 323 г. (Diod. XVIII. 16. 1–3; 22. 1; XXXI. 19. 3–5; Plut. Eum. 3, 6; Arr. Succ. 1. 11; App. Mithr. 8; Just. XIII. 6. 1–3).

7. КИЛИКИЯ

После битвы при Иссе (ноябрь 333 г.) сатрапом Киликии Александр назначил Балакра, сына Никанора, одного из царских соматофилаков (Arr. Anab. II. 12. 2; ср.: Diod. XVIII. 22. 1)⁷¹. Наряду с Каласом, сатрапом Геллеспонтской Фригии, и Антигоном, сатрапом Великой Фригии (см. выше), он успешно противостоял персидским войскам, отступившим после поражения при Иссе в Каппадокию и Пафлагонию, во время предпринятого ими контрнаступления в Малой Азии в 332 г. (Curt. IV. 5. 13⁷²). Подобная деятельность Балакра, а равно и его более поздняя военная активность (см. ниже) совершенно ясно свидетельствуют о наличии под его командованием достаточно сильного воинского контингента, несмотря на отсутствие прямых сообщений источников на данный счет (за исключением информации о гарнизоне, установленном Александром в 333 г. в Солах; см.: Arr. Anab. II. 5. 5; Curt. III. 7. 2⁷³).

Кроме осуществления функций военачальника, Балакр в своей сатрапии имел отношение и к решению вопросов, связанных с финансами, по крайней мере, к чеканке денег. Это доказывается выпуском на монетном дворе в Тарсе, столице Киликии, двух серий серебряных статеров персидского весового стандарта, в легенде которых стояло имя Балакра (полностью – ВАЛАКРОУ либо сокращенно – ВА или В). Данный факт – пусть такие монеты и предназначались главным образом для нужд Киликии, имея сходство с выпускавшимися здесь прежде статерами предшественника Балакра перса Мазея⁷⁴ – выделяет этого сатрапа среди прочих глав провинций Александра: они, за исключением все того же Мазея, когда тот уже был сатрапом Вавилонии при македонском царе⁷⁵, подобной прерогативой, т.е. правом чеканить деньги от своего имени, судя по всему, не пользовались⁷⁶.

Балакр погиб в Исаврии во время своей кампании против городов Ларанда и Исавра (Diod. XVIII. 22. 1), которые то ли оставались до тех пор все еще независимыми от македонской власти, то ли подняли против нее восстание. Каковой бы,

⁷⁰ Seibert 1985, 216.

⁷¹ Berve II 1926, 100–101 (№ 200); Heckel 2006, 68–69 (№ 2).

⁷² То, что упомянутый здесь Балакр идентичен Балакру, сатрапу Киликии, это, кажется, несомненно. К примеру, см.: Briant 1973, 70; Bosworth 1980, 219; Billows 1997, 44; Heckel 2006, 69 (№ 2); ср.: Berve II 1926, 101–102 (№ 203). Однако: Atkinson 1980, 327.

⁷³ Как долго этот гарнизон там находился, неизвестно. Но вероятно, что он, как и македонские гарнизоны в Сиде и, может быть, Аспенде в Памфилии (см. выше), был оттуда выведен к 331 г. В свою очередь, по поводу отправки к Александру Солами и Маллом, еще одним греческим городом Киликии, трех кораблей во время осады Тира в 332 г. в качестве их вклада в дело панэллинской войны против Персии см.: Kholod 2013b, 88–89.

⁷⁴ Относительно этих монет Мазея см.: Head 1911, 731–732; Harrison 1982, 359–370; Le Rider 2007, 117–119.

⁷⁵ См. далее в разделе, посвященном Вавилонии.

⁷⁶ О монетах из Тарса, в легенде которых значится имя Балакра, см.: Aulock 1964, 79–82; Price 1991, 370; Mørkholm 1991, 46; и теперь особенно: Le Rider 2007, 153–156. К этому также см.: Bosworth 1988, 232; Heckel 2006, 69 (№ 2).

однако, ни была причина этой кампании Балакра, очевидно, что Исаврия считалась сферой ответственности именно сатрапа Киликии⁷⁷. Когда Балакр был убит, сказать сложно. Впрочем, если бы это произошло еще во время боевых действий 332 г., что предполагают некоторые ученые⁷⁸, то вряд ли место сатрапа такой области, как Киликия, оставалось бы вакантным вплоть до 326 – начала 325 г., когда в Тарс прибыла приглашенная из Афин Гарпалом гетера Гликера⁷⁹. Действительно, будь тогда в Киликии сатрап, он навряд ли бы позволил ей разместиться в Тарсе в царском дворце, а горожанам увенчивать ее, наряду с Гарпалом, венками, падать перед ней ниц и величать царицей (Theoromp. FGrHist 115 F 254 a–b)⁸⁰. Во всяком случае, этот сатрап наверняка был бы упомянут в нашей традиции в связи с подобным скандальным событием, причем не только бы Феопомпом. Кроме того, отсутствие каких-либо репрессивных мер в отношении Ларанды и Исавры со стороны македонян стало бы понятнее, если бы смерть Балакра случилась в более поздний момент (эти города понесут наказание уже от армии Пердикки в 322 г.; см.: Diod. XVIII. 22. 1–8). Наконец, выпуск в Тарсе двух серий серебряных статов с именем Балакра (см. выше) также предполагает, что пребывание его в должности сатрапа не было столь уж ограниченным по времени. Таким образом, принимая во внимание сказанное, кажется более обоснованным относить гибель Балакра к концу правления Александра, но при этом датировать ее не ок. 324 г., как часто делается⁸¹, а ок. 326 г.

В свою очередь, отметим, что в качестве сатрапа Киликии Курций называет не Балакра, а Сократа, сына Сафона (в связи с событиями 332 г.) (Curt. IV. 5. 9)⁸². Если это не ошибка, то тогда не исключено, что Сократ временно возглавлял Киликию, пока Балакр участвовал в военных операциях против персов, действуя – судя по тому, что им был в ту пору, кажется, взят Милет (Curt. IV. 5. 13)⁸³ – в том числе и вдалеке от своей сатрапии⁸⁴. Как бы то ни было, дальнейшая судьба Сократа неизвестна. Впрочем, есть предположение, что упомянутый у Курция Платон, приведший к Александру воинские пополнения из Киликии в 331/0 г. (Curt. V.

⁷⁷ Briant 1973, 48; Wheatley, Heckel 2011, 92. В данной связи, кроме того, см.: Kosmetatou 1997, 12, n. 26, которая верно указывает на ошибку Р. Биллоуза, относящего Исаврию к восточной Писидии (Billows 1997, 45).

⁷⁸ Bosworth 1980, 219; Billows 1997, 44–45; ср.: Bosworth 1974, 58–59.

⁷⁹ По поводу времени ее приезда в Тарс см. особенно: Körte 1919, 89. О Гликере, сменившей при Гарпале другую свою «коллегу», умершую Пифионику, см.: Körte 1919, 87–93; Berve II 1926, 112–113 (№ 231); Heckel 2006, 126, 310, n. 325–326. Убедительную аргументацию против идеи о том, что в конце 325 – начале 324 г. Гарпал бежал Грецию не из Вавилона, а уже из Тарса, где и вел описанную Феопомпом экстравагантную жизнь с Гликерой (Lane Fox 1973, 412–413; Heckel 2006, 98, 130, 310, n. 325), см.: Jaschinski 1981, 38–39.

⁸⁰ Даже если Феопомп и несколько сгущает здесь краски, нет сомнения, что почести, воздававшиеся Гликере в Тарсе, выходили за рамки допустимых.

⁸¹ Berve II 1926, 100 (№ 200); Briant 1973, 80; Heckel 2006, 69 (№ 2); Le Rider 2007, 154; Atkinson 2009, 222; Wheatley, Heckel 2011, 92–93; ср.: Baumbach 1911, 65; Julien 1914, 20; Atkinson 1980, 325.

⁸² Berve II 1926, 367 (№ 732); Heckel 2006, 334.

⁸³ Это место в рукописях сочинения Курция подверглось исправлению, в результате чего стандартным стало принятие чтения *Miletum* вместо *militum*. Иную интерпретацию, однако, см.: Harrison 1982a, 277, 298–299, n. 71; 1982b, 190–191; поддержано: Debord 1999, 462–463.

⁸⁴ Heckel 2006, 334; ср.: Berve II 1926, 367 (№ 732); Bosworth 1974, 58–59; Atkinson 1980, 324–325; Jacobs 1994, 63.

7. 12)⁸⁵, есть не кто иной, как Сократ: в таком случае Курций (либо его источник), возможно, попросту спутал имена двух знаменитых афинских философов⁸⁶.

Что же касается того, кому досталась Киликия во время распределения сатрапий в Вавилоне в 323 г., то это был македонянин Филота (Diod. XVIII. 3. 1; Arr. Succ. 1. 5; Dexipp. FGrHist 100 F 8. 2; Curt. X. 10. 2; Just. XIII. 4. 12; 6. 16)⁸⁷. Получил ли он данный пост лишь тогда либо еще при жизни Александра, не сообщается. Однако если Балакр и правда погиб ок. 326 г., то кажется маловероятным, чтобы македонский монарх после своего возвращения из индийского похода в конце 325 г. так никого и не назначил на освободившееся место сатрапа Киликии⁸⁸. Очень может быть поэтому, что Филота отправился во вверенную ему провинцию уже в конце лета – начале осени 324 г. вместе с Кратером, который во исполнение приказа Александра возвращался во главе более чем десяти тысяч ветеранов в Македонию, держа свой путь именно через Киликию (Diod. XVII. 109. 1; XVIII. 4. 1; 12. 1; Arr. Anab. VII. 12. 3–4; Curt. X. 7. 9; 9. 15; Just. XII. 12. 7–9)⁸⁹. И если так, то логично думать, что Кратер по прибытии со своими воинами в данную область должен был, помимо прочего⁹⁰, помочь Филоте решить проблему с враждебной Исаврией⁹¹ (хотя, как показывает карательная экспедиция Пердикки 322 г., по каким-то причинам не исполнил этого; см. выше).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anson, E.M. 1988: Antigonos, the Satrap of Phrygia. *Historia* 37, 471–477.
 Anson, E.M. 2013: *Alexander the Great. Themes and Issues*. London.
 Atkinson, J.E. 1980: *A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4*. Amsterdam.
 Atkinson, J.E. 2009: *Curtius Rufus. Histories of Alexander the Great. Book 10. Transl. by J. C. Yardley, Introduction and Historical Commentary by J. E. Atkinson*. Oxford.
 Aulock, H. von 1964: Die Prägung des Balakros in Kilikien. *JNG* 14, 79–82.
 Badian, E. 1961: Harpalus. *JHS* 81, 16–43.
 Badian, E. 1965: The Administration of the Empire. *G&R* 12, 166–182.
 Badian, E. 1966: Alexander the Great and the Greeks of Asia. In E. Badian (ed.), *Ancient Society and Institutions. Studies Presented to Victor Ehrenberg on His 75th Birthday*. Oxford, 37–69.

⁸⁵ Berve II 1926, 429 (№ 67).

⁸⁶ Berve II 1926, 367 (№ 732), 429 (№ 67); ср.: Heckel 2006, 334; Atkinson 1980, 325. Однако: Bosworth 1974, 59, n. 1.

⁸⁷ Berve II 1926, 397–398 (№ 804); Billows 1997, 423–424 (№ 95); Heckel 2006, 219 (№ 6); Atkinson 2009, 221–222; Wheatley, Heckel 2011, 92–93.

⁸⁸ Ср.: Julien 1914, 20; Berve II 1926, 398 (№ 804); Billows 1997, 423 (№ 95); Heckel 2006, 219 (№ 6); Wheatley, Heckel 2011, 92.

⁸⁹ Не исключено, что как раз по этой причине Пердикка позднее и причислял Филоту к сторонникам Кратера (Arr. Succ. 24. 2). В свою очередь, вовсе не обязательно, что в момент смерти Александра Филота находился в Вавилоне, как это вроде бы следует из указания Псевдо-Каллисфена (III. 31), поскольку точность передаваемой информации, мягко говоря, не принадлежит к достоинствам этого сочинения. Но даже если допустить, что Филота там все-таки находился, очевидно, что он мог быть вызван туда Александром по каким-то делам, подобно целому ряду других сатрапов, оказавшихся тогда в Вавилоне.

⁹⁰ О том, что делал Кратер в Киликии, см.: Blackwell 1999, 155–158; Heckel 2006, 304, n. 256 (обе работы содержат указания на разные точки зрения по вопросу).

⁹¹ Ср.: Heckel 2006, 98.

- Baumbach, A. 1911: *Kleinasien unter Alexander dem Großen*. Diss. Weida i. Th.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München.
- Billows, R.A. 1997: *Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley.
- Blackwell, C.W. 1999: *In the Absence of Alexander: Harpalus and the Failure of Macedonian Authority*. New York.
- Bosworth, A.B. 1974: The Government of Syria under Alexander the Great. *CQ* 24, 46–64.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Briant, P. 1973: *Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne*. Paris.
- Burn, A.R. 1952: Notes on Alexander's Campaigns, 332–330. *JHS* 72, 81–91.
- Carney, E.D. 2005: Women and *Dunasteia* in Caria. *AJP* 126, 65–91.
- Debord, P. 1999: *L'Asie Mineure au IVe siècle (412–323 A.C.). Pouvoirs et jeux politiques*. Bordeaux.
- Efremov, N.V. 2008: К истории южнопонтийского региона в эллинистическое время. *Vremya Alexandra Makedonskogo. Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 112–129.
- Ефремов, Н.В. 2008: К истории южнопонтийского региона в эллинистическое время. *Время Александра Македонского. ВДИ* 1, 112–129.
- Faraguna, M. 2003: Alexander and the Greeks. In J. Roisman (ed.), *Brill's Companion to Alexander the Great*. Leiden–Boston, 99–129.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo tsarstva [A History of the Bythinian Kingdom]*. Saint Petersburg.
- Габелко, О.Л. 2005: *История Вифинского царства*. СПб.
- Gilley, D.L., Worthington, I. 2010: Alexander the Great, Macedonia and Asia. In J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden, 186–207.
- Green, P. 1991: *Alexander of Macedon, 356–323 B.C. A Historical Biography*. Berkeley.
- Griffith, G.T. 1964: Alexander the Great and an Experiment in Government. *PCPS* 10, 23–39.
- Harrison, S. M. 1982a: *Coins of the Persian Satraps*. Diss. Pennsylvania.
- Harrison, S. M. 1982b: Persian Names on Coins of Northern Anatolia. *JNES* 41, 181–194.
- Head, B.V. 1911: *Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics*². Oxford.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
- Higgins, W. E. 1980: Aspects of Alexander's Imperial Administration. Some Modern Methods and Views Reviewed. *Athenaeum* 58, 129–152.
- Hornblower, S. 1982: *Mausolus*. Oxford.
- Howe, T. 2021: (Re)Taking Halikarnassos: Ada, Alexander the Great and Karian Queenship. In K. Droß-Krüpe, S. Fink (eds.), *Powerful Women in the Ancient World. Perception and (Self) Presentation. Proceedings of the 8th Melammu Workshop, Kassel, 30 January – 1 February 2019*. Münster, 259–286.
- Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. Wiesbaden.
- Jacobs, B. 2006: Achaemenid Satrapies. In *Encyclopaedia Iranica* (<https://iranicaonline.org/articles/achaemenid-satrapies>, последнее посещение 16.03.2022).
- Jaschinski, S. 1981: *Alexander und Griechenland unter dem Eindruck der Flucht des Harpalos*. Bonn.
- Jehne, M. 1994: *Koine Eirene. Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart.
- Julien, P. 1914: *Zur Verwaltung der Satrapien unter Alexander dem Großen*. Diss. Weida i. Th.
- Kholod, M.M. 2008: *Makedonskaya monarkhiya i grecheskie polisy Maloy Azii (336–323 gg. do n.e.) [The Macedonian Monarchy and the Greek Poleis of Asia Minor (336–323 BC)]*. Diss. Saint Petersburg.

- Холод, М.М. 2008: *Македонская монархия и греческие полисы Малой Азии (336–323 гг. до н.э.)*. дисс. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. СПб.
- Kholod, M.M. 2010: The Garrisons of Alexander the Great in the Greek Cities of Asia Minor. *Eos* 97, 249–258.
- Kholod, M.M. 2013a: Arr. Ind. 18. 3–8 and the Question of the Enrollment of the Greek Cities of Asia Minor in the Corinthian League. In A.A. Sinitsyn, M.M. Kholod (eds.), *KOINON ΔΩΡΟΝ. Studies and Essays in Honour of Valery P. Nikonorov on the Occasion of His Sixtieth Birthday Presented by His Friends and Colleagues*. Saint Petersburg, 479–482.
- Kholod, M.M. 2013b: On the Financial Relations of Alexander the Great and the Greek Cities in Asia Minor: The Case of *syntaxis*. In A. Mehl, A. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae. A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient and Roman History*. Stuttgart, 83–92.
- Kholod, M.M. 2017: The Financial Administration of Asia Minor under Alexander the Great: An Interpretation of Two Passages from Arrian's *Anabasis*. In T. Howe, S. Müller, R. Stoneman (eds.), *Ancient Historiography on War and Empire*. Oxford, 136–148.
- Kholod, M.M. 2018a: The Macedonian Expeditionary Corps in Asia Minor (336–335 BC). *Klio* 100, 407–446.
- Kholod, M.M. 2018b: Achaemenid Grants of Cities and Lands to Greeks: The Case of Mentor and Memnon of Rhodes. *GRBS* 58, 177–197.
- Klinkott, H. 2000: *Die Satrapienregister der Alexander- und Diadochenzeit*. Stuttgart.
- Klinkott, H. 2005: *Der Satrap. Ein achaimenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume*. Frankfurt am Main.
- Körte, A. 1919: Glykera und Menander. *Hermes* 54, 87–93.
- Kosmetatou, E. 1997: Pisidia and the Hellenistic Kings from 323 to 133 BC. *AncSoc* 28, 5–37.
- Lane Fox, R. 1973: *Alexander the Great*. London.
- Lane Fox, R. 2011: Philip's and Alexander's Macedon. In R.J. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon*. Leiden, 367–392.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Satrap. In *RE*. Bd. II.2, 82–188.
- Leuze, O. 1935: *Die Satrapieinteilung in Syrien und im Zweistromlande von 520–320*. Halle.
- Maksimova, M.I. 1956: *Antichnye goroda yugo-vostochnogo Prichernomor'ya. Sinopa, Amis, Trapezunt [The Ancient Cities of the South-Western Black Sea Littoral. Sinope, Amisos, Trapezous]*. Moscow–Leningrad.
- Максимова, М.И. 1956: *Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт*. М.–Л.
- Marinovich, L.P. 1993: Greki i Alexandr Makedonskiy (k probleme krizisa polisa) [*The Greeks and Alexander of Macedon (On the Crisis of the Polis)*]. Moscow.
- Маринович, Л.П. 1993: *Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса)*. М.
- Mørholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–186 B.C.)*. Cambridge.
- Poddighe, E. 2009: Alexander and the Greeks. The Corinthian League. In W. Heckel, L.A. Tritle (eds.), *Alexander the Great. A New History*. Oxford, 99–120.
- Price, M. J. 1991: *The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*. Vol. I. Zürich–London.
- Ruzicka, S. 1988: War in the Aegean, 333–331 B.C.: A Reconsideration. *Phoenix* 42, 131–151.
- Ruzicka, S. 1992: *Politics of a Persian Dynasty. The Hecatomnids in the Fourth Century B.C.* Norman.
- Saprykin, S.Y. 1996: *Pontiyskoe tzarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye [The Pontic Kingdom. A State of the Greeks and the Barbarians in the Black Sea Littoral]*. Moscow.

- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Schachermeyr, F. 1973: *Alexander der Grosse: das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*. Wien.
- Sears, M.A. 2014: Alexander and Ada Reconsidered. *CP* 109, 211–221.
- Seibert, J. 1985: *Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Großen auf kartographischer Grundlage*. Wiesbaden.
- Tataki, A.B. 1998: *Macedonians Abroad. A Contribution to the Prosopography of Ancient Macedonia*. Athens.
- Thonemann, P. 2009: Estates and the Land in Early Hellenistic Asia Minor: The Estate of Kratteuas. *Chiron* 39, 363–393.
- Van Groningen, B. A. 1933: *Aristote. Le second livre de l'Économique*. Leiden.
- Wheatley, P., Heckel, W. 2011: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great. Translation and Appendices by J. C. Yardley, Commentary by P. Wheatley, W. Heckel*. Oxford.
- Wirth, G. 1972: Die συντάξεις von Kleinasien 334 v. Chr. *Chiron* 2, 91–98.

ALEXANDER THE GREAT'S EMPIRE: SATRAPIES AND DEPENDENT TERRITORIES (PART 1)

Maksim M. Kholod

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia*

E-mail: m.holod@spbu.ru

Abstract. The essay is conceived as the first part of a series of publications dealing with the regional administration of Alexander the Great's Empire at the satrapal level, as well as the relationships between him and the dependent territories in Asia. Consideration of this issue seems very useful due to insufficient attention to it from modern scholars. The present work focuses on the satrapies of Asia Minor, while the further ones will provide an overview of all other provinces of Alexander's Empire and the Asian regions dependent on him; finally, we plan to give a consolidated article on the issue as a whole.

Keywords: Alexander the Great, Empire, Achaemenid Empire, satrapy, satrap, administration, Asia Minor.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-127–141

ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ: МАКЕДОНСКАЯ АРМИЯ И ПОЛКОВОДЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ФИЛИППА II В КОРПУСЕ РЕЧЕЙ ДЕМОСФЕНА

А.А. Клейменов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7123-0378

Аннотация. В статье рассматривается образ македонской военной системы времен Филиппа II, созданный в речах Демосфена. Выявлено, что афинский оратор изображал наемников важной частью македонской армии, подчеркивал разницу в интересах царя и основной массы воинов, констатировал отсутствие практики использования гоплитов. Вполне обоснованно отмечалась постоянная готовность македонского войска к ведению боевых действий, активное применение легковооруженной пехоты и кавалерии, развитое осадное дело. Основными чертами Филиппа как военно-политического деятеля Демосфен называет коварство, целеустремленность и самоотверженность, сообщает о положительных последствиях наличия в руках монарха всех рычагов управления армией и государством. Так формировалась картина, в которой сочетались откровенные домыслы и реальные факты, в значительной степени искаженные из-за стремления Демосфена выставить Филиппа опасным, но при этом уязвимым противником. Афинский политик не учитывал ключевых последствий создания в Македонии профессионального войска, изображал вооруженные силы Филиппа как типичное для греческих полисов гражданское ополчение, не заинтересованное в частом проведении военных кампаний, а самого царя – изолированным от общества и окруженным наемниками тираном. Демосфен игнорировал наличие в македонском войске фаланги, чтобы представить его менее опасным в полевых сражениях. Успехи Филиппа оратор объяснял пассивностью и разобщенностью афинского гражданского коллектива, а также деятельностью предателей, что было призвано не только склонить афинян к решительным действиям, но и настроить общественное мнение против политических оппонентов Демосфена. Помимо того, оратор использовал в своих интересах характерные для греческого общественного сознания идеалистические представления о войне-агоне, в соответствии с которыми единственным достойным способом ведения боевых действий считалось открытое сражение гоплитских фаланг. Это позволяло охарактеризовать победы Филиппа как нечестные и сформировать у афинян убежденность в возможности разгрома македонян в войне, проходящей по традиционным для Греции

Данные об авторе: Александр Анатольевич Клейменов – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

принципам. Негативным последствием формирования данного конструкта стала опасная недооценка реальных военных возможностей Филиппа.

Ключевые слова: Демосфен, Филипп II, Македония, Афины, военное дело, наемники, гоплиты.

«Историю пишут победители» – один из наиболее популярных афоризмов, связанных с нашими представлениями о прошлом. Это крылатое выражение, рожденное французской историографией в 1840-е гг. при осмыслении Великой Французской революции¹, сейчас используется с самыми разными целями. К нему прибегают, когда необходимо объяснить причины одностороннего освещения событий в источниках, пренебрежительно отвести аргументы проигравшей стороны, продемонстрировать глубинное недоверие к исторической науке, обусловленное столь же глубинным непониманием специфики ее методологии. Впрочем, как и многие другие хлесткие фразы, данное изречение весьма далеко от реальности, особенно когда дело касается нередких для древности и средневековья военных конфликтов, в которых общества, обладавшие развитой письменной традицией, уступали менее продвинувшимся в этом отношении противникам. С историей, написанной побежденными, мы имеем дело и при обращении к военной деятельности Филиппа II. Эта история известна в основном по источникам, созданным представителями мира греческих полисов. Особое место в этом нарративе занимает корпус речей Демосфена, относящийся к немногочисленной группе хронологически синхронных текстов, которые могут быть использованы для выявления особенностей македонского военного дела той эпохи.

1. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР СООБЩЕНИЙ ДЕМОСФЕНА О МАКЕДОНСКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЕ

Демосфен, являвшийся одним из наиболее последовательных противников усиливавшейся македонской монархии, останавливался на полководческой деятельности Филиппа неоднократно. Подобные свидетельства могут быть сгруппированы в несколько информационных блоков. Один из них связан с собственно вооруженными силами Македонии, которым оратор дает весьма противоречивую характеристику. Наиболее ранние сведения подобного рода встречаются в первой и второй речах олинфского цикла, произнесенных в 349–348 гг. до н.э. и призванных побудить афинян оказать помощь Олинфу в войне с Македонией, для чего в том числе транслировались выводы о военной слабости Филиппа². В первой из указанных речей автор преимущественно ограничивается упоминанием усиления еще недавно незначительной Македонии, указанием на ненадежность фессалийских и варварских союзников Филиппа, подчеркиванием его зависимости от приходивших из Фессалии средств, необходимых для оплаты услуг наемников (Dem. I. 9. 12; 22; 23). Во «Второй Олинфской речи» Демосфен описывает особенности

¹ Подробнее об этом см. Душенко 2018, 232–233.

² Об этом см. Sealey 1993, 138–139; Worthington 2012, 132–134.

имевшихся в распоряжении Филиппа вооруженных сил гораздо пространнее³. Отмечается шаткое положение македонского царя, интересы которого противостоят чаяниям подданных, уставших от военных походов, терпящих муки из-за невозможности заниматься земледелием, торговлей и личными делами (Dem. II. 14–16). Автор указывает, что наемники и «пешие друзья» (πεζῆταιροι) Филиппа считаются достойными удивления и закаленными в военных делах, но наиболее выдающихся из них завистливый царь изгоняет, оставаясь в окружении набираемых отовсюду грабителей, льстецов и бесстыдников (II. 17–19). Схожий тезис приводится и в «Ответе на письмо Филиппа», являющимся подлинным документом, созданным в период кампании македонского царя против Перинфа и Византия 340 г. до н.э.⁴ Здесь Демосфен сообщает, что служившие македонскому царю начальники наемников, наряду с гетайрами (ἑταίρους), заработали славу мужеством, но боятся нрава монарха и подвергаются унижениям, вызванным ревностью к их успехам (Dem. XI. 10–12). Упоминание в цитируемых фрагментах наемников не ситуативно и является проявлением характерной для творчества Демосфена тенденции: говоря о составе войска Филиппа, афинянин редко затрагивает собственно македонские подразделения, но регулярно указывает на «солдат удачи». Речи Демосфена содержат целый комплекс сообщений об использовании македонским монархом наемников для вмешательства во внутренние дела греческих полисов (Dem. VI. 15; VIII. hypoth. 2; IX. 16. 33; 58; XIX. 87; 295) и для обеспечения контроля над подвластными землями (Dem. IX. 32; XIX. 81; 204). Не обошлось без упоминания этого компонента армии Филиппа и в единственном сравнительно пространном описании македонской методики ведения военных действий.

Данный очерк содержится в «Третьей речи против Филиппа», датированной весной 341 г. до н.э. и относящейся к периоду возрастания напряженности из-за македонской экспансии во Фракию и вмешательства Филиппа в конфликт Кардии и афинских колонистов⁵. То, что именно здесь нашлось место анализу македонской военной практики закономерно: созданная в преддверии нового полномасштабного конфликта, «Третья речь против Филиппа» отличается от предшествующих большим акцентом на внешнюю опасность в ущерб традиционному для оратора бичеванию внутриафинских проблем, а также изображением Филиппа как угрозы не только для Афин, но и для всей Греции⁶. В начале описания македонских способов ведения войны Демосфен указывает на большие изменения в военном деле и отсылает аудиторию к конфликтам прошлого, в которых лакедемоняне, как и остальные, в течение четырех или пяти месяцев вторгались, опустошали неприятельские земли гоплитами, а затем уходили обратно. Оратор называет это старинными и правомерными действиями, честной и открытой войной. Переходя к методам Филиппа, политик замечает, что теперь большинство дел погубили предатели и ничего не решается выступлениями на поле битвы или правильными сражениями (οὐδὲν δ' ἐκ παρτάξεως οὐδὲ μάχης γιγνόμενον). Филипп воюет

³ Это обстоятельство соответствует общему характеру речи, которая, в отличие от «Первой Олинфской», не транслирует нового политического призыва, а на более глубоком уровне раскрывает аргументы в пользу ранее озвученной оратором позиции (Usher 1999, 222).

⁴ Борухович 1999, 10; Macdowell 2009, 363–366.

⁵ См. Ryder 2000, 76; Уоррингтон 2014, 178.

⁶ Wooten 2008, 137–138.

не с помощью фаланги гоплитов (τῷ φάλαγγα ὀπλιτῶν), а использует легковооруженных, кавалерию, лучников и наемников, не обращая внимания на время года. Здесь же подчеркивается готовность македонского царя объявиться у охваченных внутренними распрями городов, установить машины и начать осаду (μηχανήματ' ἐπιστήσας πόλιорκεῖ) (Dem. IX. 47–50). Этот фрагмент отчасти развивает мысли, содержащиеся в обнародованной ранее речи «О делах в Херсонесе»⁷, где отмечалось, что превосходство македонянина основывается на способности первым поспевать к месту действия, всегда имея готовое войско и четкий план, в отличие от афинян, запаздывающих при осуществлении ответных мер (Dem. VIII. 11).

Неоднозначные оценки содержит и присутствующий в ораторском наследии Демосфена информационный блок, посвященный качествам Филиппа как политика и полководца. Большую его часть составляют различного рода замечания о коварстве и вероломстве Филиппа, подкрепляемые не только описанием конкретных поступков, но и регулярными напоминаниями о «варварском» происхождении македонского царя⁸. Оценки, лежащие вне пространства явно отрицательных коннотаций, в речах Демосфена встречаются реже и, как правило, помещены в контекст сравнения македонских и афинских реалий. Так, в «Первой Олинфской речи», выделяя факторы, предопределившие превосходство Филиппа над Афинами, оратор уподобляет македонского монарха тиранам, указывая, что он единолично возглавляет явные и тайные дела государства, являясь одновременно вождем, хозяином и казначеем (Dem. I. 4–5). В «Ответе на письмо Филиппа» в качестве предпосылки военных успехов македонянина Демосфен выделяет активность самого Филиппа, лично отправлявшегося в походы, терпевшего лишения и подвергавшегося опасности, не упуская ни удобного случая, ни благоприятной поры года, в то время как афинские граждане, по мнению оратора, ведут себя пассивно (Dem. XI. 17). Самоотверженность Филиппа является тем его положительным качеством, которое Демосфен ставил в пример согражданам регулярно. К данному вопросу оратор обращался в том же «Ответе на письмо Филиппа» еще раз, заметив, что Филипп, «хоть и является уроженцем Македонии», но делает все для расширения державы, получив при этом раны по всему телу (Dem. XI. 22). Позже, в речи «За Ктесифона о венке», произнесенной в 330 г. до н.э. и наполненной оценками событий, имевших место в рамках македоно-афинского противостояния 340-х гг. до н.э.⁹, эти тезисы получили развитие: Демосфен подробно перечислил многочисленные ранения Филиппа, назвав их жертвами на пути к славе и почету, констатировал наличие у уроженца некогда «безвестной и мало-значительной» Пеллы большого величия духа (Dem. XVII. 67–68).

2. ПРОБЛЕМА ИСКАЖЕНИЯ МАКЕДОНСКИХ ВОЕННЫХ РЕАЛИЙ В КОРПУСЕ РЕЧЕЙ ДЕМОСФЕНА

Переходя к анализу оценок македонской армии и полководческих качеств Филиппа, содержащихся в речах Демосфена, прежде всего, необходимо учесть объ-

⁷ О преемственности между речами: Usher 1999, 239; Wooten 2008, 138.

⁸ Об этом: Pickard-Cambridge 1914, 233; Briant 2002, 787–788; Westwood 2020, 151–152; Маринович 2006, 24.

⁹ См. Sawkwell 1969, 180; Yunis 2001, 10–11.

ективные особенности нарратива, созданного не для освещения событий, а для склонения мнений афинский граждан в нужную сторону. Нельзя не согласиться с метким замечанием Ю.Н. Борзы о том, что речи Демосфена не правдивей публичных заявлений политиков в любую другую эпоху¹⁰, однако для выявления сути имеющихся искажений подобного заявления мало. В соответствии с указаниями М. Блока, при работе с заведомо недостоверным источником «недостаточно констатировать обман, надо еще раскрыть его мотивы»¹¹. Как справедливо констатируется в историографии, Демосфен использовал свой риторический инструментарий для решения важных, но плохо гармонирующих друг с другом задач, стремясь, с одной стороны, показать, что усилившаяся Македония представляет собой серьезную угрозу для Афин, с другой стороны, убедить сограждан в возможности победы над Филиппом¹². Сравнение сообщений Демосфена с другими имеющимися данными о македонском военном деле времен Филиппа и выявленными тенденциями в развитии военной отрасли той эпохи позволяет определить присутствующие в речах оратора искажения и их связь с желанным для Демосфена политическим результатом.

Так, рассматривая характеристику, данную Демосфеном македонским вооруженным силам во «Второй Олинфской речи», нельзя не отметить, что ее базой является указание на различные интересы Филиппа и основной массы его воинов, якобы уставших от войн и желающих вернуться к своим хозяйственным заботам. Это замечание плохо соответствует современным представлениям о характере македонской армии, согласно которым ядром вооруженных сил Македонии при Филиппе стал быстро увеличивавшийся профессиональный воинский контингент, чьи представители, как кавалеристы-ἑταῖροι, так и пехотинцы-πεζέταιροι, были заинтересованы в службе благодаря получению материального вознаграждения в виде земельных наделов и жалования, а также повышению социального статуса¹³. Оратор, в свою очередь, изображает πεζέταιροι как группу воинов, обладавших высокой репутацией, но малозначимых в контексте расстановки сил. Мнение, согласно которому «Вторая Олинфская речь» верно отражает ситуацию в Македонии, где большая часть пехоты вплоть до конца правления Филиппа сохраняла характер ополчения¹⁴, представляется явно ошибочным. Разбирая суть замечаний Демосфена, Дж. Эллис справедливо отметил, что Филипп только один раз за полководческую карьеру столкнулся со значительными волнениями в своей армии, имевшими место после крайне неудачного сражения с Ономархом и вызванными большими потерями. Отсутствие других подобных эпизодов само по себе свидетельствует о большой заинтересованности воинов Филиппа в службе¹⁵. Кроме того, Демосфен, не в полной мере ориентированный в македонских реалиях, мог ошибочно вложить в понятие πεζέταιροι иное значение, перепутав

¹⁰ Борза 2013, 27.

¹¹ Блок 1973, 53.

¹² Connor 1966, 75; Hunt 2010, 65.

¹³ Billows 1995, 18–20; Anson 2008, 17–20; Gabriel 2010, 71–83; Уоррингтон 2014, 55–56.

¹⁴ См. Руденко 2008, 16.

¹⁵ Ellis 1976, 55.

основную часть пехоты и немногочисленный корпус отборной царской гвардии, в более поздних источниках обозначаемый как «щитоносцы» (ὐπασπίσταί)¹⁶.

Понять приведенное во «Второй Олинфской речи» описание состояния вооруженных сил царства Аргеадов нельзя без учета главного контекста этого памятника ораторского искусства, призванного убедить афинскую аудиторию в том, что македонское общество явно нестабильно, а Филиппа выставить типичным изолированным от соотечественников тираном, чей режим рухнет при не самом сильном ударе извне¹⁷. В угоду этому тезису оратор исказил характер взаимоотношений македонского царя и его профессионального войска, изображенного как типичное для греческих полисов и хорошо знакомое гражданам Афин ополчение, не заинтересованное в частом проведении военных кампаний. Делал это Демосфен вполне сознательно, так как в своих речах, обнародованных в конце все того же десятилетия, он, преследуя уже иные цели, подчеркнул положительные стороны македонской армии профессионального типа, всегда готовой к боевым действиям (Dem. VIII. 11; IX. 49). Обращение внимания слушателей на большую роль наемников в кампаниях Филиппа также можно считать проявлением той же генеральной линии. С одной стороны, Демосфен не сильно грешил против истины, так как наемные подразделения действительно были весомой составной частью армии Филиппа на всем протяжении его полководческой деятельности¹⁸. С другой стороны, подобным образом оратор подчеркивал уязвимость македонского войска: наемники обычно характеризовались Демосфеном как сила, уступавшая представителям гражданского ополчения из-за явного морального превосходства последних¹⁹. Кроме того, педалирование темы наемничества было еще одним способом отметить схожесть македонского царя и греческих тиранов, которые опирались именно на наемников и в эллинском общественном сознании классического времени с ними устойчиво ассоциировались²⁰. Стремление оратора изобразить Филиппа опасным, но при этом уязвимым тираном прослеживается и в характеристике полководческих качеств монарха. В рамках этой концепции афинский политик подробно описывает плюсы наличия в руках Филиппа военных, политических и экономических полномочий, но упоминает его самодурство, проявляющееся в стремлении изгнать достойных соратников и окружить себя набранными отовсюду прихлебателями, в итоге явно искажая общую направленность кадровой политики македонского царя²¹. Данный подход позволял Демосфену связывать успехи

¹⁶ Milns 1967, 511–512. Иное мнение озвучил Э.М. Энсон, предположивший, что используемое Демосфеном понятие отражает особенности македонской терминологии на момент произнесения речи, когда наименование πεζέταροι еще не было перенесено с элитного соединения на основную массу фалангитов (Anson 2020, 89).

¹⁷ Usher 1999, 223–224.

¹⁸ Клейменов 2020, 185–204.

¹⁹ Roisman 2005, 109.

²⁰ См. Trundle 2004, 28–29; English 2012, 68–76.

²¹ О тенденциозности подобных оценок красноречиво свидетельствует сравнение сообщений греческих авторов: если Феопомп давал аналогичную негативную оценку окружения Филиппа (FGH 320. F224j = Athen. IV. 167b; Polyb. VIII. 11. 6), то Исократ описывал соратников македонского царя как наиболее способных македонян и эллинов, своими делами и советами увеличивавших славу царства (V. 19). Примечательно, что сбор полезных людей вне зависимости от их происхождения присутствует среди рекомендаций, данных Ксенофонтом в «Киропедии» (II. 2. 26–27). Это, в свою очередь, послужило основанием для предположений о знакомстве Филиппа с содержанием указан-

Филиппа не столько с особенностями созданной им военной системы, сколько с его личными качествами. Из них определяющими стали коварство и вероломство, регулярное упоминание которых было способом принизить дипломатические и военные способности македонского царя²².

Отдельного внимания заслуживает характеристика македонских методов ведения войны, присутствующая в «Третьей речи против Филиппа». Некоторые из озвученных в ней тезисов хорошо соответствуют современным представлениям о македонской «военной машине» того времени, сформированным на базе всего комплекса источников. К подобным замечаниям относится, помимо типичного для Демосфена указания на наемников Филиппа, упоминание активного использования конницы и легковооруженной пехоты, которые действительно играли важную роль в македонской тактике, подразумевавшей плотное взаимодействие различных родов войск²³. Не вызывает сомнений и оправданность указания на активное использование Филиппом осадной техники. Античная письменная традиция содержит немало упоминаний применения войском Филиппа осадных машин (см. Diod. XVI. 8. 2; 74. 3–4; Athen. X. 421c; Polyae. IV. 2. 20), а сравнение интенсивности использования сложных орудий позволяет полагать, что к концу правления этого монарха Македония по уровню развития полиоркеттики значительно превосходила остальные государства Балканского полуострова²⁴. Иное впечатление оставляет заявление Демосфена о том, что Филипп не решает исход кампаний в «правильных» полевых сражениях и не использует в боевых действиях фалангу гоплитов. В частности, оно противоречит имеющимся в нашем распоряжении данным источников и о военных преобразованиях Филиппа, нацеленных на создание фаланги (Diod. XVI. 3. 1–3; Polyae. IV. 2. 10), и о важнейших сражениях его армии, где неизменно участвовали построенные в плотные боевые порядки македонские пехотинцы (см. Diod. XVI. 4. 3–7; 86. 1–5; Front. Strat. II. 3. 2; Polyae. II. 38. 2; IV. 2. 2). Столь же далеки от указаний Демосфена и оценки современных исследователей, считающих созданную Филиппом фалангу пехотинцев-сариссофоров важным компонентом войска, во многом предопределившим тактическое превосходство македонян над греческими оппонентами²⁵. Почему Демосфен игнорирует эту часть вооруженных сил Филиппа? Согласно вполне оправданному предположению Й. Уортингтона, характеристика македонских методов ведения войны, приведенная афинским оратором в 341 г. до н.э., могла относиться непосредственно к событиям на фракийском театре военных действий 342–341 гг. до н.э., где ведущую роль должны были играть легковооруженная пехота и кавалерия²⁶. С другой стороны, нельзя исключать и возможность специального замалчивания Демосфеном факта участия фаланги в прово-

ного произведения (Kienast 1973, 259; Ellis 1981, 40–42). Сообщениям Демосфена о стремлении Филиппа избавиться от наиболее достойных соратников могут быть противопоставлены известные благодаря Полиэну (IV. 2. 1; 3) случаи изгнания из македонского войска и государства лиц, замеченных в нарушении воинской дисциплины.

²² Worthington 2012, 137.

²³ Наиболее полное на настоящий момент исследование данного вопроса: Wrightson 2019, 181–198.

²⁴ Tarn 1930, 107; Marsden 1969, 58–60; Karunanithy 2013, 406; Кэмпбелл 2008, 59–62.

²⁵ К примеру: Garlan 1972, 96–98; Lendon 2005, 121–124; Mattew 2015, 29–42; Anson 2020, 48–51.

²⁶ Уортингтон 2014, 174. Близкое мнение см. Нефёдкин 2019, 67.

димых Филиппом кампаниях²⁷. Впрочем, даже при принятии первого варианта трактовки, считать оценку афинского оратора точной нельзя, так как в своей речи он экстраполирует особенности действий Филиппа во Фракии на всю македонскую военную практику. Подобным образом Демосфен, видимо, сознательно приписывал опасность, исходившую от македонской армии, формируя представление о том, что она не сможет противостоять греческой тяжеловооруженной пехоте в открытом полевым сражении²⁸.

3. ВЗГЛЯДЫ ДЕМОСФЕНА НА ПРИЧИНЫ МАКЕДОНСКИХ ВОЕННЫХ ПОБЕД

Таким образом, в корпусе речей Демосфена явно прослеживается сокрытие реального потенциала македонской армии, обусловленное стремлением выдать желаемое за действительное и подчеркнуть возможность афинской победы над Филиппом. Эта же генеральная линия неизбежно ставила оратора перед необходимостью объяснять победы противника, по его концепции вполне одолимого, но, как показывала фактическая сторона событий, весьма преуспевающего. Некоторые из использовавшихся для решения данной дилеммы тезисов озвучивались Демосфеном значительно чаще других и имели не военную, а сугубо политическую основу. Подобным свойством обладает уже приводившийся вывод из «Третьей речи против Филиппа», где упоминаются пагубные последствия деятельности изменников. Это замечание является проявлением отмечаемой в историографии склонности Демосфена связывать успехи Филиппа с пассивностью афинского гражданского коллектива, его разобщенностью, а также с деятельностью промакедонских политиков и осведомителей, что позволяло знаменитому оратору выставлять в плохом свете своих внутриафинских оппонентов²⁹.

Приступая к выявлению других путей преодоления указанного противоречия, следует заметить, что Демосфен не был единственным современником Филиппа, пытавшимся объяснить его успехи в войнах с доблестными и, казалось бы, более достойными побед эллинами. Эту же задачу решал и отрицательно относившийся к македонскому монарху историк Феопомп, связывавший победы Филиппа с упадком Греции, беспринципностью македонянина и его неизменным везением³⁰. Примечательно, но к последнему, до гениальности простому объяснению Демосфен практически не прибегал. Исключением является лишь раскрываемая в речи «За Ктесифона о венке» связь греческого поражения при Херонее и судьбы, которую Демосфен, в отличие от Эсхина, считал не результатом реакции божества на поступки людей, а независимым от человека жребием³¹. Этот посыл следует считать ничем иным как сугубо ситуативным риторическим приемом. Афинский оратор не только практически не использовал идею удачи для объяснения македонских побед в других речах, но и был сознательным противником подобных

²⁷ Le Vohec-Bouhet 1999, 85.

²⁸ Иной вывод сделал Дж. Ройсман, предполагающий, что Демосфен своим сообщением об изменении в военном деле пытался показать согражданам необходимость перехода к новой стратегии ведения войны (Roisman 2005, 108–109).

²⁹ См. Yunis 1996, 257–268; Milns 2000, 215–217; Hunt 2010, 67–68; Суриков 2015, 290–291.

³⁰ Подробнее об этом: Connor 1967, 133–154; Pownall 2004, 143–175; Scanlon 2015, 181–185.

³¹ Martin 2009, 94–95.

объяснений. Об этом напрямую свидетельствует материал его письма, написанного уже после смерти Александра. В нем Демосфен указывает на наличие тенденции приписывать победы завоевателя его «удачливости» (εὐτυχῆ) и призывает обратить внимание на то, что Александр добивался удачи, так как действовал, переносил труды и проявлял отвагу (Epist. I. 13). В некоторой степени данное рассуждение может быть сопоставлено с присутствующими в философской системе платонизма положениями, раскрывающими возможность с помощью τέχνη (мастерства, искусства, науки) взять под контроль τύχη (удачу, случайность)³². Тем не менее ключевую роль должны были сыграть соображения иного рода: афинский оратор не мог игнорировать то, что в массовом сознании его современников τύχη воспринималась как проявление божественного вмешательства, при этом именно в Афинах в IV в. до н.э. распространилось почитание богини Τύχε, в чьем образе персонифицировались удача и случайность³³. В отличие от Феопомпа, пытавшегося задним числом объяснить победы Филиппа и сохранить за эллинами репутацию непревзойденных воинов, Демосфен был политиком, стремившимся обратить внимание сограждан на усиление Македонии и побудить их на борьбу с данным противником. Для достижения этой цели оратор сам активно использовал образ Τύχε, пытаясь убедить колеблющуюся часть гражданского коллектива в том, что во время войны богиня удачи будет на стороне Афин и их союзников³⁴. Мало того, надпись, призывающая «добрую удачу» (ἀγαθὴν τύχην), согласно Плутарху (Dem. 20), была помещена на щите, с которым Демосфен сражался при Херонее. Соответственно, тезис о том, что македонянам покровительствует дарующее успех божество, не только не соответствовал используемым Демосфеном идеологическим конструктам, но и явно им противоречил.

Более соответствовавшие целям Демосфена аргументы были им сформулированы благодаря использованию характерных для греческой военной культуры идеологических установок, позволявших в равной степени и объяснить причины македонских побед, и изобразить противника уязвимым. Наиболее отчетливо это проявляется во включенной в корпус речей Демосфена эпитафии, посвященной павшим в сражении при Херонее 338 г. до н.э. и, видимо, все же созданной знаменитым оратором³⁵. Главным посылом данного выступления является констатация наличия у граждан демократического государства особой доблести (греч.), недоступной тем, кто живет при олигархических или монархических режимах, а также делающей афинян непобедимыми, несмотря на исход конкретной схватки³⁶. Говоря о причинах понесенного поражения, Демосфен отмечает, что македоняне взяли верх не благодаря своей доблести, навыкам или смелости командующего (Dem. LX. 21). Здесь необходимо обратить внимание на свойственное для греческого общественного сознания восприятие открытого столкновения го-литских фаланг как наиболее «правильной» формы войны, являющейся своеобразным агонем, в котором побеждали наиболее доблестные³⁷. Эта установка,

³² О данном аспекте философии Платона, к примеру, см. Nussbaum 2001, 89–121.

³³ Matheson 1994, 19–22; Stafford 2007, 82–83.

³⁴ Jaeger 1963, 180–181; Martin 2009, 87–88, 231.

³⁵ По этому вопросу: Sykutris 1928, 241–258; Usher 1999, 351; Worthington 2003, 152–157.

³⁶ Roisman 2007, 397; Goldman 2018, 139–141.

³⁷ Об этом аспекте: Detienne 1968, 163–164; Gröschel 1989, 20–24; Ober 1996, 53–71.

подразумевавшая идеализированный взгляд на войну и критическое отношение ко всем формам ведения боевых действий кроме «гоплитских», сохранилась и даже получила вторую жизнь в позднеклассическую эпоху, когда реальная военная практика уже плохо вписывалась в эти узкие рамки³⁸. Совершенная Демосфеном отсылка к данному аспекту греческой военной культуры и трансляция мысли об отсутствии настоящего превосходства победителей над побежденными позволяла оратору оправдать херонейскую катастрофу указанием на якобы «нечестную» победу врага³⁹. Обращался к этой концепции знаменитый афинянин и ранее. Ее явные следы прослеживаются во «Второй речи против Филиппа», где Демосфен прямо называет прежние войны более честными, а также сообщает, что македонский царь не решает свои задачи в «правильных» сражениях и в войсках не имеет гоплитов. По сути, оратор обвиняет Филиппа в несоблюдении греческих военных обычаев и «нечестных» победах⁴⁰. Очевидно, подтверждался этот тезис и сообщением о склонности Филиппа к проведению осад, которые также не вписывались в гоплитский «канон» и считались недостойным методом ведения войны⁴¹. Также данный посыл хорошо коррелирует с регулярными упоминаниями коварства и подлости Филиппа, а также с указаниями на его «варварское», то есть македонское происхождение – как известно, для царства Аргеадов, в отличие от ведущих полисов Греции, институт гоплитии и связанные с ним методы ведения войны традиционно не были характерны⁴². Благодаря опоре на давно сформировавшуюся, но еще актуальную для общественного сознания идеологию войны-агона, Демосфен мог одновременно объяснить успехи македонского царя и указать на возможность одолеть этого врага в случае, если война пройдет по эллинским принципам. Вероятно, при использовании данной схемы Демосфен следовал не только прагматическим соображениям: как отмечает Дж. Ройсман, вряд ли оратор как грек и представитель афинской гоплитии мог считать победы Филиппа достойными, тем более признавать возможное превосходство македонян в гоплитском агоне⁴³. Нельзя не отметить, что именно эта подпитываемая Демосфеном убежденность граждан Афин в неспособности македонян противостоять им в агональном столкновении фаланг сыграла с ними злую шутку в битве при Херонее 338 г. до н.э., где афиняне, как известно, приняли за признаки полного разгрома обманное отступление македонской пехоты, и, увлекшись преследованием, были разгромлены в результате контратаки⁴⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ македонской армии и ее предводителя, создававшийся Демосфеном с помощью его высочайшего ораторского мастерства, являлся конструктом, появившимся благодаря манипулированию реальными фактами и характерными для гре-

³⁸ См. Runciman 1998, 741–742; Krentz 2002, 25; Wheeler 2007, 189.

³⁹ Lendon 2005, 88.

⁴⁰ Ferrill 1997, 186; Millett 2013, 47.

⁴¹ Melville, Melville 2008, 155–156.

⁴² См. Griffith 1979, 423–424; Billows 1995, 12; Greenwalt 2014, 42; Molina Marín 2015, 23.

⁴³ Roisman 2005, 109.

⁴⁴ Об этом, к примеру: Hammond 1980, 60–62; Gabriel 2010, 219–220; Anson 2020, 70–71; Новосильнов, Сивкина 2019, 52–56.

ческого общественного сознания установками. Его появление было обусловлено стремлением убедить представителей афинского гражданского коллектива в том, что Филипп является противником, опасным в силу своего «варварского» коварства, преимуществ, даваемых тираническим характером власти, и способности использовать в своих интересах внутренние раздоры в греческих государствах. Оратор не доносит до аудитории важные сведения о ключевых чертах новой профессиональной македонской армии, изображает имевшиеся в распоряжении Филиппа вооруженные силы как сочетание слабо мотивированного ополчения и наемников. Транслировалась установка на возможность ликвидировать эту угрозу, для чего требовалось усилить бдительность, прекратить внутренние раздоры и навязать Филиппу войну по традиционным для Греции принципам войны-агона, в которой македоняне неизбежно должны были уступить эллинским гоплитам. Остается лишь принять вывод И.Е. Сурикова, заметившего, что противоречивая фигура Демосфена может быть воспринята как символ всей столь же наполненной противоречиями эпохи кризиса классического полиса и нарастающих тенденций нового мира⁴⁵. Демосфен, безусловно, стремился обеспечить соблюдение внешнеполитических интересов Афин, побудить сограждан к выступлению против возникшей на севере угрозы, но в итоге отчасти намеренно, отчасти невольно вводил афинян в заблуждение, так как их противником стал не типичный для греческого мира опирающийся на наемников тиран, не варварский династ, чье войско не могло противостоять греческой фаланге, а создатель профессиональной армии нового типа, способной эффективно решать боевые задачи самого разного рода: от взятия хорошо укрепленных городов до разгрома противника в открытом полевым сражении. Время показало, что именно за этой силой, победившей объединенное войско антимакедонской коалиции при Херонее, а затем покорившей широкие пространства на востоке и превратившей их в мир эллинистических государств, было будущее.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Anson, E.M. 2008: Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal. In: T. Howe, J. Reames (eds.), *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza*. Claremont. 17–30.
- Anson, E.M. 2020: *Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues*. London–New York.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Blokh, M. 1973: *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [The apology of history, or the Historian's Craft]*. Moscow.
- Блок, М. 1973: *Апология истории, или Ремесло историка*. М.
- Vorukhovich, V.G. 1999: Afiny i Makedoniya Filippa II: ot Filokratova mira do KHero-nejskogo srazheniya [Athens and Macedonia of Philip II: from the Peace of Philocrates to the Battle of Chaeronea]. In: E.A. Molev (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva 6 [From the history of ancient society 6]*. Nizhny Novgorod, 3–17.
- Борухович, В.Г. 1999: Афины и Македония Филиппа II: от Филократова мира до Херонейского сражения. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Из истории античного общества*. 6. Нижний Новгород, 3–17.

⁴⁵ Суриков 2015, 314.

- Borza, E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo)* [*The history of ancient Macedonia (before Alexander the Great)*]. Saint Petersburg.
- Борза, Ю.Н. 2013: *История античной Македонии (до Александра Великого)*. СПб.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander: a history of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Campbell, D.B. 2008: *Iskusstvo osady. Znamenitnye shturmy i osady Antichnosti* [*Besieged: Siege Warfare in the Ancient World*]. Moscow.
- Кэмпбелл, Д.Б. 2008: *Искусство осады. Знаменитые штурмы и осады Античности*. М.
- Sawckwell, G.L. 1969: The Crowning of Demosthenes. *CQ* 19.1, 163–180.
- Connor, W.R. 1966: *Greek Orations: Lysias, Isocrates, Demosthenes, Aeschines, Hyperides and Letter of Philip*. Ann Arbor.
- Connor, W.R. 1967: History without Heroes: Theopompus' Treatment of Philip II of Macedon. *GRBS* 8.2, 133–154.
- Detienne, M. 1968: La phalange: Problèmes et controverses. In: J.-P. Vernant (ed.), *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*. Paris, 157–188.
- Dushenko, K.V. 2018: *Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka* [*Red and White: From the History of Political Language*]. Moscow.
- Душенко, К.В. 2018: *Красное и белое: Из истории политического языка*. М.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- Ellis, J.R. 1981: The Unification of Macedonia. In: M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.), *Philip of Macedon*. London, 36–47.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Ferrill, A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Garlan, Y. 1972: *La guerre dans l'antiquité*. Paris.
- Goldman, M.L. 2018: Demosthenes, Chaeronea, and the Rhetoric of Defeat. In: J.H. Clark, B. Turner (eds.), *Brill's Companion to Military Defeat in Ancient Mediterranean Society*. Leiden–Boston, 123–143.
- Greenwalt, W. S. 2014: Infantry and the Evolution of Argead Macedonia. In: T. Howe, E.E. Garvin, G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 41–46.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond., G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Gröschel, S. 1989: *Waffenbesitz und Waffeneinsatz bei den Griechen*. Frankfurt am Main.
- Hammond, N.G.L. 1980: Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C. *Antichthon* 14, 53–63.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Jaeger, W. 1963: *Demosthenes: Der Staatsmann und sein Werden*. Berlin.
- Karunanithy, D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- Kienast, D. 1973: *Philipp II. von Makedonien und das Reich der Achamieniden*. München.
- Kleymenov, A.A. 2020. "Sobak vojny s tsepi spuskaya": naemnyy kontingent v makedonskoy armii vremen Filippa II ["And Let Slip the Dogs of War": Mercenary Forces in the Macedonian Army in the Age of Philip II. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 185–204.
- Клейменов, А.А. 2020: «Собак войны с цепи спускающая»: наемный контингент в македонской армии времен Филиппа II. *ПИФК* 4, 185–204.
- Krentz, P. 2002: Fighting by the rules: the invention of the hoplite agon. *Hesperia* 71, 23–29.
- Le Bohec-Bouhet, S. 1999: L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 73–96.
- Lendon, J. E. 2005: *Soldiers and ghosts: a history of battle in classical antiquity*. New Haven–London.

- Macdowell, D.M. 2009: *Demosthenes the Orator*. Oxford.
- Marinovich, L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami [The emergence and evolution of the doctrine of the superiority of the Greeks over the barbarians]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvary* [Ancient civilization and barbarians]. Moscow, 5–29.
- Маринович, Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами. В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Античная цивилизация и варвары*. М., 5–29.
- Martin, G. 2009: *Divine Talk: Religious Argumentation in Demosthenes*. Oxford.
- Marsden, E.W. 1969: *Greek and Roman Artillery: Historical Development*. Oxford.
- Matthew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In: S.B. Matheson, J.J. Pollitt (eds.), *An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Princeton, 18–33.
- Melville, S.J., Melville, D.J. 2008: Observations on The Diffusion of Military Technology: Siege Warfare in the Near East and Greece. In: M. Ross (ed.), *From the Banks of the Euphrates: Studies in Honor of Alice Louise Slotsky*. Winona Lake, 145–167.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Milns, R.D. 1967: Philip II and the Hypaspists. *Historia* 16.4, 509–512.
- Milns, R.D. 2000: The public speeches of Demosthenes. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 205–223.
- Molina Marin, A.I. 2015: Caranus and the Introduction of the Phalanx Formation in Macedonia. *Pegasus* 58, 21–25.
- Nefedkin, A.K. 2019: *Konnitsa epokhi ellinizma* [Hellenistic cavalry]. Saint Petersburg.
- Нефёдкин, А.К. 2019: *Конница эпохи эллинизма*. СПб.
- Novosilnov, A.S., Sivkina, N.Yu. 2019: Topografiya i problemy rekonstruktsii Kheroneyskogo srazheniya 338 g. do n.e. [Topography and problems of reconstruction of the Battle of Chaeronea 338 BC.]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 6 [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod 6], 52–56.
- Новосильнов, А.С., Сивкина, Н.Ю. 2019: Топография и проблемы реконструкции Херонейского сражения 338 г. до н.э. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6, 52–56.
- Nussbaum, M.C. 2001: *The Fragility of Goodness: Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy*. Cambridge.
- Ober, J. 1996: The Rules of War in Classical Greece. In: J. Ober (ed.), *The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory*. Princeton, 53–71.
- Pickard-Cambridge, A.W. 1914: *Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom, 384–322 B.C.* New York.
- Pownall, F. 2004: *Lessons from the past: the moral use of history in fourth-century prose*. Ann Arbor.
- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, J. 2007: Rhetoric, Manliness and Contest. In: I. Worthington (ed.), *A Companion to Greek Rhetoric*. Oxford, 393–410.
- Rudenko, M.N. 2008: *Makedonskaya armiya i massovaya oppozitsiya Aleksandru Velikomu v 334–323 gg. do n.e.* Avtoref. diss... kand. ist. nauk [The Macedonian Army and mass opposition to Alexander the Great in 334–323 BC. PhD Thesis]. Saratov.
- Руденко, М.Н. 2008: *Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э.* автореф. дисс... канд. ист. наук. Саратов.
- Runciman, W.G. 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias. *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland* 4, 731–751.

- Ryder, T.T.B. 2000: Demosthenes and Philip II. In: I. Worthington (ed.), *Demosthenes: statesman and orator*. London–New York, 45–89.
- Scanlon, T.F. 2015: *Greek Historiography*. Malden–Oxford.
- Sealey, R. 1993: *Demosthenes and His Time: A Study in Defeat*. New York–Oxford.
- Stafford, E. 2007: Personification in Greek Religious thought and practice. In: D. Ogden (ed.), *A Companion to Greek Religion*. Oxford, 71–85.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsya: politiki v kontekste ehpokhi. Na poroge novogo mira* [*Ancient Greece: Politics in the Context of the Age. On the doorstep of a new world*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2015: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Sykutris, J. 1928: Der Demosthenische Epitaphios. *Hermes* 63.2, 241–258.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.
- Usher, S. 1999: *Greek Oratory: Tradition and Originality*. Oxford.
- Westwood, G. 2020: *The Rhetoric of the Past in Demosthenes and Aeschines: Oratory, History, and Politics in Classical Athens*. Oxford.
- Wheeler, E.L. 2007: Archaic and Classical Greece: Land battle. In: P. Sabin, H. Van Wees & M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 186–223.
- Wooten, S. 2008: *A Commentary on Demosthenes' Philippic I: With Rhetorical Analyses of Philippics II and III*. Oxford–New York.
- Worthington, I. 2003: The Authorship of the Demosthenic Epitaphios. *Museum Helveticum* 60, 152–157.
- Worthington, I. 2012: *Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece*. Oxford.
- Worthington, I. 2014: *Filipp Makedonskij* [*Philip of Macedonia*]. Saint Petersburg–Moscow.
- Уорthingтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб–М.
- Yunis, H. 1996: *Taming Democracy: Models of Political Rhetoric in Classical Athens*. Ithaca–London.
- Yunis, H. 2001: *Demosthenes. On the Crown*. Cambridge.

DESIRED AND VALID: MACEDONIAN ARMY
AND THE GENERALSHIP QUALITIES OF PHILIP II
IN THE SPEECHES OF DEMOSTHENES

Alexander A. Kleymenov

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The image of Phillip's II military system in Demosthenes' speeches is under consideration in this article. It's identified that the Athenian orator showed mercenaries as an important part of Macedonian army and emphasized difference between king and soldiers' interests and showed that the practice of using hoplites was absent. Demosthenes was reasonable to note that Macedonian army was constantly prepared conduct military operations, active use of light infantry and cavalry, developed siegecraft. Demosthenes called the main properties of Philip as a military and political figure cunning, purposefulness and dedication, highlights

the positive consequences of having all the levers of control of the army and the state in the hands of the monarch. In this way the image was formed which connected the frank speculation and real facts, largely distorted due to Demosthenes' desire to expose Philip as a dangerous, but at the same time vulnerable opponent. The Athenian politician did not consider the main consequences of creation Macedonian professional troops and showed the armed forces of Philip as a typical Greek polis citizens' militia which was not interested in frequent military campaigns, and the king himself – isolated from society and surrounded by mercenary's tyrant. Demosthenes ignored the presence of the Macedonian phalanx to show it less dangerous in field battles. The orator explained Philip's successes by the passivity and disunity of the Athenian civil collective, as well as the activities of traitors, which was designed not only to persuade the Athenians to take decisive action, but also to turn public opinion against Demosthenes' political opponents. Besides that, the orator used to his advantage idealistic ideas about agonal war characteristic of the Greek public consciousness according to which the only decent way of conducting military operations was considered an open battle of hoplite phalanxes. This made it possible to characterize Philip's victories as dishonest and to form the Athenians' belief in the possibility of defeating the Macedonians in a war taking place according to traditional principles for Greece. The negative consequence of the construct formed by Demosthenes was a dangerous underestimation of the real capabilities of the enemy.

Keywords: Demosthenes, Philip II, Macedonia, Athens, warfare, mercenaries, hoplites.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-142–151

ЦАРСКИЕ ВЕСОВЫЕ ГИРИ СЕЛЕВКИДОВ: ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ

С.В. Смирнов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: smirnovSV3@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9205-9493

Аннотация. Статья представляет обзор ключевых проблем изучения царских весовых гирь Селевкидов. Такие гири, в отличие от весовых знаков, принадлежавших частным лицам и полисным магистратам, производились и предназначались для царских чиновников, что является ключевой особенностью данной категории источников. Метрологический и иконографический анализ царских весовых гирь позволяет расширить представление об эллинистической царской экономике, а также рассмотреть особенности царской идеологии на столь неординарном иконографическом материале. На текущий момент известно 19 царских весовых гирь Селевкидов, большая часть которых относится к поздним Селевкидам. Основой весовой системы являлась царская мина. Метрологический анализ показывает, что в конце II в. до н.э. произошло изменение весового стандарта, связанное с увеличением веса мины. В легенде нескольких гирь упомянут агораном, который мог осуществлять определенные операции, связанные с поставками товаров из царского домена. Анализ иконографии показывает, что самым распространенным сюжетом изображения на гирях был якорь, что практически не характерно для монет. Тем не менее сюжеты некоторых гирь находят полные аналогии в монетном деле. Так, изображения рога изобилия хорошо известно на монетах Деметрия I, а изображение шлема – на монетах Трифона. Напротив, изображение идущей Ники на гире Антиоха IV находит только аналогии на редких выпусках бронзовых монет. Важно отметить, что все известные весовые гири были, по всей вероятности, произведены и использовались в регионе сирийского Тетраполиса, что рисует картину локальной метрологической и иконографической традиции.

Ключевые слова: весовые гири, Селевкиды, эллинизм, иконография, нумизматика.

Анализ царских весовых гирь в контексте метрологических и иконографических исследований монетного дела государства Селевкидов нечасто становится предметом внимания специалистов¹. Причиной этого стоит признать разрознен-

Данные об авторе: Святослав Викторович Смирнов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Первоначальный вариант данной статьи был представлен в виде доклада и тезисов выступления на XXI Всероссийской нумизматической конференции, прошедшей в г. Тверь в мае 2021 г. (Смирнов 2021, 17–20). На тот момент было известно 17 селевкидских весовых гирь. К концу 2021

ность и малочисленность известных экземпляров, большая часть которых остается неопубликованной². Между тем в последнее время наметились перспективы изучения этого ценнейшего исследовательского материала, прежде всего благодаря публикации новых экземпляров селевкидских весовых гирь, а также появлению комплексной онлайн-базы данных античных и византийских весовых гирь Pondera.org, ввиду чего в распоряжении исследователей оказался уникальный комплекс источников, способных нюансировать наши знания как об эллинистической царской экономике, так и о визуальной репрезентации официальной царской идеологии Селевкидов.

Стоит отметить, что отличительной особенностью царских весовых гирь, выделяющей их из общей массы весовых знаков, использовавшихся частными лицами и полисными чиновниками, является легенда, в которой упоминается имя царя и царская титулатура в форме, близкой той, что встречается на монетах. Как и на монетах, на царских гирях божественные эпитеты правителя появляются не ранее царствования Антиоха IV, что подчеркивает идеологическое единство этих двух категорий источников, а также указывает на использование весовых гирь как средства пропаганды. Однако стоит признать, что в нашем распоряжении имеется недостаточное количество материала, относящегося к ранним Селевкидам, что, в свою очередь, ограничивает возможности исследования. На данный момент известно 19 экземпляров царских весовых гирь государства Селевкидов. Большая часть из них относится к правлению поздних Селевкидов, т.е. II–I вв. до н.э.

Общий метрологический обзор материала показывает, что основой весовой системы Селевкидов была царская мина. Известны более тяжелые гири – весом две мины, а также фракции мины – $\frac{1}{2}$ мины (гемимина), $\frac{1}{4}$ мины (тетартон) и $\frac{1}{8}$ мины (график №1). Метрологический анализ демонстрирует изменение весового стандарта царской мины в конце II в. до н.э. в среднем с 514 г до 635 г, как это показано на графике № 2, что отражает общую тенденцию увеличения торгового весового стандарта как в регионе сирийского Тетраполиса, так и во всем Восточном Средиземноморье в целом³. Это обстоятельство позволяет более точно датировать экземпляры № 3 и 19, легенда которых не дает исчерпывающей информации об эмитенте. Так, экземпляр № 19, согласно легенде, имеет только самую общую атрибуцию и относится к правлению «царя Антиоха». Однако вес данного экземпляра соответствует мине весом 684 г, что позволяет отнести его к поздним Селевкидам. То же касается и экземпляра № 3, который также относится к неизвестному «царю Антиоху». Судя по весу данного экземпляра, он соответствует мине в 468 г и должен относиться к ранним Селевкидам. А. Сейриг и авторы проекта Pondera.org относят его к правлению Антиоха IV, что слабо соотносится

г. появилась информация о двух новых экземплярах, что позволило дополнить наше изначальное исследование.

² Наиболее комплексно царские весовые гири Селевкидов рассмотрены в работах А. Сейрига (Seyrig 1946–1948), П. Вайса и К. Элинга (Weiß, Ehling 2006; 2007), Ш. Дауйяна (Doyen 2014, 278–289) а также Г. Финкельштейна (Finkelsztein 2014), однако с привлечением меньшего количества материала.

³ Finkelsztein 2014, 71. В конце II в. до н.э. вес афинской торговой мины увеличился со 138 драхм до 150 драхм, т.е. с 600 до 652 г. Весовые гири полисов сирийского Тетраполиса также демонстрируют повышение весового стандарта – 510 г (легкая мина) и 550 г (тяжелая мина) в середине II в. до н.э. и 600 и 650 г соответственно в конце II в. до н.э.

Рис. 1 – График № 1. Fig. 1. Diagram 1.

Рис. 2 – График № 2. Fig. 2. Diagram 2.

с весом мины двух других экземпляров этого правителя, даже несмотря на то, что экземпляр № 3 сильно изношен.

Экземпляр № 13 заметно тяжелее остальных – это гиря весом в одну мину 733 г, что несколько выбивается из предложенной схемы. Однако стоит обратить внимание на то, что данная гиря модифицировалась в процессе использования, о чем свидетельствуют многочисленные деформации – запылы, отверстие (оно, впрочем, могло быть проделано для скрепления нескольких гирь), но самое существенное – металлическая вставка, вмонтированная в проделанное отверстие в левом нижнем углу гири. Судя по всему, эта вставка увеличивает вес гири. Вероятно, данная гиря была вторично использована и модифицирована для соответствия другому весовому стандарту, возможно, не царскому, а полисному. Примеры антиохийских весовых гирь, эквивалентных одной мине весом более 700 г, хорошо известны⁴.

⁴ Pondera 3557, 3750.

Большой интерес вызывают два экзагия. Экземпляр № 1 был изготовлен при помощи штемпеля тетрадрахмы Антиоха I из Селевкии-наТигре (SC 379.3с), а экземпляр № 4 представляет собой обрубленную по краям бронзовую монету Антиоха IV так называемой «египтизированной» серии (SC 1414). Примечательно, что экземпляр № 1 весом в 1/16 мины или одну октодрахму соответствует мине в 529,6 г – эквивалент 128 драхам весом 4,11 г, либо 121 аттической драхме весом в 4,36 г. Данный экземпляр (вес – 33,1 г.) равен четырем сиклям весом 8,2 г. Экземпляр № 4 соответствует 1/32 мине с весом 516,16 г, которая также может быть эквивалентна 128 драхам весом около 4 г, либо 118 аттическим драхам. Данный экземпляр (вес – 16,13 г) равен двум сиклям весом в 8,1 г. Учитывая неопределенный характер обоих предметов, отсутствие точных данных об их происхождении, а также возможность принадлежности частным лицам, а не официальным чиновникам, мы не можем утверждать с уверенностью о полном соответствии этих экзагий официальным весовым нормам, хотя общий вес предметов коррелирует со стандартом легкой мины, принятым в городах сирийского Тетраполиса в середине II в. до н.э. Более того, стоит учитывать, что вес торговой мины мог отличаться от монетно-весового стандарта и быть больше, как это было в Афинах архаического и классического времени⁵, однако в случае со стандартом серебряных номиналов при Антиохе I и Антиохе IV усредненный вес одной драхмы варьировался от 4,1 до 4,25 г, что подтверждает предположение об использовании мины, эквивалентной 128 драхам.

Отдельного внимания заслуживают легенды, помещенные на гирях. Структура легенды на гирях образована по той же схеме, что и на монетах – это имя царя и его титул, а также (в некоторых случаях) божественные эпитеты в форме *Genetivus singularis*. Обозначение номинала всегда указано в *Nominativus*. В некоторых случаях указаны имена агораномов. Единственным исключением из общего правила стоит признать экземпляр № 8 с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Такая форма не встречается на селевкидских монетах, однако известна в эллинистической нумизматике, скорее, характерна для коммеморативных выпусков. Наиболее подходящий пример – памятная серия тетрадрахм греко-бактрийского царя Агафокла⁶. В целом легенды всех весовых гирь повторяют божественную титулатуру, размещенную в легендах монет. Единственным случаем расхождения являются гири Антиоха VIII, в легендах которых Антиох назван *φιλομήτωρ*, в то время как на монетах встречается только *ἐπιφανής*. Тем не менее эпитет Антиоха VIII *φιλομήτωρ* зафиксирован в одной посвяtitельной делосской надписи 110/9 г. до н.э.⁷ Почему же на всех известных весовых гирях появляется именно этот эпитет? Можно сделать два предположения: либо все эти гири относятся ко времени жизни Клеопатры Теи – матери Антиоха VIII – до 121 г. до н.э., что представляется маловероятным. Либо прославление матери Антиоха VIII Клеопатры Теи было важным идеологическим компонентом политика царя в сирийском Тетраполисе, где, судя по всему, и использовались рассматриваемые весовые гири. Другим случаем расхождения божественных эпитетов легенды гирь и монет являются гири Антиоха IV. Две из трех (№ 2 и 4) содержат эпитеты *θεὸς ἐπιφανής*,

⁵ Kroll 2020, 47–72.

⁶ Vopelarachchi 1993, 177.

⁷ IDelos 1551.

что позволяет датировать их коротким промежутком времени (171–168 гг. до н.э.), когда эпитеты θεὸς ἐπιφανής уже появились на монетах, но еще до того, как они были дополнены в 168 г. до н.э. третьим эпитетом – *κικφόρος*. Однако, как показывает случай с гирями Антиоха VIII, полное соответствие монетных легенд и легенд гирь необязательно.

Из 19 гирь три имеют ошибки в легенде. В легенде гири № 17 в имени царя пропущена *iota* – «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ». Такая ошибка типична и встречается на монетах (SC 2135). В легенде гири № 14 допущено инверсивное искажение буквы *ню*, что также можно встретить на монетах. В легенде гири № 19 присутствует более серьезный инверсивный брак. Первое слово легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ написано обычным способом, второе же, имя царя, ΑΝΤΙΟΧΟΥ инверсированно. Объяснить такое сочетание можно только технологическим браком, допущенным при изготовлении гири. Иными словами, при изготовлении формы для отливки гири мастер написал царский титул *ΒΑΣΙΛΕΩΣ* инверсивно, а само имя царя без изменений ΑΝΤΙΟΧΟΥ. В итоге легенда гири получила такую замысловатую форму.

Одной из ключевых проблем, возникающих при работе с царскими весовыми гирями, является вопрос об их функциональном предназначении и необходимости выделять царские гири в особую группу весовых знаков. Разделение гирь на царские и полисные, очевидно, подразумевает различные меновые или торговые операции, выполнявшиеся при помощи этих инструментов, по аналогии с использованием различных весовых стандартов, например, торговой мины и монетно-весового стандарта. Можно предположить, что использование царских гирь было как-то связано с царским двором. Такие гири могли использоваться при снабжении царского двора. Так, легенда экземпляра № 8 содержит слово ΡΩΠΚΟΝ – «для мелких товаров», подразумевая, что гиря использовалась для каких-то мелких торговых операций. Вес этой гири соответствует ¼ мины – тетартону.

С другой стороны, царские гири могли использоваться официальными лицами, ответственными за поставку товаров из царского домена или царской земли⁸. Близкий пример деловой активности, связанной с товарами царского домена, демонстрирует архив печатей Селевкии-на-Тигре, где среди множества оттисков разнообразных печатей сохранилось два с упоминанием «хозяйства/дома царицы»⁹. Эта печать принадлежала официальному должностному лицу Селевкии, контролировавшему операции с солью. На печати располагалась надпись «соль Селевкии. [Из] хозяйства царицы прибыла». Использование официальной печати, скреплявшей документ (договор сделки), является свидетельством регулярности данной практики, как и в случае с использованием царских гирь. Схожим образом официальному чиновнику могли принадлежать и весовые гири. В легенде пяти из 19 царских весовых гирь упоминается имя агораномы, который, как считает П. Гатье, был полисным чиновником¹⁰. Более того, шесть гирь имеют дату, что подразумевает именные выпуски и регулярные перевыпуски гирь. Однако и имена агораномов, и даты указаны не на всех гирях. Говорит ли это о различных сферах и случаях использования данных весовых инструментов? Ответ на этот вопрос остается

⁸ О доходах с царской земли см.: Aperghis 2004, 137–147; Capdetrey 2007, 139–147.

⁹ Seleucia. Alk 25 A-B.

¹⁰ Gatié 2014, 145.

Рис. 3 – Таблица 1. Царские весовые гири Селевкидов.

Fig. 3. Table 1. Seleukid royal balance weights.

открытым. В целом, ввиду немногочисленности имеющегося материала, проблема функционального предназначения царских гирь на сегодняшний день не исчерпана. Несмотря на это, важной особенностью данного вида источников является изображение, располагавшееся в поле гири, которое, в совокупности с легендой, демонстрировало официальный курс царской идеологии.

Примечательно, что, судя по имеющемуся материалу, наиболее устойчивым изображением весовых гирь является якорь – династический символ Селевкидов, который, впрочем, не был распространенным сюжетом селевкидских монет. Изображение якоря помещается на 13 из 19 известных гирь, однако, если исключить два экземпляра, пропорция распространенности этого сюжета станет большей. Действительно, изображение якоря, который античные авторы практически единогласно считали эмблемой селевкидского царского дома, известно из различных источников, встречается оно и на весовых гирях, но крайне редко на монетах. Примечательно, что в случае с некоторыми царями изображение якоря никогда не встречается на монетах, однако известно только на весовых гирях. Нет сомнений, что изобра-

жение якоря на царских весовых гирях интерпретировалось как династический символ, однако подобные изображения многократно тиражировались на весовых гирях городов Тетраполиса, где данный символ мог иметь локальное прочтение¹¹.

Тем не менее такое сюжетное расхождение между иконографией монет и гирь не единственное. Хорошим примером этого является гиря Антиоха IV (№ 2) с изображением Ники, несущей венок. Мнение П. Вайса и К. Элинга, что данное изображение является символом победы Антиоха в войне с Египтом, а сама гиря была изготовлена к праздникам в Дафне 166 г. до н.э.¹², выглядит весьма спекулятивным. Данный сюжет никогда не встречается на серебряных и золотых монетах Антиоха IV, но, напротив, встречается на бронзовых монетах. Так, известны монетные серии с Никой, выпускавшиеся в Малле (SC 1381–1383), Александрии на Иссе (SC 1391), Нисибисе (Антиохии в Мигдонии – SC 1503). Во всех трех случаях использовался один и тот же иконографический сюжет, помещенный и на гире. В случае с Нисибисом: данная монетная серия была выпущена от имени полиса, что подчеркивает особый статус изображения, по всей вероятности, идеологически близкого полисным элитам. Вероятно, что и в случае с весовыми гирями идеологический компонент иконографии также подразумевал некоторую близость и узнаваемость у той аудитории, для которой данные гири предназначались.

Редким случаем полного соответствия иконографии гирь и монет является материал, относящийся к правлению узурпатора Трифона. И на единственной известной гире (№ 9), и на монетах крупных номиналов располагается изображение парадного шлема Трифона¹³. К слову, это изображение многократно тиражируется на монетах всех номиналов Трифона и практически не имеет альтернатив. Нет сомнений, что именно данное изображение являлось ключевым визуальным конструктом идеологии узурпатора и служило символом его власти. С другой стороны, локальность обращения монет Трифона, ограниченная регионом сирийского Тетраполиса, подчеркивает столь очевидную иконографическую близость его монет и гирь. Другим примером иконографической близости изображений монет и гирь является экземпляр № 6, относящийся к правлению Деметрия I. Изображенный на нем рог изобилия также достаточно часто воспроизводился на монетах этого правителя (SC 1642). Однако стоит обратить внимание на то, что монетный тип «рог изобилия» чеканился на монетном дворе Антиохии на Оронте только на монетах мелких серебряных номиналов, что определяет повседневное и локальное использование монет данного типа.

Стоит признать, что все отмеченные нами проблемы и перспективы изучения царских весовых гирь Селевкидов во многом обусловлены ограниченностью выборки. Нет никакой уверенности в том, что публикация нового материала не внесет коррективы в сделанные нами выводы. И все же важно отметить, что анализ иконографии и метрологии весовых гирь возможен только в контексте более масштабного исследования с привлечением нумизматического материала, а близость иконографических сюжетов и общность монетно-весовой парадигмы демонстрирует связь этих двух категорий источников. Не менее важной задачей в исследованиях, посвященных весовым гирям, представляется определение региона их производства

¹¹ Gatier 2014, 143.

¹² Weiß and Ehling 2006, 376–377.

¹³ Тетрадрахмы – SC 2030, драхмы – 2038, бронзовые номиналы – SC 2034–2040.

и функционирования. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что большинство (если не все) известных нам царских селевкидских весовых гирь были произведены в городах сирийского Тетраполиса, о чем, в частности, свидетельствует наличие общих иконографических сюжетов у царских и полисных гирь. Такая выборка демонстрирует относительно локальный вариант весовой и иконографической традиции. Публикация нового материала, в особенности из других регионов селевкидской державы, позволит существенно дополнить эту картину.

Приложение

КАТАЛОГ ЦАРСКИХ ВЕСОВЫХ ГИРЬ СЕЛЕВКИДОВ

№	Правитель (дата)	Описание	Вес	Ссылки
1	Антиох I? (281–261)	Л.с. Аполлон, сидящий на омфале. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ О.с. в центре круг с семью расходящимися лучами.	33,1 г 1/16 мины	Pondera 12845; Leu Numismatik C, lot 1992. Табл. 1, 1.
2	Антиох IV (171–168)	Л.с. Ника, идущая влево. Справа и слева звезды. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов.	519 г 1 мина	Pondera 3591; Weiß and Ehling 2006, 376-377. Табл. 1, 2.
3	Антиох IV? (175–164)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. нет изображения	117 г ¼ мины	Pondera 12074.
4	Антиох IV (171–168)	Л.с. Голова Исиды, право. О.с. Орел, вправо. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ	16,13 г 1/32 мины	Pondera 3745; SNG Greece 7, 1056. Табл. 1, 4.
5	Деметрий I (161–150)	Л.с. Посейдон, справа, якорь, слева. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΗΜΙΜΝΟΥΝ О.с. повреждена.	258 г ½ мины	Finkielsztejn 2014, nos. 44.
6	Деметрий I (161–150)	Л.с. Рог изобилия. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΔΙΜΝΟΥΝ О.с. повреждена	1032 г 2 мины	Pondera 3556; Finkielsztejn 2014, nos. 45.
7	Деметрий I (160/159)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ Дата: ГНР О.с. нет изображения	134 г ¼ мины	Finkielsztejn 2014, nos. 46.
8	Александр I или II (150–145 или 126–123)	Л.с. Щит с якорем. ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. дельфин. ΡΩΠΚΟΝ	127 г ¼ мины	Pondera 12849; Auction Nomos 2020, lot 268. Табл. 1, 8.
9	Диодот Трифон (142–138)	Л.с. Шлем. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΡΥΦΩΝΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. сетка ромбов	130 г ¼ мины	Pondera 3600. Табл. 1, 9.
10	Антиох VIII (125–95)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов	674 г 1 мина	Pondera 3521; Finkielsztejn 2014, nos. 47. Табл. 1, 10.

11	Антиох VIII (125–95)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ MNA О.с. сетка ромбов	? 1 мина	Pondera 3526; Weiß and Ehling 2007, 496–499.
12	Антиох VIII (125–95)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ MNA О.с. сетка ромбов	575 г 1 мина	Pondera 14243; Leu Numismatik 2020D, lot 905. Табл. 1, 12.
13	Антиох VIII (121–97)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΝΤΙΟΧΟΥ – ΦΙΛΟ[ΜΗΤΟΡΟΣ MNA] / ΑΓΟΡΑΝΟ[ΜΟΥΝΤΟΣ] / ΠΟΛΕΜΟΥ ΕΤΟΥΣ О.с. сетка ромбов	733 г 1 мина	Pondera 14434; Leu Numismatik 2021M, lot 4059. Табл. 1, 13.
14	Антиох VIII (121–97)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΠΙΟΧΟΥ – ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΕΤΟΥΣ Σ – ΜΙΑ ΑΓΟΡΑΙΟΜΟΙ/ΤΟΣ ΣΑΤΥΡΟΥ О.с. сетка ромбов.	686 г 1 мина	Pondera 14846; Leu Numismatik 2021D, lot 3947. Табл. 1, 14.
15	Селевк VI (95/4 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ О.с. сетка ромбов. ΕΤΟΥΣ ΗΙΣ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ MNA	665 г 1 мина	Pondera 3527; Finkielstztein 2014, nos. 48; Weiß and Ehling 2006, 369–378. Табл. 1, 15.
16	Антиох X (93/2 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΣΕΒΟΥΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ О.с. нет изображения ΕΤΟΥΣ ΚΣ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΔΙΟ- ΝΥΣΙΟΥ MNA	615 г 1 мина	Finkielstztein 2014, nos. 49; Weiß and Ehling 2007, 497- 498.
17	Антиох X? (95–83)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΟΧΟΥ (sic!) О.с. сетка ромбов.	81,2 г 1/8 мины	Pondera 12807. Табл. 1, 17.
18	Антиох X (95/4 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΣΕΒΟΥΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ О.с. ΕΤΟΥΣ ΑΚΣ / ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ / ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ / MNA	636 г	Pondera 14824; New York Sale Auc- tion 54, lot 76. Табл. 1, 18.
19	Антиох	Л.с. Якорь. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ О.с. сетка ромбов	171,72 г ¼ мины	Pondera 14410; Leu Numismatik 2021F, lot 2600. Табл. 1, 19.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Smirnov, S.V. Tsarskie vesovye giri gosudarstva Selevkidov [Seleucid royal balance weights]. In *Dvadsat pervaya Vserossyiskaya numismaticheskaya konferentsia. Tver, 24–29 maya 2021 g. Tezisy докладов i soobshcheniy* [Twenty first all-Russian numismatic conference. Tver, May 24–29, 2021. Abstracts of papers and reports]. Tver, 17–20.
- Смирнов, С.В. 2021: Царские весовые гири государства Селевкидов. В сб.: *Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь, 24–29 мая 2021 г. Тезисы докладов и сообщений*. Тверь, 17–20.

- Aperghis, G. 2004: *The Royal Seleukid Economy*. Cambridge.
- Bopearachchi, O. 1993: *Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques*. Paris.
- Capdetrey, L. 2007: *Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.–C.)*. Rennes.
- Doyen, C. 2014: Le système monétaire et ponderal d'Antiochos IV. In C. Feyel, L. Graslin-Thomé (eds.), *Le projet politique d'Antiochos IV, Actes des journées d'études francoallemandes, Nancy, 17–19 juin 2013*, Nancy–Paris, 261–299.
- Gatier, P.-L. 2014: Poids et vie civique du Proche-Orient hellénistique et romain. *Dialogues d'histoire ancienne* 12, 125–162.
- Finkielsztejn, G. 2014: The Weight Standards of the Hellenistic Levant I. The Evidence of the Syrian Scale Weights. *Israel Numismatic Research* 9, 61–94.
- Kroll, J. 2020: Reconstructing the Chronology of Athenian Balance Weights on the “Solonian” Trade Standard. In: C. Doyen, L. Willocx (eds.), *Pondera antiqua et mediaevalia I*. Louvain.
- Seyrig, H. 1946–1948: Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie. *Bulletin du Musée de Beyrouth* VIII, 37–79.
- Weiß, P., Ehling, K. 2006: Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige. *Chiron* 36, 369–378.
- Weiß, P., Ehling, K. 2007: Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige II. *Chiron* 37, 495–500.

SELEUCID ROYAL BALANCE WEIGHTS: AN OVERVIEW OF THE PROBLEM

Svyatoslav V. Smirnov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia**E-mail: smirnovSv3@yandex.ru*

Abstract. The paper is an overview of the key problems of the study of the Seleucid royal weights. Such weights, unlike those ones belonging to individuals and city magistrates, were produced and intended for royal officials, which is a key feature of this category of sources. Analysis of metrology and iconography of royal balance weights allows us to expand our knowledge of the Hellenistic royal economy, as well as to study the features of the royal ideology integrating into research such an extraordinary iconographic material. At the moment, 19 royal Seleucid balance weights are known, most of which belong to the late Seleucids. The basis of the weight system was the royal *mina*. Metrological analysis shows that in the end of second century BC there was a change in the weight standard associated with an increase in the weight of the *mina*. In the legend of several weights, *agoranomos* is mentioned, who could be in charge of some operations related to the supply of commodities from the royal domain. The analysis of iconography reveals that the anchor was the most common motif of the image on the weights, which is almost not typical for coins. Nevertheless, the images of some weights find complete analogies in the coinage. Thus, the images of the cornucopia are well known on the coins of Demetrius I, and the image of helmet on the coins of Tryphon. On the contrary, the depiction of an advancing Nike on the weight of Antiochus IV finds only analogies on rare issues of bronze coins. It is important to note that all known balance weights are believed to be produced and used in the region of the Syrian Tetrapolis, which demonstrates a local metrological and iconographic tradition.

Keywords: weights, Seleucids, Hellenism, iconography, numismatics.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-152–163

ТҮХН СЕЛЕВКА II В КЛЯТВЕ МАГНЕСИЙСКИХ КАТОЙКОВ (OGIS 229. II)

И.Ю. Воробьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

E-mail: prozaivana@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4265-0285

Аннотация. Тюхе – божество судьбы, удачи, чей культ был популярен в эллинистический и римский периоды. Существовали ее ипостаси, олицетворявшие «счастье» правителя. Статья посвящена персонификации «счастья» царя Селевка II, упомянутой в клятве магнесийских катойков (OGIS 229. II). В статье были проанализированы имеющиеся свидетельства существования царской Тюхе в эллинистическом мире для уточнения образа божества в идеологии династии Селевкидов. Автор предполагает, что роль царского «счастья» в идеологии этой династии была в целом незначительной. Сделан вывод о том, что в «счастье царя Селевка» стоит видеть не «личного гения», а божество, имеющее тесную связь с правителем. Появление селевкидской Тюхе можно рассматривать как развитие ритуала клятвы в эллинистический период и проявление интереса к богине не только со стороны монархии, но и со стороны ее подданных.

Ключевые слова: Тюхе, Селевк II, клятва, катойки, Селевкиды.

Культ Тюхе, божества удачи, счастья, судьбы, появившийся в греческом мире в IV в.¹, достиг своего апогея в эллинистический и римский периоды. Богиня, будучи воплощением общей для всех удачи, обладала также ипостасями, олицетворявшими судьбу определенного полиса, правителя или обыкновенного человека. Современники могли испытывать интерес к ним и даже рассматривать их как объект отдельного почитания². В данной статье будет уделено внимание персонификации счастья царя Селевка II (246–225 гг.), существование которой зафиксировано только в эпиграфическом памятнике из Смирны. В годы Третьей Сирийской войны (246–241 гг.) селевкидские катойки Магнесии-у-Сипила восстали против царского дома и вступили в прямую конфронтацию со Смирной, сохранявшей

Данные об авторе: Иван Юрьевич Воробьев – аспирант ЯрГУ им. П.Г. Демидова.

Автор выражает признательность д.и.н. О.Л. Габелко и д.и.н. А.В. Махлаюку за ценные замечания по тексту настоящей статьи.

¹ Все даты в статье, кроме оговоренных отдельно, до н.э.

² Matheson 1994, 19.

верность Селевку³. Впоследствии монарх решил вознаградить Смирну за преданность и поэтому способствовал ее синойкизму с Магнесией, произошедшему по разным оценкам в 245 г.⁴, 244/243 г.⁵ или в 243 г.⁶ Объединение принесло наибольшую выгоду смирнийцам: царем было гарантировано увеличение земельного фонда Смирны, полис обретал большую военную мощь за счет новых граждан и поэтому становился менее зависимым от услуг наемников⁷. Магнесийские катойки не оказались в равном положении: им были выделены небольшие по размеру земельные участки, а также за ними были закреплены военные обязательства по защите полиса и его хоры⁸. Договор о синойкизме содержит клятвы, принесенные смирнийцами и магнесийскими катойками. Военные колонисты клянутся рядом значимых богов и «тюхе царя Селевка» (OGIS 229.Π = I.Smyrn. 573. сткк. 60–61: ὁμνῶ... τὴν τοῦ βασιλέως Σελεύκου τύχην). Данный факт наводит на мысль о том, что «счастье царя» целенаправленно выделяют из общего числа богов-свидетелей по политическим мотивам: опальное положение магнесийцев требовало от них демонстративного проявления лояльности⁹ и к царскому дому, и лично к Селевку. Этим можно объяснить расположение царской Тюхе в списке божеств уже после традиционного завершающего клятву словосочетания (Ibid. сткк. 61: θεοὺς πάντας καὶ λάσας).

Уникальность упоминания царского счастья для династии Селевкидов (только по отношению к Селевку II) способствовала возникновению исследовательского интереса ученых. При этом особое влияние сохраняет точка зрения о восточном происхождении понятия «тюхе царя». Д. Селден в своем комментарии к смирнийской надписи охарактеризовал наличие царской «фортуны» в клятве как свидетельство признания божественности власти эллинистического правителя – идеи, заимствованной с Востока¹⁰. Исследовательницы С. Шервин-Уайт и А. Курт отмечают, что именно воины клялись в верности эллинистическому царю его удачей, и полагают, что истоки такой клятвы стоит усматривать в культуре Месопотамии ассирийского и нововавилонского периодов¹¹. Пограничную позицию в этом вопросе занимает П. Гарднер: для него «тюхе царя Селевка», безусловно, эллинское понятие, своими корнями восходящее ко времени персидского владычества над Ионией, когда подданные считали, что за ахеменидским царем закреплена собственная удача, которая была перенесена на селевкидского царя¹². В свою очередь М. Килич связывает упоминание «тюхе царя» с локальной религиозной спецификой – существованием в Смирне популярных культов божеств, тесно связанных между собой, Немезиды и Тюхе, обладавших отдельными храмами¹³. Мы полагаем, что необходима корректировка имеющихся формулировок

³ Grainger 2010, 167.

⁴ Ihnken 1978, 42.

⁵ Elwyn 1990, 180.

⁶ Fingerson 1998, 5.

⁷ Aumond 2004, 22, 56.

⁸ Bar-Kochva 1976, 38.

⁹ Williamson 2013, 132.

¹⁰ Wallace 2011, 396.

¹¹ Sherwin-White, Kuhrt 1993, 58.

¹² Gardner 1888, 74.

¹³ Kılıç 2014, 849.

об образе и значимости божества в идеологии Селевкидов, и потому нами привлекались источники, указывающие на существование «царского счастья» у представителей других династий эллинистического мира. Анализ таких свидетельств с учетом эллинского культурного единства будет способствовать уточнению характеристики Тюхе Селевка II.

Несмотря на имеющуюся точку зрения, согласно которой клятва «счастьем царя» – это часть присяги воинов эллинистическому правителю¹⁴, ни ранее, ни после 240-х гг. нет свидетельств о существовании такой традиции, тем более о том, что «тюхе царя» было важной или обязательной частью присяги. В качестве немногочисленных примеров можно упомянуть следующее: 1) в 323 г. конница дала клятву будущему царскому наследнику и его опекунам (Just. XIII. 3. 1); 2) в 278/7 г. был составлен договор между Никомедом I и его военными союзниками – галатами (Memn. F. 11. 2.), общие и даже искаженные¹⁵ положения которого до нас дошли; 3) в 262/260 г. милетские эфебы клялись в дружбе и союзе по отношению к Птолемею II (Milet I 3, 139C = SEG 4. 428. сткк. 47–50); 4) в 252 г. к присяге были приведены новобранцы-клерухи в Филадельфии (P.Cair. Zen. 2 59254 = Trismegistos 899. сткк. 2); 5) в 204 г. птолемеевские фалангиты¹⁶ дали клятву, которую обычно приносили при венчании царя (Polyb. XV. 25. 11); 6) в 147 г. воины Александра Баласа, «вспомнив» о своей старой присяге Деметрию I, перешли на сторону его сына Деметрия II (Just. XXXV. 2. 3). В сохранившихся текстах клятвы мы видим стандартную формулу без существенных особенностей, которые каким-либо образом могли обозначить особый статус правителя, например, в договоре Птолемея I (I.Iasos 2. = SEG 37. 862. сткк. 35–36), а также в договоре Эвмена I (OGIS 266 = IvP I 13. сткк. 23–25) с наемниками свидетелями клятвы являются традиционные божества. Однако здесь возможны оговорки: Эвмен I не являлся царем, а потому именно «царским счастьем» мог не обладать, как и Птолемей I на момент заключения договора (309/305 г.)¹⁷.

Важно отметить, что богиня Тюхе в своей популярности значительно уступала культам божеств, традиционно воспринимавшихся как покровители воинов (Зевс, Аполлон, Афина и т.д.)¹⁸. Известное посвящение Филоты, командира птолемеевского гарнизона в критском Итане, «Тюхе Протогене Энее» (I. Epidamnos T 518 = IC III.iv.14. сткк. 8–10: Τύχηι Πρ[ω]τογενῆι Αἰενάφ[τ]ι) отчетливо показывает, что упомянутые эпитеты божества не связаны с идеологией царского дома. Для С. Спиридакиса, датировавшего надпись периодом правления Птолемея V (205/204–181/180 гг.), итанийский культ Тюхе выражал надежду гарнизона на помощь богини и символизировал решимость защищать город¹⁹. По мнению А. Ханиотиса, который датировал посвящение более поздним временем, божество могло быть связано с влиянием культа римской Фортуны Примигении²⁰. Обратим внимание, что сам адресант не считал нужным связать свое посвящение с лично-

¹⁴ Feldmann 1885, 98; Dittenberger 1903, 371.

¹⁵ Габелко 2005, 182.

¹⁶ Bayliss 2013, 37.

¹⁷ Dmitriev 2011, 125.

¹⁸ Ханиотис 2013, 223–225.

¹⁹ Spyridakis 1969, 46.

²⁰ Chaniotis 2002, 109.

стью царя, хотя такая возможность у него имелась, да и он не преминул упомянуть все свои титулы (Ibid. сткк. 4–7) при александрийском дворе.

Э. Бикерман охарактеризовал клятву магнесийцев как свидетельство существования царского культа в селевкидской армии²¹, с чем нам трудно согласиться. Он объяснял наличие «счастья царя» в клятве тем, что «в ту эпоху часто клялись гением человека, от которого зависели»²², и ссылаясь на папирус из архива Зенона, где упоминается клятва «царем и даймоном Панакестора» адресату послания (P.Col.Zen. I. 18). Позиция Э. Бикермана основывается на распространенной точке зрения, согласно которой даймон, Тюхе, гений – понятия тождественные²³: словом «тюхе» обозначали гений римского императора, который соответствует даймону птолемеевского царя²⁴. По всей видимости, именно это повлияло на исследователей, обозначающих «удачу царя Селевка» прежде всего как его личного гения. Тем не менее мы полагаем, что «счастье» Селевка II – при всех возможных точках пересечения с даймоном и гением – не тождественно им. Так, М.П. Нильссон разделяет понятия даймон (воплощение судьбы отдельного человека) и Тюхе (культово почитаемое божество удачи)²⁵. И, в частности, это разграничение мы можем видеть в тексте папируса 251 г.: адресант в письме к Зенону просит о ряде услуг, к которым присовокупляет клятву «даймоном царя и Арсиной» (psi.4.361 = Trismegistos 2048. сткк. 6–7: [ὄμν]ύω δέ σοι τὸν βασιλέως δαίμονα καὶ τὸν Ἀρσινόης), а в дальнейшем говорит о счастье царя и диойкета Аполлония (Ibid. сткк. 11–12: ἐὰν δετ[.] τοῦ βασιλέως καὶ Ἀπολλωνίου τύχης). Р. Бир отмечала, что клятвы даймоном царя заменяли клятвы самой фигурой правителя в ранний птолемеевский период, а в дальнейшем, после правления Птолемея III (246–222 гг.), начали клясться уже непосредственно царем²⁶.

С птолемеевской идеологией ученые также тесно связывали образ богини Ἀγαθή Τύχη. Например, широко известно изображение царицы Береники II на ойнохое с подписью: «Βερενίκης βασιλίσσης ἀγαθῆς τύχης». Данный факт исследователи трактуют следующим образом: царица являлась буквально «Доброй удачей»²⁷; Береника понималась как приносящая процветание и изобилие, подобно божеству²⁸; «богиня судьбы Тюхе» выступала царской «заступницей»²⁹. Однако Ш. Пфайффер считает, что эта надпись – пожелание удачи на праздничных жертвоприношениях³⁰, с чем мы и склонны согласиться. Также стоит упомянуть галикарнасскую надпись, согласно исходному восстановлению которой Птолемей I обладал собственной «доброй удачей» (OGIS 16. сткк. 1–3: ἀγαθῆ τύχη [τῆ] Πτολεμαίου τοῦ Σωτήρος)³¹. На данный момент такое восстановление многими учеными не признается³², и упоминание Тюхе трактуют не как адресата по-

²¹ Бикерман 1985, 92.

²² Бикерман 1985, 239.

²³ Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1839.

²⁴ Pfeiffer 2008, 22.

²⁵ Nilsson 1943, 262–263.

²⁶ Beare 1980, 330.

²⁷ Clayman 2014, 169.

²⁸ van Oppen 2015, 52.

²⁹ Сапрыкин 2005, 59.

³⁰ Pfeiffer 2008, 63.

³¹ Haussoullier 1880, 400.

³² Caneva 2019, 1–4; Pfeiffer 2008, 402.

священия, а как пожелание удачи (Halikarnassos 39. сткк. 1–3: ἀγαθῆι τύχηι ὑπὲρ βασιλέως] Πτολεμαίου τοῦ [βασιλέως καὶ] σωτῆρος).

Мы не обнаруживаем подобные примеры по отношению к династии Селевкидов. Более того, незначительность образа Тюхе в идеологии Селевка II может наглядно демонстрироваться тем фактом, что изображение богини вообще не было широко распространено на монетах III века. В качестве редкого примера можно привести бронзовую монету предположительно из Сард периода правления Антиоха II (261–246 гг.), отца Селевка II. Голова богини удачи увенчана башенной короной³³, что указывает на полисную семантику ее образа. Тюхе появляется на селевкидских монетах различных номиналов вновь лишь во II в. и остается на них почти до конца существования династии. Э. Смит отмечала наличие богини на чеканке II в., в первую очередь, как политическое и идеологическое влияние Птолемеев на Селевкидов³⁴, раздраемых постоянными династическими войнами. Говоря о семантике изображений Тюхе на монетах Деметрия II Никатора (145–138 и 129–126 гг.), У. Мур подчеркивал ее, прежде всего, полисную природу (“The civic (or demotic cult) nature”) и возможность соотнести изображение богини с отдельным гражданином, царем и со всем государством в целом³⁵. Тем не менее для С.В. Обухова Тюхе на селевкидских монетах остается «личным гением – покровителем царя, его личной царской удачи, фортуны»³⁶. В этом он солидарен с определением, данным Э. Бикерманом, на которое и ссылается. В качестве аргумента С.В. Обухов указывает на атрибут богини – весло. Мы полагаем, что весло, равно как и руль корабля, с которым могла изображаться на монетах Тюхе, символизировало ее способность направлять судьбы к несчастьям или благополучию³⁷.

Упоминание в тексте договора персидских всадников³⁸ и их командира Омана (OGIS 229.III = I.Smyrn. 573. сткк. 104–105: Ὀμάνει καὶ τοῖς Πέρσαις τοῖς ὑπὸ Ὀμάνην) дало повод утверждать, что упоминание «тюхе царя Селевка» в клятве – это результат влияния персидской культуры, реверанс в сторону неместных катойков: они клянутся привычной им хварной – иранским символом царской удачи³⁹. Однако, по мнению М.А. Шенкаря, проблематично говорить вообще о ее идеологической роли в эллинистический период из-за скудости источников⁴⁰, а К. Таплин в общем отметил слабость аргументов такой позиции⁴¹. Более убедительно ахеменидское влияние прослеживается в Понте, где мы также фиксируем «тюхе царя». Речь идет о знаменитой клятве, приносимой царями в святилище Мена-Фарнака (Strab. XII. 3. 31: ‘τύχην βασιλέως’ καὶ ‘μῆνα Φαρνάκου’). За отсутствием иных сведений о счастье понтийского царя Э. Ольсхаузен заключает, что форма такой клятвы не подразумевает соответствующую развитую культовую составляющую (“kein kultisches Institut”)⁴². При рассмотрении данной клятвы

³³ Houghton, Lorber 2002.

³⁴ Smith 1994, 92–93.

³⁵ Moore 1986, 134.

³⁶ Обухов 2018, 132.

³⁷ Kılıç 2014, 842.

³⁸ Fingerson 2007, 119–120.

³⁹ Boyce, Grenet 1991, 57.

⁴⁰ Шенкарь 2013, 430.

⁴¹ Tuplin 2014, 275.

⁴² Olshausen 1990, 1897.

С.Ю. Сапрыкин в своих работах делает акцент, прежде всего, на анализе образа божества Мена-Фарнака. Он отмечает, что анатолийский бог Мен связан «с иранской идеей о высшем счастье – хварно»⁴³ и с греческой Тюхе⁴⁴. Персонификация Мена в образ правящего монарха выражала счастье, дарованное богом Меном, а его носитель – царь – воплощал собой это божественное счастье.

С.Ю. Сапрыкин находит первое упоминание «счастья царя» на Боспоре в надписи Хрисалиска⁴⁵, наместника боспорского царя Асандра (47–17 гг.). Текст имеет аккламативный характер⁴⁶: Χρυσάλισκου Τύχη βα[σι]λεύς Ἀσόανδρος φίλ[ο]ρώμαιος⁴⁷. А.А. Харченко отмечает, что здесь Тюхе предстает как покровительница самого Хрисалиска⁴⁸. Еще одно упоминание «счастья царя» приходится на период, выходящий за рамки традиционной датировки эллинизма, а именно на конец I – начало II в. н.э. на Боспоре, в тексте энкомия из Пантикапея. Он посвящен неизвестному военачальнику и повествует о победе боспорского войска над аланами. Уточнение формулировки понятия «счастье царя» осложняет наличие лакун. Первое упоминание царской Тюхе вместе с «личной доблестью» (μετά τῆς ἰδίας ἀρετῆς καὶ τύχῃ βα[σι]λέως...) ⁴⁹ видится нам как устоявшийся оборот речи, подобно «ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἔνεκα» и «ἀγαθῆ τύχῃ». Второе упоминание (λαμπρά τύχη βασιλέως τῶ[v?..])⁵⁰ С.Ю. Сапрыкин трактует следующим образом: счастье царя благотворно влияет на военачальника, а именно «к большему возвеличило его своим содействием»⁵¹. В обоих случаях С.Ю. Сапрыкин после слов τύχη βασιλέως предлагает восстановления имен боспорских царей Рескупорида II и Савромата I. Он характеризует Тюхе царя как «пережиток митридатовских эллинистических традиций почитания царской власти», однако добавляет, что, возможно, это влияние локального культа боспорских правителей⁵². Нам кажется более предпочтительным понимание как прямого идеологического влияния Понтийского царства. Нечто похожее по стилю и значению мы видим на папирусе 123 г., повествующем о противостоянии Крокодилополя и Гермонтиса. Упоминаемое в тексте счастье царей и адресата помогло победить врага (chr.wilck.11a = HGV W.Chr. 11 A. сткк. 17–18: σὺν δὲ τῇ τῶ[v] βασιλέων καὶ τῇ σ<ῆ>ι τ[ύ]χῃ συνέβη τροπ[ω]θῆναι αὐτοὺς). Если упоминание нецарской Тюхе можно считать – вслед за Б.П. Гренфеллом и А.С. Хантом – лестью⁵³, то счастье боспорских и египетских царей (при всей возможной расхожести словосочетания и разницы в стиле частных писем и лапидарных надписей) стоит рассматривать все-таки как влиятельную божественную силу.

Подведем некоторые итоги. Возникновение персонификации «счастья царя» – этап развития идеологии Селевкидов, иллюстрирующий постепенное «вторже-

⁴³ Сапрыкин 2017, 290–291.

⁴⁴ Сапрыкин 2009, 146.

⁴⁵ Сапрыкин 2005, 58.

⁴⁶ Тохтасьев 2015, 206.

⁴⁷ Харченко 2010, 185; Зайцев 2007, 323.

⁴⁸ Харченко 2010, 182–183, 189.

⁴⁹ Виноградов, Шестаков 2005, 43. сткк. 5.

⁵⁰ Виноградов, Шестаков 2005, 43. сткк. 21.

⁵¹ Сапрыкин 2005, 46.

⁵² Сапрыкин 2005, 59.

⁵³ Grenfell, Hunt 1901, 61.

ние» членов династии в божественную сферу, а потому фигурирование божества в клятве магнесийских катойков, при всей кажущейся спорадичности явления, неслучайно: они призывают в свидетели универсальное божество, чья связь с монархом для современников должна быть бесспорна и очевидна. Тем не менее Тюхе Селевка II не относится к культовому почитанию правителя вообще и в армии в частности, а также вряд ли «счастье царя» имеет безоговорочное отношение к клятве селевкидских воинов в III в. Мы полагаем, что «удачу царя Селевка» стоит характеризовать не как личного гения или даймона, а как одно из многочисленных царских божеств (App. Sуг. 60), чье эллинское происхождение очевидно. Однако богиня судьбы и удачи на момент заключения договора о синоиклизме между Смирной и Магнесией-у-Сипила являлась незначительным персонажем в идеологии династии и заметно уступала другим царским божествам, например, Аполлону, предку Селевкидов. Упоминание селевкидской Тюхе в смирнской надписи можно рассматривать как развитие ритуала клятвы в эллинистический период⁵⁴, причем не только как свидетельство влияния монархической идеологии, но и как самостоятельное выражение интереса к богине подданных, считавших, что «счастье царя» способно прямо воздействовать на них⁵⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов*. М.
- Виноградов, Ю.Г., Шестаков, С.А. 2005: *Laudatio funebris* из Пантикапея. *ВДИ* 2, 42–44.
- Габелко, О.Л. 2005: *История Вифинского царства*. СПб.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2007: Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом. В сб.: Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева (ред.), *Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской*. Симферополь, 319–358.
- Обухов, С.В. 2018: *Пантеон и царский культ в Коммагене в эпоху Митридата I Каллиника и Антиоха I Теоса*. Дис.... канд. ист. наук. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Иранские традиции в политике, идеологии и культуре Понтийского царства. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 6. М., 280–310.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Сапрыкин, С.Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I–начале II в. н.э. *ВДИ* 2, 45–81.
- Тохтасьев, С.Р. 2015: Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ЧУХН. В сб. М.Ю. Трейстер (ред.), *Золото Фанагории* (В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 2). М., 201–206.
- Ханиотис, А. 2013: *Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история*. СПб.
- Харченко, А.А. 2010: Асандр и Хрисалиск (опыт гипотетической персональной истории). В сб.: Л.П. Репина (ред.), *В тени великих: образы и судьбы. Сборник научных статей*. СПб., 178–190.
- Шенкарь, М. А. 2013: Об иконографии хварənah и его роли в идеологии древних иранцев. В сб.: *Последний энциклопедист: К юбилею Б.А. Литвинского*. М., 427–451.

⁵⁴ Berti 2006, 200–201.

⁵⁵ Baynham 1998, 109–110.

- Aumond, L. 2004: *Le Traité de Sympolitie entre Smyrne et Magnésie-du-Sipylos (242/1 av. J.C.) et le concept de patrios kora à l'époque hellénistique*. Université Laval.
- Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.
- Bayliss, A.J. 2013: Oaths of office. In S. Daub, M. Erler, D. Gall, L. Koenen, C. Zintzen (eds.), *Oath and State in Ancient Greece. Beiträge zur Altertumskunde*. Vol. 306, Berlin–Boston, 33–46.
- Baynham, E. 1998: *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. University of Michigan Press.
- Beare, R. 1980: Ptolemy's Daimon and Ruler-Cult. *Klio* 62, 327–330.
- Berti, I. 2006: "Now let Earth be my witness and the broad heaven above, and the down flowing water of the Styx..." (Homer, *Mas XV*, 36–37): Greek oath-rituals. In E. Stavrianopoulou (ed.), *Ritual and Communication in the Graeco-Roman World*. Liege, 181–209.
- Boyce, M., Grenet, F. 1991: *A History of Zoroastrianism, Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule*. Leiden–New York–København–Köln.
- Bricault, L., Caneva, S.G. 2019: Sarapis, Isis et la continuité dynastique lagide. À propos de deux dédicaces ptolémaïques d'Halicarnasse et de Kaunos. *Chiron* 49, 1–22.
- Chaniotis, A. 2002: Foreign Soldiers – Native girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons. In A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.), *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, 99–113.
- Clayman, D.L. 2014: *Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt*. New York.
- Dittenberger, W. (ed.) 1903: *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum*. Vol. I. Lipsiae.
- Dmitriev, D. 2011: *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. New York.
- Elwyn, S. 1990: The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability. *JHS* 110, 177–180.
- Feldmann, W. (ed.) 1885: *Analecta Epigraphica Ad Historiam Synoecismorum Et Sympolitiarum Graecorum*. Argentorati.
- Fingerson, K.R. 2007: Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna. *Ancient Society* 37, 107–120.
- Fingerson, K.R. 1998: *Smyrna 573: A Study in Hellenistic Civic Organization During the Third Syrian War (246–241 B.C.)*. University of Wisconsin–Madison.
- Gardner, P. 1888: Countries and Cities in Ancient Art. *JHS* 9, 47–81.
- Grainger, J. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Grenfell, B.P., Hunt, A. S. 1901: Ptolemaic Papyri in the Grizeh-Museum. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* I, 57–65.
- Haussoullier, B. 1880: Inscriptions d'Halicarnasse. *Bulletin de correspondance hellénique* 4, 395–408.
- Houghton A., Lorber, C. 2002. Catalogue, https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41858594h_public
- Ihnken, T. 1978: *Die Inschriften von Magnesia am Sipylos: mit e. Kommentar zum Sympolitievertrag mit Smyrna*. Bonn.
- Kılıç, M. 2014: The cults of Nemeseis and Tyche at Smyrna. *Bellethen* 283, 833–854.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. (eds.) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Vol. II. Oxford.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 18–33.
- Moore, W. 1986: The divine couple of Demetrius II, Nicator, and his coinage at Nisibis. *ANSMN* 31, 125–143.

- Nilsson, M. P. 1943: Problems of the History of Greek Religion in the Hellenistic and Roman Age. *Harvard Theological Review* 36(4), 251–275.
- Olshausen, E. 1990: Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos. *ANRW* 18/3, 1865–1906.
- van Oppen, B.F. 2015: *Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship*. New York.
- Pfeiffer, S. 2008: The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt. In P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his world*. Leiden–Boston, 387–408.
- Pfeiffer, S. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.
- Sherwin-White, S., Kuhrt, A. 1993: *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire (Hellenistic Culture and Society)*. Berkeley–Los Angeles.
- Smith, A.C. 1994: Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 86–105.
- Spyridakis, S. 1969: The Itanian Cult of Tyche Protogeneia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 18.1, 42–48.
- Tuplin, C. 2014: The military dimension of Hellenistic kingship. An Achaemenid inheritance? In F. Hoffman, K.S. Schmidt (eds.), *Orient und Okzident: Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit*. Vaterstetten, 245–276.
- Wallace, J. 2011: Legal Theories and Ancient Practices in John Selden’s *Marmora Arundelliana*. *Journal of the History of Ideas* 3. Vol. 72, 393–412.
- Williamson, C. 2013: As God is my witness. Civic oaths in ritual space as a means towards rational cooperation in the Hellenistic polis’. In R. Alston; Onno M van Nijf; C.G. Williamson (eds.), *Cults, Creeds and Identities in the Greek City after the Classical Age*. Vol. 3. Leuven–Paris–Walpole MA., 119–174.

REFERENCES

- Aumond, L. 2004: *Le Traité de Sympolitie entre Smyrne et Magnésie-du-Sipyle (242/1 av. J.C.) et le concept de patrios kora à l'époque hellénistique*. Université Laval.
- Bar-Kochva, B. 1976: *The Seleucid Army: Organization and Tactics in the Great Campaigns*. Cambridge.
- Bayliss, A.J. 2013: Oaths of office. In S. Daub, M. Erler, D. Gall, L. Koenen, C. Zintzen (eds.), *Oath and State in Ancient Greece. Beiträge zur Altertumskunde*. Vol. 306, Berlin–Boston, 33–46.
- Baynham, E. 1998: *Alexander the Great: The Unique History of Quintus Curtius*. University of Michigan Press.
- Beare, R. 1980: Ptolemy’s Daimon and Ruler-Cult. *Klio* 62, 327–330.
- Berti, I. 2006: “Now let Earth be my witness and the broad heaven above, and the down flowing water of the Styx...” (Homer, *Mas XV*, 36–37): Greek oath-rituals. In E. Stavrianopoulou (ed.), *Ritual and Communication in the Graeco-Roman World*. Liege, 181–209.
- Bikerman, Э. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov [The State of Seleucids]*. Moscow.
- Boyce, M., Grenet, F. 1991: *A History of Zoroastrianism, Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule*. Leiden–New York–København–Köln.
- Bricault, L., Caneva, S.G. 2019: Sarapis, Isis et la continuité dynastique lagide. À propos de deux dédicaces ptolémaïques d’Halicarnasse et de Kaunos. *Chiron* 49, 1–22.
- Chaniotis, A. 2002: Foreign Soldiers – Native girls? Constructing and Crossing Boundaries in Hellenistic Cities with Foreign Garrisons. In A. Chaniotis, P. Ducrey (eds.), *Army and Power in the Ancient World*. Stuttgart, 99–113.
- Clayman, D.L. 2014: *Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt*. New York.

- Dittenberger, W. (ed.) 1903: *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges inscriptionum graecarum*. Vol. I. Lipsiae.
- Dmitriev, D. 2011: *The Greek Slogan of Freedom and Early Roman Politics in Greece*. New York.
- Elwyn, S. 1990: The Recognition Decrees for the Delphian Soteria and the Date of Smyrna's Inviolability. *JHS* 110, 177–180.
- Feldmann, W. (ed.) 1885: *Analecta Epigraphica Ad Historiam Synoecismorum Et Sympolitiarum Graecorum*. Argentorati.
- Fingerson, K.R. 1998: *Smyrna 573: A Study in Hellenistic Civic Organization During the Third Syrian War (246-241 B.C.)*. University of Wisconsin–Madison.
- Fingerson, K.R. 2007: Persian Katoikoi in Hellenistic Smyrna. *Ancient Society* 37, 107–120.
- Gabelko, O.L. 2005: *Istoriya Vifniskogo tsarstva [The History of the Bithynian Kingdom]*. Saint Petersburg.
- Gardner, P. 1888: Countries and Cities in Ancient Art. *JHS* 9, 47–81.
- Grainger, J. 2010: *The Syrian Wars*. Leiden–Boston.
- Grenfell, B.P., Hunt, A. S. 1901: Ptolemaic Papyri in the Grizeh-Museum. *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete* I, 57–65.
- Haussoullier, B. 1880: Inscriptions d'Halicarnasse. *Bulletin de correspondance hellénique* 4, 395–408.
- Houghton A., Lorber, C. 2002. Catalogue, <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb41858594h.public>
- Ihnken, T. 1978: *Die Inschriften von Magnesia am Sipylus: mit e. Kommentar zum Sympolitievertrag mit Smyrna*. Bonn.
- Khaniotis, A. 2013: *Voyna v ellinisticheskoy mire [The war in the Hellenistic World]*. Saint Petersburg.
- Kharchenko, A.A. 2010: Asandr i Khrisalik (opyt gipoteticheskoy personal'noy istorii). [Asander and Chrisaliskos (the Experience of Hypothetical Personal Story)]. In L.P. Repina (ed.), *V teni velikikh: obrazy i sud'by. Sbornik nauchnykh statey. [In the shadow of the Greats: Images and destinies. Collection of scientific articles]*. Saint Petersburg, 178–190.
- Kılıç, M. 2014: The cults of Nemeseis and Tyche at Smyrna. *Belleter* 283, 833–854.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. (eds.) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Vol. II. Oxford.
- Matheson, S.B. 1994: The Goddess Tyche. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 18–33.
- Moore, W. 1986: The divine couple of Demetrius II, Nicator, and his coinage at Nisibis. *ANSMN* 31, 125–143.
- Nilsson, M. P. 1943: Problems of the History of Greek Religion in the Hellenistic and Roman Age. *Harvard Theological Review* 36(4), 251–275.
- Obukhov, S.V. 2018: *Panteon i tsarskiy kul't v Kommagene v epokhu Mitridata I Kallinika i Antiokha I Teosa. [Pantheon and Royal Cult in Commagene in the Age of Mithridates I Callinicus and Antiochus I Theos]*. PhD Dissertation. Moscow.
- Olshausen, E. 1990: Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos. *ANRW* 18/3, 1865–1906.
- Pfeiffer, S. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich: Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.
- Pfeiffer, S. 2008: The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt. In P. McKechnie, P. Guillaume (eds.), *Ptolemy II Philadelphus and his world*. Leiden–Boston, 387–408.
- Saprykin, S.Yu. 2005: Enkomiy iz Pantikapeya I polozhenie Bosporskogo tsarstva v kontse I – nachale II v. n.e. [Encomion from Panticapaeum and the history of the Bosporan Kingdom

- on the turn of the 1st and 2nd centuries AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 45–81.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kulty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [*Religion and Cults of the Hellenistic and Roman Pont*]. Moscow–Tula.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Iranskie traditsii v politike, ideologii i kul'ture Pontiyskogo tsarstva. [Iranian Traditions in Policy, Ideology and Culture of the Kingdom of Pontus]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*. [*Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*]. Vol. 6. Moscow, 280–310.
- Shenkar, M.A., 2013: Ob ikonografii xvarənah i ego roli v ideologii drevnikh irantsev [On the iconography of xvarənah and its role in the ideology of the ancient Iranians]. In *Posledniy entsiklopedist: Kyubileyu B.A. Litvinskogo* [*The Last Encyclopaedist: To the anniversary of V.A. Litvinskiy*]. Moscow. 427–451.
- Sherwin-White, S., Kuhrt, A. 1993: *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire (Hellenistic Culture and Society)*. Berkeley–Los Angeles.
- Smith, A.C. 1994: Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. In S.B. Matheson (ed.), *Yale University Art Gallery Bulletin. An Obsession with Fortune: Tyche in Greek and Roman Art*. Yale University, 86–105.
- Spyridakis, S. 1969: The Itanian Cult of Tyche Protogeneia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 18.1, 42–48.
- Tokhtasev, S.R. 2015: Nadpisi na perstnyakh, soderzhashchie slova XAPA i ΨYXH [Inscriptions containing words XAPA and ΨYXH on rings]. In M.Yu. Treister (ed.), *Zoloto Fanagorii* (V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoria. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. T. II. [*Phanagoria. Results of Archaeological Researches*. Vol. II]). Moscow, 202–207.
- Tuplin, C. 2014: The military dimension of Hellenistic kingship. An Achaemenid inheritance? In F. Hoffman, K.S. Schmidt (eds.), *Orient und Okzident: Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit*. Vaterstetten, 245–276.
- van Oppen, B.F. 2015: *Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship*. New York.
- Vinogradov, Yu.G., Shestakov, S.A. 2005: Laudatio funebris iz Pantikapeya [Laudatio funebris from Panticapaeum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*], 42–44.
- Wallace, J. 2011: Legal Theories and Ancient Practices in John Selden's Marmora Arundelliana. *Journal of the History of Ideas* 3. Vol. 72, 393–412.
- Williamson, C. 2013: As God is my witness. Civic oaths in ritual space as a means towards rational cooperation in the Hellenistic polis'. In R. Alston; Onno M van Nijf; C.G. Williamson (eds.), *Cults, Creeds and Identities in the Greek City after the Classical Age*. Vol. 3. Leuven–Paris–Walpole MA., 119–174.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva V.I. 2007: Datirovka pogrebeniya v Nogaychinskom kurgane. Dialogi s opponentom. [Dating of the Burial in the Nogaichik. Barrow. Dialogs with the Opponent]. In Yu.P. Zaytsev, V.I. Mordvintseva (eds.), *Drevnyaya Tavrika. Sbornik v chest' 80-letiya T.N. Vysotskoy*. Ancient Taurica [*Collected papers in honour of the 80th anniversary of T.N. Vysotskaya*]. Simferopol, 319–358.

TYXH OF SELEUCUS II IN THE OATH
OF THE MAGNESIAN KATOIKOI (OGIS 229. II)

Ivan Yu. Vorobyov

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

E-mail: prozaivana@mail.ru

Abstract. Tyche is a goddess of fate, good luck, whose cult was popular in the Hellenistic and the Roman periods. There were her hypostases, personifying the “happiness” of a ruler. The article is devoted to the personification of the “happiness” of king Seleucus II, mentioned in the oath of the Magnesians katoikoi (OGIS 229. II). The article analyzed the available evidence of the existence of the royal Tyche in the Hellenistic world to clarify the image of the deity in the ideology of the Seleucid dynasty. The author suggests that the role of the royal “happiness” in the ideology of the Seleucids was insignificant. It is concluded that the “happiness of king Seleucus” should be seen not as a “personal genius”, but as a royal deity, having a close connection with the ruler. The emergence of the Seleucid Tyche can be seen as the development of the oath ritual in the Hellenistic period and a manifestation of interest to the goddess not only on the part of the monarchy, but also of its subjects.

Keywords: Tyche, Seleucus II, oath, katoikoi, Seleucid.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 164–174
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 164–174
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-164–174

ПОПЕЧЕНИЕ О СИРОТАХ В АФИНСКОМ ПОЛИСЕ И ДЕКРЕТ ФЕОЗОТИДА

Т.В. Кудрявцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: tatyana vk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1636-5704

Аннотация. В статье исследуется государственная поддержка военных сирот в Афинах. Направляется ее связь с развитием афинской демократии, хотя у некоторых античных авторов встречаются указания на то, что общественное попечение о различных нуждающихся в защите и помощи категориях населения – давняя афинская традиция, истоки которой уходят в эпоху архаики. Не исключена возможность, что какая-то государственная благотворительность по отношению к некоторым уязвимым социальным слоям действительно была во времена Солона и Писистрата, но она носила случайный и выборочный характер. Мы можем лишь строить предположения о времени появления в Афинах закона о помощи военным сиротам, но во времена Перикла это уже устоявшаяся практика. В источниках определенно указывается на то, что попечение о сиротах продолжалось до их возмужалости, а по достижении совершеннолетия юные сироты в Афинах и некоторых других греческих полисах снабжались за государственный счет паноплией. Некоторые исследователи, ссылаясь на Эхина (III, 154–155), полагают, что после середины IV в. до н.э. программа господдержки сирот была свернута, но нам этот вывод кажется чересчур радикальным. В статье затрагивается сюжет, связанный с декретом и процессом Феозотида, и отвергается гипотеза С. Помрой о том, что в псефизме Феозотида могли быть упомянуты и девочки по примеру фасосского и родосского декретов об обеспечении незамужних дочерей павших приданым. Делается вывод: у нас нет свидетельств, что государственная поддержка в Афинах оказывалась всем сиротам, наши источники недвусмысленно указывают именно на мальчиков, чьи отцы пали за родину; благотворительность за общественный счет по отношению к дочерям отдельных выдающихся афинян имела единичный и случайный характер. Однако, учитывая многочисленные войны, которые вели в V в. до н.э. Афины, полисную заботу ощущало на себе значительное количество афинских сирот.

Ключевые слова: Древняя Греция, Афины, сироты, господдержка, паноплия, псефизма, Лисий, Феозотид, процесс.

Данные об авторе: Татьяна Владимировна Кудрявцева – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

Исследование государственной поддержки сирот в Афинах представляет несомненный интерес, ибо она являлась важной частью социальной политики полиса. Напрашивается её связь с развитием афинской демократии, хотя у некоторых античных авторов встречаются прямые или косвенные намеки на то, что общественное попечение о различных нуждающихся в защите и помощи категориях населения – давняя афинская традиция, истоки которой уходят в эпоху архаики. По сообщению Диогена Лаэртца, она восходит к Солону, который уменьшил награды за гимнастические соревнования, говоря: «Нехорошо излишествовать в таких наградах, когда столько есть граждан, павших в бою, чьих детей надо кормить и воспитывать на народный счет (ὄν καὶ τοὺς υἱοὺς δημοσίᾳ τρέφεσθαι καὶ παιδεύεσθαι)» (Diog. Laert. I. 55; пер. М.Л. Гаспарова). Ряд исследователей допускают, что Солон действительно мог быть автором данного закона¹, к тому же Плутарх приписал афинскому законодателю похожую инициативу о содержании за счет государства солдат, изувеченных на войне (Plut. Sol. 31)². Херонейский историк ссылается здесь на философа IV в. до н.э. Гераклида Понтийского, назвавшего по имени бенефициара солоновской инициативы – изувеченного Терсиппа (последний известен только по этому Плутархову упоминанию). Потом аналогичный закон будто бы выпустил и Писистрат³, подражая великому реформатору (Plut. Sol. 31). Схолист к Эсхину также считал Солона автором закона о пенсии для инвалидов (Schol. Aesch. I. 103), хотя вполне возможно, что мы имеем здесь пример того, как все добрые дела и законы приписывались афинскому законодателю. Впрочем, Р. Страуд опровергал доводы скептиков, обращая внимание на заботу Солона о сохранении афинских οἴκοι, – первая из солоновских скрижалей (ἄξονες)⁴ содержала поручение архонту обеспечить едой вдов и сирот (Harp; Suda, s.v. σῖτος)⁵. Не исключена возможность того, что какая-то государственная благотворительность по отношению к отдельным сирым и убогим во времена Солона и Писистрата действительно была, но она носила, скорее всего, выборочный и спорадический характер, и едва ли мы можем говорить о существовании подобного *института* для Афин эпохи архаики.

Интересно наблюдение немецкого исследователя Э. Рушенбуша⁶, указавшего на связь между установлением государственного попечения о военных сиротах и ежегодной надгробной речью в память о павших в войне. Данный обычай некоторые источники тоже приписывали Солону (Schol. Thuc. II. 46), но есть указание Диодора Сицилийского и Дионисия Галикарнасского на то, что он был введен в 480-х или начале 470-х гг. – либо после Марафона, либо (скорее всего) после битвы при Платеях (Diod. XI. 33; Dion. Hal. V. 17. 3). В «Афинской политике» Аристотеля приводится длинный список тех, кто получал различные выплаты (главным образом, жалованья) от афинского государства, есть там и сироты (Arist.

¹ Schulthess 1886, 20–21; Dorjahn 1939, 1199; Dillon 1995, 28–29.

² Ф. Якоби считал Гераклида крайне ненадежным источником: Jacoby 1954.2, 452.

³ Некоторые исследователи допускали, что Писистрат действительно издал закон о пенсиях для получивших увечье на войне, который потом был расширен с включением в него «немошных» (ἀδύνατοι): Schulthess 1886, 20; Thalheim 1894, 440. Якоби это мнение опровергает, считая подобное пособие анахронизмом для времени Солона и Писистрата (Jacoby 1954.1, 563).

⁴ ἄξονες (от ἄξων, ось): состояли их четырехугольных табличек, имевших общую ось.

⁵ Stroud 1971, 288.

⁶ Ruschenbusch 1966, 43–44.

Ath. pol. 24. 3). Этот список появляется в контексте рассказа о деятельности Аристиды и проведенной им раскладке форося для членов Делосского морского союза, т. е. хронологически он как бы относится к периоду 470-х–60-х гг. Однако комментатор «Афинской политики» П. Родс полагал неразумным делать вывод из этого пассажа о времени появления данного института⁷.

В «Политике» Аристотель рассуждает о предложенных Гипподамом Милетским (498–408 гг.), известным архитектором и теоретиком урбанизма, законах, в их числе о том, что дети павших на войне должны воспитываться за казенный счет: ἔτι δὲ νόμον ἐτίθει <...> καὶ τοῖς παισὶ τῶν ἐν τῷ πολέμῳ τελευτώντων ἐκ δημοσίου γίνεσθαι τὴν τροφήν (Arist. Pol. 1268a 8–9). Далее Стагирит замечает, что такого рода закон существует сейчас в Афинах и в других полисах (ἔστι δὲ καὶ ἐν Ἀθήναις οὗτος ὁ νόμος νῦν καὶ ἐν ἑτέροις τῶν πόλεων – *ibid.*, 11), не уточняя, когда этот закон появился. П. Родс не исключал того, что милетский закон – самый ранний⁸, тогда как немецкий исследователь О. Шульцес предполагал, что Гипподам познакомился с практикой гособеспечения военных сирот как раз в Афинах, тесно общаясь с Периклом в процессе строительства пирейской стены, а вернувшись в Милет, выдал афинский закон за собственную идею⁹.

В одной афинской надписи – декрете о праздновании Элевсинских мистерий, датированной приблизительно 475–450 гг. до н. э.¹⁰, упоминаются сироты: [.]β[....] ἐν τοῦ [ὁ]ρφ[ανον...5..] [.] τὸς ὀρφανὸς παῖ[δας] καὶ τὸς [IG I³ 6 С, 40–41]. Контекст, правда, неясен, сохранилось лишь несколько слов: речь, видимо, идет о каких-то условиях участия детей в праздновании Элевсинских мистерий, но данное упоминание толкуется как свидетельство государственной поддержки сирот¹¹.

Таким образом, мы можем лишь строить предположения о времени появления в Афинах закона о помощи военным сиротам, но во времена Перикла – это уже устоявшаяся практика. Лидер афинской демократии, почтив память павших в первый год Пелопоннесской войны в своей знаменитой Надгробной речи, заявляет: их детей полис будет содержать «до возмужалости на государственной счет (τὰ δὲ αὐτῶν τοὺς παῖδας τὸ ἀπὸ τοῦδε δημοσίου ἢ πόλις μέχρι ἤβης θρέψει), тем самым присуждая полезный венок за участие в славной борьбе и умершим, и оставшимся в живых» (Thuc. II. 46. 1, пер. Ф.С. Мищенко).

Среди сирот павших героев, очевидно, были не только мальчики, но и девочки: возникает вопрос, оказывалась ли государственная помощь и им тоже. Нам ничего неизвестно о гособеспечении осиротевших афинянок, за исключением особых случаев, упомянутых Плутархом в биографии Аристиды. Когда афиняне узнали, что внучка тираноубийцы Аристокрита живет в нужде на Лемносе и из-за бедности не может выйти замуж, они перевезли ее в Афины и отдали в жены знатному человеку, дав в приданое поместье. Дочерям умершего в бедности Аристиды полис назначил каждой три тысячи драхм приданого, и они были выданы замуж из пританей¹² за общественный счет (Plut. Arist.

⁷ Rhodes 1993, 309.

⁸ Rhodes 1993, 308–309.

⁹ Schulthess 1886, 15–16.

¹⁰ Lambert 2020, 21, 28.

¹¹ Stroud 1971, 288; Dillon 1995, 29.

¹² Кстати, в надписи с декретом Феозотида (см. ниже) пританей тоже будет упомянут (стк. 12) – правда, какова его роль, из сильно испорченного текста неясно: Stroud 1971, 290.

27). Но это именно исключительные, «несистемные» случаи. В то же время на Фасосе, судя по найденной в 1952 г. надписи, дочери павших на войне получали от полиса приданое по достижении 14-летнего возраста, а мальчики, став совершеннолетними, – полное вооружение, т. е. паноплию (поножи, доспехи кинжал, шлем, щит, копье), стоимостью не менее трех мин (Thasos, I, 141, 16–22)¹³. Похожее постановление, по сообщению Диодора Сицилийского, приняли родосцы во времена войн диадохов, когда Деметрий Полиоркет осаждал остров (в 305/4 г.): родителей и детей павших в войне содержать за общественный счет, незамужних дочерей обеспечить приданым (τοὺς δὲ γονεῖς καὶ παῖδας τρέφεσθαι λαμβάνοντας τὴν χορηγίαν ἀπὸ τοῦ κοινοῦ ταμείου, καὶ τὰς μὲν παρθένους δημοσίᾳ προκίττεισθαι), мальчиков же по достижении зрелости увенчать в театре во время Дионисий и снабдить паноплией¹⁴ (τοὺς δ' υἱοὺς ἐν ἡλικίᾳ γενομένους ἐν τῷ θεάτρῳ στεφανῶσαι τοῖς Διονυσίοις πανοπλίᾳ – Diod. XX. 84. 3).

В источниках определенно указывается, что попечение о сиротах продолжалось до их возмужалости – μέχρι ἡβῆς, т. е. до 18 лет (Thuc. II. 46. 1; Plat. Menexen. 249a; Ael. Aristid. Panath. 368 (310, ed. Dindorf); ср. Suda, s.v. Ἀμύνασθαι; ἀμύναιντο – со ссылкой на Кратина), а по достижении совершеннолетия в некоторых греческих полисах юные сироты снабжались за государственный счет паноплией (Thasos, I. 141. 16–22; Diod. XX. 84. 3). Едва ли это было повсеместной общегреческой практикой: ритор Элий Аристид (II в.) в «Панафинейской речи» приводит ее именно как пример особой заботы афинян об общественном процветании и народном благе (κοινοτάτοις καὶ δημοτικωτάτοις), отличающей их среди прочих эллинов наряду с обычаем ежегодно чтить павших в погребальной речи и обеспечивать инвалидов пособием¹⁵ (Ael. Aristid. Panath. 368 (310, ed. Dindorf)). В Афинах достигших совершеннолетия сирот торжественно представляли народу и союзникам, выводя на оркестру театра Диониса в день представления трагедий (Isocr. VIII. 82). Двенадцатый день месяца элафеболиона¹⁶, первый день театрального агона, был традиционно зарезервирован для имеющих общественную значимость представлений: во времена архэ утром выставляли на оркестре взносы союзников (Isocr. VIII. 82; ср.: Aristoph. Ach. 505–508), при случае стратеги совершали возлияние (Plut. Cim. 8, 7–9), затем выводили сирот¹⁷. Эсхин так описывает это действо: «глашатай, выйдя вперед и поставив перед вами сирот, отцы которых погибли на войне, юношей в полном вооружении (τοὺς ὀρφανούς ὧν οἱ πατέρες ἦσαν ἐν τῷ πολέμῳ τετελευτηκότες, νεανίσκους πανοπλίᾳ κεκοσμημένους), делал прекраснейшее и лучше всего склоняющее к доблести объявление. А именно, что народ содержал до совершеннолетия юношей, отцы которых погибли на войне, а теперь, снабдив их полным вооружением, предоставляет им в добрый час возмож-

¹³ Первая публикация надписи с комментариями: Pouilloux 1954, 371. Он же датировал надпись первой половиной IV в. до н.э. См. также: Romeroy 1982, 116–117; Dillon 1995, 29.

¹⁴ Т. е., как и в фасосской надписи, – полным вооружением пехотинца-гоплита.

¹⁵ ἔθεσι δὲ τίνες κοινοτάτοις καὶ δημοτικωτάτοις ἐχρήσαντο; ἢ τῶν Ἀθηναίων πόλις ὁμοίως Ἀθηναίους τε καὶ πᾶσιν ἀναγκαῖον εἶπεῖν, εἰ τάληθῆ λέγειν ἐθέλοιεν <...> μόνοι δ' ἀπάντων ἀνθρώπων τρία ταῦτ' ἐνομίσατε: τῶν μὲν ὑπὲρ τῆς πόλεως τελευτησάντων αὐτῶν μὲν ἐπαίνους ἐπὶ ταῖς ταφαῖς καθ' ἕκαστον ἔτος λέγειν, τοὺς δὲ παῖδας δημοσίᾳ τρέφειν ἄχρι ἡβῆς, καὶ τηνικαῦτα ἀποπέμπειν ἐπὶ τοὺς πατρῶους οἶκους μετὰ τῶν πανοπλιῶν: τοὺς δ' ἀδυνάτους τῶν πολιτῶν δημοσίᾳ τρέφειν (выделение наше – Т.К.)

¹⁶ Ἐλαφεβολιών - март/апрель

¹⁷ Wilson, Hartwig 2009, 18.

ность заниматься своими делами и приглашает их на почетные места в театре» (Aeschin. III. 154; пер. Л.М. Глускиной). Впрочем, судя по сетованиям Эсхина, в его времена такое торжественное представление уже не устраивалось: «раньше глашатай делал такие объявления, а теперь совсем не то (τότε μὲν ταῦτ' ἐκήρυττεν, ἀλλ' οὐ νῦν)» (ibid., 154–155). Данное замечание оратора дает повод некоторым исследователям утверждать, что к этому моменту вообще программа господдержки сирот была свернута¹⁸, но нам этот вывод представляется чересчур радикальным: скорее, ушла в прошлое пышная церемония, возможно, вместе с паноплией.

Сократ, герой платоновского диалога «Менексен», воспроизводя будто бы погребальную речь, произносимую Аспазией, особо подчеркивает моральный аспект общественного воспитания сыновей погибших и оснащения их паноплией как напоминания об отцовской доблести: «город следит за совместным воспитанием сыновей погибших, заботясь о том, чтобы сиротство было для них по возможности незаметным; он берет на себя роль отца, пока они еще дети, когда же они достигнут возмужалости, отправляет их, снабдив полным вооружением, домой; он указывает им на образ жизни их отцов и напоминает о нем, снабжая их орудиями отцовской доблести» (Plat. Menexen. 249a–b; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн). Чуть выше Платон характеризует то должностное лицо, которому поручена полисом забота о детях и родителях павших, как «высшая власть» (ἀρχὴ ἥπερ μεγίστη – 248e–249a). Очевидно, имеется в виду архонт, но вот какой именно – предмет дискуссии в историографии. Ряд исследователей, ссылаясь на упоминание схолий к Демосфену (Schol. Dem. XXIV. 20), полагают, что Платон имел в виду архонта-полемарха, к тому же философ ниже описывает обязанности именно последнего по устройству поминальных почестей и состязаний (248b–c)¹⁹. Другие, отрицая связь между попечением о мальчиках, чьи отцы погибли на войне, и ἐπιτάφια, отдавали предпочтение архонту-эпониму как тому, чьи обязанности были связаны с заботой о сиротах, наследниках, сиротском имуществе и соответственно – с рассмотрением такого рода судебных дел (Arist. Ath. Pol. 56. 6), к тому же статус первого архонта среди прочих архонтов может быть определен как μεγίστη ἀρχή²⁰. Эта точка зрения представляется нам более обоснованной.

В трактате «О доходах» Ксенофонт упоминает неких «попечителей сирот» (ὄρφανοφύλακας – Xen. Pol. 2. 7). Некоторые считали, что это особые афинские должностные лица наподобие ὄρφανιστῆς, известных нам по другим греческим полисам²¹, что вроде бы подтверждается статьей лексикона Свида: s.v. Ὀρφανιστῶν: ὄρφανιστῆς εἰσὶν οἱ τοὺς ὄρφανούς τρέφοντες. ἢ ὄρφανιστῆς, ἀρχὴ Ἀθῆνῃσι τὰ τῶν ὄρφανῶν κρίνουσα («орфанисты – те, кто воспитывают сирот; или должность в Афинах, ответственная за дела сирот»). Но так как других свидетельств о подобных должностных лицах в Афинах нет, а дела сирот в буквальном смысле были «в ведении» (κρίνουσα) первого архонта, то было высказано предположение, что ὄρφανοφύλακες следует понимать последнего с его помощниками-паредрами²².

¹⁸ Bryant 1907, 88; Stroud 1971, 289; Никитюк 2013, 82.

¹⁹ Lipsius 1905, 64; Busolt, Swoboda 1926, 1093–1094; Dorjahn 1939, 1199; Harrison 1998, 9–10.

²⁰ Schulthess 1886, 23–24; Stroud 1971, 289.

²¹ Baudrillart 1873, 240–241; Ziebarth 1939, 1197.

²² Stroud 1971, 290.

Наконец, какие-то должностные лица (необязательно паредры) могли быть помощниками архонта именно в опеке над военными сиротами.

Один из афинских судебных процессов конца V в. до н.э. напрямую связан с исследуемой проблемой попечения о сиротах – процесс против Феозотида. Он внес в народное собрание псефизму о государственной помощи сыновьям, чьи отцы погибли, сражаясь с тиранией Тридцати²³. Против этого предложения была внесена жалоба на противозаконие – это один из первых известных нам случаев применения *γραφή παρανόμων*²⁴. Несохранившуюся речь для обвинителя на процессе Феозотида написал известный афинский оратор Лисий (Pollux. VIII. 46). В 1906 г. Б. Гренфелл и А. Хант опубликовали найденные на папирусе 22 фрагмента данной речи²⁵. Эти незначительные отрывки являлись главным источником по данному сюжету, пока во время раскопок на афинской агоре в 1970 г. не была найдена стела с текстом псефизмы. Мрамор изрядно подпорчен водой, так как камень служил крышкой Большой дренажной канавы, но часть текста можно прочесть. Надпись изучил, опубликовал, предложил свое восстановление части утраченного текста и откомментировал Р. Страуд, издав результаты своей работы в большой статье в журнале *Nesperia* в 1971 г. Он же датировал декрет 403/402 г. до н.э.²⁶ С предложенной датировкой согласились все исследователи, кроме итальянки И. Калаби Лиментани, которая отнесла документ к 410 г. до н.э. (или несколько позже)²⁷; доводы ее не кажутся убедительными. С тех пор этот декрет неоднократно становился предметом исследования в контексте целого ряда проблем, связанных с его содержанием²⁸. Воздерживаясь в данной статье от подробного анализа и надписи, и процесса Феозотида, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты.

В тексте надписи говорится о помощи детям афинян, которые пали в борьбе с олигархией (стк. 5 – *ἐν τῆι ὀλιγ[αρχίαι]*), помогая демократии (стк. 5-6 – *[β]ο[ηθ]οῦντες τῆι δημοκρατίαι*): это первое употребление данного термина в известных доселе афинских эпиграфических источниках²⁹. Сумма пособия была установлена в один обол (стк. 10). В стк. 15, очевидно, речь шла о докимасии претендующих на пособие: *δοκίμασάτω ἀ[τ]ῶς*. Свидетельств о докимасии сирот у нас фактически нет. Неясна ни ее периодичность, ни даже тот орган (эκκλησία или Совет 500) или должностные лица, которые ее проводили³⁰. Молчат и письменные источники,

²³ О Феозотиде, инициаторе декрета, см. подробнее: Kirchner 1901, 447 (no. 6914); Stroud 1971, 296–297; Davies 1971, 222–223. О том, как Феозотид стал объектом черной магии, см.: Кудрявцева 2010б, 46–47.

²⁴ Первые два случая относятся к 415 г. до н.э., следующий – к 406 г., когда обвинением в противозаконии пытались помешать голосованию в народном собрании о суде над стратегами-победителями, но инициатор жалобы снял ее, испугавшись реакции толпы (Xen. Hel. I. 7. 12–13). Примерно в то же время, что и декрет Феозотида, было оспорено предложение Фрасибула дать гражданские права всем борющимся против тирании. См. подробнее, со ссылками на литературу и источники: Кудрявцева 2008, 352–367.

²⁵ Grenfell, Hunt 1906, 49–55; plate 2.

²⁶ Stroud 1971, 285–294.

²⁷ Calabi Limentani 1985, 115–128.

²⁸ О процессе Феозотида: Кудрявцева 2008, 367–369; там же ссылки на литературу. Впоследствии к декрету и связанным с ним вопросам обращалась: Никитюк 2013, 71–90; 2014, 109–118.

²⁹ Stroud 1971, 285.

³⁰ Schulthess 1886, 37–38.

Псевдо-Ксенофонт просто упоминает сам ее факт (Ps.-Xen. Ath. Pol. III. 4). Содержание надписи, к сожалению, практически ничего не прояснило по данному вопросу.

Судя по надписи и фрагментам речи Лисия, из числа благодетельствованных сирот исключались νόθοι и ποιητοί, т. е. незаконнорожденные и усыновленные³¹, собственно, именно это обстоятельство, видимо, побудило его согласиться на написание обвинительной речи. Оратор сам пострадал от произвола Тридцати: он лишился имущества и едва спасся, бежав в Мегару, а вот его брату Полемарху так не повезло, и тот был казнён (Lys. XII. 8–20); любая почесть павшим в борьбе против тиранов должна была бы вызывать у Лисия сочувствие. Но то, что эти почести достались лишь гражданам (или их законным сыновьям), не могло устроить, к примеру, тех же метеков, к которым принадлежал оратор. Примерно в то же время, когда проходил процесс Феозотида, состоялся процесс по обвинению в противозаконии, внесенном против предложения лидера победивших сторонников демократии Фрасибула наделить гражданскими права всех, кто сражался против тиранов (Arist. Ath. Pol. 40. 2; Aeschin. III. 195; Ps.-Plut. Mor. 835f–836a). Логографом Фрасибула был Лисий. Псефизма была принята экклесией, но против нее была внесена графэ параномон. Фрасибул – соответственно и Лисий – проиграли судебное разбирательство, декрет был отменен³². Процесс Феозотида, в котором оратор помогал инициатору графэ параномон, был также проигран командой Лисия: так как декрет был выбит на стеле, очевидно, он был принят, т. е. жалоба, поданная против него, успеха не имела.

Сара Помрой высказала предположение о том, что в псефизме Феозотида могли быть упомянуты и девочки по примеру фасосского и родосского декретов: об обеспечении мальчиков говорилось в стк. 11–19, а с 20-й строки, по гипотезе исследовательницы, могла идти речь о девочках – после слова καθάτερ... (греч. «подобно тому как, таким образом как»). Тот же факт, что на камне сохранилось некоторое количество имен именно мальчиков, – случайность или нежелание афинян называть по именам девочек из порядочных семей³³. Судя по судебным речам афинских ораторов, действительно существовало неписаное табу на произнесение женских имен: мужчин называли по именам, а женщин идентифицировали по родственникам-мужчинам. Если женщину называли по имени, то это либо особа дурной репутации, ἑταίρα (гетера) и παλλακή (сожительница) – соперница законной жены, либо та, кто связана с противником по процессу, либо усопшая³⁴. Что касается реконструкции американской исследовательницы, то она носит откровенно гипотетический, я бы сказала, фантастический характер. Впрочем, С. Помрой, видимо, чувствуя ее шаткость, тут же добавляет: положение женщин в классических Афинах было хуже, чем где бы то ни было в Греции, и не было бы удивительным, если бы афиняне наградили мальчиков вооружением, а заботу

³¹ Подробнее: Stroud 1971, 299–301; Никитюк 2014, 109–110, 117.

³² Об этом процессе, дискуссии в историографии и возможных причинах проигрыша Фрасибула – см.: Кудрявцева 2008, 356–363.

³³ Potemou 1982, 126.

³⁴ Shaps 1977, 323–330; Кудрявцева 2010а, 14–15.

о благополучии девочек оставили на родственников³⁵. Против этого трудно что-либо возразить...

Таким образом, у нас нет свидетельств, что государственная поддержка в Афинах оказывалась *всем* сиротам, наши источники недвусмысленно указывают именно на мальчиков, чьи отцы пали за родину; благотворительность за общественный счет по отношению к дочерям отдельных выдающихся афинян имела единичный и случайный характер. Однако, учитывая многочисленные войны, которые вели в V в. до н.э. Афины, полисную заботу ощущало на себе значительное количество афинских сирот. В этом отношении мы можем говорить об успешной социальной политике афинской демократии.

ЛИТЕРАТУРА

- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Кудрявцева Т.В. 2010а: Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде. В сб.: В.В. Дементьева (ред.), *Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции*. Ч. 2. Ярославль, 14–17.
- Кудрявцева, Т.В. 2010б: Судебная магия в классической Греции. *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки»* 10, 31–65.
- Никитюк, Е.В. 2013: Социальная политика Афин после восстановления демократии в 403 г. до н.э. по декрету Феозотида. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 13, 71–90.
- Никитюк, Е.В. 2014: Декрет Феозотида: к вопросу об афинских *nothoi*. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 109–118.
- Baudrillart, A. 1873: Orphanistai. In C. Daremberg et E. Saglio (éds.), *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. T. 4. 1. Paris, 240–241.
- Bryant, A. A. 1907: Boyhood and Youth in the Days of Aristophanes. *Harvard Studies in Classical Philology* 18, 73–122.
- Busolt, G., Swoboda, H. 1926: *Griechische Staatskunde*. Bd. 2. München.
- Calabi Limentani, I. 1985: Vittime dell'oligarchia. A proposito del decreto di Teozotide. *Studi in onore di Cesare Sanfilippo*, VI, 115–128.
- Davies, J. K. 1971: *Athenian Propertied Families (600–300 B.C.)*. Oxford.
- Dillon, M. 1995: Payments to the Disabled at Athens: Social Justice or Fear of Aristocratic Patronage? *Ancient Society* 26, 27–57.
- Dorjahn, A. 1939: Ὀρφανοί. In W. Kroll, K. Mittelhaus (eds.), *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVIII, Hbd. 1, 1197–1200.
- Jacoby, F. 1954.1: *Die Fragmente der griechischen Historiker*. T. 3. *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie u. Ethnographie): b (Supplement): A commentary on the ancient historians of Athens (nos. 323a–334)*. Vol. 1: Text. Leiden.
- Jacoby, F. 1954.2: *Die Fragmente der griechischen Historiker*. T. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern. b (Supplement): A commentary on the ancient historians of Athens (nos. 323a–334)*. Vol. 2: Notes, addenda, corrigenda, index: (Horographie u. Ethnographie). Leiden.
- Grenfell, B. P., Hunt, A. S. 1906: *The Hibeh papyri*. P. 1. London.
- Harrison, A. R. W. 1998: *The Law of Athens*. Vol. II. London–Indianapolis.
- Kirchner, J. 1901: *Prosopographia Attica*. Bd. I. Berlin.
- Lambert, S. 2020: *Attic Inscriptions in UK Collections British Museum*. Vol. 4.2. *Decrees of the Council and Assembly*. London.

³⁵ Pomeroy 1982, 126–127.

- Lipsius, J.H. 1905: *Das attische Recht und Rechtsverfahren*. Leipzig.
- Pomeroy, S. 1982: Charieties for Greek Women. *Mnemosyne* 35, 115–135.
- Pouilloux, J. 1954: *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*. Paris.
- Rhodes, P.J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Ruschenbusch, E. 1966: *Solonos Nomoi. Die Fragmente des Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden.
- Shaps, D. 1977: The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names. *Classical Quarterly* 27 (n. s.), 323–330.
- Stroud, R.S. 1971: Theozotides and the Athenian Orphans. *Hesperia* 40, 279–301.
- Thalheim, Th. 1894: Ἀδύνατοι. In G. Wissowa (ed.), *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. I, 440.
- Wilson, P., Hartwig, A. 2009: IG I³ 102 and the Tradition of Proclaiming Honours at the Tragic Agon of the Athenian City Dionysia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 169, 17–27.
- Ziebarth, E. Ὀρφανιστάι. In W. Kroll, K. Mittelhaus (eds.), *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVIII, Hbd. 1, 1197.

REFERENCES

- Baudrillart A. 1873: Orphanistai. In C. Daremberg et E. Saglio (éds.), *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. T. 4. 1. Paris, 240–241.
- Bryant, A.A. 1907: Boyhood and Youth in the Days of Aristophanes. *Harvard Studies in Classical Philology* 18, 73–122.
- Busolt, G., Swoboda, H. 1926: *Griechische Staatskunde*. Bd. 2. München.
- Calabi Limentani, I. 1985: Vittime dell'oligarchia. A proposito del decreto di Teozotide. *Studi in onore di Cesare Sanfilippo*, VI, 115–128.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families (600–300 B.C.)*. Oxford.
- Dillon, M. 1995: Payments to the Disabled at Athens: Social Justice or Fear of Aristocratic Patronage? *Ancient Society* 26, 27–57.
- Dorjahn, A. 1939: Ὀρφανοί. In W. Kroll, K. Mittelhaus (eds.), *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVIII. Hbd. 1, 1197–1200.
- Grenfell, B.P., Hunt, A.S. 1906: *The Hibeh papyri*. P. 1. London.
- Harrison, A.R.W. 1998: *The Law of Athens*. Vol. II. London–Indianapolis.
- Jacoby, F. 1954.1: *Die Fragmente der griechischen Historiker*. T. 3. *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie u. Ethnographie): b (Supplement): A commentary on the ancient historians of Athens (nos. 323a–334)*. Vol. 1: *Text*. Leiden.
- Jacoby, F. 1954.2: *Die Fragmente der griechischen Historiker*. T. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern. b (Supplement): A commentary on the ancient historians of Athens (nos. 323a–334)*. Vol. 2: *Notes, addenda, corrigenda, index: (Horographie u. Ethnographie)*. Leiden.
- Kudryavtseva, T.V. 2010b: Sudebnaya magiya v klassicheskoy Gretsii [The judicial magic in Classical Greece]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Scientific History"] 10, 31–65.
- Kudryavtseva, T.V. 2008: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinakh* [The Popular Court in Democratic Athens]. St. Petersburg.
- Kudryavtseva, T.V. 2010a: Zhenshchina i polis: afinskaya gorozhanka v narodnom sude. In V.V. Dementeva (ed.), *Gorod v Antichnosti i Srednevekov'e: obshcheevropeiskiy kontekst. Doklady mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [A City in Antiquity and the Middle Ages: a pan-European context. Reports of the international scientific conference]. P. 2. Yaroslavl, 14–17.

- Lambert, S. 2020: *Attic Inscriptions in UK Collections British Museum*. Vol. 4.2: *Decrees of the Council and Assembly*. London.
- Lipsius, J.H. 1905: *Das attische Recht und Rechtsverfahren*. Leipzig.
- Nikityuk, E.V. 2013: Sotsial'naya politika Afin posle vosstanovleniya demokratii v 403 g. do n.e. po dekretu Feozotida [Athenian social policy after restoration of democracy in 403 BC according to decree of Theozotides]. In *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Research and publications on the history of the Ancient World] 13, 71–90.
- Nikityuk, E.V. 2014: Dekret Feozotida: k voprosu ob afinskikh nothoi [Decree of Theozotides: to a question about Athenian nothoi]. In *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Research and publications on the history of the Ancient World] 14, 109–118.
- Pomeroy, S. 1982: Charieties for Greek Women. *Mnemosyne* 35, 115–135.
- Pouilloux, J. 1954: *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*. Paris.
- Rhodes, P. J. 1993: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Ruschenbusch, E. 1966: *Solonos Nomoi. Die Fragmente des Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden.
- Shaps, D. 1977: The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names. *Classical Quarterly* 27 (n. s.), 323–330.
- Stroud, R.S. 1971: Theozotides and the Athenian Orphans. *Hesperia* 40, 279–301.
- Thalheim, Th. 1894: Ἀδύνατοι. In G. Wissowa (ed.). *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. I, 440.
- Wilson, P., Hartwig, A. 2009: IG I³ 102 and the Tradition of Proclaiming Honours at the Tragic Agon of the Athenian City Dionysia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 169, 17–27.
- Ziebarth, E. Ὀρφανιστῆς In W. Kroll, K. Mittelhaus (eds.). *Paulys Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVIII, Hbd. 1, 1197.

PUBLIC SUPPORT FOR ORPHANS IN ATHENIAN POLIS AND THEOZOTIDES' DECREE

Tatyana V. Kudryavtseva

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: tatyana@yandex.ru

Abstract. The paper examines the state support of war-orphans at Athens. Its connection with the development of Athenian democracy suggests itself, although some ancient authors say that public care for various categories of the population in need of protection and assistance was an old Athenian tradition, the origins of which went back to the Archaic era. It is possible that some kind of state charity in relation to some vulnerable social strata did exist during the time of Solon and Peisistratus, but it was of a random and selective nature. We can only speculate about the time of appearance at Athens public aid to the orphans of war-dead, but by the time of Pericles' funeral oration, it was already an established practice. The sources definitely indicate that the care of orphans continued until they reached adulthood, and on coming of age the orphans at Athens and some other Greek cities were supplied with panoplies (a suit of armor) at the state expense. Some scholars, referring to Aeschines (III. 154–155), believe that after the middle of the 4th century B.C. the program of public support for orphans was curtailed, but this conclusion seems too radical to us. The article touches upon the plot related to the decree and

the trial of Theozotides and rejects S. Pomeroy's hypothesis that girls could also be mentioned in the Theozotides' psephisma, following the example of the Thasos and Rhodes decrees granting dowries at the expense of the state to unmarried daughters of those who died in battles. The conclusion is made: we have no evidence that public support in Athens was provided to all orphans, our sources unequivocally point specifically to boys whose fathers died fighting for the state; charity at the public expense in relation to the daughters of certain prominent Athenians was of an isolated and accidental nature. However, given the numerous wars that Athens waged in the 5th century BC, a significant number of Athenian fatherless children felt the care of the polis.

Keywords: Ancient Greece, Athens, orphans, state support, panoply, Lysias, Theozotides, trial.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-175–186

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ НЕОПЛАТОНИК АГАПИЙ И ЕГО ШКОЛА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

И.В. Денисова¹, М.М. Сеница²

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

¹ E-mail: eivv@mail.ru,

² E-mail: sinitcam@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-6612-4191

² ORCID: 0000-0002-3832-4321

Аннотация. В статье анализируется жизнь и деятельность философа-неоплатоника Агапия, который жил во второй половине V – начале VI вв. и являлся основателем в Константинополе собственной философской школы. Агапий был последним учеником знаменитого позднеантичного афинского неоплатоника Прокла Диадоха. Биография и научная деятельность Агапия реконструируется на основе сообщений Дамаския, по данным «Суды» (X в.), а также сочинений ранневизантийского писателя-антиквара первой половины VI в. Иоанна Лида, являвшегося единственным точно известным учеником Агапия. При этом Иоанн Лид и сам позже стал преподавать в Константинопольской школе (наряду с императорским Аудиториумом). Помимо Лида у Агапия мог быть и еще один ученик – поэт Христордор Коптский. Сам Агапий отличался энциклопедизмом, будучи философом и медиком (иатрософистом), а также занимаясь грамматикой, риторикой и филологическими штудиями. Он был последователем язычества, став жертвой антиязыческих гонений в Александрии в конце V века, из-за чего вынужден был переехать в Константинополь. Агапий происходил из Александрии и был близок к александрийским интеллектуальным кругам. В Константинополе Агапий основал собственную школу, вероятно воспроизводящую традиции школ Александрии, которая, по словам Дамаския, была процветающей. Обучение в школе было платным и весьма дорогостоящим. Школа Агапия в Константинополе стала важным звеном культурного континуитета в ранневизантийскую эпоху. Прекрасная эрудиция Агапия и его компетентность в различных областях знаний, как в естественнонаучных и медицинских, так в философии, грамматике и риторике, позволили его школе стать популярной в столице империи.

Ключевые слова: Агапий, позднеантичный неоплатонизм, Ранняя Византия, Дамаский, Иоанн Лид.

Данные об авторах: Ирина Викторовна Денисова – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета педагогического института НИУ «БелГУ», директор музея истории НИУ «БелГУ»; Марина Михайловна Сеница – кандидат исторических наук, НИУ «БелГУ».

В настоящей статье идет речь о ранневизантийском неоплатоническом философе Агапии, от которого его собственных сочинений не сохранилось. Это философ–неоплатоник второй половины V – первой половины VI в., являвшийся учеником крупнейшего философа-неоплатоника поздней античности Прокла (ок. 410–485 гг.)¹.

Об Агапии дошли некоторые сведения из византийского словаря X в. «Суда»², опиравшегося на «Ономатолог» писателя первой половины VI в. Гесихия Милетского³, а также из сочинения «Философская история» («Жизнь Исидора») последнего схоласта Афинской школы Дамаския⁴. Наиболее важные сведения о работе школы Агапия в Константинополе содержатся в трактате «О магистратах»⁵ ранневизантийского чиновника первой половины VI в. Иоанна Лида (род. в 490 г.), единственного точно известного ученика Агапия.

Изучение жизни и деятельности Агапия дополняет картину состояния античной неоплатонической философии в Ранней Византии в первой половине VI в., добавляя к информации о положении неоплатонических школ в основных философских центрах – Афинах и Александрии – сведения о Константинопольской школе.

Год рождения Агапия неизвестен. Известно, что он был современником Дамаския, то есть, жил во второй половине V – первой половине VI в.

У Дамаския и в «Суде» сохранилось несколько мест с упоминанием Агапия (частично этот текст совпадает). Две статьи «Суды» посвящены специально Агапию: в первой сообщается, что Агапий был уроженцем Александрии, искусственным в медицинских знаниях, основавшим весьма известную школу в Константинополе (Suid. A 158), а во второй – что Агапий – афинский философ, ученик Прокла и Марина (Suid. A 157). В ряде других статей «Суды» Агапий также упоминается, но косвенно. В историографии из-за этого закрепилось мнение о двух Агапиях, которое отражено в PRLE II («Просопографии Поздней Римской империи»⁶) – в статьях Agapius 2⁷ и Agapius 3⁸.

Однако сделавшая новую реконструкцию текста «Философской истории» («Жизни Исидора») Дамаския с учетом статей «Суды» П. Афанассиади пришла к выводу, что речь идет об одном и том же лице, и поэтому она объединяет две статьи о происхождении Агапия в один параграф в своем издании «Жизни Исидора» (Dam. 107).

Мы также разделяем эту точку зрения. Если обратиться к источникам, то мы обнаружим, что относительно происхождения двух Агапиев в них нет противоречия. В одной статье «Суды» говорится об Александрии: «Александриец родом» (Ἀλεξανδρεὺς μὲν τὸ γένος) (Suid. A 158); во второй мы читаем: «Афинский фило-

¹ Лосев 2000, 28; Болгова 2018, 167–183.

² См.: Bekkeri 1854; Reimeri 1854.

³ См.: Hesychii 1882.

⁴ Реконструкцию текста этого сочинения, сохранившегося во фрагментах, см.: Athanassiadi 1999; русский перевод: Болгов 2019а.

⁵ См.: Bandy 2013.

⁶ Martindale 1980.

⁷ Agapius 2: PLRE II, 32.

⁸ Agapius 3: PLRE II, 32–33.

⁹ См.: Athanassiadi 1999.

соф» (Ἀθηναῖος φιλόσοφος) (Suid. A 157). То есть, во втором случае конкретно не указано, что это был философ из Афин. Он мог там просто обучаться и принадлежать к этой школе, сам происходя из Александрии. Это было обычным явлением, ведь в Афины из Александрии переехал сам Прокл, александрийское происхождение имел его учитель Сириан, а также зять Сириана Гермий, который вернулся в Александрию после обучения и основал там собственную школу. Его дети Аммоний и Гелиодор также ездили в Афины и были учениками Прокла. Александрийский философ Исидор обучался в Афинах у Прокла, однако затем вернулся в Александрию¹⁰.

Также у Дамаския есть упоминание о репрессиях, которым подвергся философ (а не медик) Агапий в Александрии. Иоанн Лид же в Константинополе посещал именно философскую, а не медицинскую школу (Lyd. De mag. III. 26). Однако разделять медицинское и философское образование применительно к поздней античности неверно. Зачастую высшая школа того времени была широкопрофильной, одновременно осуществляя медицинскую и философскую подготовку студента, который в итоге становился врачом-философом – иатрософистом. Именно такие школы были наиболее распространены в Александрии¹¹. Таким иатрософистом, вероятно, был и Агапий.

Подтверждает идею Афанасиади и то, что хотя афинский философ Агапий являлся учеником Прокла и Марина, последний в своем трактате «Прокл, или о счастье»¹² его вообще не упоминает, что было бы странно, если бы Агапий действительно жил и работал в Афинах при нем.

Поэтому, исходя из всего вышесказанного, мы принимаем версию Афанасиади, а не кембриджских авторов PRLE II, и попытаемся реконструировать жизнь и деятельность Агапия на основе всех имеющихся данных.

П. Афанасиади предполагает, что Агапий родился около 460 г.¹³, так как он был поздним учеником Прокла (умершего в 485 г.) и закончил обучение уже у Марина. Подтверждением этого служит то, что Иоанн Лид приводит цитату из несохранившейся работы «Об учениках Прокла» своего старшего современника Христодора Коптского, – автора конца V в., известного поэта и автора экфрасиса на бани Зевксиппа в Константинополе¹⁴, – которая указывает, что Агапий был последним учеником Прокла, но лучшим из всех (Lyd. De mag. III.26).

Агапий был очень умен и эрудирован. Дамаский отмечает, что он с детства был подготовлен в свободных искусствах, отличаясь природным талантом, а также стал выдающимся в искусстве медицины. По мнению Афанасиади¹⁵, Агапий мог быть близок с известным александрийским врачом второй половины V – начала VI в. Гессием, однако об их отношениях нет информации в источниках. В любом случае, Агапий явно знал Дамаския, а также весь интеллектуальный круг Александрии, в частности, не мог не знать александрийских по происхождению учеников Прокла: Исидора, Асклепидота, Аммония и Гелиодора, а также их дру-

¹⁰ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

¹¹ Болгова 2019, 108.

¹² Лосев 1986, 441–454.

¹³ Athanassiadi 1999, 278.

¹⁴ Christodorus, 293.

¹⁵ Athanassiadi 1999, 278.

зей и глав собственных философских школ – Горapolлона, Гераиска и Асклепиада¹⁶, и, вероятно, также и Гессия, являвшегося учеником Аммония (Zach. Ammon. 360–365)¹⁷. Со студентами школы Аммония в Александрии был знаком и полемизировал известный христианский историк и епископ Захария Митиленский (Zach. Ammon. intr.), возможно, приходившийся братом ритору Прокопию Газскому¹⁸, близкому другу Гессия (Proc. Gaz. Epist. 16, 102, 122, 125, 164)¹⁹.

Занимаясь философией у Прокла и Марина, Агапий отличался необычайной любовью к учению и мог решить самые неразрешимые апории (философские задачи) (Dam. 107).

Помимо занятия философскими и медицинскими науками Агапий углубленно занимался исследованиями в области грамматики и риторики. По словам Дамаския, Агапий изучал древний язык далеко за пределами обычного, вызывая восхищение как в Александрии, так и в Константинополе. Агапий хотел быть исследователем и критиком в этих двух науках (Dam. 127). На поприще филологии Агапий также добился существенных успехов. Профессиональный ритор Дамаский сообщает, что знал только троих человек, кто мог делать качественный критический разбор и оценку всех жанров поэзии и прозы: Агапия, Севериана и Нома, своего сверстника, при том, что, по его словам, обычно у риториков и критиков была специализация на поэзии и прозе (Dam. 106). Хотя Ном, вероятно, специализировавшийся на риторике, превосходил по таланту в области критики всех жанров литературы Агапия, последний все равно был назван в тройке лучших (Dam. 109).

За энциклопедизм и глубокие и безупречные знания во всех областях науки Агапий получил прозвище «квадрат мудрости» (τετράγωνος εἶναι καὶ ἦν τὴν σοφίαν), что должно было символизировать совершенство и глубину его эрудиции (Dam. 127).

По характеру Агапий также был очень обаятелен. Он был и серьезен, и общителен, проявляя серьезность и глубину во всех научных исследованиях и самосовершенствовании. Он вел высоко моральную жизнь, так что даже враги не могли его ни в чем упрекнуть (Dam. 126–127).

В то же время, Агапий был, как и его учитель Прокл, язычником и стал жертвой преследований, обрушившихся на философские и риторические языческие школы в Александрии со стороны христиан-филопонов в 480-е гг.²⁰ Вместе с другими философами его арестовали и подвергли допросам, однако не смогли найти на него никакого компромата. Он переносил допросы и, вероятно, пытки со стойкостью и терпением (Dam. 126–127).

После репрессий Агапий вынужден был покинуть Александрию. Это случилось после 489 г., который можно считать финальной датой преследований на основе «Жития Севера» Захарии Митиленского (Zach. V. Sev. 54)²¹.

¹⁶ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

¹⁷ См.: Sorabji, 2012, 93–177.

¹⁸ Манохин 2018, 86.

¹⁹ См.: Amato, 2010.

²⁰ Athanassiadi 1993.

²¹ Болгов 2019б.

Но философ отправился не в Афины, о чем нет никаких сведений, а в столицу империи Константинополь. Вероятно, это было связано с упадком философской школы Афин в то время, а времена ученичества Агапия у Прокла имели место много раньше, до смерти философа²².

В столице империи Агапий основал свою школу, которая быстро приобрела популярность и известность и приносила ему большой доход. Информация об основании школы Агапия в Константинополе у Дамаския связана с сообщением об успехах Агапия в медицине и подразумевает ее медицинскую направленность (Dam. 107). В то же время, упоминаемое Дамаскием признание, которое получил Агапий в Константинополе за филологические штудии (Dam. 127), позволяет предположить и преподавание там грамматики и риторики. Сопоставляя эту информацию с данными Иоанна Лида, можно сделать вывод, что Агапий основал философскую и медицинскую (иатрософистическую) школу в Константинополе университетского типа, подобную тем, что были в Александрии. Она была необычна для столицы, именно поэтому пользовалась такой популярностью. Известно, что она существовала в 511 г., когда туда поступил 21-летний Иоанн Лид (Lyd. De mag. III.26).

Обучение в этой высшей школе было весьма дорогостоящим, – Агапий получал с нее весьма высокий доход, который удивлял Дамаския (Dam. 107). Иоанн Лид за обучение, вероятно, платил много денег, что позволяет пролить статус на социально–экономическое положение его собственной семьи. По мнению М. Мааса, она принадлежала к социальной верхушке Филадельфии Лидийской, дав Иоанну хорошее классическое образование, включая знание латинского языка и античной философии²³.

Но, возможно, были и другие связи между Иоанном Лидом и Агапием, определившие то, почему лидийский автор поступил именно в школу александрийского иатрософиста. Дело в том, что в Ранней Византии огромную роль при поступлении на службу или образовательное учреждение играли неформальные связи²⁴. В данном случае родной город Иоанна Лида – Филадельфия Лидийская (Lyd. De mag. III. 26), по свидетельству Марина – стал местом, куда некогда отправился Прокл в вынужденное изгнание на один год из Афин (Marin. V. Proc. 15). Иоанн Лид упоминает это событие в своем другом трактате «О месяцах»²⁵, с гордостью сообщая, что Прокл и его окружение называли Лидию «маленькими Афинами» за наличие в городе идолов, фестивалей и праздников (Lyd. De mens. IV.2). Агапий мог тогда входить в группу учеников Прокла, отправившихся с философом в изгнание, и там познакомиться с родителями Лида и их родственниками. Именно они потом могли рекомендовать Агапию в его школу любознательного юношу, которого первый с удовольствием принял.

Это позволяет немного переосмыслить дату рождения Агапия и время его ученичества у Прокла. Если он посещал Филадельфию, путешествие куда Прокл

²² Jones 1999, 81–88.

²³ Maas 1992, 25.

²⁴ Kalogeras 2005, 133–143.

²⁵ См.: Bandy 2013. Традиционное издание Р. Вюнша (Wuensch 1898) по структуре и нумерации глав несколько отличается от издания А. Бэнди, которое нами используется в данной работе и по которому даны ссылки. Сопоставление структуры и порядка глав дано в статье о конкордансе изданий. См.: Сеница 2016, 147–176.

предпринял во второй половине V в. (более точных данных нет), то он мог родиться раньше 460 г. Ведь иначе путешествие должно было бы быть около 480 г., когда Прокл болел и отошел даже от преподавания. Изгнание же случилось, когда Прокл был в расцвете сил и даже пытался заниматься политикой (Marin. V. Proc. 15–16). Поэтому изгнание могло быть около 470–475 гг., что дает дату для рождения Агапия около 450–455 гг.

Впрочем, данная гипотеза имеет и свои минусы. У Иоанна Лида дана вполне четкая характеристика Агапия и указание на то, что он был последним учеником Прокла, но лучшим из всех (Lyd. De mag. III. 26). Если бы он сопровождал Прокла в путешествии, он вряд ли бы мог таковым быть. Есть еще один важный момент – Агапий не участвовал в дележе философского наследия Афинской школы – «Золотой цепи Платона». Исследователь Э. Уоттс вообще не упоминает Агапия, подробно говоря об истории Афинской школы во второй половине V–VI в.²⁶ Почему «лучший из всех» (πρωτίστος ἀπ'αὐτῶν) даже не участвовал в принятии наследия великого схоларха? Вероятно, потому что перед смертью Прокла еще только-только начал свое обучение, и не был готов к преемству. Да и описание событий Дамаскием создает ощущение, что Агапий был достаточно молодым человеком – тон Дамаския по отношению к нему не содержит пиетета, а выражает отношение скорее как к сверстнику. Агапию, вероятно, было около 30 лет на момент репрессий в Александрии.

Таким образом, скорее всего, Агапий, действительно, родился около 460 г. и не мог участвовать в путешествии своего учителя. Однако это не отменяет факт наличия социальных связей. Агапий мог знать о путешествии от более старших студентов, выступивших посредниками между ним и семьей Лида.

Помимо Лида у Агапия мог быть и еще один ученик – поэт Христордор Коптский. О Христордоре в «Суде» также имеется две статьи, как и об Агапии (Suid. X 525, 526). Он жил во времена императора Анастасия I (491–518) и известен как автор поэтических сочинений, посвященных древностям городов (Suid. X 525). Самое известное из них – «Экфрасис Зевксипповых терм в Константинополе», которое сохранилось во II книге «Палатинской антологии» (Ant. Pal. II)²⁷. В этом произведении он составил эпиграммы в античном духе на все статуи Зевксипповых терм, пересказывая мифы и легенды о них²⁸. Это говорит о том, что он увлекался древностями и античной культурой и мог воспринимать идеи античного язычества, воспроизводимого школой Прокла, с питомцами которой он был знаком, а скорее всего и сам принадлежал к этому кругу. Так как Христордор жил в Константинополе, а до этого в Египте в Фивах, пересечься с последователями Прокла он мог, скорее всего в столице. И так как его книгу знал и читал Иоанн Лид, он принадлежал к поколению 470–480-х гг., то есть между Агапием и Лидом. Предположительно поэтому Христордор обучался в Афинах именно у Агапия, а не у самого Прокла или Марина. Именно от Агапия Христордор мог узнать обо всех учениках Прокла. Информация о его произведениях в жанре «патриа» («происхождения») о городах Фессалоники, Наклес, Траллы, Милет (Suid. X 525), позволяет выдвинуть гипотезу, что помимо Константинополя он посещал и эти города.

²⁶ См.: Watts 2008.

²⁷ См.: Paton 1920.

²⁸ См.: Болгов, Сбитнева, Ляховская 2011, 28–34; Болгов, Сеница 2012, 19–31.

Относительно преподаваемых дисциплин в школе Агапия, то Иоанн Лид сообщает, что он изучал там основы учения Аристотеля, а также успел послушать до своего вступления на государственную службу нечто из философии Платона (*Lyd. De mag.* III. 26). В своих произведениях Иоанн Лид активно обращается к философским учениям античности²⁹, и именно в русле неоплатонизма. Наиболее любимые цитируемые им авторы – Платон и Аристотель. Аристотелевское учение он применяет даже для анализа эволюции политической системы римского (ромейского) государства (*Lyd. De mag.* II. 23–24). Также Иоанн Лид охотно цитирует неоплатоников, таких как Плотин, Порфирий, Прокл, Ямвлих, и др., а также достаточно часто примыкающие к неоплатонизму так называемые «Халдейские оракулы» и орфические тексты³⁰. Данные темы развивались еще в Афинах Проклом, который уделял большое внимание религиозному аспекту платоновской философии. Его дело продолжил и Дамаский. Видимо, Агапий в своей школе также преподавал эти темы, будучи наиболее поздним учеником Прокла, который к тому времени погрузился в языческие религиозные практики (*Marin. V. Proc.* 28). Возможно, именно из школы Агапия Иоанн Лид почерпнул огромный интерес и любовь к изучению древности, развивая впоследствии антикварный жанр в ранневизантийской литературе³¹.

Что касается медицинского аспекта школы, то Лид не сообщает, что посещал лекции по медицине у Агапия. Однако в его трактатах можно найти много естественнонаучной информации, в том числе и по этой области. В сочинении «О знаменьях»³² он уделяет большое внимание природным явлениям, по сути, объединив естественнонаучные знания о затмениях, землетрясениях, ударах грома и молнии, ветрах и извержениях вулканов с древнеримской языческой религией – предсказаниями будущего по данным феноменам. Кажется, что эти штудии Иоанна Лида были плодом обучения в школе Агапия. В сочинении «О месяцах» он рассуждает о рождении и развитии человека, его умирании и разложении тела, ссылается на труды Гиппократов (*Lyd. De mens.* II. 27, IV. 21–23). В сочинении «О знаменьях» в одной из глав Лид размышляет о природе землетрясений (*Lyd. De ost.* 53), строя свои рассуждения в русле капиллярной теории кровеносных сосудов, развиваемой Аристотелем и античными медиками³³. Все это может говорить о том, что Лид был знаком и с медицинскими лекциями Агапия.

Иоанн Лид впоследствии и сам стал преподавателем в Константинопольской высшей школе – протоуниверситете «Аудиториум», – будучи назначен туда имперским указом (*Lyd. De mag.* III. 29). Хотя исследователи склоняются к тому, что он там преподавал латынь, однако точно об этом неизвестно³⁴. М. Маас считает трактаты Лида своего рода учебниками для своей аудитории³⁵. Огромное изобилие философских аллюзий в трактате «О месяцах» может указывать на то, что

²⁹ Maas 1992, 49–50, 83.

³⁰ Перечисление всех источников, используемых Иоанном Лидом, дано М. Маасом в специальном Appendix к его работе по Лиду, см.: Maas 1992, 101–134.

³¹ Maas 1992, 45.

³² См.: Wachsmuth 1897; Bandy 2013.

³³ Rota 2015, 453–521.

³⁴ Подробно о том, какую дисциплину мог преподавать Иоанн Лид и дискуссии исследователей по этому поводу, см.: Сеница 2017, 221–227.

³⁵ Maas 1992, 30.

Лид преподавал философию. В протоуниверситете на Капитолии было три преподавателя латинской риторики и 10 – латинской грамматики; 5 преподавателей греческой риторики и 10 – греческой грамматики; два правоведа и один преподаватель философии (CTh. XIV. 9. 3. 1)³⁶. За свои труды Иоанн Лид получил наградной документ из рук самого префекта претория Востока при выходе в отставку, где указывалось, что он достоин называться «наиуученейший» за свою эрудицию, и что не только его образованности удивлялись, но и уровню образования многих его учеников, которых он подготовил (Lyd. De mag. III. 30).

Школа Агапия, по словам Дамаския, была процветающей. Агапий задолго до Стефана Александрийского³⁷ перенес александрийскую образовательную традицию на константинопольскую почву. Именно Константинополь становился новым центром образованности в условиях упадка Афинской школы и ее закрытия в 529 г., а также Александрийской после обрушившихся на нее репрессий 480-х гг.³⁸

Таким образом, Агапий был ранневизантийским языческим философом–неоплатоником и иатрософистом, который происходил из Александрии, был близок с александрийскими интеллектуальными кругами и перенес александрийскую образовательную традицию на константинопольскую почву во второй половине V – начале VI в. Школа Агапия сохранила и продолжила традиции афинской философии, продолжая дело Прокла в имперской столице и став еще одним звеном «Золотой цепи» Платона в VI в. Она воспроизводила в себе традиции как александрийской медицинской школы, так и афинской философской. Благодаря необычайной эрудиции Агапия и его компетентности во всех областях знаний, как естественно-научных и медицинских, так в философии, грамматике и риторике – школа стала необычайно популярной в Константинополе в качестве важнейшего очага трансляции античных знаний и просвещения в имперской столице. Выходцем из этой школы стал ранневизантийский писатель–антиквар Иоанн Лид, который осветил в своих произведениях комплексное содержание образования в школе Агапия. Иоанн Лид продолжил образовательную традицию Агапия, будучи преподавателем в высшей имперской школе Константинополя.

ЛИТЕРАТУРА

- Болгов, Н.Н. (ред.) 2019а: *Дамаский. Философская история (Жизнь Исидора)* (МПА 13). Белгород.
- Болгов, Н.Н. (ред.) 2019б: *Захария Схоластик. Жизнь Севера* (МПА 14). Белгород.
- Болгов, Н.Н., Болгова, А.М. 2016: Стефан Александрийский – последний схолярх. *ПИФК* 2, 277–284.
- Болгов, Н.Н., Болгова, А.М. 2019: Александрийские школы V в. по «Философской истории» Дамаския. В. сб.: *ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. VI: Материалы научной сессии кафедры всеобщей истории к 40-летию начала антиковедческих исследований*. Белгород, 105–136.

³⁶ См.: Theodosiani Libri XVI [Эл. ресурс]; Синица, Болгова 2017, 398–414.

³⁷ См.: Болгов, Болгова 2016, 277–284.

³⁸ Cameron, 1969, 7–29.

- Болгов, Н.Н., Сбитнева, Ю.Н., Ляховская, О.В. 2011: Бани Зевксиппа в Константинополе: античный комплекс в сердце христианской столицы. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология* 19, 28–34.
- Болгов, Н.Н., Сеница, М.М. 2012: «Экфрасис» Христорда Коптского. *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология*. 13, 19–31.
- Болгова, А.М. 2018: *Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы*. Белгород.
- Болгова, А.М. 2019: *Ранневизантийские портреты: иатрософисты*. Белгород.
- Лосев, А.Ф. (ред.) 1986: Марин. Прокл, или о счастье. В кн.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М., 441–454.
- Лосев, А.Ф. 2000: *История античной эстетики*. Ч. 7. *Последние века*. 2. Харьков.
- Манохин, Я.В. 2018: *Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр в Палестине. Дис... канд. истор. наук*. Белгород.
- Сеница, М.М. 2016: Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий. В сб.: *ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие*. V: К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». *Материалы научной сессии*, 147–176.
- Сеница, М.М. 2017: Иоанн Лид и образование в Константинополе в VI в. *Личность в социуме, государстве, истории: материалы Одиннадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 1 февраля 2017 г.)*. Воронеж, 221–227.
- Сеница, М.М., Болгова, А.М. 2017: Кодекс Феодосия о профессорах. В сб.: Н.Н. Болгов (ред.), *Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции, Белгород, 1 окт. 2017 г.* Белгород, 398–414.
- Amato, E. (ed.) 2010: *Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofisti e le Epistole di Procopio di Gaza*. Alessandria.
- Athanassiadi, P. (ed.) 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *JHS* 113, 1–29.
- Bandy, A. (ed.) 2013: *The Works of Ioannis Lydus: Vols. I–IV. (Vol. I: De Magistratibus; II: De mensibus; III: De ostensis; IV: Index)*. New York.
- Cameron, Al. 1969: The Last Days of the Academy in Athens. *Proceeding of the Cambridge Philological Society* 15, 7–29.
- Jones, A. 1999: The Horoscope of Proclus. *Classical Philology*. 94, 1, 81–88.
- Kalogeras, N. 2005: The Role of parents and Kin in the Education of Byzantine Children. In K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto (eds.), *Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages* (Acta Instituti Romani Finlandiae 33). Rome, 133–143.
- Maas, M. 1992: *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian*. London–New York.
- Martindale, J.R. (ed.) 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge.
- Milesii, H. 1882: *Onomatologi quae supersunt cum prolegomenis edidit*. Lipsiae.
- Paton, W.R. (tr.) 1920: *The Greek Anthology with an English translation*. I. London–New York.
- Reimeri, G. (ed.) 1854: *Suidae Lexicon ex recognitione I. Bekkeri*.
- Rota, G. 2015: Le cause dei terremoti in De Ostentis 53. Le fonti della sismologia di Giovanni Lido. *KOINΩNIA* 39, 453–521.
- Sorabji, R. (ed.) 2012: Zacharias of Mytilene: Ammonius. *Aeneas of Gaza Theophrastus*. 93–177.
- Theodosiani Libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis. <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/>
- Wachsmuth, C. (ed.) 1897: *Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca*. Omnia.

Watts, E.J. 2008: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles, London.

Wuensch, R. (ed.) 1898: *Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus*. Leipzig.

REFERENCES

- Amato, E. (ed.) 2010: *Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofisti e le Epistole di Procopio di Gaza*. Alessandria.
- Athanassiadi, P. (ed.) 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *JHS* 113, 1–29.
- Bandy, A. (ed.) 2013: *The Works of Ioannis Lydus: Vols. I–IV*. (Vol. I: De Magistratibus; II: De mensibus; III: De ostensis; IV: Index). New York.
- Bolgov, N.N. (ed.) 2019a: *Damaskiy. Filosofskaya istoriya (Zhizn' Isidora) [Philosophical History (Life of Damascius)]* (Mir Pozdney antichnosti. Dokumenty i materialy [World of Late Antiquity. Documents and materials] 13). Belgorod.
- Bolgov, N.N. (ed.) 2019b: *Zakhariya Skholastik. Zhizn' Severa [Life of Severus]* (Mir Pozdney antichnosti. Dokumenty i materialy [World of Late Antiquity. Documents and materials] 14). Belgorod.
- Bolgov, N.N., Bolgova, A.M. 2016: Stefan Aleksandriyskiy – posledniy skholarkh [Stephan of Alexandria, the last scholarch]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 277–284.
- Bolgov, N.N., Bolgova, A.M. 2019: Aleksandriyskie shkoly V v. po “Filosofskoy istorii” Damaskiya [Alexandrian schools of 5th century AD on Philosophical History of Damascius]. In *IRESIONA. Antichnyy mir i ego nasledie [EIRESIONE. The Ancient World and Its Heritage]* VI. Belgorod, 105–136.
- Bolgov, N.N., Sbitneva, Y.N., Lyahovskaya, O.V. 2011: Bani Zevksippa v Konstantinopole: antichnyy kompleks v serdtse khristianskoy stolitsy [Thermae of Zeuxippos in Constantinople: ancient complex in the center of Christian Capital]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science]* 19, 28–34.
- Bolgov, N.N., Sinitsa, M.M. 2012: “Ekfrasis” Khristodora Koptskogo [“Ekphrasis” of Christodor of Coptos]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [Belgorod State University Scientific Bulletin History. Political Science]* 13, 19–31.
- Bolgova, A.M. 2019: *Rannevizantiyskie portrety: iatrosofisty [Early Byzantine Portraits: Iatrosophists]*. Belgorod.
- Bolgova, A.M. 2018: *Rannevizantiyskie portrety: ritory, sofisty, philosophy [Early Byzantine Portraits: Rhetors, Sophists, Philosophers]*. Belgorod.
- Cameron, Al. 1969: The Last Days of the Academy in Athens. *Proceeding of the Cambridge Philological Society* 15, 7–29.
- Jones, A. 1999: The Horoscope of Proclus. *Classical Philology*. 94, 1, 81–88.
- Kalogeris, N. 2005: The Role of parents and Kin in the Education of Byzantine Children. In K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto (eds.), *Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages* (Acta Instituti Romani Finlandiae 33). Rome, 133–143.
- Maas, M. 1992: *John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian*. London–New York.
- Manokhin, Ya.V. 2018: *Rannevizantiyskaya Gaza – khristianskiy intellektual'nyy tsentr v Palestine [Early Byzantine Gaza, a Christian intellectual center in Palestine]*: PhD diss. Belgorod.

- Martindale, J.R. (ed.) 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge.
- Milesii, H. 1882: *Onomatologi quae supersunt cum prolegomenis edidit*. Lipsiae.
- Paton, W.R. (tr.) 1920: *The Greek Anthology with an English translation*. I. London–New York.
- Reimeri, G. (ed.) 1854: *Suidae Lexicon ex recognitione I. Bekkeri*.
- Rota, G. 2015: Le cause dei terremoti in De Ostentis 53. Le fonti della sismologia di Giovanni Lido. *KOINΩNIA* 39, 453–521.
- Sinitsa, M.M. 2016: Ioann Lid: problemy konkordansa izdaniy [John the Lydian: a problems of edition concordance]. In *IRESIONA. Antichnyy mir i ego nasledie* [*EIRESIONE. The Ancient World and Its Heritage*] V, 147–176.
- Sinitsa, M.M. 2017: Ioann Lid i obrazovanie v Konstantinopole v VI v. [John the Lydian and education in Constantinople in 6th century A.D.] In *Lichnost' v sociume, gosudarstve, istorii: materialy Odinnadtsatoy regional'noy nauchnoy konferentsii (Voronezh, 1 fevralya 2017 g.)* [*Personality in society, state, history: Proceedings of the Eleventh Regional Scientific Conference (Voronezh, February 1, 2017)*] Voronezh, 221–227.
- Sinitsa, M.M., Bolgova, A.M. 2017: Kodeks Feodosiya o professorakh [Theodosian Code about professors]. In N.N. Bolgov (ed.), *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. 2017: sbornik materialov XI nauchnoy konferentsii, Belgorod, 1 okt. 2017 g.* [*Classical and Byzantine tradition. 2017: Papers of the XIth Scientific Conference, Belgorod, October 1, 2017*]. Belgorod, 398–414.
- Sorabji, R. (ed.) 2012: Zacharias of Mytilene: Ammonius. *Aeneas of Gaza Theophrastus*. 93–177.
- Theodosiani Libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis. <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/>
- Wachsmuth, C. (ed.) 1897: *Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca*. Omnia.
- Watts, E.J. 2008: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles, London.
- Wuensch, R. (ed.) 1898: *Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus*. Leipzig.

AGAPIUS, THE EARLY BYZANTINE NEOPLATONIC,
AND HIS SCHOOL IN CONSTANTINOPLE

Irina V. Denisova¹, Marina M. Sinitsa²

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

¹ E-mail: eivv@mail.ru, ² E-mail: sinitcam@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the life and work of the Neoplatonic philosopher Agapius, who lived in the second half of the fifth to the beginning of the sixth century and who founded his own school of philosophy in Constantinople. Agapius was the last student of the famous Neoplatonist Proclus Diadochus. His biography and scientific activities are reconstructed based on the reports of Damascius according to the “Suda”, as well as the writings of the early Byzantine antiquarian author of the first half of the sixth century, John Lydian, who was the only accurately known student of Agapius. At the same time, Ioan Lydus himself later began to teach at the Constantinople school. Apart from Lydus, Agapius may have had another pupil, the poet Christodorus of Coptos. Agapius himself was distinguished by an extraordinary encyclopedism, being a physician and philosopher, as well as engaged in grammar, rhetoric and philological studies.

He was a follower of paganism, becoming a victim of anti-pagan repressions in Alexandria at the end of the fifth century, which forced him to move to Constantinople. Agapius came from Alexandria and joined to the Alexandrian intellectual circles. In Constantinople, Agapius founded his own school, probably reproducing the traditions of the iatrosophistic schools of Alexandria, which, according to Damascius, was prosperous. Education at the school was paid and very expensive. The school of Agapius in Constantinople became an important link in the continuum of Antiquity in the early Byzantine era. Agapius' excellent erudition and competence in all fields of knowledge, both natural and medical, as well as in philosophy, grammar and rhetoric, allowed his school to become very popular in Constantinople.

Keywords: Agapius, Late Antique Neoplatonism, early Byzantine Empire, Damascius, John Lydus.

Круглый стол
«Новые подходы к изучению источников
цивилизаций Древнего Востока»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 187–201
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 187–201
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-187–201

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ СОЗДАНИЯ «ХРОНИКИ РАННИХ ЦАРЕЙ»

В.А. Иванов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: v.v.a.ivanoff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3164-1540

Аннотация. Аккадский текст «Хроники ранних царей» (Британский музей) дошел в списках I тыс. до н.э. Он описывает события III и II тыс. до н.э., и потому в литературе существует дискуссия относительно историчности изложенных в нем сведений: являются ли они истинными, или же собраны в качестве литературных аллюзий на события I тыс. до н.э. Набор сюжетов, отраженных в «Хронике ранних царей», не связан автором в единую линию повествования, что порождает также и дискуссию о цели создания этого текста. Одним из сюжетов «Хроники» является рассказ о возведении Саргоном Великим нового города, который должен был заменить Вавилон в качестве месопотамской столицы, что повлекло за собой гнев бога Мардука. Цель данного исследования – поиск в истории I тыс. до н.э. возможных параллелей сюжету «Хроники ранних царей» о Саргоне Великом и построенном им городе. В работе делается вывод, что этот сюжет является реакцией жителя Вавилонии (возможно, писца при храме в городе Борсиппе) на проект ассирийского царя Асархаддона (VII в. до н.э.) по восстановлению в Вавилонии города Аккада, бывшей

Данные об авторе: Валерий Алексеевич Иванов – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, лаборант–исследователь Института Языкознания Российской Академии Наук.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-18-00503 «Древнейшие стихосложения мира: от шумеров к грекам».

столицы державы Саргона Великого. Образ Саргона использовала ассирийская царская пропаганда I тыс. до н.э., и потому автору было важно очернить основателя Староаккадского царства. Таким образом, это еще один аргумент в пользу того, что «Хроника ранних царей» – произведение, в завуалированной форме отразившее реакцию месопотамцев на события I тысячелетия до н.э.

Ключевые слова: «Хроника ранних царей», Саргон Великий, вавилонские хроники, Новоассирийское царство, Асархаддон, город Аккад, Вавилон, подменные ритуалы.

Аккадский текст «Хроники ранних царей» из Британского музея, издававшийся в начале XX века Л.В. Кингом¹ и Р.В. Роджерсом², а позднее А.К. Грэйсоном³ и Ж.–Ж. Гласнером⁴, дошел в списках I тысячелетия до н.э. Он описывает события III и II тыс. до н.э., и потому в литературе существует дискуссия относительно историчности изложенных в нем сведений, а также цели создания данного текста, мотивации автора при выборе эпизодов ранней месопотамской истории, включенных в текст. В данной работе рассматривается сюжет «Хроники ранних царей» о строительстве Саргоном Великим копии Вавилона и выдвигается предположение о событии I тыс. до н.э., которое могло побудить автора текста включить в него этот сюжет.

«ХРОНИКА РАННИХ ЦАРЕЙ» И КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Наибольшее внимание исследователей привлекает рассказ «Хроники ранних царей» о царях города Исина старовавилонского периода, описывающий проведение царского подменного ритуала. Сюжет рассказа таков: царь Эрра-имитти сделал садовника Энлиль-бани царем вместо себя, но умер, и Энлиль-бани продолжил правление в качестве настоящего царя.

Одним из первых исследователей, предположивших необходимость анализа этого рассказа из «Хроники ранних царей» вместе со схожими текстами древнего Ближнего Востока, был М. Визэйра. Он предположил наличие типологического сходства между ритуалом, описанным в «Хронике ранних царей», а также некоторыми ритуалами из архивов Хаттусы/Богазкея, новоассирийской царской корреспонденции и библейской традиции⁵.

В работе М. Кюммеля, посвященной подменным ритуалам в древней Анатолии, утверждается, что этот рассказ «Хроники ранних царей» свидетельствует о том, что традиция подменных ритуалов была развита в месопотамской культуре уже во II тыс. до н.э., а значит, Месопотамия была источником, откуда традиция пришла в Хеттское царство, что демонстрируют найденные в хеттской столице записи ритуалов, содержащие следы месопотамского влияния⁶.

¹ King 1907, 3–24.

² Rogers 1912, 203–208.

³ Grayson 1975, 152–156.

⁴ Glassner 2004, 268–277.

⁵ Vieyra 1939, 143.

⁶ Kümmel 1967, 180–185.

Однако в литературе представлен и другой взгляд на отраженные в «Хронике ранних царей» реалии древнего Ближнего Востока. Например, Д.О. Эдзард не отвергает историчность сюжета, но отмечает, что в сериях старовавилонских гадательных текстов, в которых присутствуют отсылки к довольно большому числу возможных политических событий, ни разу не упоминаются подменные цари, что ставит под сомнение предположение о существовании практики подменных ритуалов в Месопотамии старовавилонского периода⁷. Ж.-Ж. Гласснер на основе царских списков делает вывод, что правление реального Эрра-имитти завершилось борьбой за престол минимум двоих претендентов, победителем из которой вышел Энлиль-бани⁸. Сюжет же о подменном ритуале, по мнению Гласснера, сформировался в I тыс. до н.э., когда проведение подменных ритуалов в Месопотамии зафиксировано в переписке Асархаддона и Ашшурбанипала с придворными учеными. Предполагается, что сюжет появился в подконтрольной ассирийцам Вавилонии и имел антиассирийскую направленность⁹.

Таким образом, существуют два противоположных взгляда на историчность сведений «Хроники ранних царей», которые в корне меняют наши представления о взаимовлияниях культур древнего Ближнего Востока.

СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА

Список А «Хроники ранних царей», который и содержит интересующие нас сюжеты, был приобретен Британским музеем у собирателя древностей¹⁰, и потому мы не можем точно определить место его находки. Однако на основе сведений о поступлении клинописных текстов в коллекцию Британского музея в последние десятилетия XIX века можно сделать вывод, что «Хроника ранних царей» происходит из Борсиппы, где в конце XIX в. проводились грабительские раскопки¹¹.

Текст «Хроники ранних царей» написан нововавилонским курсивом аккадской клинописи, что свидетельствует в пользу его принадлежности к памятникам вавилонской словесности.

Фрагменты текстов, упоминающие персонажей «Хроники ранних царей», найдены в библиотеке Ашшурбанипала в Ниневии¹² и в Вавилоне в слоях эллинистического времени¹³, из чего можно сделать вывод, что отраженные в тексте сюжеты продолжительное время были популярны в Месопотамии.

«Хроника ранних царей» охватывает период с правления Саргона Великого до царя средневавилонского периода Агума III¹⁴. Текст разделен на части, каждая из которых рассказывает о событиях, произошедших в правление одного царя¹⁵. Повествование в списке А, который и рассматривается в данной работе, заверша-

⁷ Edzard 1957, 141.

⁸ Glassner 1999, 165–166.

⁹ Glassner 1999, 165–166.

¹⁰ URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1898-0514-290 (дата обращения 13.01.2022).

¹¹ Waerzeggers 2012, 291–292.

¹² Glassner 2004, 272.

¹³ Glassner 2004, 274.

¹⁴ Grayson 1975, 45.

¹⁵ Grayson 1975, 5.

ется XIX в. до н.э. Список В начинает изложение с одного из эпизодов истории XIX в. до н.э., освещенных в рукописи А, и доводит его до средневавилонского периода. В историографии высказывалось мнение, что два этих текста необходимо считать разными произведениями¹⁶. Их разница усиливается еще и потому, что источником для написания списка А служила сформировавшаяся литературная традиция, а в основу описываемого события II тыс. до н.э. списка В легли реальные исторические сведения, причем автор не проводил их литературную обработку¹⁷.

Более того, если сам автор понимал, что произведение не закончено, он мог указать на это в колофоне. Например, это сделано в скопированной при Дарии Великом хронике, описывающей историю Вавилонии VIII–VII вв. до н.э. от Набунацира до Шамаш-шум-укина¹⁸, однако список А «Хроники ранних царей» не сообщает о незаконченности текста, хотя в конце таблички осталось достаточно места.

Вероятно, текст «Хроники ранних царей» был составлен профессиональным писцом, который был знаком с гадательными сериями и текстами других хроник, послужившими источником для «Хроники ранних царей»¹⁹. К. Верзеггерс на основе сведений о пополнении коллекции Британского музея предполагает, что «Хроника ранних царей» должна происходить из личного архива одного из жрецов храма бога Набу в Борсиппе²⁰.

Все месопотамские произведения в жанре хроники составлены в I тыс. до н.э. Они делятся на два типа. Принадлежащие к одному типу описывают близкие ко времени создания текста события (например, историю Новоассирийской и Нововавилонской держав, или же время персидского владычества и эллинистическую Месопотамию). А принадлежащие к другому – события, хронологически удаленные от авторов более чем на тысячелетие. При этом при описании близких ко времени составления текста событий авторы, как правило, демонстрировали хорошее знание хронологии, вплоть до года, месяца и даже дня, между тем хронология отдаленных событий известна им приблизительно²¹.

Авторы выбирали курьезные и наиболее захватывающие сюжеты. Это описание военных действий, захватов власти насильственным путем, случаев необычной смерти правителей, общественных конфликтов, а также попыток изменения культов²². Для обоих видов хроник эти сюжеты схожи.

Следует кратко пересказать сюжет «Хроники ранних царей». Данный пересказ приводится по изданию Грэйсона²³.

Список А начинается рассказом о Саргоне Великом, который пользовался покровительством богини Иштар, ходил в походы от востока до запада, завоевал город Казаллу и создал систему управления завоеванными территориями. Затем рассказывается о восстании и нашествии людей страны Субарту. После этого со-

¹⁶ Waerzeggers 2012, 292.

¹⁷ Güterbock 1934, 18.

¹⁸ Grayson 1975, 87.

¹⁹ Grayson 1975, 48.

²⁰ Waerzeggers 2012, 296.

²¹ Glassner 1999, 157.

²² Glassner 2004, 84–85.

²³ Grayson 1975, 152–156.

общается, что Саргон построил город, призванный заменить Вавилон, что прогневало Мардука, который наслал голод, новое восстание и наказал Саргона бессонницей (А 1–23).

Следующий упоминаемый в Хронике правитель – Нарам-Син, внук Саргона Великого (в тексте он назван его сыном). Отрывок о нем кратко сообщает о завоевании Апишала и Магана (А 24–27).

Далее рассказывается о царе Шульги, который снабдил едой город Эриду, но совершил преступление против Мардука, забрав собственность Эсагилы в качестве дани, за что был убит (А 28–30).

Следующим правителем является Эрра-имитти. О нем рассказывается, что он установил Энлиль-бани, садовника, в качестве подменного царя вместо себя и поместил царскую тиару на его голову. Затем Эрра-имитти умер в своем дворце из-за того, что проглотил слишком горячую кашу, а Энлиль-бани не отдал престол и остался правителем (А 31–36).

Список А завершается строкой с сообщением о том, что Илу-шума был царем Ассирии во время Шуабу (А 37).

Список В повторяет сюжет об Эрра-имитти и Энлиль-бани (А 31–36), что и дает исследователям основание считать их частями единой композиции²⁴. Однако строка об Илу-шуме, царе Ассирии, отсутствует, и историю продолжает рассказ о царе Вавилона Хаммурапи. Далее список В рассказывает о внешнеполитических успехах вавилонских правителей II тысячелетия до н.э., а также упоминает хеттов в качестве разрушителей Старовавилонского царства (В rev. 11).

ЖАНР ТЕКСТА

Цель создания «Хроники ранних царей» не сформулирована эксплицитно в самом тексте, подбор персонажей и сюжетов представляется хаотичным, что также затрудняет понимание авторского замысла. Между тем в других хрониках соответствующая информация порой лежит на поверхности. Например, в так называемой «Хронике Вайднера» иллюстрируются последствия хорошего и плохого отношения царей к храмам Вавилонии: правление благодетелей оказывается успешным, а противников культов вавилонских божеств ждут беды. Также «Хроника Вайднера» указывается исследователями как один из источников «Хроники ранних царей»²⁵.

Следует отметить, что текст «Хроники ранних царей» завершается пометкой автора: шумерограммой GIGAM.DIDL. Такая же шумерограмма встречается на левом крае таблички с текстом другой хроники, описывающей правление Асархаддона. По-аккадски шумерограмма читается *ippiri* и переводится как «раздор», «борьба». Это слово может указывать на обозначение самими месопотамцами жанра хроник, или же быть просто архивной пометкой²⁶.

Как упоминалось выше, Гласснером было выдвинуто аргументированное предположение, что история про Эрра-имитти, Энлиль-бани и подменный ритуал не имела под собой фактологической основы из реальной истории XIX в. до н.э.,

²⁴ Grayson 1975, 155.

²⁵ Grayson 1980, 180–181.

²⁶ Grayson 1975, 128.

но могла быть придумана в Месопотамии VII в. до н.э., когда ассирийцы назначали вавилонских вельмож подменными царями, которые должны были умереть во время проведения ритуала, что вызывало недовольство вавилонской знати, и потому был составлен текст, описывающий смерть царя, проводившего подменный ритуал²⁷.

В литературе также есть мнение, что ассирийцы могли использовать подменные ритуалы как рычаг давления на вавилонян, планировавших антиассирийское восстание. Похожая ситуация, например, отражена в письме SAA 10 352, которое чиновник Мар-Иштар отправил царю Асархаддону, сообщая о назначении подменным царем Дамки, сына храмового управляющего, смерть которого в ходе ритуала обеспокоила вавилонян²⁸.

Так или иначе, проведение ассирийцами подменных ритуалов и породило недовольство, отраженное в «Хронике ранних царей» в виде описания смерти Эрраимитти. В таком случае, влияние событий I тыс. до н.э. на составление «Хроники ранних царей» представляется решающим, и потому «Хроника» должна быть историческим сочинением, основанным на сформировавшейся традиции, имеющим целью комментарий современных автору событий.

Возможно, автор «Хроники ранних царей» не ограничился только одним сюжетом, в котором иносказательно проиллюстрировал проблемы своей эпохи. Наиболее вероятно найти другие параллели в описании правления Саргона Великого, ведь его образ во все времена привлекал месопотамских авторов.

ОБРАЗ САРГОНА ВЕЛИКОГО: ЛИТЕРАТУРА И ИДЕОЛОГИЯ

Источник, на который опирался автор «Хроники ранних царей» при описании правления Саргона Великого, – это так называемые результаты гаданий для Саргона Великого и Нарам-Сина²⁹. Это составленные в I тыс. до н.э. тексты, в которых рассказывается о последствиях благоприятных и неблагоприятных предсказаний для Саргона Великого и Нарам-Сина. До нас дошли ассирийская и вавилонская версии этого гадательного сборника, которые отличаются друг от друга подбором и очередностью сюжетов³⁰.

Следует отметить, что в историографии высказывалось мнение, что именно «Хроника ранних царей» стала источником для сборника гаданий для Саргона Великого и Нарам-Сина³¹, так как нарратив «Хроники ранних царей» един, а в сборнике гаданий исторические события распределены согласно разным видам дивинации³². Однако сборники гаданий как жанр возникли еще в старовавилонский период, и потому являются более древней традицией, а также маловероятно, чтобы автор сборника гаданий придумывал протасис к уже имеющемуся аподосису: скорее всего, все было наоборот, и автор «Хроники ранних царей» литературно перерабатывал аподосисы гаданий³³.

²⁷ Glassner 1999, 165.

²⁸ Bottéro 1992, 151–152.

²⁹ Grayson 1975, 45–46.

³⁰ King 1907, viii.

³¹ Güterbock 1934, 17.

³² King 1923, 234.

³³ Grayson 1975, 46–47.

Тексты гаданий для Саргона Великого и Нарам-Сина были найдены в библиотеке Ашшурбанипала в Ниневии и в городе Сиппаре³⁴. Рассказ о Саргоне содержит историческую ошибку: в реальности всеобщее восстание в Аккадской державе произошло при его преемнике Нарам-Сине.

Эта перестановка правителей местами – отражение изменения образа Саргона Великого в литературной традиции Месопотамии в I тыс. до н.э. Если в III и II тыс. до н.э. Саргон изображался как идеальный правитель, в отличие от Нарам-Сина, который был образцом надменности и непослушания богам, то в I тыс. до н.э. появляются тексты, критикующие Саргона Великого³⁵.

Ассирийская традиция представляет Саргона в положительном ключе, так как построенная им держава, впервые объединившая Месопотамию, была образцом для ассирийской монархии, и они всячески старались позиционировать себя как продолжателей дела Саргона Великого³⁶. Вавилоняне же, будучи противниками ассирийцев, были склонны наделять Саргона Великого скорее отрицательными чертами и описывать его промахи, а не достижения³⁷.

Завершающий пассаж рассказа о Саргоне Великом в «Хронике ранних царей» относится к сюжетам, критикующим его. Он повествует о строительстве Саргоном копии Вавилона рядом с Аккадом и последовавшем за этим гневом бога Мардука. Эта история также есть в сборнике гаданий для Саргона и Нарам-Сина, но там она является одним из эпизодов и расположена в середине текста, а здесь – завершает рассказ³⁸.

Приведем транслитерацию и перевод этого отрывка (музейный номер текста BM 26472):

- (18) *e-pe-er e-se-e šá KÁ.DINGIR.RA^{KI} is-suḥ-ma*
 (19) *i-te-e A-ga-de^{KI} GABA.RI KÁ.DINGIR.RA^{KI} i-pu-uš*
 (20) *a-na NÍG.GIG i-pu-šu EN GAL-ú^DAMAR.UTU i-gu-ug-ma*
 (21) *ina ḥu-šah-ḥu UN-me-šú ig-mu-ur*
 (22) *ul-tu ši-it^DUTU-ši a-di e-reb^DUTU-^rši^r*
 (23) *ik-ki-ru-šú-ma la ša-la-la i-mi-id-[su]*

- (18) Землю из ямы Вавилона он (Саргон) вырвал, и
 (19) на границе с Аккадом подобие Вавилона построил.
 (20) Он сделал запрещенное. Великий господин Мардук разгневался,
 (21) и уничтожил его (Саргона) людей голодом.
 (22) С востока до запада
 (23) они стали враждебны ему, и бессонницу он (Мардук) наложил на [него (Саргона)].

«Хроника Вайднера» также содержит сюжет о строительстве Саргоном Великим копии Вавилона рядом с городом Аккадом, причем с уточнением, что новый город также был назван Вавилоном³⁹.

³⁴ Grayson 1975, 46.

³⁵ Liverani 2013, 152.

³⁶ Liverani 1999, 57–85.

³⁷ Glassner 2004, 10–11.

³⁸ Grayson 1975, 46, n. 25.

³⁹ Grayson 1975, 149.

Грэйсон считает, что данный пассаж отсылает к ассирийской традиции переноса в столицу почвы завоеванного города, приводя в пример Салманасара I, разрушившего город Арина, а также рассказ Синаххериба об уничтожении Вавилона и Ашшурбанипала о разрушении Суз⁴⁰. Гласснер склонен интерпретировать этот отрывок скорее как сообщение об эпизоде, подобном строительству Набонидом альтернативной столицы Вавилонского царства в оазисе Тейма в Северной Аравии⁴¹.

М. Ван Де Мируп, разбирая этот сюжет, предполагает, что он был создан в процессе рефлексии жителя Месопотамии VIII в. до н.э. на тему судьбы ассирийского царя Саргона II, который построил новую столицу – Дур-Шаррукин, а через год после переезда в нее погиб во время военного похода. Исследователь полагает, что постройка Саргоном нового города и открытое заявление об этом (в надписях рассказывается о том, как царь лично выбирал место для города, создавал план и наблюдал за работами) воспринималось современниками как святотатство, потому что, согласно месопотамским культурным установкам, основать город может только божество⁴². Также Ван де Мируп обращает внимание на то, что для самого Саргона II авторитет Саргона Великого был неоспорим, о чем говорит тронное имя правителя⁴³.

Тем не менее, есть и противоположное мнение. Так, М. Ливерани в работе об идеологии Новоассирийской державы утверждает, что строительство новых столиц было для Ассирии обычной практикой, а забвение деятельности Саргона II связано не со строительством Дур-Шаррукина, а его смертью во время военного похода⁴⁴.

В научной литературе высказывалось предположение, что автор «Хроники ранних царей» использовал эвфемизм, говорящий о том, что Саргон Великий умер и остался не погребенным⁴⁵, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что сюжет «Хроники ранних царей» о Саргоне Великом не упоминает о его смерти⁴⁶, хотя такое упоминание было бы логично в случае, если бы автор хотел дать читателю отсылку к судьбе ассирийского царя Саргона II.

АСАРХАДДОН И ОБРАЗ САРГОНА ВЕЛИКОГО

Другой ассирийский царь, деятельность и судьба которого могли бы послужить более точной параллелью рассказу о Саргоне Великом из «Хроники ранних царей», – это Асархаддон.

К правлению Асархаддона относится наибольший внешнеполитический успех Ассирийской державы – завоевание Египта. В VII в. до н.э., когда Ассирийская держава становится межрегиональной, происходит трансформация ассирийских представлений о власти⁴⁷.

⁴⁰ Grayson 1975, 153–154.

⁴¹ Glassner 2004, 87.

⁴² Van De Mieroop 1999, 72–74.

⁴³ Van De Mieroop 1999, 73.

⁴⁴ Liverani 2017a, 176.

⁴⁵ Peiser 1916, 171–172.

⁴⁶ King 1907, 9. Rogers 1912, 204. Grayson 1975, 154. Glassner 2004, 271.

⁴⁷ Postgate 2007, 213–214.

Временем Асархаддона датируется составление так называемой «Географии Саргона». Это текст, описывающий державу Саргона Великого, занимавшую, по мнению автора, весь населенный мир. Описание оформлено в виде перечня расстояний от одного пункта внутри державы до другого⁴⁸, причем встречающиеся географические названия относятся ко всем эпохам истории древнего Ближнего Востока: от III до I тыс. до н.э. Интерес к созданию текстов, посвященных измерению мира, скорее всего, появился в эпоху, когда наибольшая часть ойкумены была впервые завоевана одним государством. Этим государством и стала Ассирийская держава после покорения Египта при Асархаддоне. Именно в анналах Асархаддона появляются сообщения об измерении расстояния до определенных пунктов, характерные для «Географии Саргона»⁴⁹, которые можно считать отсылками ко времени Саргона Великого.

Осознание же самими ассирийцами своего положения как завоевателей мира можно проследить по многочисленным утверждениям в ассирийских царских анналах о размерах державы, протянувшейся «от Нижнего моря до Верхнего моря» (границ ойкумены месопотамцев) и о принятии на себя «имперской миссии» доминирования над остальными народами, ниспосланной богами⁵⁰.

Таким образом, образ Саргона Великого был важен для ассирийской пропаганды при Асархаддоне. Более того, Асархаддон, был царем не только Ассирии, но и Вавилонии. Восстановление разрушенных Синаххерибом, отцом Асархаддона, вавилонских городов создавало Асархаддону новое поле для пропаганды.

АСАРХАДДОН И ГОРОД АККАД

Многочисленные надписи Асархаддона рассказывают о восстановлении Вавилона и храма Мардука Эсагилы, начатом сразу после его прихода к власти⁵¹. Помимо Вавилона восстанавливались и другие города, такие как Урук и Бурсиппа. О работах в Вавилонии Асархаддону докладывал его чиновник Мар-Иштар: в архивах Ниневии сохранилось 24 его письма, являющиеся частью корпуса текстов переписки ассирийских царей⁵².

В письмах Мар-Иштара сообщается и о другом проекте Асархаддона: восстановлении города Аккада, столицы державы Саргона Великого. Город Аккад не локализован. По косвенным данным предполагается, что он располагался на Тигре между современными Багдадом и Мосулом⁵³. Также в историографии популярно мнение, что город Аккад располагался в Северной Вавилонии на правом берегу Тигра недалеко от устья реки Диялы⁵⁴. В конце III тысячелетия до н.э. этот город был столицей Староаккадской державы, однако после ее падения потерял свою политическую значимость: он не упоминается ни в надписях ассирийских царей, ни в вавилонских текстах, связанных с *andurāru*. Надписи вавилонского царя На-

⁴⁸ Horowitz 1998, 68–75.

⁴⁹ Liverani 1999, 73–75.

⁵⁰ Liverani 2017b, 536.

⁵¹ Leichty 2011, 193–201.

⁵² Parpola 1983, XVI.

⁵³ Marti 2014, 209.

⁵⁴ Bagg 2020, 14.

бонида указывают, что Асархаддон и Ашшурбанипал проводили восстановительные работы в этом городе, однако Набонид не нашел в Аккаде их надписей⁵⁵.

Тем не менее, эпистолярные документы Новоассирийской державы сообщают некоторые сведения об усилиях Асархаддона по восстановлению столицы великого предшественника. Так, в письме SAA 10 359 Мар-Иштар сообщает своему царю, что правитель города Лахиру перестал обеспечивать регулярными подношениями культ богини Госпожи Аккада (^DGĀŠAN ^{URU}Ak-kad), нарушив тем самым приказ Асархаддона. Мар-Иштар дополняет, что Госпожа Аккада была возвращена Асархаддоном из Элама, и ее почитание было восстановлено в заново заселенном городе Аккаде⁵⁶. В другом письме Мар-Иштар сообщает, что Госпожа Аккада перемещена в храм-*акиту*, и в город Аккад стекаются, возможно, подношения (использовано слово с неизвестным значением)⁵⁷. В другом письме Мар-Иштар задает Асархаддону вопрос о культе богини, но, к сожалению, строки сильно повреждены⁵⁸.

Параллельное известие об установлении в городе Аккаде культа богини Иштар содержат описания правления Асархаддона в так называемых вавилонских хрониках ABC 1 и ABC 14. В них сообщается, что в седьмой год правления Асархаддона (674 г. до н.э.) Иштар Аккадская и другие боги Аккада покинули Элам и вошли в Аккад в десятый день месяца Адар⁵⁹.

Большинство писем придворных ученых из архивов ассирийской столицы датируются концом правления Асархаддона и началом правления Ашшубранипала, примерно 674–665 гг. до н.э.⁶⁰, повторение свидетельства о восстановлении культа Иштар Аккадской в источниках разных видов свидетельствует о точности сведений.

Строительные работы в Аккаде упомянуты в другом письме Мар-Иштара, SAA 10 368, не имеющем точной датировки. Там сообщается, помимо новостей о создании статуй богов для Эсагилы, что в Аккад из страны Иту'э привозят асфальт, а жители Аккада покрывают глазурью и золотят обожженные в печах кирпичи⁶¹. Страна Иту'э находилась на западном берегу Тигра⁶².

Также, согласно источникам, в восстановленном городе Аккаде проводились ритуалы. Письма придворных ученых сообщают, что в случае получения предсказаний об угрозе смерти правителя и проведении защитного ритуала с использованием подменного царя, подменный царь в подконтрольной ассирийцам Вавилонии назначался именно в городе Аккаде. Альтернативным местом назначения подменного царя была Ниневия.

Так, например, Мар-Иштар сообщает Асархаддону, что подменный царь, посаженный в Ниневии на престол 14-го числа и 15-го числа проведенный ночь во дворе, 20-го числа прибыл в город Аккад, где сидел на престоле⁶³.

⁵⁵ Marti 2014, 207.

⁵⁶ SAA 10 359 obv. 4–13.

⁵⁷ SAA 10 353 rev. 24–26.

⁵⁸ SAA 10 355 rev. 2'–5'.

⁵⁹ ABC 1 obv. i 17–18; ABC 14 obv. 21–22.

⁶⁰ Parpola 1983, 415.

⁶¹ SAA 10 368 rev. 4'–7'.

⁶² Bagg 2017, 259–263.

⁶³ SAA 10 351 obv. 5–10.

Город Аккад упоминается и в письме астролога Аккуллану Ашшурбанипалу⁶⁴, в котором сообщается о пребывании в городе Аккад подменного царя. Аккуллану критикует действия других заклинателей, говоря о том, что в городе Аккад интронизировать подменного царя для Ашшурбанипала не нужно, потому что это не поможет ему, так как он управляет другой территорией, Ассирией, и случай Асархаддона, который был царем и Ассирии, и «Аккада», не является примером для Ашшурбанипала⁶⁵.

Термин «подменный царь Аккада» без уточнения, идет ли речь о городе или стране, упоминается в письме заклинателя Адад-шум-уцура Асархаддону. В документе обсуждается необходимость приказа об интронизации такого подменного царя⁶⁶, что подтверждает верность аргументации Аккуллану, ссылавшегося на то, что Асархаддон проводил подменные ритуалы в Аккаде, потому что был его царем.

Сам Адад-шум-уцур находился в городе Аккад, о чем сообщает астролог Урад-Нанна, рассказывая о том, что Адад-шум-уцур поклялся в городе Аккад, что видел знамения, которые привели к интронизации подменного царя⁶⁷.

Еще одно важное сообщение о городе Аккад находим в письме Мар-Иштара Асархаддону⁶⁸, упоминавшемся нами выше. В письме сообщается, что подменным царем был назначен сын храмового администратора города Аккад по имени Дамки⁶⁹. Он «управлял» «Ассирией, Вавилоном и всеми странами»⁷⁰ и был заместителем, похоже, для самого Асархаддона и для его сына Шамаш-шумукина⁷¹.

Упоминание «управления всеми странами»⁷² встречается в ассирийской переписке единожды, и оно применено к подменному царю в городе Аккад. Здесь мы вновь имеем дело с аллюзией на времена Саргона Великого, держава которого, по мнению ассирийцев, контролировала весь населенный людьми мир. Об этом свидетельствует описание первого восстания против Саргона Великого из «Хроники ранних царей», где говорится, что когда Саргон стал старым, против него восстали «все страны»⁷³.

Асархаддон, возрождая Аккад, исторический центр политической власти, а также его культы, и проводя в этом городе ассирийские ритуалы (ассирийские царские подменные ритуалы вавилонянами не использовались), возможно, стремился, прежде всего, к созданию альтернативного Вавилону центра, что и привело к недовольству вавилонской знати.

Таким образом, выявлена явная параллель между деятельностью Асархаддона и сюжетом «Хроники ранних царей» о строительстве Саргоном Великим копии Вавилона, что согласуется с упомянутым выше предположением Гласснера, что

⁶⁴ SAA 10 090 obv. 8.

⁶⁵ SAA 10 090 obv. 9–22.

⁶⁶ SAA 10 189 obv. 6–8.

⁶⁷ SAA 10 314 rev. 1–8.

⁶⁸ SAA 10 352.

⁶⁹ SAA 10 352 obv. 5–6.

⁷⁰ SAA 10 352 obv. 7–8.

⁷¹ SAA 10 352 obv. 10–11.

⁷² SAA 10 352 obv. 8.

⁷³ ABC 20, obv. 11.

именно проведение Асархаддоном подменных ритуалов послужило источником для создания сюжета об Эрра-имитти и Энлил-бани.

БОЛЕЗНИ АСАРХАДДОНА

Также параллель между сюжетом о Саргоне Великом из «Хроники ранних царей» и событиями времен Асархаддона можно выявить при анализе некоторых деталей, введенных автором «Хроники» в описание судьбы Саргона. В произведении говорится, что Мардук «наложил бессонницу»⁷⁴ на Саргона. В этом контексте бессонница становится еще одним наказанием, ниспосланным Саргону Великому богом Мардуком. В культуре древнего Ближнего Востока следствием божественного гнева также считались болезни, а дошедшая до нас корреспонденция Асархаддона содержит указания на проблемы со здоровьем, которые мучили ассирийского царя. Болезнь Асархаддона также могла интерпретироваться его противниками как следствие немилости богов по отношению к нему.

Отражение в переписке подробностей о здоровье царя стало возможным потому, что придворные ученые в Ассирии не только отвечали за идеологическую составляющую царской власти, подразумевавшую своевременное исполнение положенных ритуалов и избегание царем последствий дурных предзнаменований, но и должны были следить непосредственно за физическим здоровьем царя и его семьи⁷⁵. В переписке сообщается об отказе Асархаддона от еды⁷⁶, о его дистанцировании от окружения⁷⁷, о мучившем царя жаре⁷⁸, о слабости в мышцах⁷⁹ и боли в глазах⁸⁰.

С. Парпола выдвигает предположение, что Асархаддон страдал от хронических заболеваний, которые периодически обострялись⁸¹. В качестве предположительного диагноза предлагается красная волчанка, кожное заболевание, характеризующееся повышенной температурой и общей слабостью⁸².

Из-за того, что болезнь царя в древних государствах расценивалась как следствие божественного гнева, сведения о ней было необходимо тщательно скрывать. Более того, пораженный болезнью правитель не мог исполнять ритуалы, что было непосредственной обязанностью любого древнего царя. Скорее всего, частые болезни Асархаддона послужили одной из причин для провозглашения его сыновей – Ашшурбанипала и Шамаш-шум-укина – наследниками Асархаддона в Ассирии и Вавилонии соответственно, и уже при жизни отца они активно участвовали в политической и религиозной жизни государства⁸³.

Наиболее вероятно, что автор «Хроники ранних царей» не был в курсе реальных обстоятельств болезни Асархаддона, и руководствовался лишь слухами.

⁷⁴ CAD S, 67.

⁷⁵ Parpola 1983, XVIII–XX.

⁷⁶ SAA 10 043 obv. 7–15, SAA 10 196 obv. 14–16.

⁷⁷ SAA 10 196 obv. 17 – rev. 6.

⁷⁸ SAA 10 315 rev. 1–3.

⁷⁹ SAA 10 242 obv. 6–7.

⁸⁰ SAA 10 242 obv. 8, SAA 10 243 obv. 5–7.

⁸¹ Parpola 1983, 231.

⁸² Parpola 1983, 234–236.

⁸³ Radner 2003, 169–170.

Именно это может объяснить появление в тексте указания на то, что Саргон Великий после создания копии Вавилона не только должен был противостоять еще одному восстанию внутри своей державы, но и лишился сна.

Таким образом, вавилонский писец, завуалированно критиковавший действия Асархаддона в истории про подменный ритуал, обращается к этой теме и в рассказе о Саргоне Великом. Строительство Саргоном копии Вавилона, которого не было в реальности, как и всеобщего восстания при Саргоне и его последствий, – это отсылка к работам Асархаддона по восстановлению Аккада, а также частым недугам ассирийского царя.

Таким образом, сравнив текст «Хроники ранних царей» с источниками о I тыс. до н.э., мы получаем еще один аргумент в пользу того, что подбор исторических событий в «Хронике ранних царей» не случаен. Появляющиеся в тексте развернутые истории о правителях подобраны так, что затрагивают вопросы, волновавшие образованные круги Вавилонии VII в. до н.э. Являвшийся образцом подражания для ассирийцев Саргон Великий в тексте показан правителем, который совершает негодные богам деяния и терпит за это наказание. Сюда относится и сюжет о строительстве Саргоном копии Вавилона, что с наибольшей вероятностью является отсылкой к восстановлению Асархаддоном столицы Саргона Великого, города Аккада. Упоминание бессонницы Саргона порождено рефлексией верхушки месопотамского общества над болезнью Асархаддона, а сюжет о неудачном проведении подменного ритуала в Исине старовавилонского периода является критикой религиозной политики Асархаддона, заключавшейся в проведении подменных ритуалов в восстановленном городе Аккаде.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bagg, A.M. 2017: *Die Orts- und Gewässernamen der neuassyrischen Zeit. Teil 2: Zentralassyrien und benachbarte Gebiete, Ägypten und die arabische Halbinsel.* (Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes, VII/2–1). Wiesbaden.
- Bagg, A.M. 2020: *Die Orts- und Gewässernamen der neuassyrischen Zeit. Teil 3: Babylonien, Uruk und die östlichen Gebiete.* (Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes, VII/3–1). Wiesbaden.
- Bottéro, J. 1992: *Mesopotamia. Writing, Reasoning, and the Gods.* Chicago–London.
- Edzard, D.O. 1957: *Die “zweite Zwischenzeit” Babylonien.* Wiesbaden.
- Glassner, J.–J. 1999: Histoire babylonienne et sa réflexion dans les chroniques de l'époque babylonienne récente. In E. Renger (eds.) *Babylon: Focus mesopotamischer Geschichte. wiege früher Gelehrsamkeit, Mythos in der Moderne. 2. Internationales Colloquium der Deutschen Orient-Gesellschaft 24.–26. März 1998 in Berlin.* Berlin, 157–166.
- Glassner, J.–J. 2004: *Mesopotamian Chronicles.* Atlanta.
- Grayson, A.K. 1975: *Assyrian and Babylonian Chronicles.* New York.
- Grayson, A.K. 1980: History and Historians of the Ancient Near East: Assyria and Babylonia. *Orientalia, NOVA SERIES* 49, 140–194.
- Güterbock, H.G. 1934: Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie* 42, 1–91.
- Horowitz, W. 1998: *Mesopotamian Cosmic Geography.* Winona Lake.
- I.J. Gelb, B. Landsberger, A.L. Oppenheim (eds.), *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago 1962*, 16 S. Chicago.

- King, L.W. 1907: *Chronicles Concerning Early Babylonian Kings*. London.
- King, L.W. 1923: *A History of Sumer and Akkad*. London.
- Kümmel, H.M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König*. (StBoT 3). Wiesbaden.
- Leichty, E. 2011: *The Royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC)*. Winona Lake.
- Liverani, M. 1999: The Sargon Geography and The Assyrian Mensuration of the Earth. *State archives of Assyria Bulletin* 13, 57–85.
- Liverani, M. 2013: *The Ancient Near East: History, Society and Economy*. London.
- Liverani, M. 2017a: *Assyria: The Imperial Mission*. Winona Lake.
- Liverani, M. 2017b: Thoughts on the Assyrian Empire and Assyrian Kingship. In E. Frahm (ed.), *A Companion to Assyria*. New Haven, 534–546.
- Marti, L. 2014: Akkad à l'époque néo-assyrienne. In N. Ziegler, E. Cancik-Kirschbaum (eds.) *Entre les fleuves – II, D'Aššur à Mari et au-delà*. (BBVO 24). Berlin, 207–209.
- Parpola, S. 1983: *Letters from Assyrian Scholars to the Kings Esarhaddon and Assurbanipal*. Pt. II: *Commentary and Appendices*. Helsinki.
- Peiser, F.E. 1916: Einige Bemerkungen zur altbabylonischen Geschichte. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft* 21, 160–174.
- Postgate, J.N. 2007: *The Land of Assur & The Yoke of Assur. Studies on Assyria 1971–2005*. Oxford.
- Radner, K. 2003: The Trials of Esarhaddon: The Conspiracy of 670 BC. In P.A. von Miglus, J. Córdoba (hrsg.), *Assur und sein Umland: im Andenken an die ersten Ausgräber von Assur. Assur y su entorno: En homenaje a los primeros arqueólogos de Assur*. (Isimu: Revista sobre Oriente Próximo y Egipto en la antigüedad 6). Madrid, 165–184.
- Rogers, R.W. 1912: *Cuneiform Parallels to the Old Testament*. London.
- Van De Mieroop, M. 1999: *Cuneiform Texts and the Writing of History*. London and New York.
- Vieyra, M. 1939: Rites de purification hittites. *Revue de l'histoire des religions. Annales du Musée Guimet* 119, 121–153.
- Waezeggars, C. 2012: The Babylonian Chronicles: Classification and Provenance. *Journal of Near Eastern Studies* 71, 285–298.

ON THE PURPOSE OF CREATING THE “CHRONICLES OF THE EARLY KINGS”

Valerii A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: v.v.a.ivanoff@yandex.ru

Abstract. The Akkadian text called “Chronicle of Early Kings” (the British Museum) is known by copies of the 1st millennium BC. It describes the events of the 3rd and 2nd millennia BC. So, there is a discussion regarding the historicity of the events it described, whether they are true or they are just a compilation of interesting stories written by an author of the 1st millennium BC. Stories of the “Chronicle of Early Kings” are not connected by the author into a single plot, so there is another discussion, concerning the purpose of creating this text. One of the stories of “Chronicle of Early Kings” tells us about Sargon the Great, who built a copy of Babylon and was punished for it by the god Marduk. The purpose of this study is to identify possible parallels to the story about a copy of Babylon in the history of the 1st millennium BC. A conclusion is reached that this story was a reaction of a Babylonian scribe to the project of the Assyrian king

Esarhaddon (7th century BC) to restore the city of Akkad, the former capital of the Old Akkadian U. The image of Sargon the Great was used by the Assyrian royal propaganda, so it was important for Babylonians to create a negative point of view on this ruler. Thus, it is another argument in favor of the opinion that “Chronicle of Early Kings” shows the reaction of Babylonians to the events of the 1st millennium BC.

Keywords: “Chronicle of Early Kings”, Sargon the Great, Babylonian chronicles, Neo-Assyrian Empire, Esarhaddon, Akkad, Babylon, substitute rites.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 202–212
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 202–212
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-202–212

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И ПОЛИТИКА РАННЕГРЕЧЕСКИХ ТИРАНОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д.В. Зайцев

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6379-896X

Аннотация. В статье рассматривается проблема смены концепций раннегреческой тирании в отечественной историографии. На основании анализа работ ученых XIX–XX вв. автор приходит к следующим выводам. Первая концепция раннегреческой тирании сформировалась в работах ученых XIX в. и сохраняла научную актуальность до середины XX в. В рамках этой концепции тирания характеризовалась как этап становления греческой демократии. В результате борьбы знати и демоса за политическую власть во главе полиса становится тиран, поддержанный широкими массами населения. Этот тиран проводит серию мероприятий, направленных на развитие ремесла, торговли и поддержку мелкого крестьянства. Падение тирании оценивалось по-разному. В дореволюционной историографии свержение тиранов объясняли их личными качествами. В советских же исследованиях утвердилась точка зрения, согласно которой тираны становятся не нужны демосу после ослабления аристократии. В 1960-е годы начинает формироваться альтернативная концепция. В ней тирания оценивается как результат борьбы аристократических группировок. Политика тирана трактуется как комплекс мероприятий, направленных на легитимацию личной власти. Тирания не отражает интересы демоса, но вынуждена счи-

Данные об авторе: Дмитрий Владимирович Зайцев – младший научный сотрудник РГГУ, старший преподаватель РАНХиГС.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (проект № 19-18-00549), реализуемого в РГГУ.

таться с ними. Этот переход связан с изменениями в мировой и отечественной историографии, поскольку в 1960–1970-е гг. постепенно утверждается новое представление о социально-экономической и политической сущности архаической Греции. Тем не менее в современной российской историографии мы можем найти сторонников как обновленной и усовершенствованной концепции демократической тирании, так и тех исследователей, кто видит в тиранах только частное проявление аристократических конфликтов архаического времени.

Ключевые слова: античная историография, архаическая Греция, полис, раннегреческая тирания, Афины, Писистрат.

Ранняя греческая тирания долгое время не была избалована пристальным интересом отечественного антиковедения. Тем не менее первые исследования, посвященные тирании, появились в российской науке еще в середине XIX века. В рамках данной работы я ставлю целью проследить формирование концепций раннегреческой тирании, господствовавших в отечественной науке, и попытаться выявить закономерности их трансформаций.

Первым исследователем, который написал специальную работу, посвященную раннегреческой тирании, стал один из учеников М.С. Куторги В.В. Бауэр¹. Исследователь полагал, что тирания была результатом политической борьбы между концентрировавшей власть в своих руках аристократией и народом. Сам приход к власти тиранов закономерен, их власть была прогрессивным явлением, поскольку готовила переход греческих полисов к демократии. После ослабления аристократии потребность в тиранах отпала, и власть их была свергнута. Таким образом, тирания позволила ослабить власть аристократии и сформировать условия для дальнейшего перехода власти к демосу.

В дальнейшем теме тирании чаще всего находилось место в обобщающих работах. Установление тирании сводилось исследователями преимущественно к социально-экономическим причинам. По мнению В.В. Латышева, причиной установления тирании стал рост торговли и ремесла в приморских городах. Экономические изменения архаического периода приводят к тому, что выделяется новый класс зажиточных людей, не связанных с традиционной аристократией, которая продолжает обладать монополией на власть. Вызванный ростом торговли расцвет городов облегчает консолидацию недовольного населения. Таким образом, формируется социальная база тиранического режима².

Следствием этой социальной борьбы могли стать письменная фиксация законов, или утверждение тирании. Тираны опираются на широкие массы населения и правят в соответствии с их желаниями за счет ущемления аристократии. Тираны «заботились о процветании торговли и промышленности, предпринимали морские экспедиции, основывали колонии, чтобы содействовать расширению торговых сношений, воздвигали громадные постройки, чем достигали важной для себя двойной цели: зажиточных людей ослабляли посредством налогов и вымогательств, а голодную и досужую народную массу занимали и кормили посредством работы, привлекали к себе и отвлекали ее внимание от государственных

¹ Бауэр 1863.

² Латышев 1997, 57–58.

дел»³. Таким образом, падение тирании связано с недовольством населения, которое тяготилось злоупотреблениями преемников первых тиранов, отдалявшихся от народа⁴.

В.П. Бузескул также полагал, что тирания возникала на почве ненависти к аристократии и опиралась на широкие массы демоса, усиливающегося с развитием ремесла и торговли. Утверждение власти тиранов явилось частым результатом борьбы «аристократической» и «демократической» партий. Тиран выступает в качестве активного правителя, проводящего реформы, направленные на поддержку демоса, укрепление полиса, привлечение ремесленников. В.П. Бузескул оценивает тиранию как важный шаг на пути к демократии, поскольку «власть тирана фактически уравнивала знатных и незнатных»⁵. Следовательно, происходило уравнение в правах всего населения полиса столь важное для греческой демократии. Падение тирании В.П. Бузескул считает следствием пренебрежения интересами демоса, которое было свойственно преемникам первых тиранов. В условиях, когда у власти оказывались не самые выдающиеся представители династии, на первый план выходили негативные черты тирании и жестокость правителей⁶.

Общие положения В.П. Бузескул раскрывает на частных афинских примерах. Анализируя неудачный мятеж Килона, ученый называет причинами его провала то, что «Килон не был защитником и вождем недовольного народа». Килон «опирался на чужеземную помощь – и притом тирана – и, следовательно, в глазах большинства является врагом отечества»⁷. Писистрат, напротив, проявлял особое внимание к демосу, привлекая его на свою сторону: «есть предположение, что за смертью и удалением из Аттики многих знатных Писистрат получил возможность распорядиться землями, которые были им конфискованы, и роздал их мелким землевладельцам»⁸. Сознательная политика, направленная на рост благосостояния населения, становится главной задачей тирана. Своей политикой Писистрат «завершил тут то, что начато было Солоном»⁹.

Говоря о результатах политики Писистрата, В.П. Бузескул повторяет мысль об уравнении населения под его властью. Тирания Писистрата «должна была действовать политическому равенству; знатные должны были подчиняться общим для всех законам и господствовавшей над всеми власти тирана»¹⁰. Падение режима в Афинах было связано с ужесточением политики Гиппия после убийства Гиппарха. В результате усилилась внутренняя оппозиция, которая позволила спартамцам свергнуть власть Писистратидов¹¹.

Ту же точку зрения разделяет М.М. Хвостов, который пишет, что «тиранами именовались лица, которые захватывали власть, ища опоры в низших слоях населения»¹². По мнению исследователя, конец архаической эпохи – это период

³ Латышев 1997 63.

⁴ Латышев 1997 61–64.

⁵ Бузескул 1909, 23–24.

⁶ Бузескул 1909, 24–25.

⁷ Бузескул 1909, 39.

⁸ Бузескул 1909, 72.

⁹ Бузескул 1909, 73.

¹⁰ Бузескул 1909, 74.

¹¹ Бузескул 1909, 78–79.

¹² Хвостов 2007, 164.

классовой борьбы между старой аристократией и возникающей буржуазией, в которой тиран не становится до конца ни на одну из сторон. При этом тираны проводят активную политику для «поднятия промышленности и торговли». Но экономический подъем приводил в конечном счете к падению тирании – торговые слои организовывали народные массы и добивались свержения единоличной власти. Итогом тирании становилось падение аристократического режима и правильная организация государства, «когда создавалась *сознательная* (курсив М.М. Хвостова) социально-экономическая политика и когда, вследствие укрепления государственного начала <...> росла буржуазия»¹³.

В советский период подход к изучению тирании первоначально менялся очень мало. А.И. Тюменев полагал, что тираны опирались на крестьянство. Он трактует их как выходцев из торгово-ремесленных слоев. Поэтому и политика тиранов, в первую очередь, была направлена на поддержку морской торговли и ремесла. Только отдельные мероприятия проводились в интересах крестьян. При этом тирания изживала себя, создавая условия для господства торгово-ремесленных слоев населения¹⁴.

С.Я. Лурье видел социальную базу тиранов в разбогатевших торгово-ремесленных слоях и крестьянстве, попадавшем в долговую зависимость от аристократии. В своих работах он разрабатывает причины установления тирании. В отличие от своих предшественников, С.Я. Лурье объясняет падение власти аристократии не злоупотреблениями, а тем, что аристократы постепенно теряют реальные основания своей власти. Они перестают играть ведущую роль на полях сражений, уступая место гопплитской фаланге, теряют экономическое преимущество вследствие развития морской торговли¹⁵.

В отличие от А.И. Тюменева С.Я. Лурье доказывает, что тираны выдвигались из среды аристократии главным образом благодаря военным достижениям. Социальную политику тиранов С.Я. Лурье характеризует достаточно противоречиво. С одной стороны, тирания появлялась в торгово-ремесленных поселениях, а не в земледельческих областях. С другой – тираны, по мнению исследователя, действовали, скорее, в интересах мелкого крестьянства¹⁶. С.Я. Лурье отмечает, что в мероприятиях тиранов есть элемент реакционности, консерватизма. Их сознательная политика чаще всего была прокрестьянской. При этом в отдельных приморских торговых городах, например в Коринфе, тираны проводили мероприятия для поддержки ремесла и торговли. Но какими бы ни были мотивы, фактически их деятельность вела к господству торгово-ремесленного населения, поскольку ослабляла традиционную аристократию. Таким образом, по мнению С.Я. Лурье, тирания была демократической диктатурой, которая смогла объединить широкие слои населения и добиться свержения власти аристократии. Падение же ее было вызвано расколом социальной опоры. Интересы крестьян и торгово-ремесленных кругов в конечном счете отличались, а тираны, нередко пытавшиеся законсервировать крестьянский уклад, препятствовали развитию торговли и рабовладения¹⁷.

¹³ Хвостов 2007, 165.

¹⁴ Тюменев 1935, 45–46.

¹⁵ Лурье 1993, 151.

¹⁶ Лурье 1993, 153.

¹⁷ Лурье 1993, 158–159.

Социально-экономическая трактовка тирании продолжала утверждаться в советской историографии и в последующих работах¹⁸ с некоторыми отличиями. Например, В.С. Сергеев акцентирует внимание на демагогическом и популистском характере тиранической власти. С одной стороны, тираны принимают некоторые меры против господства аристократии, в которых заинтересован народ, с другой – стремятся сгладить социальные противоречия в обществе и не допустить передела земли. Вторая важная мысль В.С. Сергеева заключалась в том, что характер и проявления тирании в разных полисах различались. Однако общим итогом тирании В.С. Сергеев полагал слом родового общества и его институтов в Греции, подготовку условий для установления демократии¹⁹.

Однако в эти же годы предлагается иная интерпретация тирании, весьма способствовавшая активизации дискуссий. К.К. Зельин, рассматривавший тему тирании в нескольких своих работах²⁰, отмечает, что тираны вряд ли могут считаться выразителем интересов демоса. По его мнению, например, политическая борьба в Аттике, предшествовавшая тирании, велась среди аристократических родов. Да и сын Писистрата Гиппий, чувствуя неустойчивость своей власти, не просит помощи у демоса, но пытается договориться с представителями знати – Алкмеонидами и Филаидами²¹. В то же время оценка тирана как выразителя интересов торгово-ремесленных кругов кажется К.К. Зельину неверной, поскольку полис архаического времени остается аграрным.

Политика тирана не была направлена на поддержку демоса. К.К. Зельин акцентирует внимание на антидемократических мероприятиях Писистрата в Афинах: изъятии оружия у населения, отказе от расширения политических прав демоса²². Однако, при всех этих оговорках, К.К. Зельин не отказывает тирании и демосу в связи вообще. Он полагает, что тиран стремился не раздражать население, получая за умеренность политики лояльность народа. Тем не менее картина социальной борьбы, которая предшествовала тирании, получилась у К.К. Зельина гораздо более сложной и многогранной, учитывающей и социальное происхождение тиранов, и тесные связи тиранов с аристократией, и сложность социальной структуры Аттики. На наш взгляд, именно с его работ начинается уход от встраивания тирании в схематичную картину архаической эпохи в пользу более многогранных интерпретаций.

Возврат к концепции тирании как личной власти, характерной для классической немецкой историографии, декларировал в серии своих работ Э.Д. Фролов²³. Для него тирания – результат стасиса, борьбы между аристократией и демосом в архаической Греции. При этом тирания была «скорее, побочным явлением, порожденным смуту, и носила по преимуществу деструктивный характер»²⁴. Для установления своей власти тираны прибегают к поддержке демоса. Для демоса авторитет тирана, демагога – это единственная возможность провести реформы,

¹⁸ Колобова, Глушкина 1958, 70–72; Соловьева 1964; Кобылина 1965, 31; Новикова 1965, 112–126; Пиленкова 1975, 3–25; Яйленко 1983, 180–184.

¹⁹ Сергеев 1963, 144–146.

²⁰ Зельин 1962, 21–29; Зельин 1964.

²¹ Зельин 1964, 150–151.

²² Зельин 1964, 185–186.

²³ Фролов 2004а; Фролов 2004б.

²⁴ Фролов 2004б, 164.

которых бесполезно ждать от родовой аристократии. И отдельные мероприятия, выгодные демосу, проводились, но только для поддержания режима. Какой-то сознательной политики в пользу народа тираны не проводили. Главным значением тирании было невольное содействие утверждению демократии, для которой тираны расчищают путь, уничтожая власть аристократов²⁵. Таким образом, для Э.Д. Фролова тирания – это «воплощение крайнего индивидуализма, стимулированного разложением старого, патриархального и бурным ростом нового, предпринимательского общества»²⁶.

Идеи Э.Д. Фролова восприняли и другие ученые. Они отражены, например, в работах В.М. Строгецкого, который показывает недемократическую природу тирании в отражении Фукидида²⁷. М.Ю. Лаптева исследовала ионийскую тиранию и доказывала отсутствие во внутренней и внешней политики тиранов мер, проводимых в пользу демоса²⁸.

Несколько иную картину мы находим у С.М. Жестоканова. В его работах тирания также является результатом социальной борьбы аристократии и демоса, однако установление единоличной власти связывается с уровнем развития политического сознания греков архаического времени. Им были знакомы в качестве политических режимов только монархия и аристократия. При этом первая оценивалась позитивно, как режим героического правления, а вторая скомпрометировала себя в ходе политической борьбы архаической эпохи. С.М. Жестоканов полагает, что социальная опора тиранического режима могла различаться в зависимости от полиса. Общей же чертой установления всех тираний были социально-политическая борьба в полисе и наличие аристократов, претендующих на власть. С.М. Жестоканов доказывает, что тираны проводят активную политику, стремясь обеспечить интересы демоса аграрными мерами и способствовать развитию ремесла и торговли колонизацией и строительством. Делалось это, впрочем, для укрепления личной власти тиранов. Падение тиранических режимов связано с деспотизмом, злоупотреблением и разрушением иллюзий демоса о «добром правителе»²⁹.

Идея отсутствия прогрессивной политики у тиранов очень серьезно разрабатывается в работах И.А. Макарова. Он полагает, что демос в политической борьбе архаического времени оставался пассивен, а непосредственной социальной базой тирана становятся члены его аристократической гетерии. И.А. Макаров акцентирует внимание на стремлении тиранов к личной власти и пересматривает традицию об их конструктивной деятельности в полисе. Строительная политика сводилась только к проектам, которые могли поднять личный авторитет тирана или авторитет его рода. В идеологии же тиранов первостепенную роль играют традиционные аристократические добродетели – личная доблесть, полководческие таланты³⁰.

Оригинальную интерпретацию раннегреческой тирании предлагает в своей работе Х. Туманс. Однако его концепция является своеобразным возвратом к идее

²⁵ Фролов 2004б, 163–167.

²⁶ Фролов 2004а, 128–129.

²⁷ Строгецкий 2015, 44.

²⁸ Лаптева 2009, 352–357.

²⁹ Жестоканов 2010, 33–37, 44–47.

³⁰ Макаров 1995, 117–131; Макаров 1997, 25–42.

демократической тирании. Тиран, облеченный особым благословением богов, получает власть с согласия народа. Механизмами легитимации власти становятся военная слава, знатность происхождения и религиозные санкции в виде знамений, олимпийских побед. При этом решающее значение для захвата власти имеет успешность идеологической подготовки. Причину провала мятежа Килона в Афинах Х. Туманс видит в отсутствии поддержки народа³¹. Писистрат, в отличие от Килона, получает высшую власть с санкции народного собрания, признается населением правителем, несмотря на сопротивление аристократии³². Политика Писистрата направлена на легитимацию власти: это поддержка религиозных культов, военные предприятия, социальные меры, направленные на поддержку крестьянства, составлявшего основную социальную базу власти тирана. Падение тирании Писистратидов Х. Туманс связывает с ужесточением власти Гиппия после провала заговора Гармодия и Аристоклитона³³.

Близкую интерпретацию тирании предлагает И.Е. Суриков. Он полагает, что тирания является результатом стасиса – внутреннего конфликта в греческих полисах, возникшего в результате земельного голода и конфликтов аристократических группировок³⁴. Главным источником легитимации власти тирана становится личная харизма, обычно иссякающая при сыновьях или внуках основателя династии. Это объясняется тем, что, по мнению И.Е. Сурикова, «деятельность тиранов противоречила процессам формирования полиса»³⁵. Социальную природу тирании И.Е. Суриков видит в аристократии. При этом тиранами становились часто представители «ущемленных слоев» аристократии. В качестве примера исследователь приводит коринфского тирана Кипсела, который по материнской линии происходил из рода Бакхиадов, однако не мог претендовать на власть из-за низкого происхождения отца. Интересно, что, с одной стороны, И.Е. Суриков отвергает точки зрения о том, что социальной базой тирании был демос. С другой стороны, заключает, что нельзя говорить, будто «демос не получал от правления тиранов никаких преимуществ»³⁶.

По мнению исследователя, для установление единоличной власти требовалась санкция или «молчаливое согласие» народного собрания³⁷. А во внутренней политике тираны «прекращали – хотя бы на время своего правления – многолетний стасис <...> вели активную внешнюю и колониционную политику <...> украшали города монументальными постройками <...> и в целом проводили целенаправленную политику в культурной сфере, что стало возможным в связи с концентрацией государственных финансовых средств под контролем одного лица»³⁸. И.Е. Суриков полагает, что субъективные устремления тирана находились в сфере его личных интересов, а харизма подпитывалась воспроизводством эпических моделей. Интересам демоса соответствовала антиаристократическая борьба тирана, истреблявшего своих потенциальных конкурентов.

³¹ Туманс 2002, 190–191.

³² Туманс 2002, 306–315.

³³ Туманс 2002, 359–360.

³⁴ Суриков 2005, 155.

³⁵ Суриков 2005, 157.

³⁶ Суриков 2005, 159.

³⁷ Суриков 2005, 160–161.

³⁸ Суриков 2005, 164.

И.Е. Суриков склонен критиковать однозначно негативную оценку тиранической власти. Ведь под властью тиранов некоторые полисы добились процветания и внешнеполитических успехов. Кроме того, передовые полисы прошли стадию тирании, в то время как полисы, которые ее не знали, стагнировали³⁹.

Таким образом, в дореволюционной историографии основной концепцией становится идея демократической тирании. Тираны представляются ставленниками демоса, проводящими сознательную политику в интересах своей социальной базы. Некоторые отличия между исследователями есть. Зависят они от оценки экономического развития Греции перед тиранией. В одном случае тираны считаются ставленниками крестьянства, в другом – торгово-ремесленных слоев.

Интересно, что эта теория продолжает успешно существовать в советской историографии. Главным отличием становится то, что причины падения тирании дореволюционные исследователи видели преимущественно в ужесточении режима. Советские же ученые акцентировали внимание на том, что тирания выполнила свою историческую задачу ослабления аристократии и была уничтожена торгово-ремесленными слоями.

Примерно в 1960-е годы происходит становление новой концепции раннегреческой тирании. Начиная с К.К. Зельина, исследователи пересматривают социальную базу тирании, отмечая, правда, что политика тиранов не раздражала население. Она интерпретируется как преследование личных или групповых аристократических интересов.

В настоящее время этот подход может считаться в исследовании тирании основным. Впрочем, и социально-экономические истоки тирании из ее интерпретаций не исчезают полностью. Но их действие понимается далеко не так прямо, как раньше. Теперь экономические процессы архаики рассматриваются как фактор, создающий подходящие условия для стасиса, часто предшествующего тирании.

Получившаяся картина историографии частного вопроса – раннегреческой тирании – вполне укладывается в общую картину эволюции отечественной историографии античности. По крайней мере, 1960–1970-е годы отмечаются в историографических исследованиях как период отхода от сформированного ранее образа древности и поиска новых оригинальных концепций в частных вопросах⁴⁰. Как кажется, этот переход, вызывавший сопротивление ортодоксальных исследователей, нам удалось уловить в рамках избранной тематики.

На рубеже 80–90-х гг. XX в. тематика тирании актуализируется и появляются новые попытки сформулировать оригинальные подходы к интерпретации тирании. Однако в конечном итоге эти подходы выглядят довольно похожими на уже существующие концепции. Например, интерпретация тирании Х. Туманса выглядит весьма схожей с концепцией демократической тирании В.П. Бузескула. Но современный исследователь добавляет ясности идеологическим механизмам, с помощью которых тиран привлекал население на свою сторону.

ЛИТЕРАТУРА

Бауэр, В.В. 1863: *Эпоха древней тирании в Греции*. СПб.

³⁹ Суриков 2005, 165–169.

⁴⁰ Крих 2013, 309.

- Бузескул, В.П. 1909: *История Афинской демократии*. СПб.
- Жестокоанов, С.М. 2010: Ранняя тирания и становление демократии в древней Греции. В кн.: Э.Д. Фролов (ред.) *Проблемы античной демократии*. СПб, 25–50.
- Зельин, К.К. 1962: Олимпионики и тираны. *ВДИ* 4, 21–29.
- Зельин, К.К. 1964: *Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э.* М.
- Кобылина, М.М. 1965: *Милет*. М.
- Колобова, К.М., Глускина, Л.М. 1958: *Очерки истории Древней Греции*. Л.
- Крих, С.Б. 2013: *Образ древности в советской историографии*. М.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Латышев, В.В. 1997: *Очерк греческих древностей*. Ч. 1. *Государственные и военные древности*. СПб.
- Лурье, С.Я. 1993: *История Греции*. СПб.
- Макаров, И.А. 1995: Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI вв. до н.э. *ВДИ* 4, 117–131.
- Макаров, И.А. 1997: Идеологические аспекты раннегреческой тирании. *ВДИ* 2, 25–42.
- Новикова, Т.Ф. 1965: Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке. *ВДИ* 4, 112–126.
- Пиленкова, Т.Ф. 1975: Раннегреческая тирания на Самосе. В кн.: Я.В. Зайцев (ред.), *Проблемы социально-политической истории античности и средневековья*. Вып. 1. Уфа, 3–25.
- Сергеев, В.С. 1963: *История Древней Греции*. М.
- Соловьева, С.С. 1964: *Раннегреческая тирания*. М.
- Строгеецкий, В.М. 2015: Фукидид о возникновении тирании в Древней Греции, об особенностях афинской тирании Писистратидов и заговоре Гармония и Аристоклитона. В кн.: Э.Д. Фролов (ред.), *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 15. СПб, 34–48.
- Суриков, И.Е. 2005: *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.
- Туманс, Х. 2002: *Рождение Афины: Афинский путь к демократии: От Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)*. СПб.
- Тюменев, А.Н. 1935: *История античных рабовладельческих обществ*. М.
- Фролов, Э.Д. 2004а: *Парадоксы истории – парадоксы античности*. СПб.
- Фролов, Э.Д. 2004б: *Рождение греческого полиса*. СПб.
- Хвостов, М.М. 2007: *История Греции*. М.
- Яйленко, В.П. 1983: Архаическая Греция. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция: проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М., 128–193.

REFERENCES

- Bauer, V.V. 1863: *Epokha drevney tiranii v Gretsii [The Age of Ancient Tyranny in Greece]*. Saint Petersburg.
- Buzeskul, V.P. 1909: *Istoriya Afinskoj demokratii [History of Athenian Democracy]*. Saint Petersburg.
- Zhestokanov, S.M. 2010: Rannaya tiraniya i stanovlenie demokratii v drevney Gretsii [Early Tyranny and the Formation of Democracy in Ancient Greece]. In E.D. Frolov (ed.), *Problemy antichnoy demokratii [Problems of ancient democracy]*. Saint Petersburg, 25–50.
- Zel'in, K.K. 1962: Olimpioniki i tirany [Olympic Champions and Tyrants]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 21–29.
- Zel'in, K.K. 1964: *Bor'ba politicheskikh gruppirovok v Attike v VI v. do n.e. [The Struggle of Political Factions in Attica in the 6th century BC]*. Moscow.
- Kobylyina, M.M. *Milet [Miletus]*. Moscow.

- Kolobova, K.M., Gluskina L.M. 1958: *Ocherki istorii Drevney Gretsii* [Essays on the History of Ancient Greece]. Leningrad.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoj tsivilizatsii: Ioniya v XI–VI vv. do n.e.* [At sources of an Ancient Greek civilization: Ionia in 11th–6th centuries BC]. Saint Petersburg.
- Latyshev, V.V. 1997: *Ocherk grecheskikh drevnostey. Chast' 1. Gosudarstvennye i voennye drevnosti* [An Essay on Greek Antiquities. Part 1. State and Military Antiquities]. Saint Petersburg.
- Lur'e, S.Ya. 1993: *Istoriya Gretsii* [The History of Greece]. Saint Petersburg.
- Makarov, I.A. 1995: Tiraniya I Del'fy v ramkakh politicheskoy istorii Gretsii vtoroy poloviny VII–VI vv. do n.e. [Tyranny and Delphi within the Framework of the Political History of Greece of the Second Half of the 7th–6th c. B.C.] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 117–131.
- Makarov, I.A. 1997: Ideogicheskie aspekty rannegrecheskoj tiranii [The Ideological Aspects of Early Greek Tyranny]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 25–42.
- Novikova, T.F. 1965: Rannegrecheskaya tiraniya na Korinfskom peresheyke [Early Greek Tyranny on the Isthmus of Corinth]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 112–126.
- Pilenkova, T.F. 1975: Rannegrecheskaya tiraniya na Samose [Early Greek tyranny in Samos]. In.: Ya.V. Zaytsev (ed.), *Problemy sotsialno-politicheskoy istorii antichnosti i srednevekov'ya* [Problems of the Social and Political History of Antiquity and the Middle Ages]. Vol. 1. Ufa, 3–25.
- Sergeev, V.S. 1963: *Istoriya Drevney Gretsii* [The History of Ancient Greece]. Moscow.
- Solov'yeva, S.S. 1964: *Rannegrecheskaya tiraniya* [Early Greek tyranny]. Moscow.
- Strogetskiy, V.M. 2015: Fukidid o vozniknovenii tiranii v Drevney Gretsii, ob osobennostyakh afinskoj tiranii Pisistratidov i zagovore Garmodiya i Aristogitona [Thucydides about Rising of Tyranny in Ancient Greece, Character of the Peisistratid Tyranny at Athens and the Plot of Harmodius and Aristogeiton]. In E.D. Frolov (ed.), *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Investigation and Publication on the History of Ancient World]. Vol. 15. Saint Petersburg, 34–48.
- Surikov, I.E. 2005: *Antichnaya Gretsija. Politiki v kontekste epokhi. Arkhaika i rannyya klassika* [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. Archaic and Early Classical Periods]. Moscow.
- Tumans, Kh. 2002: Rozhdenie Afiny: Afinskiy put' k demokratii ot Gomera do Perikla (VIII – V vv. do n.e.) [The birth of Athens: The Athenian Way to democracy: from Homer to Pericles (8th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg.
- Tyumenev, A.N. 1935: *Istoriya antichnykh rabovladel'cheskikh obshhestv* [The History of ancient slave societies]. Moscow.
- Frolov, E.D. 2004a: *Paradoksy istorii – paradoksy antichnosti* [Paradoxes of History - Paradoxes of Antiquity]. Saint Petersburg.
- Frolov, E.D. 2004b: *Rozhdenie grecheskogo polisa* [The birth of the Greek polis]. Saint Petersburg.
- Khvostov, M.M. 2007: *Istoriya Gretsii* [The History of Greece]. Moscow.
- Yaylenko, V.P. 1983: Arkhaicheskaya Gretsija [Archaic Greece]. In E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsija: problemy razvitiya polisa*. T. 1. Stanovlenie i razvitie polisa [Ancient Greece: Problems of the Development of the Polis. Vol. 1. Formation and Development of the Polis]. Moscow, 128–193.

THE SOCIAL BASIS AND POLITICS OF EARLY GREEK TYRANTS IN
RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Dmitriy V. Zaytsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russia*

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of concepts' changing of early Greek tyranny in the Russian historiography. On the basis of the analysis of the 19th and 20th centuries works, the author comes to the following conclusions. First conception of early Greek tyranny was formed in the works of 19th century scientists and kept its scientific relevance till the middle of the 20th century. Within the framework of this concept the tyranny was characterized as a stage of formation of Greek democracy. As a result of struggle for political power between nobility and demos a tyrant, supported by masses, becomes head of polis. This tyrant carries out a series of measures aimed at the development of crafts, trade and support of the small peasantry. The fall of the tyranny was assessed in different ways. In pre-revolutionary historiography the overthrow of tyrants was explained by their personal qualities. In Soviet studies, however, became firmly established the viewpoint that the demos did not need tyrants after the aristocracy had been weakened. In the 1960s, an alternative conception began to take shape. In this concept, tyranny is seen as a result of a struggle between aristocratic groups. The policy of the tyrant is interpreted as a set of measures aimed at legitimizing personal power. Tyranny does not reflect the interests of the demos, but has to reckon with them. This transition is connected with changes in world and domestic historiography, since in the 1960s-1970s a new conception of the socio-economic and political essence of archaic Greece was gradually established. Nevertheless, in modern Russian historiography we can find supporters of both the updated and improved concept of democratic tyranny and those researchers who see tyrants as only a particular manifestation of aristocratic conflicts of archaic times.

Keywords: Historiography, Archaic Greece, polis, Early Greek tyranny, Athens, Peisistratus.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 213–226
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 213–226
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-213–226

«БОГОСЛОВСКОЕ» НАПРАВЛЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГОСУДАРСТВА ХАСМОНЕЕВ

М.Н. Каранаев

Москва, Россия

E-mail: karanaevmk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9342-7078

Аннотация. В статье рассматривается отечественная дореволюционная (до 1917 г.) историография государства Хасмонеев (167–63 гг. до н.э.). Автор подразделяет ее на четыре категории (группы): 1) «богословскую», 2) исследователей не связанных ни с богословием, ни с иудаикой, 3) представителей иудейской традиции, 4) зарубежных исследователей, опубликованных на русском языке. Первая категория, ставшая объектом внимания автора в статье, обозначена как «богословская», т.к. включает в себя исследователей, получивших богословское образование, работавших в православных духовных академиях и изучавших еврейскую историю через призму теологии (С.А. Терновский, И.Г. Троицкий, И.Я. Богоявленский, Т.И. Буткевич, Ф.П. Арфаксадов и др.). Ключевой особенностью данной группы является некритичное восприятие исторических источников (прежде всего, Ветхого и Нового заветов), отсутствие четкого разграничения эпох при описании истории древних евреев, больший интерес к истории Синедриона и народного собрания, нежели к политической истории Хасмонейского государства. В процессе исследования автор приходит к выводу, что обращение к истории государства Хасмонеев в «богословской» группе происходит лишь эпизодически в виде фона иных исторических событий и процессов. Причиной этого является: 1) Ориентация авторов на Ветхий и Новый заветы, где Хасмонеев не рассматриваются. 2) Хасмонеев выделялись не совсем классическими иудеями ввиду их эллинистического контекста. 3) Хасмонейский период представлялся как время утраты независимости еврейского народа (подчинение вначале грекам, а затем римлянам). Поэтому история Хасмонеев не представлялась значимой настолько, чтобы стать предметом специального исследования.

Ключевые слова: государство Хасмонеев, историография, эллинизм, иудаика, Иосиф Флавий, Палестина, Иудея, Маккавеи.

Открытие новых источников (археологических, нумизматических, эпиграфических) по античной истории Палестины, а также появление ряда зарубежных

Данные об авторе: Михаил Николаевич Каранаев – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия.

Представленная публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41001 «Палестина».

публикаций по истории Хасмонеев способствует росту интереса к этому иудейскому государству в мировом научном сообществе, но не в России, где история Хасмонеев традиционно не пользуется вниманием широкой части историков. Но так ли это было всегда? До революции ученые проявляли интерес к государству Хасмонеев, но современная отечественная историография их игнорирует и не анализирует их подходы. Между тем они представляют собой значительный интерес для современного исследователя не только с общенаучной точки зрения, но и как пример особого подхода к изучению государства Хасмонеев, так как эти работы были лишены догматического влияния идеологии, а также контроля над исторической наукой со стороны партийного и государственного надзора, характерного для советских исследователей. Важной задачей для определения специфики дореволюционной историографии видится составление классификации трудов отечественных дореволюционных исследователей, писавших о государстве Хасмонеев.

Дореволюционную российскую историографию, изучавшую государство Хасмонеев, или (если смотреть более широко) историю евреев в эпоху античности, на наш взгляд, следует разделить на четыре категории (группы).

Первая, наиболее яркая, обладающая рядом важных особенностей – это та категория, которую мы обозначили бы как «богословское» направление. Сюда следует отнести авторов, получивших теологическое образование, работавших в православных духовных семинариях и изучавших еврейскую историю через призму богословия. Главным образом это С.А. Терновский, И.Г. Троицкий, И.Я. Богоявленский и др. Подробнее это направление мы раскроем в следующей части работы.

Отдельно отметим Д.А. Хвольсона, наиболее «пограничного» из всех авторов предложенной классификации, поскольку его с достаточной долей уверенности можно отнести ко всем четырем категориям. С одной стороны, он родился и вырос в рамках еврейской традиции и отучился в йешиве. Затем получил классическое образование в Бреславльском университете (на тот момент в Пруссии), став одним из первых специалистов в области «Wissenschaft des Judentums» (научная иудаика)¹. После этого, приняв православие, он около четверти века был профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии, а затем Римско-католической духовной академии в Санкт-Петербурге²; при этом, будучи профессором Санкт-Петербургского университета, он внес фундаментальный вклад в один из первых синодальных переводов Библии³. Хотя он специально не занимался изучением государства Хасмонеев, но обращался к отдельным вопросам, связанным с ним лишь косвенно в качестве фона к иным объектам его интереса⁴.

К второй группе следует отнести отечественных авторов, не связанных ни с православной традицией, ни с иудейской (Н.М. Никольский⁵, А.И. Тюменев⁶ и др.). Третья группа представлена исследователями, которые являются привере-

¹ Браткин 2018, 107.

² Якерсон 2018, 813–814.

³ Reed 2014, 308.

⁴ Хвольсон 1875, 157–205; 1911, 277–283.

⁵ Никольский 1901, 407–425; 1911.

⁶ Тюменев 1922.

женцами иудейской традиции (С.М. Дубнов⁷, Я.Л. Чертока⁸, М.Я. Хашкеса⁹, Ю.И. Гессен¹⁰ и др.). Последняя группа носит дискуссионный характер, т.к. к ней мы отнесли зарубежных исследователей, опубликованных на русском языке, чьи переведённые труды оказали заметное влияние на отечественных дореволюционных авторов (Г. Грец¹¹, Э. Ренан¹², Ю. Велльгаузен¹³, О. Гольцман¹⁴, Ф.В. Фаррар¹⁵ и др.). Они были более свободны от цензурных ограничений стоявших перед российскими авторами «богословского» направления и накопили к тому времени (к. XIX в.) значительный критический нарратив, впоследствии заимствованный отечественными историками¹⁶. Изучение указанных направлений должно стать объектом специального научного исследования.

ОСОБЕННОСТИ «БОГОСЛОВСКОГО» НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВА ХАСМОНЕЕВ

История евреев в древности в силу прямой связи ее с ветхозаветной и новозаветной традициями довольно часто становилась предметом исследования дореволюционных авторов, имеющих отношение к теологии (понятие «богословие» в отечественном контексте видится нам более уместным в рамках текущей темы исследования). Ключевой особенностью этой группы является то, что авторы, к ней относящиеся, имели либо православное религиозное образование (духовная семинария, духовная академия), либо священнический сан, либо работали преимущественно в учреждениях духовного образования. Именно православная традиция оказала ключевое влияние на их взгляды и оценку истории еврейского народа в целом, и государства Хасмонеев в частности.

Древнееврейская история в качестве основного предмета изучения наиболее комплексно описана в дореволюционных работах Я.А. Богородского¹⁷, А.П. Мирлобова¹⁸, Ф.Я. Покровского¹⁹, Н.Л. Зайцева²⁰, И.Я. Богоявленского²¹ и др. Но государство Хасмонеев практически не появляется в этих трудах как предмет изучения и объект целенаправленного интереса, в отличие от работ Т.И. Буткевича²², С.А. Терновского²³, И.Г. Троицкого²⁴, Ф.П. Арфаксадова²⁵ и др.

⁷ Дубнов 1904.

⁸ Черток 1897; 1900, V–XIV.

⁹ Хашкес 1901.

¹⁰ Гессен 1901.

¹¹ Грец 1905.

¹² Ренан 1908; 1912.

¹³ Велльгаузен 1909.

¹⁴ Гольцман 1899.

¹⁵ Фаррар 1885; 1901.

¹⁶ Крих 2020, 70–73.

¹⁷ Богородский 1884.

¹⁸ Мирлобов 1898.

¹⁹ Покровский 1885.

²⁰ Зайцев 1869.

²¹ Богоявленский 1915.

²² Буткевич 1887.

²³ Терновский 1900b.

²⁴ Троицкий 1913.

²⁵ Арфаксадов 1903.

Так, к примеру, в весьма объемном труде С.А. Терновского «Чтения о Святой Земле», где автор поставил своей целью рассмотреть все аспекты жизни в Палестине от охоты и рыболовства до погребальных обрядов и ремесла, мы не найдем ни одного прямого упоминания о Хасмонеях. Единственную отсылку к интересующей нас эпохе мы обнаруживаем в разделе, посвященном жилищам евреев, где автор пишет о том, что они периодически жили пещерах, особенно в периоды гонений²⁶, после чего в обоснование своей позиции приводит сноску на эпизод из 1-й кн. Маккавеев (1 Макк. 2:29-38, сам автор ссылается на 1 Макк. 1, что довольно спорно), где говорится об иудеях, бежавших от гонений Антиоха и убитых в субботний день. Единственная часть, доступная для анализа, — это фраза Терновского «... в тяжелые времена гонений на их веру со стороны иноземных царей»²⁷. Эллинистическая эпоха воспринимается им как период порабощения еврейского народа и притеснения со стороны иноземцев.

С.А. Терновский кроме основного источника – текстов Ветхого и Нового Заветов – привлекает труды Иосифа Флавия и Страбона²⁸, а также Тацита, и даже полемизирует с ними²⁹. Правда, справедливости ради стоит отметить, что упоминания античных авторов носят крайне редкий, эпизодический характер. Кроме того, можно встретить отсылки к Талмуду и раввинистической литературе³⁰. С.А. Терновский в качестве примеров часто упоминает различные ветхозаветные истории и библейских царей, а также Ирода Великого и, разумеется, Иисуса из Назарета³¹, но совершенно оставляет за скобками эллинистический период, не говоря уже о Хасмонеях. При этом, вероятно, С.А. Терновский был недостаточно знаком с трудами Иосифа Флавия, т.к. в разделе, посвященном левиратному браку, он полностью игнорирует яркий эпизод с женитьбой Александра Янная на Александре Саломее, бывшей жене Аристобула I, описанный в «Иудейских древностях» (Ал. XIII 12,1; 15,5)³².

В этом контексте интересна работа И.Г. Троицкого «Библейская археология». В ней автор описывает левиратный брак у иудеев, но точно так же не приводит отсылки к Яннаю и Саломее, хотя на тех же страницах мы найдем отсылки не только к текстам Ветхого и Нового Заветов, но и к Талмуду и 1-й Маккавейской³³.

Причина подобного равнодушия к Хасмонеяхскому периоду видится в подходе самих исследователей и направленности их научных интересов. С.А. Терновский был профессором Казанской духовной академии, автором множества церковно-исторических работ, а также трудов по библейской археологии, членом Православного палестинского общества. И.Г. Троицкий был профессором Санкт-Петербургской духовной академии. Оба исследователя ориентировались, прежде всего, на религиозные источники. При этом И.Г. Троицкий, ученик Д.А. Хвольсона, известен своими публикациями по Талмуду и древнееврейскому языку, его текст изобилует отсылками к различным талмудическим трактатам и их интер-

²⁶ Терновский 1900с, 15.

²⁷ Терновский 1900с, 15.

²⁸ Терновский 1900b, 27.

²⁹ Терновский 1900d, 14.

³⁰ Терновский 1900с, 27; 1900d, 17.

³¹ Терновский 1900a, 36.

³² Терновский 1900d, 16-20.

³³ Троицкий 1913, 232-235.

претацией. Любопытно, что автор часто при использовании отсылок к Талмуду подтверждает их ссылками на тексты Нового завета, как бы легитимизируя их подобным образом. Важно при этом отметить, что любые домыслы о «примитивизации» работ этих авторов стоит решительно отметить. Это были исследователи самой широкой эрудиции, и то, насколько свободно они оперируют различными источниками - не только ветхозаветными, но и раввинистическими - не может не восхищать. Вероятно, именно в этих энциклопедических познаниях и кроется причина смешения разных эпох в представлении историков. Это подтверждается проведением аналогий между историей библейского периода и современной им эпохи (XIX в.), как это видно в работе Д.А. Хвольсона, называвшего ассирийцев «пруссакими древнего мира»³⁴. Плотная работа с текстами самой разной направленности, которые при этом пересекаются между собой, в условиях господствующего подхода к буквальному прочтению источника, привела к смешению всего исторического поля в единый взаимосвязанный комплекс, трансляцию которого мы и видим в работах дореволюционных авторов. Это очень ярко проявляется в работе Н.Л. Зайцева, являющейся одной из наиболее ранних по истории Палестины. В ней при описании быта евреев в Палестине автор рассматривает как равноценно значимые сведения о бытовых нюансах жизни, заимствованные из ветхозаветной литературы и из описаний современников, с которыми он общался во время путешествия по Палестине. Подобным образом в его работе в единое целое сплетены ветхозаветная иудейская, раннехристианская и арабо-мусульманская культура и традиции³⁵.

Впрочем, в начале XX в. этот подход уже не являлся доминирующим, что хорошо видно в работе профессора Казанской духовной академии Я.А. Богородского «Еврейские цари» (второе издание)³⁶. Он не рассматривает историю правителей из династии Хасмонеев, но выделяет этот период в истории древних евреев («времена Маккавеев»)³⁷. В части текста, посвященного дворцу Соломона, Я.А. Богородский пишет, что «время маккавеев так глубоко разнилось от времени Соломона, что соображения первых при выборе места для своего жилища едва ли согласовывались с соображениями Соломона»³⁸.

Уже упомянутый выше И.Г. Троицкий в своей «Библейской археологии» представляет пример более академического подхода к изучению библейской и античной еврейской истории. В его работе вводная часть посвящена анализу источников и историографии³⁹, в том числе тому, насколько Библия достоверна как источник⁴⁰. С точки зрения автора она не только достоверна, но и прямо обязательна к использованию⁴¹. Также И.Г. Троицкий пишет о том, что современные археологические находки прямо подтверждают библейские свидетельства «с поразительной ясностью» и «исторической достоверностью»⁴². Это не снижает ценности труда

³⁴ Хвольсон 1875, 200.

³⁵ Зайцев 1869.

³⁶ Первое издание датировано 1884 г. Non vidi.

³⁷ Богородский 1906, III–IV, 333–334.

³⁸ Богородский 1906, 334.

³⁹ Троицкий 1913, 1–79.

⁴⁰ Троицкий 1913, 9–11.

⁴¹ Троицкий 1913, 10.

⁴² Троицкий 1913, 11.

И.Г. Троицкого. В его работе помимо текстов использованы данные эпиграфики и нумизматики, и автор особо выделяет хасмонеюскую нумизматику⁴³. В тексте И.Г. Троицкий четыре раза упоминает эпоху Хасмонеев («асмонеевь») в понимании ее как отдельного исторического периода: трижды в отношении нумизматических данных и один раз как предшественников Ирода⁴⁴.

В работе И.Г. Троицкого присутствует глава, посвященная устройству древне-иудейского государства⁴⁵, и в ней нельзя было не отобразить Хасмонеюский период. Период становления независимой от Селевкидов иудейской государственности И.Г. Троицкий называет «временами Маккавеев»⁴⁶. Ключевое внимание автор уделяет не столько особенностям государственного устройства, сколько статусу первосвященника. Сам рассказ об этом периоде начинается со слов о том, что в период от Александра Македонского и до Ирода «первосвященник являлся представителем не только религиозных, но и государственных интересов израильского народа»⁴⁷. Исключительно интересен пассаж, описывающий периодичность процесса смены власти от одного правителя Маккавея к другому. И.Г. Троицкий, давая ссылку на Иосифа Флавия, указывает в качестве источника 20-ю книгу «Иудейских древностей»⁴⁸. Важно понимать, что первоисточником стоит считать все же 12-14 книги, где Флавий непосредственно описывает все пертурбации, происходившие с домом Хасмонеев. В указанном фрагменте 20-й книги Флавий проводит перечисление первосвященников (А.И. XX, 10), поэтому обращение И.Г. Троицкого именно к этой части источника при описании правителей государства Хасмонеев, на наш взгляд, явно демонстрирует направленность его интересов к религиозной составляющей⁴⁹.

Исследование Ф.П. Арфаксадова «Иерусалимский синедрион» обладает схожими характерными чертами. Автор в начале своего повествования дает характеристику ключевых источников и литературы, особенно выделяя 1-ю и 2-ю Маккавейские книги⁵⁰. Примечателен вывод автора о критическом отношении к источникам как главному методе своей работы: «... мы не должны слишком доверчиво относиться к Талмуду, но проверять его данные более достоверными: историческими книгами Ветхого и Нового завета и сочинениями Иосифа Флавия»⁵¹. Основы иудейской государственности слепопленного периода Ф.П. Арфаксадов видит в деятельности герусии (совета старейшин) и тождественному ей Синедриону⁵². Подобный подход нельзя назвать новым для российских исследователей, его использовал и Т.И. Буткевич, на которого Ф.П. Арфаксадов, впрочем, не ссылается. Именно в контексте размышлений о времени, когда Синедрион развился из герусии, казанский исследователь определяет время появления независимого

⁴³ Троицкий 1913, 45, 180.

⁴⁴ Троицкий 1913, 284.

⁴⁵ Троицкий 1913, 289–331.

⁴⁶ Троицкий 1913, 306.

⁴⁷ Троицкий 1913, 305.

⁴⁸ Троицкий 1913, 306.

⁴⁹ Троицкий 1913, 306.

⁵⁰ Арфаксадов 1903, VIII–IX.

⁵¹ Арфаксадов 1903, IX.

⁵² Арфаксадов 1903, 14.

иудейского государства – в 142 г. до н.э. при Симоне⁵³. Ф.П. Арфаксадов выделяет Хасмонейскую эпоху как самостоятельный эпизод из жизни еврейского народа⁵⁴. Он один из первых, кто рассматривает политическую элиту времен Хасмонеев («асмонейскую аристократию»), обозначая ее как носителей умеренно-эллинистических взглядов⁵⁵. В целом Хасмонейская эпоха интересна Ф.П. Арфаксадову как время появления фарисеев и саддукеев и возникновения антагонизма между ними⁵⁶. Он обозначает саддукеев как представителей «асмонейского дворянства»⁵⁷. Можно сказать, что Ф.П. Арфаксадов использует саму эпоху Хасмонеев как историко-культурный контекст (противостояние иудейства и эллинизма) того времени, когда происходило развитие герусии, становление Синедриона, сект и т.п.⁵⁸. Это делает труд Ф.П. Арфаксадова ближе к современным исследованиям, что отличает его от прочих работ этого периода.

Т.И. Буткевич в своем исследовании в качестве главного объекта интереса выдвигает взаимодействие иудаизма и язычества в контексте становления раннего христианства. Он также в списке источников указывает Иосифа Флавия, но во вводной части при описании событий, связанных с Хасмонейской эпохой, сопровождает их текстом с отсылками на новозаветную литературу и не указывает источник информации о Хасмонеех. Примечательно, что при описании «Иоанна Гиркана» (Иоханан Гиркан, 135–105/104 гг. до н.э.) Т.И. Буткевич характеризует его как «племянника Иуды Маккавея», понимая, что последний гораздо ближе его читателю, благодаря неканоническим, но почитаемым Маккавейским книгам⁵⁹. Главу «Правители Палестины» Т.И. Буткевич начинает не с ветхозаветных времен, а со смерти Александра Македонского, что говорит о понимании автором отличий античной эпохи от прочих. Однако большая часть главы закономерно отведена царю Ироду Великому и Иродидам⁶⁰, тогда как предшествующим ему Хасмонеем посвящено лишь несколько страниц⁶¹, впрочем, с детальным обозрением их генеалогии, а также хронологии и географии событий. Т.И. Буткевич обозначил причинами восстания религиозные притеснения Антиоха Эпифана, а истоки государственности Хасмонеев он видит в решении народного собрания, предоставившего им царство и первосвященство⁶². В качестве причины упадка государства автор выделяет исчезновение «духа» первых Маккавеев, внутренние распри и междоусобия, светскую распушенность двора и народа, войны с соседними государствами и кочевыми народами, истощившими страну, чем воспользовались римляне, покорившие Иудею⁶³. Отличительной особенностью работы Т.И. Буткевича видится его восприятие народного собрания, которое, по его мнению, могло делегировать Хасмонеем такие права, как царство и первосвященство. По-

⁵³ Арфаксадов 1903, 22-23.

⁵⁴ Арфаксадов 1903, 28.

⁵⁵ Арфаксадов 1903, 32.

⁵⁶ Арфаксадов 1903, 70-76.

⁵⁷ Арфаксадов 1903, 82.

⁵⁸ Арфаксадов 1903, 158-159.

⁵⁹ Буткевич 1887, 69.

⁶⁰ Буткевич 1887, 84-104.

⁶¹ Буткевич 1887, 80-83.

⁶² Буткевич 1887, 81, 123.

⁶³ Буткевич 1887, 81-82, 188-189.

добный подход становится понятным при дальнейшем прочтении его работы, где особую роль в истории Иудеи Т.И. Буткевич уделяет исследованию Синедриона, развивавшегося из герусии именно со времен Хасмонеиской эпохи⁶⁴. Он очень активно ссылается на самый широкий спектр источников: от ветхозаветных и новозаветных до Маккавейских книг (1-й и 2-й) и Иосифа Флавия, а из историографии прежде всего на Э. Шюрера⁶⁵. Именно из последнего он, вероятно, брал годы правления Хасмонеиских правителей и прочую информацию справочного характера (в самом тексте на с. 80-83 отсылка к этому нет)⁶⁶. В целом работа Т.И. Буткевича производит намного более благоприятное впечатление, чем труды его предшественников: здесь государство Хасмонеев хотя и эпизодически, но довольно органично, пусть и в виде малозначительного контекста, вплетено в общее повествование как самостоятельное политическое образование.

В завершении обзора историографии «богословского» направления необходимо суммировать, что в его рамках можно упорядочить тексты по двум принципам: хронологическому и территориальному. По хронологическому принципу исследования можно разделить на работы, изданные в сер. XIX – к. XIX в. и между к. XIX в. (главным образом 1890-е гг.) и до начала 1920-х гг. (время закрытия православных духовных академий в советском государстве). Ранние работы носят характер скорее публицистический и описательный, а поздние уже отягощены накопленным нарративом по истории еврейского народа (как отечественным, так и западноевропейским) и носят более академический и проблемный характер. Территориальное деление позволяет структурировать имеющиеся работы по трем направлениям: Киево-Харьковское (Н.Л. Зайцев, Ф.Я. Покровский, Т.И. Буткевич, Ф.Я. Покровский), Казанское (Ф.П. Арфаксадов, Я.А. Богородский, А.П. Миролюбов, С.А. Терновский) и Санкт-Петербургское (И.Я. Богоявленский, И.Г. Троицкий, Д.А. Хвольсон). Помимо очевидной академической причины подобной концентрации интереса к библейской истории в этих городах (наличие Киевской, Казанской и Санкт-Петербургской Духовных Академий в Российской Империи), на наш взгляд, следует выделить еще две заслуживающих внимания особенности. Во-первых, это нахождение в черте оседлости (Киев) или близость к ней (Харьков). Важную роль играли присутствие здесь больших еврейских общин и миграция евреев в Палестину в рамках идеи сионизма. Это способствовало росту интереса к библейской истории и Палестине. Во-вторых, в случае с Казанью и Санкт-Петербургом подобное объясняется наличием серьезных академических востоковедческих школ в Санкт-Петербургском и Казанском университетах).

Подытоживая, можно сделать вывод, что государство Хасмонеев не становилось специальным объектом изучения отечественных дореволюционных исследователей «богословского» направления. Обращение к его истории происходит лишь в виде контекста к прочим историческим событиям и процессам. Исходя из этого, произрастает следующая характерная черта отечественного историописания: выводы исследователей, в той или иной мере все же касавшихся интересующей нас темы, носили слабо артикулированный характер. Главной их задачей было транслировать сведения из источника с минимальной их обработкой. Самой

⁶⁴ Буткевич 1887, 114.

⁶⁵ Буткевич 1887, 114–116.

⁶⁶ См. Буткевич 1887, 80-83.

попытки действительно критического восприятия текста, связанного с историей государства Хасмонеев, мы не встречаем. Следующей важной особенностью был интерес дореволюционных исследователей к конкретным персоналиям. Это отличает их, к примеру, от советских исследователей, делавших основной упор на изучение социальных институтов, классов, сословий и общественных отношений. В тоже время это чрезвычайно ограничивало взгляды исследователей, когда те или иные решения и события объясняются исключительно личностным фактором, практически без учета того исторического контекста, который стоял за ним.

Подход, направленный на описание деятельности отдельных личностей, значительно ограничивал восприятие Хасмонеийского государства. Но в то же время необходимо понимать, что развитие иудаики в России на тот момент носило такой характер, когда просто не было достаточной базы - как источниковой, так и историографической - чтобы существовала возможность соединять имеющийся нарратив в единый текст, подобно тому, как это делается в современной исторической науке, где исследовательский текст конструируется на основании различных источников в единое связное повествование. Разумеется, подобной методики от дореволюционных авторов ожидать не следовало, и не в силу их личных особенностей, а исключительно из-за недостаточного развития исследовательского инструментария на данном этапе исторической науки. Подтверждением последнего может служить еще один аргумент: в значительном числе работ о древних иудеях мы видим непонимание авторами разницы связей между историческими эпохами. При описании каких-либо бытовых или общественных особенностей евреев мы наталкиваемся на мешанину представлений, заимствованных из событий от нач. I тыс. до н.э. до I в. н.э. Ярким примером этого может служить работа И.Г. Троицкого, где в рассказе про законы древнееврейского общества используются не только классические отсылки к библейским текстам и раввинистической литературе, но и, ни много ни мало, законы Хаммураппи⁶⁷, пусть и под предлогом, что они оказали значительное влияние на «закон Моисеев»⁶⁸.

В целом подобный подход характерен большей частью для ранних работ исследователей «богословского» направления (сер. XIX – к. XIX в.). В трудах, относящихся к 1900–1910-м гг., ситуация постепенно меняется, и они становятся более критическими по содержанию. Авторы начинают использовать все более комплексный подход к написанию текстов (не оспаривая при этом историчность библейских свидетельств). В то же время доминирование христианского вероучения сохранялось в качестве лейтмотива повествования, равно как едва ли не дословное восприятие текстов источников (главными из которых оставались Ветхий и Новый Завет). Но при этом за счет увеличения числа используемых современных им текстов, а также благодаря воздействию трех других направлений отечественной историографии, создающих мощный историко-научный контекст, который авторы «богословского» направления просто не могли игнорировать, произошли соответствующие качественные изменения. В итоге работы, написанные в 1900–1910-х гг., носят более структурированный характер: в них больше истории и меньше теологии. Это мы можем наблюдать и на примере восприятия государства Хасмонеев: последнее становится заметно не только ростом чис-

⁶⁷ Троицкий 1913, 255–258.

⁶⁸ Троицкий 1913, 249.

ла упоминаний о нем, но и тем, что оно начинает восприниматься как логичная часть истории Палестины, Иудеи и еврейского народа, пусть и малоинтересная историкам-«богословам».

Вероятно, ряд дореволюционных авторов «богословского» направления не включал Хасмонеев в структуру своих текстов в качестве ключевой ее части и представляемой ими картины жизни древнееврейского общества по трем причинам. Во-первых, это специфика богословского образования и соответствующего научного подхода, поскольку при написании их работ применялись, прежде всего, тексты религиозной направленности. Основой были Ветхий и Новый Заветы, где в первом Хасмонеи еще не появились, а во втором они уже ушли с исторической арены. Во-вторых, вполне возможно, что Хасмонеи виделись не совсем классическими иудеями из-за их эллинистических коннотаций, в силу чего их включение в повествование именно еврейской истории и традиции виделось необязательным. В качестве третьей причины можно назвать обобщенное представление об этом периоде, как времени очередной политической зависимости еврейского народа: сперва персидской, потом греческой, и, наконец, римской. Сто лет самостоятельной истории (142–63 гг. до н.э.) Иудеи терялись на фоне доминирования в тот момент эллинистической культуры в Палестине. Неслучайно Д.А. Хвольсон говорил о древнееврейском народе после эпохи царств как о народе, не имеющем самостоятельного политического значения в силу его географического расположения между империями древности⁶⁹. Именно поэтому самостоятельное специальное внимание к периоду Хасмонеи государственности у дореволюционных исследователей «богословского» направления практически не проявляется.

ЛИТЕРАТУРА

- Арфаксадов, Ф. 1903: *Иерусалимский синедрион. Историко-археологическое исследование*. Казань.
- Богородский, Я.А. 1884: *Еврейские цари*. Казань.
- Богородский, Я.А. 1906: *Еврейские цари*. Казань.
- Богоявленский, И.Я. 1915: *Значение Иерусалимского храма в Ветхозаветной Истории еврейского народа*. Петроград.
- Браткин, Д.А. 2018: Д.А. Хвольсон как судебный эксперт и ученик Авраама Гейгера: три сюжета из научной биографии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом* 1, 107–124.
- Буткевич, Т.И. 1887: *Язычество и иудейство ко времени земной жизни господина нашего Иисуса Христа*. Харьков.
- Велльгаузен, Ю. 1909: *Введение в историю Израиля*. СПб.
- Гессен, Ю.И. 1901: *Иуда Маккавей. Исторический очерк*. СПб.
- Гольцман, О. 1899: *Падение Иудейского государства*. М.
- Грец, Г. 1905: *История евреев от древнейших времен до настоящего: в 12-ти т. Т. 4: Эпоха Маккавеев и Иродиад: последние годы Иерусалима*. СПб.
- Дубнов, С.М. 1904: *Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований: в 3-х т. Т. 1: Древняя история от Вавилонского пленения до разрушения иудейского государства римлянами*. СПб.
- Зайцев, Н.Л. 1869: *Очерки быта древних евреев. Пособие к изъяснению св. Писания*. Киев.

⁶⁹ Хвольсон 1875, 204.

- Крих, С.Б. 2020: Прощание с преданием: рационализация библейской истории в дореволюционной России. *Вестник Омского университета. Серия Исторические науки* 4 (28), 69–74.
- Миролюбов, А.П. 1898: *Быт еврейских царей. Опыт библейско-археологического исследования*. Казань.
- Никольский, Н. М. 1901: Иудеи при Маккавеях и Асмонеях. В кн.: *Помощь евреям пострадавшим от неурожая. Литературно-Художественный сборник*. СПб., 407–425.
- Никольский, Н.М. 1911: *Древний Израиль. Популярные очерки по истории евреев в научном освещении*. М.
- Покровский, Ф.Я. 1885: *Разделение еврейского царства на царства Иудейское и Израильское*. Киев.
- Ренан, Э. 1908: *История израильского народа*: в 5-ти т. Т. 1. В кн.: С.М. Дубнов (ред.), *Иудеи под персидским владычеством. Евреи под греческим владычеством*. СПб.
- Ренан, Э. 1912: *История израильского народа*: в 5-ти т. Т. 2. В кн.: С.Г. Лозинский, И.З. Берлин (ред.), *Иудейская автономия. Иудейский народ под римским владычеством*. СПб.
- Терновский, С.А. 1900а: Библейская старина: Занятия жителей Палестины. В кн.: *Чтения о Святой Земле: 57-е чтение*. СПб.
- Терновский, С.А. 1900б: Библейская старина: Земля обетованная. В кн.: *Чтения о Святой Земле: 56-е чтение*. СПб.
- Терновский, С.А. 1900с: Библейская старина: Пища, жилища и одежда жителей Палестины. В кн.: *Чтения о Святой Земле: 58-е чтение*. СПб.
- Терновский, С.А. 1900д: Библейская старина: Семейный быт евреев. В кн.: *Чтения о Святой Земле: 59-е чтение*. СПб.
- Троицкий, И.Г. 1913: *Библейская археология*. СПб.
- Тюменев, А.И. 1922: *Евреи в древности и в Средние века*. СПб.
- Фаррар, Ф.В. 1901: *Ироды, главные представители их династии и подробности из жизни каждого из них*. В пересказе на рус. яз. Петроград.
- Фаррар, Ф.В. 1885: *Жизнь Иисуса Христа*. СПб.
- Хашкес, М.Я. Мибихов, М.Я. (псевд). 1901: *История еврейского народа. От Вавилонского пленения до первой эпохи танаев*. СПб.
- Хвольсон, Д.А. 1875: О влиянии географического положения Палестины на судьбы еврейского народа. *Христианское чтение* 3, 157–205.
- Хвольсон, Д.А. 1911: Саддукеи и фарисеи. *Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия* 31, 277–283.
- Черток, Я.Л. 1900: Введение. В кн.: *Иудейская война. Сочинение Иосифа Флавия*. СПб., V–XIV.
- Черток, Я.Л. 1897: *Интриги двора Ирода*. Одесса.
- Якерсон, С.М. 2018: Хвольсон Даниил Авраамович. В кн.: И.Ф. Попова (ред.), *Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель*. М.
- Reed, A.C. 2014: *For One's Brothers: Daniil Avraamovich Khvol'son and the "Jewish Question" in Russia 1819-1911*: PhD diss. Arizona State University. Tempe.

REFERENCES

- Arfaksadov, F. 1903: *Ierusalimskiy sinedrion. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Jerusalem Sanhedrin. Historical archaeological research]*. Kazan.
- Bogorodskiy, Ya.A. 1884: *Evreyskie tsari [The Jewish kings]*. Kazan.
- Bogorodskiy, Ya.A. 1906: *Evreyskie tsari [The Jewish kings]*. 2nd ed. Kazan.
- Bogoyavlenskii, I.Ya. 1915: *Znachenie Ierusalimskogo khrama v Vetkhovavetnoy Istorii evreyskogo naroda [The meaning of Jerusalem Temple in the Old Testament history of Jewish people]*. Petrograd.

- Bratkin, D.A. 2018: D.A. Khvol'son kak sudebnyy ekspert i uchenik Avraama Geygera: tri syuzheta iz nauchnoy biografii [D.A. Chwolson as an expert witness and student of Abraham Geiger: three chapters from a scientific biography]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide] 1, 107–124.
- Butkevich, T.I. 1887: *Yazychestvo i iudeystvo ko vremeni zemnoy zhizni gospoda nashego Iisusa Khrista* [Paganism and Judaism by the time of earthly life of our Lord Jesus Christ]. Kharkov.
- Chertok, Ya.L. 1897: *Intrigi dvora Iroda* [Intrigues of Herod's court]. Odessa.
- Chertok, Ya.L. 1900: Vvedene [Introduction]. In: *Iudeyskaya voyna. Sochinenie Iosifa Flaviya* [The Jewish war. Work of Josefus Flavius]. Saint Petersburg.
- Chwolson, D.A. 1875: O vliyaniy geograficheskogo polozheniya Palestiny na sud'by evreyskogo naroda [On the influence of Palestine geographical location on fate of Jewish people]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading] 3, 157–205.
- Chwolson, D.A. 1911: Saddukei i farisei [Sadducees and pharisees]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of Ministry of National Education. New series] 31, 277–283.
- Dubnov, S.M. 1904: *Vseobshchaya istoriya evreev na osnovanii noveyshikh nauchnykh izsledovaniy* [Universal history of Jews based on newest scientific researches]: in 3 vols. Vol. 1. In: *Drevnyaya istoriya ot Vavilonskago pleniya do razrusheniya iudeyskago gosudarstva rimlyanami* [Ancient history from Babylonian exile to the destruction of Jewish state by Romans]. Saint Petersburg.
- Farrar, F.W. 1885: *Zhizn' Iisusa Khrista* [Life of Jesus Christ]. Saint Petersburg.
- Farrar, F.W. 1901: *Irody, glavnye predstaviteli ikh dinastii i podrobnosti iz zhizni kazhdogo iz nikh* [The Herods. The main representatives of their dynasty and details from the life of each of them]. Petrograd.
- Gessen, Yu. I. 1901: *Juda Makkavey. Istoricheskiy ocherk* [Judah Maccabee. A historical essay]. Saint Petersburg.
- Hertz, H. 1905: *Istoriya evreev ot drevneyshikh vremen do nastoyashchego* [History of Jews from ancient times to present]: in 12 vols. Vol. 4. In: *Epokha Makkaveev i Irodian: poslednie gody Ierusalima* [The epoch of Maccabees and Herodians: last years of Jerusalem]. Saint Petersburg.
- Khashkes, M.Ya. Mibikhov, M.Ya. (pseud). 1901: *Istoriya evreyskogo naroda. Ot Vavilonskago pleniya do pervoy epokhi tanaev* [History of Jewish people from Babylonian exile to first epoch of Tannaim]. Saint Petersburg.
- Kholtzmann, O. 1899: *Padenie Iudeyskogo gosudarstva* [The fall of Jewish state]. Moscow.
- Krikh, S. B. 2020: Proshchanie s predaniem: ratsionalizatsiya bibleyskoy istorii v dorevolutsionnoy Rossii [Farewell to Tradition: Rationalism of the Biblical Studies in the Later Russian Empire]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University. Series Historical studies] 4 (28), 69–74.
- Miroyubov, A.P. 1898: *Byt evreyskikh tsarey. Opyt bibleysko-arkheologicheskogo issledovaniya* [The life of the Jewish kings. Experience of Biblical archaeological research]. Kazan.
- Nikol'skiy, N.M. 1901: Iudei pri Makkaveyakh i Asmoneyakh [Jews under Maccabees and Hasmoneans]. In: *Pomoshch' evreyam postradavshim ot neurozhaya. Literaturno-Khudozhestvennyy sbornik* [Support of Jews suffered by crop failure. Literal and art compendium]. Saint Petersburg, 407–425.
- Nikol'skiy, N.M. 1911: *Drevniy Izrail'*. *Populyarnye ocherki po istorii evreev v nauchnom osveshchenii* [Ancient Israel. Popular essays on the history of Jews in scientific coverage]. Moscow.
- Pokrovskiy, F.Ya. 1885: *Razdelenie evreyskogo tsarstva na tsarstva Iudeyskoe i Izrail'skoe* [Division of the Jewish kingdom into the kingdoms of Judea and Israel]. Kiev.

- Reed, A.C. 2014: *For One's Brothers: Daniil Avraamovich Khvol'son and the "Jewish Question" in Russia 1819-1911*: PhD diss. Arizona State University. Tempe.
- Renan, E. 1908: *Istoriya izrail'skogo naroda [History of the people of Israel]*: in 5 vols. Vol. 1. In: S.M. Dubnov (ed.), *Iudei pod persidskim vladychestvom. Evrei pod grecheskim vladychestvom [Jews under Persians rule. Jews under Greeks rule]*. Saint Petersburg.
- Renan, E. 1912: *Istoriya izrail'skogo naroda [History of the people of Israel]*: in 5 vols. Vol. 2. In: S.G. Losinskiy, I.Z. Berlin (eds.), *Iudeyskaya avtonomii. Iudeyskiy narod pod rimskim vladychestvom [Judaea autonomy. Jewish people under Roman rule]*. Saint Petersburg.
- Ternovskiy, S.A. 1900a: *Bibleyskaya starina: Zanyatiya zhiteley Palestiny [Biblical antiquity: The occupations of Palestine inhabitants]*. In: *Chteniya o Svyatoy Zemle: 57-e chtenie [Readings about Holy Land: 57th reading]*. Saint Petersburg.
- Ternovskiy, S.A. 1900b: *Bibleyskaya starina: Zemlya obetovannaya [Biblical antiquity: The Promised Land]*. In: *Chteniya o Svyatoy Zemle: 56-e chtenie [Readings about Holy Land: 56th reading]*. Saint Petersburg.
- Ternovskiy, S.A. 1900c: *Bibleyskaya starina: Pishcha, zhilishcha i odezhda zhiteley Palestiny [Biblical antiquity: food, dwellings and clothing of the Palestine inhabitants]*. In: *Chteniya o Svyatoy Zemle: 58-e chtenie [Readings about Holy Land: 58th reading]*. Saint Petersburg.
- Ternovskiy, S.A. 1900d: *Bibleyskaya starina: Semeynyy byt evreev [Biblical antiquity: family life of Jews]*. In: *Chteniya o Svyatoy Zemle: 59-e chtenie [Readings about Holy Land: 59th reading]*. Saint Petersburg.
- Troitskiy, I.G. 1913: *Bibleyskaya arkheologiya [Biblical Archaeology]*. Saint Petersburg.
- Tyumenev, A.I. 1922: *Evrei v drevnosti i v Srednie veka [Jews in ancient and medieval centuries]*. Saint Petersburg.
- Wellhausen, J. 1909: *Vvedenie v istoriyu Izrailya [An introduction to the history of Israel]*. Saint Petersburg.
- Yakerson, S.M. 2018: *Khvol'son Daniil Avraamovich [Chwolson Daniel Abramovich]*. In: I.F. Popova (ed.), *Aziatskiy Muzei – Institut vostochnykh rukopisey RAN: putevoditel' [The Asiatic Museum – Institute of oriental manuscripts of RAS: guidebook]*. Moscow.
- Zaytsev, N.L. 1869: *Ocherki byta drevnikh evreev. Posobie k iz'yasneniyu sv. Pisaniya [Essays on the life of the ancient Jews. Handbook for explanation of Holy Scripture]*. Kiev.

“THEOLOGICAL” LINE IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE HASMONEAN STATE

Mikhail N. Karanaev

Moscow, Russia

karanaevmk@mail.ru

Abstract. In the paper Russian pre-revolutionary (before 1917) historiography of Hasmonean state (167–63 BC) is considered. Author distinguishes four categories (groups) of such works: 1) “theological” group, 2) works by researches connected neither with theology, nor with Judaic studies, 3) studies made by scientists who were a part of Jewish tradition, 4) group of researches made by foreign scientist of ancient Jews, whose works were translated into Russian. The first group has been the focus of attention by author, marked as “theological” as it includes researchers with theological education, were working in Orthodox Theological Seminaries and were studying Jewish history through the theology (S.A. Ternovsky, I.G. Troitsky, I.Ya. Bogoyavlensky and others). The key feature of this group is uncritical comprehension of the historical sources by

authors (first and foremost the Old Testament and the New Testament), lack of clear boundaries between epochs in description of history of the ancient Jews. Last but not least their major interest lay in the history of Sanhedrin and popular assembly but not in the political history of the Hasmonean State. Author concludes that researchers of the “theological” group sporadically appealed to the history of the Hasmonean State and use it as a background to the other historical events. The reasons of this are: 1) These scholars in their studies relied on the Old Testament and the New Testament where the Hasmoneans are not presented; 2) They seen the Hasmoneans as “unclassical Jews” due to their Hellenistic context; 3) They conceived the Hasmonean period as a period of one of the dependance of the Jewish people (Greek and then Roman). It is for these reasons that the history of the Hasmoeans was not as important for them so that became a part of special study.

Keywords: Hasmonean State, Historiography, Hellenism, Judaica Studies, Josephus Flavius, Palestine, Judea, Maccabees.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 227–243
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 227–243
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-227–243

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ СЕЛИЩ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

М.Б. Шигапов

ООО «Поволжская археология», Казань, Россия

E-mail: maratshigapov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8465-8840

Аннотация. В центре внимания автора статьи – история изучения селищ Золотой Орды центральной части Саратовского Поволжья. Выделяются три этапа в истории изучения селищ: первый – с конца XIX в. до 1930-х гг.; второй – с 1940-х до 1980-х гг.; третий – с начала 1990-х гг. до наших дней, связан с масштабными разведками и раскопками нескольких селищ. В первый период появляется интерес к изучению золотоордынских древностей Нижнего Поволжья, членами Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) впервые проводились обследования золотоордынских селищ. Первые систематические разведки в Саратовском Поволжье связаны с именем П.С. Рыкова, в 1920-е гг. появились первые попытки обобщающих работ по памятникам Нижнего Поволжья, в том числе описаны некоторые золотоордынские селища. Второй период характеризуется активизацией археологических исследований, было открыто несколько золотоордынских селищ, некоторые из них подвергались раскопкам, археологами проводились осмотры памятников и сбор подъемного материала. Наибольшего масштаба исследования золотоордынских селищ, в том числе раскопки, достигли в последние 30 лет. За это время был накоплен значительный объем материала, характеризующего материальную культуру золотоордынских поселений. Было открыто несколько неизвестных золотоордынских селищ, археологами проводились осмотры памятников, сбор подъемного материала, некоторые поселения подвергались раскопкам. Анализ имеющейся литературы, в список которой входят статьи и краткие заметки, выявил нехватку специальных крупных публикаций, посвященных селищам. В статье представлены краткие результаты работ археологической экспедиции Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского, проводившей исследования по разведкам и раскопкам селищ в округе золотоордынского города Уека. К настоящему времени опубликована большая часть материалов раскопок пяти селищ: Хмелевское I, Широкий Буерак, Багаевское, Колотов Буерак, Константиновское.

Ключевые слова: археология, селища, Золотая Орда, Нижнее Поволжье, Саратовское Поволжье, разведки, раскопки, памятники, культурный слой, находки золотоордынского времени, джучидские монеты.

Данные об авторе: Марат Баязитович Шигапов – археолог-исследователь, ООО «Поволжская археология».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

Сельские поселения Улуса Джучи в Нижнем Поволжье привлекали внимание исследователей с конца XIX в. В статье мы обратились к истории изучения селищ эпохи Золотой Орды, расположенных в центральной части Саратовского Поволжья, в окрестностях средневекового города Укека. Л.Ф. Недашковским составлена схема расположения памятников в округе Увекского городища¹. В этот круг памятников входят селища, наиболее изученные в археологическом плане и по которым в литературе имеется значительный объем сведений. В истории изучения золотоордынских селищ мы выделяем три этапа.

ПЕРВЫЙ ЭТАП (конец XIX в. – 1930-е гг.)

В конце XIX – начале XX в. члены Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) Ф.В. Духовников, Б.В. Зайковский, А.А. Кротков, В.И. Онезорге, Ф.Д. Охлябинин, В.А. Шахматов, С.А. Щеглов проводили эпизодические осмотры памятников золотоордынского времени, собирали подъемный материал. Раскопки проводились лишь на селище «Мартышкино». Исследования носили краеведческий характер. К сожалению, специальных крупных публикаций по этим работам так и не вышло в свет.

В 1920-е годы на базе СУАК бывшими ее членами было создано Общество истории, археологии и этнографии, а также позднее Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК). В этот период если масштабные работы и проводились, то публикаций вышло явно недостаточно, чтобы полностью понять масштаб археологических исследований золотоордынских поселений в это время.

В конце XIX – начале XX в. членами СУАК обследовалось селище Квасниковка (рис. 1) Энгельсского района². Мощность культурного слоя составляла 70 см, отмечались находки кашинных мозаик или майолик (авторы исследований называли их «известковой штукатуркой с синей поливой»)³. Выявлены находки джучидских монет XIV в., из которых три определены⁴ и неполивной керамики.

В 1904 г. С.А. Щегловым впервые осмотрено Ахматское городище, расположенное между селами Ахмат и Мордово современного Красноармейского района⁵. В 1909 и 1911–1912 гг. поселение вновь осматривалось, был составлен план городища (рис. 3), собран материал, состоящий из фрагментов лепной и гончарной керамической посуды, напояла и грузила. Судя по публикации, была выявлена золотоордынская гончарная керамика и керамика раннего железного века (рис. 4)⁶.

С 1908 по 1919 гг. саратовские археологи Ф.Д. Охлябинин, С.А. Щеглов, Б.В. Зайковский и Ф.В. Баллод посещали крупное поселение у с. Шумейка (в урочище «Подстепное»)⁷. Монеты, найденные тогда на памятнике, датировались с 1322 по 1365 г.⁸

¹ Недашковский 2000, 114, рис. 32.

² Баллод 1923, 97; Духовников 1894, 204-206; Кротков, Шишкин 1910, 101-104.

³ Кротков, Шишкин 1910, 101-104.

⁴ Федоров-Давыдов 1963, 196-197.

⁵ Щеглов 1910, 99-100.

⁶ Щеглов 1912, 89-92.

⁷ Баллод 1923, 97.

⁸ Баллод 1923, 97.

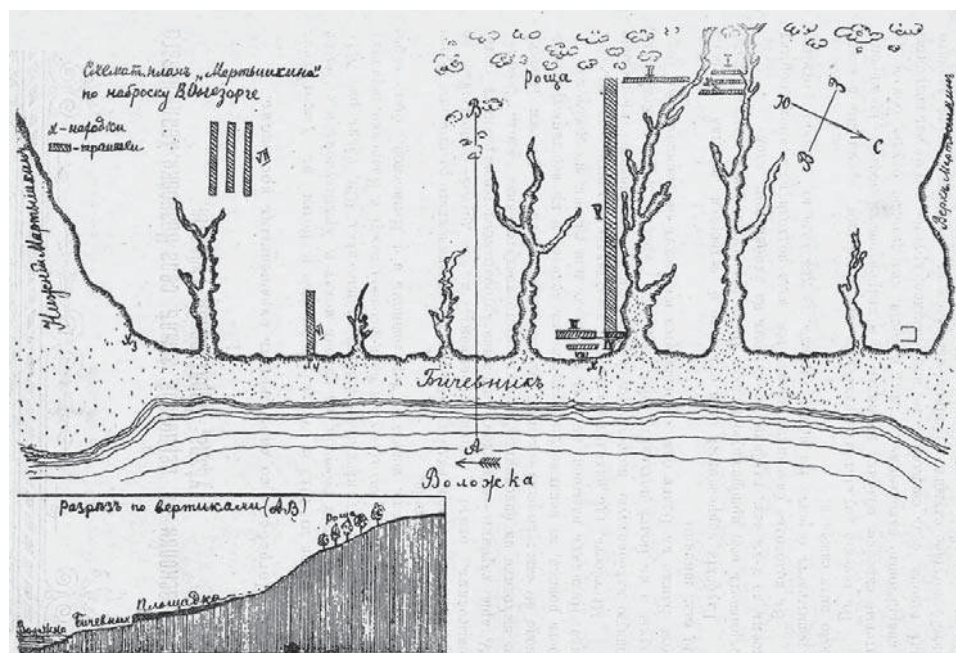

Рис.2. План поселения «Мартышкино» (по: Онезорге 1916, 39, рис. 1).

Fig. 2. Plan of the “Martyshkino” settlement (after: Onezorge 1916, 39, fig. 1).

Самое крупное селище в ближайшей округе Увековского городища – Хмелевское I - известно с начала XX в., собранные на нём в 1908 г. В.А. Шахматовым предметы хранятся в Саратовском областном музее краеведения. П.С. Рыков в книге «Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю», перечисляя золотоордынские поселения края, впервые упомянул Хмелевское I селище как «селище у с. Шахматовка»: «...золотоордынскими поселениями являются Старо-Саратовское городище (бл. гор. Покровска), урочище Подстепное, Квасниковское городище – по левому берегу Волги; по правому – городок у с. Усть-Курдюм, селище у с. Шахматовки (оба пункта б. Саратов у.) затем городище Терновское и селище у устья реки Терновки (б. Камышин у.). Данный список, конечно, далеко не полный»⁹.

Поселение на дуне «Прапорский бугор» известно с исследований 1908 и 1912–1914 гг. Размеры поселения, расположенного на дуне, 130x100 м. Здесь выявлены следы золотоордынского поселения в виде находок фрагментов керамики и нескольких изделий. На селище были найдены золотоордынские монеты, принадлежавшие к чекану 1280-х – 1360-х гг.¹⁰

В 1910, 1913 и 1915 гг. исследовалось Чардымское I городище. Усть-Курдюмское городище городища культуры расположено в Саратовском районе. Поселение исследовалось в 1910 и 1920 гг., когда были найдены вещи золотоордынского времени.

⁹ Рыков 1928, 81.

¹⁰ Федоров-Давыдов 1963, 193-194, 196.

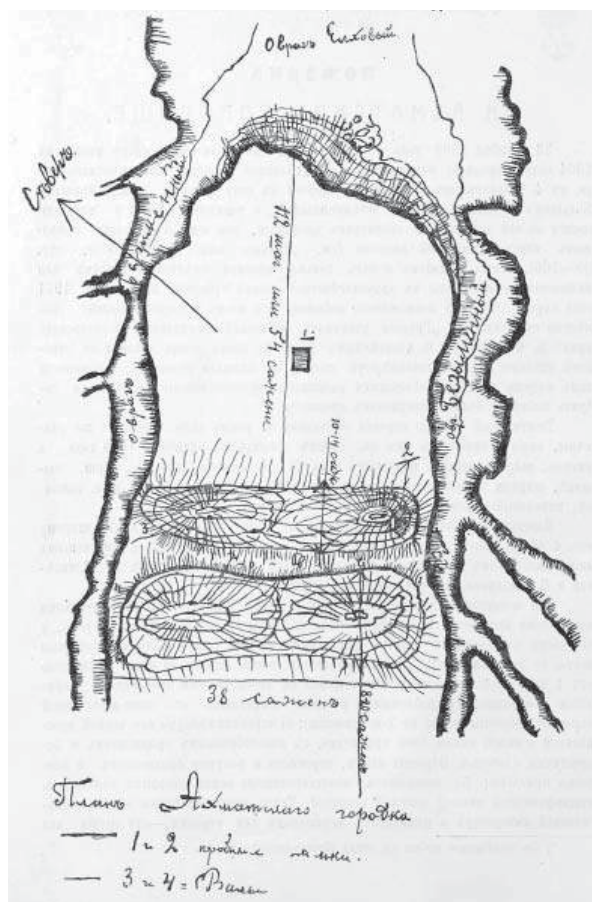

Рис.3. План Акхматского городка (по: Щеглов 1912, 90, рис. 1).

Fig. 3. Plan of the Akhmat settlement (after: Shcheglov 1912, 90, fig. 1).

Селище в урочище «Мартышкино» впервые выявлено в 1912 г. А.А. Спицыным и членами СУАК (С.А. Щеглов, В.И. Онезорге, Ф.Д. Охлябинин и Б.Д. Федоров) в том же году были проведены раскопки. В публикациях упоминались находки: каменные шлифованные молотки, жернова, медные ножи, наконечники, тёрочки (рис. 2)¹¹. Раскопки членами СУАК проводились в виде траншей (всего 5 траншей). Мощность слоя составляла 2,1–2,5 м. В траншее IV найдена серебряная монета начала XIV в.¹² В траншее V выявлено глиняное основание пола длиной 2,1 м и шириной 0,36 м, под ним зафиксированы остатки деревянной подстилки. Находки представлены фрагментами керамической посуды и железным колечком 1 см в диаметре¹³. В 1918 г. небольшие исследования на селище «Мартышкино» проводил П.Н. Шишкин. В 1930 г. памятник обследовался П.С. Рыковым.

¹¹ Онезорге 1916, 38–39; Спицын 1923, 34.

¹² Недашковский 2000, 122.

¹³ Онезорге 1916, 36–38.

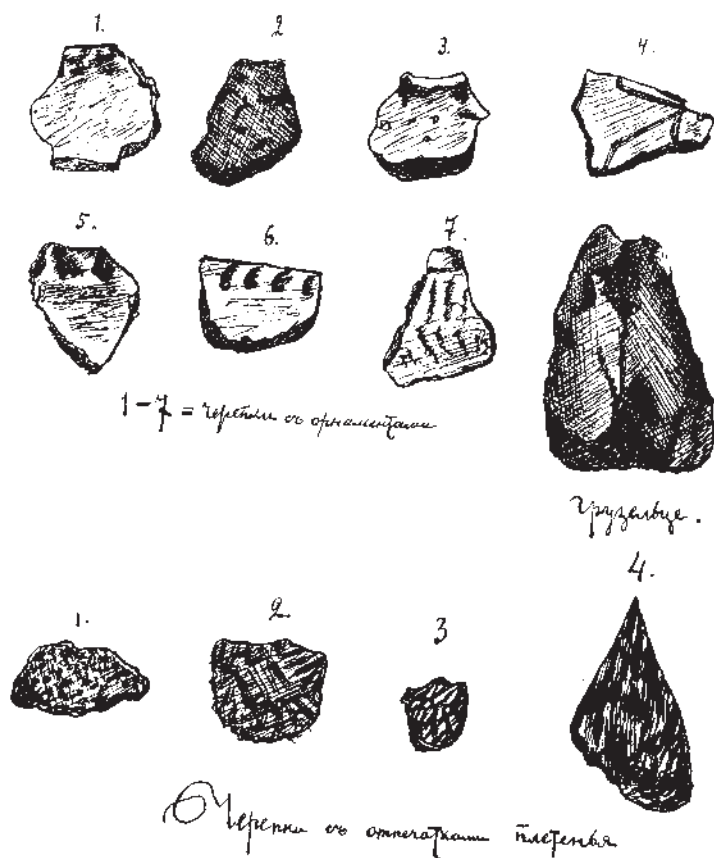

Рис.4. Ахматское городище, находки; в верхней части рисунка – фрагменты керамики золотоордынского времени (по: Щеглов 1912, 91, рис. 2).

Fig. 4. The Akhmat settlement, drawings of finds, in the upper part of the picture there are fragments of ceramics from the Golden Horde (after: Shcheglov 1912, 91, fig. 2).

В 1913–1914 гг. проводились разведки на даче Корольковой. В 1915 г. А.А. Кротковым обследовалось поселение у села Курдюм¹⁴.

В 1920–1921 гг. на поселении у колонии Фрейзенгейм (современное с. Чапаево Энгельского района) в верховьях р. Тарлык в Области немцев Поволжья школьниками были сделаны находки, относящиеся к нескольким историческим периодам. В том числе бронзовые, железные предметы, кухонные остатки золотоордынского времени¹⁵.

В 1922 г. Ф.В. Баллод совершил поездку по Нижнему Поволжью с целью осмотра известных в то время памятников Золотой Орды, в том числе поселений¹⁶.

В 1920-е годы изучение древностей в Нижнем Поволжье связано с именем П.С. Рыкова, по инициативе которого был создан научно-исследовательский ар-

¹⁴ Кротков 1923, 29.

¹⁵ Зайковский 1923, 20-21.

¹⁶ Баллод 1923, 97.

хеологический институт, преобразованный через два года в краеведческий институт изучения Южно-Волжской области. П.С. Рыков и сотрудники краеведческого института в основном сосредотачивают свои усилия на разведках¹⁷. Ими проводятся разведки в бассейнах реки Медведицы и ее притоков Карамыш и Латрык, где были отмечены селища и курганные группы. При этом обследуются ранее известные археологические памятники золотоордынского времени.

В 1925 у с. Скатовка П.Д. Рау зафиксировано поселение золотоордынского времени¹⁸. В 1928 г. Н.К. Арзютов собрал керамику на поселении Соколова гора в Саратове¹⁹.

ВТОРОЙ ЭТАП (1940-е – 1980-е гг.)

В это время было открыто несколько золотоордынских селищ, на некоторых из них проводились раскопки, археологами проводились осмотры памятников, сбор подъемного материала. К сожалению, крупных публикаций по результатам работ не зафиксировано, исследователи ограничивались лишь краткими сообщениями на конференциях и публикацией отдельных статей.

В 1944, 1947, 1950 и 1959 гг. И.В. Сеницыным обследовалось Алексеевское городище со слоями эпохи бронзы, раннего железного века и золотоордынского времени. В 1971 г. Т.А. Хлебникова проводила раскопки на Алексеевском городище, на раскопе исследованы золотоордынские материалы.

В 1958 г. М.Е. Фокиным обследовалось поселение у х. Моховой, в том же году им было открыто поселение Усовка. Поселение Усовка было обследовано Н.М. Маловым в 1975 и 1981 г.

Ю.В. Деревягин в 1965 г. открыл селища Кондаково I и II. В 1965 и 1968 гг. Ахматское городище обследовалось В.Г. Мироновым²⁰.

В 1966 г. селище Пристанное обследовалось Д.С. Худяковым, а в 1975 г. – Н.М. Маловым. На поселении Улица Лермонтова в Волжском районе Саратова, в 1972 г. Н.И. Шестов собрал при строительных работах коллекцию из мозаик и майолик, кашинной керамики, фрагмента селадонного сосуда²¹.

В 1978–1980 гг. М.И. Куракиным осматривалось Болдыревское селище, а в 1984–1985 гг. им осматривалось Хмелевское I селище. Селище Еланский ручей между селами Сосновка и Мордово Красноармейского района в 1979 г. было открыто и в 1980–81 гг. раскапывалось Н.М. Маловым.

В 1980 г. И.И. Дремовым открыто и в 1981 г. обследовалось Терновское I селище²². Селище у с. Подгорное Энгельсского района обследовалось разведками в 1981 и 1983 гг. И.И. Дремовым и Н.М. Маловым²³, а в 1987 г. раскопками В.А. Лопатина²⁴. Поселение Чернышевка-1 изучалось С.Ю. Монаховым в 1982 г., тогда были собраны фрагменты золотоордынской керамики. В 1983 г. О.В. Кочерженко

¹⁷ Миронов 1989, 4-5.

¹⁸ Недашковский 2000, 123.

¹⁹ Недашковский 2000, 117.

²⁰ Миронов 1989, 107-108, 111.

²¹ Недашковский 2000, 117.

²² Дремов 1983, 145-146.

²³ Дремов 1983, 145-146; Кочерженко, Малов 1985, 156.

²⁴ Касанкин 1997, 233-241; Недашковский 2000, 124.

были собраны материалы на Терновском II селище²⁵. В 1983 г. Н.М. Маловым обследовалось селище Узморье Энгельсского района²⁶. В 1983–1989 гг. В.Г. Миронов раскапывал Чардымское II городище в Воскресенском районе. В 1984 г. В.Б. Воробьевым осматривалось поселение у пос. Октябрьский городок Татищевского района.

Поселение у поселка Шумейка (селище в урочище «Подстепное») на левом берегу Волги обследовалось Д.Г. Бариновым, И.И. Дремовым и В.Г. Мироновым в 1985–1993 гг.²⁷ Данное селище относится к типу крупных поселений, его протяженность вдоль берега Волги составляла 1900 м, ширина – от 60 до 200 м, в настоящий момент селище по большей части разрушено водохранилищем. Мощность культурных напластований составила от 30 до 150 см. На селище имеются находки предметов быта, украшений, золотоордынских монет. Д.Г. Баринов характеризуют материальную культуру селища как типичную для золотоордынских поселений, и определяет его хронологические рамки с 1320-х до 1360-х гг.²⁸ К сожалению, значительная часть материалов раскопок этого крупного золотоордынского поселения, которое, по-видимому, являлось остатками малого города, в настоящее время не опубликована.

Во второй половине 1980-х гг. В.Г. Мироновым раскапывалось Чардымское IV городище. В 1986 г. Д.Г. Бариновым исследовались три селища: «Иван», Учхоз I и «Плотина» в Энгельсском районе. Также Д.Г. Бариновым осматривалось устье р. Саратовки²⁹. В 1987 г. С.И. Четвериковым было выявлено Константиновское селище, а в 1988 г. на селище Висловка II им были собраны фрагменты золотоордынской керамики. В поселке Северный в черте Саратова в 1988 г. К.Ю. Моржериным было открыто поселение Песочное. В 1989 г. С.В. Ляхов зафиксировал селище к западу от с. Зауморье Энгельсского района на краю левого берега Волги.

ТРЕТИЙ ЭТАП (с 1990-х гг. по настоящее время)

Этот этап связан с проведением планомерных и масштабных исследований золотоордынских селищ. Интенсивность раскопочных исследований возрастает в связи с охранными раскопками на местах хозяйственной деятельности человека и работами в зоне Волгоградского водохранилища. Продолжались разведки в различных районах Саратовской области, было открыто несколько сельских поселений периода Улуса Джучи. В этот период проводились широкомасштабные раскопки селищ, причем как ранее подвергавшихся раскопкам, так и вновь выявленных. Выходят публикации и обобщающие работы по золотоордынским поселениям Нижнего Поволжья, в научный оборот вводится значительное количество материалов, полученных в результате раскопок золотоордынских селищ. В исторической науке начало формироваться представление об округе золотоордынского города (в том числе об округе Увекского городища).

²⁵ Кочерженко, Малов 1985, 156.

²⁶ Кочерженко, Малов 1985, 156.

²⁷ Баринов 1997, 241-252.

²⁸ Баринов 1997, 241-252.

²⁹ Недашковский 2000, 125-126.

В 1990 г. разведками И.В. Семеновой открыто селище Советское³⁰. С.И. Четвериковым в 1990-е гг. обследовались селища Кондаково I и II. В 1990-е гг. Д.Г. Баринным обследовалось селище Советское. В 1991 г. А.Д. Матюхин обнаружил золотоордынское поселение у с. Большая Дмитриевка.

В 1991–1993 гг. под руководством Г.И. Касанкина продолжились охранные раскопки селища Подгорное³¹. Размеры поселения составляли 145 м с севера на юг и 110 м с запада на восток. Общая площадь раскопа достигла 1050 м². Мощность культурного слоя до 60 см. На поселении было исследовано жилище-полуземлянка, заглубленное в землю на 1,5 м и имевшее тамбур, внутри жилища зафиксирована глинобитная печь. Выявлены находки, датированные XIV в.: украшения, зеркала, предметы быта. В публикации Г.И. Касанкина упомянуты находки «славянской» керамики (очевидно, что речь идет о древнерусской), православного крестика. Судя по опубликованным данным, материальная культура селища Подгорное характерна для поселений XIV в. С селища происходят находки джучидских монет от Токты до Токтамышя.

В 1992–1996, 2002, 2005 гг. В.А. Лопатиным проводились раскопки селища в урочище «Мартышкино»³². На многослойном поселении выявлены материалы от неолита до городецкого времени, а также периода Золотой Орды. Золотоордынский слой имел мощность до 1,5 м. За весь период охранными раскопками на береговых обнажениях было вскрыто около 1500 м² уцелевшей площади памятника³³. При раскопках выявлены постройки типа землянок, погибших в пожаре, следы которого в виде мощных скоплений золы и углей зафиксированы на селище. Кроме того, выявлены развалы печей и металлургического горна. Материальная культура поселения представлена предметами быта, вооружения, украшениями и деталями одежды. Выявлена золотоордынская гончарная и подправленная на круге древнерусская керамика.

В 1992–1994 гг. О.В. Кочерженко и в 1998–2000 гг. А.И. Юдиным было продолжено исследование Алексеевского городища в Саратове³⁴. В ходе раскопок выявлена коллекция фрагментов керамики золотоордынского времени, в том числе золотоордынской гончарной и древнерусской. Также найдены предметы быта, украшения, имеющие аналогии в древнерусских памятниках. А.И. Юдин высказывает предположение о существовании русского поселка на городище в золотоордынское время.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1993–1998 и 2001 гг. археологической экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского обследовались селища Болдыревское, Константиновское, Хмелевское I и у с. Пристанное, а также открыто 6 новых, ранее неизвестных селищ периода Золотой Орды – селища Багаевское, Колотов Буерак, Поливановское, Рокотовское, Хмелевское II и Широкий Буерак. Экспеди-

³⁰ Недашковский 2000, 126-127.

³¹ Касанкин 1997, 233-241.

³² Лопатин 1997, 56-62; Лопатин, Малышев 2010, 274-322.

³³ Лопатин, Малышев 2010, 274-322.

³⁴ Юдин 2001, 57-68, рис. 18-24.

цией Казанского университета проводились раскопки селищ Хмелевское I (1999–2001 гг.), Широкий Буерак (2001–2002 гг.), Колотов Буерак (2002 г.), Багаевское (2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2021 гг.) и Константиновское (2006 г.). Данные памятники расположены в Саратовском районе Саратовской области.

Селище Хмелевское I располагается в 8 км к юго-западу от Увекского городища между речками Хмелевка и Петровка. Площадь памятника 65 га, мощность культурных напластований составляет до 70 см. Исследование селища осуществлялось археологической экспедицией Казанского университета 1995–2002 и 2010 гг. (1995–1998, 2002 и 2010 гг. – разведки, 1999–2001 гг. – раскопки), возглавлявшейся Л.Ф. Недашковским³⁵. На селище в течение 6 сезонов проводился осмотр и сбор подъемного материала.

В 1999–2001 гг. на поселении было заложено три раскопа. Основной раскоп I (площадью 168 кв.м) располагался в центре селища, раскоп II – в юго-восточной части (32 кв.м), раскоп III – в южной части (32 кв.м). Культурные напластования в центре поселения состоят из трех горизонтов: верхний горизонт представляет собой слой пашни мощностью от 20 до 67 см, средний горизонт темно-серая супесь мощностью от 9 до 54 см, нижний горизонт был частично переработан более поздними слоями, его мощность вне сооружений составила до 30 см. На раскопе I изучены 5 ям, из них две (ямы 2 и 4) атрибутированы как жилища или крупные хозяйственные постройки, одна яма представляла собой остатки тандыра, две другие являлись хозяйственными. На раскопе II выявлена одна хозяйственная яма.

В ходе сборов подъемного материала и раскопок выявлен комплекс находок, который относится к материальной культуре малого города Золотой Орды второй половины XIII–XIV вв. Можно назвать находки поливных изразцов, которые говорят о существовавшей монументальной архитектуре. Есть находки, связанные с ремесленным производством (кузнечным делом, гончарным ремеслом, стеклоделием), выявлены предметы торговли, значительное количество серебряных и медных монет золотоордынской чеканки; монетные находки с Хмелевского I селища датируются концом XIII – концом XIV в. В ходе раскопок найдены импортные вещи (трапезундские амфоры, люстровая керамика, причерноморская поливная керамика). Обращает на себя внимание высокая насыщенность культурного слоя Хмелевского I селища находками по сравнению культурными слоями сельских поселений. Перечисленные факты свидетельствуют об интенсивности жизнедеятельности населения. С Хмелевским I селищем связано три могильника, два из них находятся на селище, третий – в непосредственной близости от него.

Научное исследование селища Широкий Буерак проводилось в течение трех лет, в 1996 г. оно было открыто и впервые осмотрено Л.Ф. Недашковским³⁶. Составлен топографический план, проведен сбор подъемного материала. Поселение имеет площадь более 6,8 га и мощность культурных напластований более 60 см. Поселение раскапывалось в течение двух сезонов в 2001–2002 гг. Раскоп I площадью 96 кв. м в центре поселения позволил исследовать культурный слой, состоящий из двух горизонтов золотоордынского времени: верхний слой сплошной пашни мощностью от 27 до 48 см, нижний горизонт от 13 до 50 см. На раскопе исследованы две хозяйственные ямы. Находки с селища представлены предмета-

³⁵ Недашковский 2000, 120-121; Недашковский 2011, 39-50.

³⁶ Недашковский 2012, 104-106.

ми быта, вооружения из железа, цветного металла и кости, предметами торговли, украшениями, бронзовыми зеркалами, фрагментами золотоордынской, древнерусской и мордовской керамики, серебряными и медными монетами золотоордынской чеканки³⁷. Это сельское поселение датируется по найденным предметам второй половиной XIII–XIV в.; монетные находки с памятника относятся к золотоордынской чеканке последней трети XIII – начала 1360-х гг.³⁸

Багаевское селище расположено у с. Багаевка, на первой надпойменной террасе на левом берегу речки Петровка³⁹. Размеры селища составили 225x490 м, площадь памятника 5,1 га. Средняя мощность культурного слоя 30-40 см, местами она доходит до 90 см. Поселение было впервые подвергнуто научному исследованию в 1995 г. На поселении, которое исследовалось с течение 14 сезонов в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2021 гг., заложено два раскопа. Раскоп I площадью 1237,1 кв. м. располагался в юго-западной части селища. Раскоп II площадью 64 кв. м был заложен в юго-восточной части селища. Исследования показали, что наиболее мощный культурный слой, насыщенный находками, в юго-западной части поселения, тогда как в юго-восточной части интенсивность насыщенности культурных напластований падает. Культурный слой состоит из двух горизонтов. Верхний горизонт старой пашни мощностью от до 61 см (в северо-восточной части раскопа). Нижний горизонт – серая супесь, имеющая мощность до 85 см (в северо-западной части раскопа), с этим горизонтом связаны дневные уровни всех сооружений поселения (кроме ямы 38 и позднего этапа существования ямы 12).

Всего на раскопе I изучено 50 сооружений: хозяйственные ямы, зерновые ямы, овин, очажные ямы, столбовые ямы⁴⁰. Ямы 1, 3, 6-8, 10, 28, 30, 33, 37, 46 и 50 являлись хозяйственными, а яма 2 – остатками овина. Ямы 31, 44-45 представляли собой хозяйственные ямы, соединенные с более глубокими колоколовидными в сечении погребями. Яма 4 была колоколовидной зерновой ямой, соединенной с более глубоким погребом аналогичного сечения; зерновыми являлись и колоколовидные в сечении ямы 5, 29, 32, 36 и 38-40. Яма 41 является остатками очага. Яма 42 представляла собой колоколовидный в сечении погреб, а небольшая яма 43 являлась столбовой. Яма 9, видимо, представляет собой природное понижение, в южной части которого была оборудована полуземлянка; в створе ямы 9 были изучены 2 очага (ямы 13 и 34), зерновые (11, 16) и хозяйственные (12, 14–15, 17-27, 35, 48–49), столбовая (47) ямы. Находки с поселения представлены предметами быта, вооружения из железа, цветного металла и кости, предметами торговли, украшениями, бронзовыми зеркалами, фрагментами золотоордынской, древнерусской и мордовской керамики, фрагментами импортной посуды⁴¹. Селище датируется по найденным артефактам, в том числе по находкам серебряных и медных монет, второй половиной XIII–XIV в.

Селище Колотов Буерак расположено в 375 м к северо-востоку от села Колотов Буерак Саратовского района. В 1996 г. Л.Ф. Недашковским было зафиксиро-

³⁷ Недашковский, Шигапов 2017, 116-130.

³⁸ Недашковский, Шигапов 2017, 116-130.

³⁹ Недашковский 2013, 7–19.

⁴⁰ Недашковский, Шигапов 2016, 183–186; 2019, 463–482.

⁴¹ Недашковский, Шигапов 2018, 329–332; 2019, 463–482.

ровано задернованное золотоордынское поселение⁴². Размеры селища 150x240 м; его площадь около 2,2 га. На селище найдены две серебряные дореформенные монеты Токты. В 2002 г. в центральной части памятника был заложен раскоп I площадью 60 кв. м⁴³, в створ которого вошел шурф 1996 г. Мощность культурного слоя достигала 40 см. На раскопе I была выявлена одна хозяйственная яма. Находки представлены предметами быта из металла, фрагментами золотоордынской, древнерусской и мордовской керамики⁴⁴.

Константиновское селище расположено в 300 м к юго-западу от с. Константиновка Саратовского района, обследовалось С.И. Четвериковым в 1987 г. и Л.Ф. Недашковским в 1997 г⁴⁵. Судя по распространению подъемного материала, размеры селища составляют 60x100 м, площадь – 0,5 га. Заложенный в центральной части поселения шурф показал наличие культурного слоя мощностью около 30 см. В 2006 г. селище, представляющее собой малое сельское поселение эпохи Золотой Орды, было впервые исследовано раскопками Л.Ф. Недашковского. В юго-западной части памятника был разбит раскоп I размерами 8x8 м площадью 64 кв. м. Мощность культурного слоя от 6 до 48 см.

Таким образом, мы кратко изложили этапы археологических исследований золотоордынских селищ Саратовского Поволжья. К настоящему времени исследователями накоплен значительный материал, часть которого, к сожалению, в виду недостатка публикаций, пока не вошла в научный оборот. Необходимо констатировать, что наиболее масштабные разведки новых памятников золотоордынского времени и наиболее интенсивные раскопки селищ проводились только в последние три десятилетия. В этой связи следует выделить раскопки крупнейших поселений – остатков малых золотоордынских городов: во второй половине 1980-х гг. раскапывалось селище Шумейка, а в 1999-2001 гг. Хмелевское I селище.

Рассматривая селища с точки зрения введения в научный оборот материалов, полученных в ходе их раскопок, следует выделить селища Хмелевское I, Широкий Буерак, Багаевское, Колотов Буерак, Константиновское, к настоящему времени опубликована большая часть материалов раскопок этих поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Баллод Ф.В. 1923: *Приволжские «Помпеи»*. М.–Пг.
Баринов, Д.Г. 1997: Золотоордынское поселение у поселка Шумейка. В сб.: А.И. Юдин (ред.), *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г.* Вып. 2. Саратов, 241–252.
Дремов, И.И. 1983: Разведки в Саратовской области. *АО. 1981 г.*, 145–146.
Духовников, Ф.В. 1894: Поездка в село Квасниковку. *ИОАИЭ XII.3*. Казань, 203–208.
Зайковский, Б.В. 1923: Древнееврейские монеты в заволжской степи. В сб.: П.С. Рыков (ред.), *Труды ОИАЭ 34.1*. Саратов, 20–21.
Касанкин, Г.И. 1997: Жилище XIV в. на золотоордынском поселении у села Подгорное. В сб.: А.И. Юдин (ред.), *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г.* Вып. 2. Саратов, 233–241.

⁴² Недашковский 2012, 103–104.

⁴³ Недашковский 2012, 104.

⁴⁴ Недашковский, Шигапов 2018, 549–561.

⁴⁵ Недашковский 2012, 102–103; Недашковский, Шигапов 2018, 549–561.

- Кочерженко, О.В., Малов, Н.М. 1985: Раскопки в Саратовском Заволжье. *АО. 1983 г.*, 155–156.
- Кротков, А.А., Шишкин, П.Н. 1910: Городище и курганы близ с. Квасниковки (Самарской губ.). *Труды СУАК* 26. Саратов, 101–105.
- Лопатин, В.А. 1997: Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище «Мартышкино» В сб.: А.И. Юдин (ред.), *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г.* Вып. 2. Саратов, 56–62.
- Лопатин В.А., Малышев, А.Б. 2010: Культурно-хронологические комплексы поселения Мартышкино (материалы эпохи средневековья). В сб.: В.А. Лопатин (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 8. Саратов, 274–322.
- Максимов, Е.К., Миронов, В.Г. 1989: Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение Рыковских традиций. В сб.: В.Г. Миронов (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский научный сборник.* Саратов, 11–23.
- Минаева, Т.М. 1929: Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. В сб.: *Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения.* Вып. 36. Ч. I. Саратов, 3–27.
- Миронов, В.Г. 1989: Павел Сергеевич Рыков. В сб.: В.Г. Миронов (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский научный сборник.* Саратов, 4–11.
- Миронов, В.Г. 1989: Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья. В сб.: В.Г. Миронов (ред.), *Археология Восточно-Европейской степи: Межвузовский научный сборник.* Саратов.
- Недашковский, Л.Ф. 2000: *Золотоордынский город Укек и его округа.* М.
- Недашковский, Л.Ф. 2011: Исследования Хмелевского I селища. *Учёные записки Казанского университета* 153.3/1, 39–50.
- Недашковский, Л.Ф. 2012: Исследования селищ Константиновское, Колотов Буерак и Широкий Буерак. В сб.: *Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета.* Казань, 102–108.
- Недашковский, Л.Ф. 2013. Исследования Багаевского селища. *Учёные записки Казанского университета* 153.3/1, 7–19.
- Недашковский, Л.Ф. Шигапов, М.Б. 2016: Топография и застройка Багаевского селища. В сб.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов (ред.), *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова.* Казань–Ялта–Кишинёв, 183–186.
- Недашковский, Л.Ф. Шигапов, М.Б. 2017: Находки с селища Широкий Буерак. *Нижневолжский археологический вестник* 16.2, 116–130.
- Недашковский, Л.Ф., Шигапов, М.Б. 2018: Исследования золотоордынского Багаевского селища. *АО. 2016 год.*, 329–332.
- Недашковский, Л.Ф. Шигапов, М.Б. 2018: Находки с селищ Колотов Буерак и Константиновское. *Учёные записки Казанского университета* 160.3/1.1, 549–561.
- Недашковский, Л.Ф. Шигапов, М.Б. 2019: Особенности топографии и застройки Багаевского селища. В сб.: *Генуэзская Газария и Золотая Орда.* Т. 2. Казань–Кишинев, 463–482.
- Онезорге, В.И. 1916: Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда. *Труды СУАК* 33, 34–39.
- Рыков, П.С. 1928: *Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю.* Саратов.

- Рыков, П.С. (ред.). 1936: *Очерки по истории Нижнего Поволжья: по археологическим материалам*. Саратов.
- Спицын, А.А. 1923: Саратовские стоянки медного века. *Труды общества истории археологии и этнографии*. Т. 31. Вып. 1. Саратов, 32–38.
- Щеглов, С.А. 1910: В Саратовскую ученую архивную комиссию. Доклад об Ахматском городище. *Труды СУАК* 26, 99–100.
- Щеглов, С.А. 1912: Поездка в Ахматское городище. *Труды СУАК* 29, 89–92.
- Юдин, А.И. 2001: Алексеевское городище в г. Саратове. В сб.: А.И. Юдин (ред.), *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах*. Вып. 4. Саратов, 22–80.

REFERENCES

- Ballod, F.V. 1923: *Privolzhskie "Pompei"* [Volga "Pompeii"]. Moscow–Petrograd.
- Barinov, D.G. 1997: Zolotoordynskoe poselenie u poselka Shumeyka [Golden Horde settlement near the village of Shumeyka]. In: A.I. Yudin (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja. Okhrana i issledovaniya v 1996 g* [Archaeological heritage of the Saratov region. Conservation and research in 1996]. 2. Saratov, 241–252.
- Dremov, I.I. 1983: Razvedki v Saratovskoy oblasti [Intelligence in the Saratov region]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1981 g* [Archaeological discoveries in 1981]. Moscow, 145–146.
- Duhovnikov, F.V. 1894: Pоеzdka v selo Kvasnikovku [Drive to the village of Kvasnikovka]. In *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Universitete* [Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University], XII.3. Kazan, 203–208.
- Kasankin, G.I. 1997: Zhilishche XIV v. na zolotoordynskom poselenii u sela Podgornoe [Dwelling of the 14th century at the Golden Horde settlement near the village of Podgornoye]. In A.I. Yudin (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja. Okhrana i issledovaniya v 1996 g*. [Archaeological heritage of the Saratov region. Conservation and research in 1996], 2. Saratov, 233–241.
- Kocherzhenko, O.V., Malov, N.M. 1985: Raskopki v Saratovskom Zavolzh'e [Excavations in the Saratov Trans-Volga region]. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 g* [Archaeological discoveries 1983]. Moscow, 155–156.
- Krotkov, A.A., Shishkin, P.N. 1910: Gorodishche i kurgany bliz s. Kvasnikovki (Samarskoj gub.) [Settlement and mounds near the village Kvasnikovka (Samara province)] In *Trudy Saratovskoy uchenoy arhivnoy komissii* [Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission], 26. Saratov, 101–105.
- Lopatin, V.A. 1997: Issledovanie Smelovskogo gruntovogo mogil'nika i poseleniya v urochishche "Martyshkino" [Investigation of the Smelovsky ground burial ground and settlement in the Martyshkino tract]. In A.I. Yudin (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja. Okhrana i issledovaniya v 1996 g*. [Archaeological heritage of the Saratov region. Conservation and research in 1996], 2. Saratov, 56–62.
- Lopatin, V.A., Malyshev, A.B. 2010: Kul'turno-khronologicheskie komplekсы poseleniya Martyshkino (materialy epokhi srednevekov'ya) [Cultural and Chronological Complexes of the Martyshkino Settlement (Materials of the Middle Ages)]. In: V.A. Lopatin (ed.), *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Archaeology of the East European steppe: Interuniversity collection of scientific papers], 8. Saratov, 274–322.
- Maksimov, E.K., Mironov, V.G. 1989: Polevye issledovaniya Saratovskogo universiteta v 1945–1984 gg. kak prodolzhenie Rykovskikh traditsiy [Field research at Saratov University in 1945–1984. as a continuation of the Rykov traditions]. In *Arkheologiya Vostochno-*

- Evropeyskoy stepi: Mezhvuz. nauch. Sbornik [Archaeology of the East European Steppe: Interuniversity scientific collection]*. Saratov, 11–23.
- Minaeva, T.M. 1929: Kremnevaya industriya Nizhnego Povolzh'ya [Flint industry of the Lower Volga region]. In *Trudy Nizhnevolzhskogo oblastnogo nauchnogo obshchestva kraevedeniya [Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society of Local History]*, 36.I. Saratov, 3–27.
- Mironov, V.G. 1989: Ocherk istorii issledovaniy gorodeckikh poseleniy v Saratovskom Povolzh'e v 1918–1977 gody (Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego Povolzh'ya) [Essay on the history of studies of Gorodets settlements in the Saratov Volga region in 1918–1977 (Materials for the archaeological map of the Lower Volga region)]. In *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik [Archaeology of the East European Steppe: Interuniversity scientific collection]*. Saratov, 106–122.
- Mironov, V.G. 1989: Pavel Sergeevich Rykov [Pavel Sergeevich Rykov]. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi: Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik [Archaeology of the East European Steppe: Interuniversity scientific collection]*. Saratov, 4–11.
- Nedashkovskiy, L.F. 2000: *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga [Urek, Golden Horde city, and its periphery]*. Moscow.
- Nedashkovskiy, L.F. 2011: Issledovaniya Khmelevskogo I selishcha [Research of Khmelevsky I settlement]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific Notes of Kazan University]* 153.3.1, 39–50.
- Nedashkovskiy, L.F. 2012: Issledovaniya selishch Konstantinovskoe, Kolotov Buerak i Shirokiy Buerak [Research of settlements Konstantinovskoe, Kolotov Buerak and Shirokiy Buerak]. In *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ya. K 65-letiyu studentcheskogo nauchnogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta [Topical issues of archaeology of the Volga region. To the 65th anniversary of the student scientific archaeological circle of Kazan University]*. Kazan, 102–108.
- Nedashkovskiy, L.F. 2013: Issledovaniya Bagaevskogo selishcha [Exploration of the Bagaevskoe settlement]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific Notes of Kazan University]* 153.3.1, 7–19.
- Nedashkovskiy, L.F. Shigapov, M.B. 2016: Topografiya i zastroyka Bagaevskogo selishcha [Topography and development of the Bagaevsky settlement]. In: S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov (eds.), *Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy. Materialy Sed'moj Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati G.A. Fyodorova-Davydova [Dialogue between urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A. Fedorov-Davydov]*. Kazan–Yalta–Kishinev, 183–186.
- Nedashkovskiy, L.F. Shigapov, M.B. 2017: Nakhodki s selishcha Shirokiy Buerak [Finds from the Shirokiy Buerak settlement]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik [Nizhnevolzhsky archaeological bulletin]* 16. № 2, 116–130.
- Nedashkovskiy, L.F. Shigapov, M.B. 2018: Issledovaniya zolotoordynskogo Bagaevskogo selishcha [Research of the Golden Horde Bagaevskoe settlement]. In: N.V. Lopatin (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya. 2016 god [Archaeological discoveries 2016]*. Moscow, 329–332.
- Nedashkovskiy, L.F. Shigapov, M.B. 2018: Nakhodki s selishch Kolotov Buerak i Konstantinovskoe [Finds from the settlements of Kolotov Buerak and Konstantinovskoe]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific Notes of Kazan University]* 160.3.1, 549–561.
- Nedashkovskiy, L.F. Shigapov, M.B. 2019: Osobennosti topografii i zastrojki Bagaevskogo selishcha [Features of the topography and development of the Bagaevsky settlement]. In

- Genuezskaia Gazariia i Zolotaya Orda [Genoese Gazaria and the Golden Horde]*, 2. Kazan–Kishinev, 463–482.
- Onezorge, V.I. 1916: Arkheologicheskie razvedki i raskopki v urochishche «Martyshkino» Kamyshinskogo uezda [Archaeological exploration and excavations in the tract “Martyshkino” Kamyshinsky district]. *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of the Saratov Scientific Archival Commission]*, 33. Saratov, 34–38.
- Rykov, P.S. (ed.), 1936: *Ocherki po istorii Nizhnego Povolzh'ya: po arkheologicheskim materialam [Essays on the history of the Lower Volga region: based on archaeological materials]*. Saratov.
- Rykov, P.S. 1928: *Kul'turno-istoricheskie (arkheologicheskie) ekskursii po Nizhne-Volzhskomu kraiu [Cultural and historical (archaeological) excursions around the Lower Volga region]*. Saratov.
- Shcheglov, S.A. 1910: V Saratovskuyu uchenuyu arkhivnuyu komissiyu. Doklad ob Ahmatskom gorodishche [To the Saratov Scientific Archival Commission. Report on the Akhmat settlement]. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission]*, 26. Saratov, 99–100.
- Shcheglov, S.A. 1912: Poezdka v Akhmatskoe gorodishche [A trip to the Akhmat settlement]. *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of the Saratov Scientific Archive Commission]*, 29. Saratov, 89–92.
- Spitsyn, A.A. 1923: Saratovskie stoyanki mednogo veka [Saratov sites of the Copper Age]. In *Trudy obshchestva istorii arkheologii i etnografii [Proceedings of the Society for the History of Archaeology and Ethnography]*, 31.1. Saratov, 32–38.
- Yudin, A.I. 2001: Alekseevskoe gorodishche v g. Saratove [Alekseevskoe settlement in Saratov]. In A.I. Yudin (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniya v 1998–2000 godakh [Archaeological heritage of the Saratov region. Protection and research in 1998–2000]*, 4. Saratov, 22–80.
- Zaykovskiy, B.V. 1923: Drevneevreyskie monety v zavolzhskoy stepi [Hebrew coins in the Volga steppe]. In *Trudy obshchestva istorii, arkheologii i etnografii [Proceedings of the Society for the Archaeology of History and Ethnography]*, 34.1. Saratov, 20–21.

HISTORY OF STUDY OF THE GOLDEN HORDE SETTLEMENTS IN THE CENTRAL PART OF THE SARATOV VOLGA REGION

Marat B. Shigapov

LLC “Volga Archaeology”, Kazan, Russia

E-mail: maratshigapov@gmail.com

Abstract. The article author focuses on the history of the study of the settlements of the Golden Horde in the central part of the Saratov Volga region. There are three stages in the history of the study of settlements: the first one, from the end of the 19th century until the 1930s; the second one, from the 1940s until 1980s; the third one, from the beginning of the 1990s to the present day, is associated with large-scale exploration and excavation of several settlements. In the first period, there is interest in the study of the Golden Horde antiquities of the Lower Volga region, the members of the Saratov Scientific Archival Commission for the first time carried out surveys of the Golden Horde settlements. The first systematic exploration in the Saratov Volga region is associated with the name of P.S. Rykov, in the 1920s the first attempts of generalizing

works on the monuments of the Lower Volga region appeared, including some descriptions of some of the Golden Horde settlements. The second period is characterized by the intensification of archaeological research, several Golden Horde settlements were discovered, some of them were excavated, archaeologists carried out surveys of monuments and collection of found material. The largest scale of research of the Golden Horde settlements, including excavations, has reached in the last 30 years. During this time, a significant amount of material has been accumulated that characterizes the material culture of the Golden Horde settlements. Several unknown Golden Horde settlements were discovered, archaeologists examined monuments, collected found material, and some settlements were excavated. Analysis of the available references revealed a lack of special large publications devoted to settlements. The article presents brief results of the work of the archaeological expedition of Kazan University under the leadership of L.F. Nedashkovsky, who conducted research on exploration and excavation of settlements in the vicinity of the Golden Horde city of Ukek. To date, most of the materials from the excavations of five settlements have been published: Hmelevka I, Shiroky Buerak, Bagaevka, Kolotov Buerak, Konstantinovskoe.

Keywords: archaeology, settlements, Golden Horde, Lower Volga region, Saratov Volga region, exploration, excavations, monuments, cultural layer, finds of the Golden Horde time, Jochid coins.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Н.В. Лопатин (ред.), Археологические открытия. Москва
БИ – Боспорские исследования. Смферополь–Керчь
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВКАЭ – Восточно-Крымская археологическая экспедиция ИА РАН
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗООИД – Записки Императорского одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАК – Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИАК – История и археология Крыма. Симферополь
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань
КБН-альбом – Гаврилов, А.К. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций*. Санкт-Петербург, 2004
КБН – Струве, В.В. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. Москва–Ленинград, 1965
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
МАИАСК – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Нижневартовск–Тюмень.
МАИАСП – Материалы по археологии и истории античного и
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград
МПА – Мир Поздней античности. Документы и материалы. Белгород
Надписи Ольвии – Книпович, Т.Н., Леви, Е.И. (ред.), *Надписи Ольвии*. Ленинград, 1968
НВОНОК – Нижне-Волжское областное научное общество краеведения
НЭ – *Нумизматика и эпиграфика*. Москва
ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии. Саратов
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск–Москва–Новосибирск
РА – Российская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва
СА – Советская археология. Москва
Труды СУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов
АА – *Archäologischer Anzeiger*
ABC – Grayson, A.K. 1975: *Assyrian and Babylonian Chronicles*. New York
BayVgBl – *Bayerische Vorgeschichtsblätter*
BBVO – *Berliner Beiträge zum Vorderen Orient*. Berlin
BerRGK – *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*
CAD – *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Chicago, 1956–2010
CQ – *Classical Quarterly*. Oxford–London–New York
GRBS – *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. Durham
IC – *Inscriptiones Graecae*. Berolini
IDelos – *Inscriptions de Délos*. Vol. 4, nos. 1497-2219. P. Roussel, M. Launey (eds.). Paris, 1937.
IG I³ – *Inscriptiones Graecae*. Editio tertia. Vol. I: *Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores* / Ed. D.M. Lewis. Berlin. 1981.
JHS – *The Journal of Hellenic Studies*. Cambridge
JRAI – *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. London
LGPN IV – Fraser, P.M., Matthews, E.A. *Lexicon of Greek Personal Names*. Vol. IV. Oxford, 2005
OGIS – *Orientalis Graeci Inscriptiones Selectae*
SAA – *State Archives of Assyria*. Helsinki
SA – *Scripta Antiqua*. Москва

-
- SC – Houghton A., Lorber C. *Seleucid Coins: a Comprehensive Catalogue*. Vol. I–II. Lancaster–London, 2002–2008.
- SC – Латышев, В.В. *Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*. Т. I. *Греческие писатели*. СПб. 1893–1900; Т. II. *Латинские писатели*. СПб, 1904
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden–Boston
- Seleucia – Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi. A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.
- StBoT – Studien zu den Boğazköy–Texten. Wiesbaden

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн) – Бронзовые римские ойнохои в Северном Причерноморье ..	5
<i>Винокуров Н.И., Яйленко В.П.</i> (Москва) – Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье	31
<i>Герасимов В.К., Дикарев В.А., Масленников А.А.</i> (Москва) – Загадки Чокрака	53
<i>Терещенко А.Е.</i> (Санкт-Петербург) – История изменения реверсного сюжета одного типа пантикапейских гемиоболов середины V в. до н.э.	87
<i>Черкасова А.С.</i> (Москва) – Культ царя в предэллинистическую и эллинистическую эпохи по монетам Александра Македонского	93
<i>Холод М.М.</i> (Санкт-Петербург) – Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (Часть I).....	108
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула) – Желаемое и действительное: македонская армия и полководческие качества Филиппа II в корпусе речей Демосфена	127
<i>Смирнов С.В.</i> (Москва) – Царские весовые гири Селевкидов: обзор проблемы	142
<i>Воробьев И.Ю.</i> (Ярославль) – Τύχη Селевка II в клятве магнесийских катойков (OGIS 229. II).....	152
<i>Кудрявцева Т.В.</i> (Санкт-Петербург) – Попечение о сиротах в афинском полисе и декрет Феозотида	164
<i>Денисова И.В., Саница М.М.</i> (Белгород) – Ранневизантийский неоплатоник Агапий и его школа в Константинополе	175

*Круглый стол
«Новые подходы к изучению источников
цивилизаций Древнего Востока»*

<i>Иванов В.А.</i> (Москва) – К вопросу о цели создания «Хроники ранних царей»	187
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Зайцев Д.В.</i> (Москва) – Социальная база и политика раннегреческих тиранов в отечественной историографии	202
<i>Каранаев М.Н.</i> (Москва) – «Богословское» направление в дореволюционной отечественной историографии государства Хасмонеев.....	213
<i>Шигапов М.Б.</i> (Казань) – История изучения золотоордынских селищ центральной части саратовского Поволжья	227

CONTENTS

<i>M. Yu. Treister</i> (Bonn) – Roman Bronze Oinochoes in the North Pontic Area	5
<i>N.I. Vinokurov, V.P. Yailenko</i> (Moscow) – The Second Epitaph from the Artesian Settlement (the Crimean Azov Region).....	31
<i>V.K. Gerasimov, V.A. Dikarev, A.A. Maslennikov</i> (Moscow) – Secrets of Chokrak Lake.....	53
<i>A. Ye. Tereshchenko</i> (Saint Petersburg) – A New Variation of Reverse of one Type of Panticapaeae Hemiobols of the Mid-5 th Century BC.....	87
<i>A.S. Cherkasova</i> (Moscow) – Royal Cult in the Pre-Hellenism and Hellenism (Coins of Alexander the Great and the Diadochi).....	93
<i>M.M. Kholod</i> (Saint Petersburg) – Alexander the Great’s Empire: Satrapies and Dependet Territories (Part 1)	108
<i>A.A. Kleymenov</i> (Tula) – Desired and Valid: Macedonian Army and the Generalship Qualities of Philip II in the Speeches of Demosthenes	127
<i>S.V. Smirnov</i> (Moscow) – Seleucid Royal Weights: an Overview of the Problem	142
<i>I. Yu. Vorobyov</i> (Yaroslavl) – Tyche of Seleucus II in the Oath of the Magnesians Katoikoi (OGIS 229. II)	152
<i>T.V. Kudryavtseva</i> (Saint Petersburg) – Public Support for Orhans in Athenian Polis and Theozotides’ Decree	164
<i>I.V. Denisova, M.M. Sinitsa</i> (Belgorod) – Agapius, the Erly Byzantine Neoplatonic, and his School in Antinople.....	175

Round Table
“New Approaches to Studying the Sources
on Civilizations of the Ancient East”

<i>V.A. Ivanov</i> (Moscow) – On the Purpose of Creating the “Chronicles of the Early Kings”..	187
--	-----

HISTORY OF SHOLARSHIP

<i>D.V. Zaytsev</i> (Moscow) – The Social Basic and Politics of Early Greek Tyrants in Russian Historiography.....	202
<i>M.N. Karanaev</i> (Moscow) – “Theological” Line in the Pre-Revolutionary Russian Historiography of the Hasmonean State.....	213
<i>M.B. Shigapov</i> (Kazan) – History of the Golden Horde Settlements in the Central Part of the Saratov Volga Region	227

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 53б, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльгимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	р	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	г	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2022

Сдано в набор 05.06.2022. Подписано в печать 30.06.2022.

Дата выхода ???.0?.2022.

Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.